

№ 20 (139) 2012
Выпуск 22

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
и.о. ректора НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
и.о. проректора по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

К 45-летию кафедры философии

Возраст акме: 45 лет динамичного развития. *С.А. Кутманов* 5

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Се человек: одиссея двух дефиниций. *А.Д. Майданский* 11

Теологические основания античной философии. *П.Г. Тарасов* 16

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Самополагание науки и превращенные формы знания. *В.П. Римский,*
Г.Н. Калинина 28

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Философско-методологический анализ корреляции литературоведческого и культурологического дискурсов. *Д. К. Манохин* 40

Власть и общество: политико-культурный аспект взаимодействия.
В.А. Носков 49

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Приглашаем к обсуждению

Формирование солидарного общества как стратегия регионального развития: проблемы и риски реализации. *В.П. Бабинцев* 57

Проектное управление инновационным развитием вуза.

Я.И. Серкина 65

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

К проблеме консенсуса церкви и государства: исторический и текстурально-герменевтический аспекты. *А.Г. Тарасов, А.А. Тарасова* 70

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

К вопросу о криминалистической характеристике преступлений против конституционных прав человека. *Н.И. Амрахов* 78

К вопросу об уголовной ответственности за злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах.
И.В. Миролюк 83

Возбуждение уголовных дел в отношении депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления: уголовно-процессуальные и криминалистические особенности. *С.М. Коцюмбас* 94

Система гарантий охраны достоинства личности в условиях реформирования отечественного права. *Е.Е. Тонков, Л.А. Пожарова* 105

Элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС. *О.А. Цуканова* 116

Понятие и методологическое значение принципов российского уголовного судопроизводства. *О.Ю. Цурлуй* 121

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Ритуально-культурные практики насилия в традиционных культурах.
А.В. Артюх 128

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
О.А. Волкова, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
С.А. Никольский, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)
Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)
С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Е.А. Кожмякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)
Г.В. Мальцев, доктор юридических наук, профессор (РАНХ и ГС при Президенте РФ)
А.Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
П.И. Орлов, кандидат юридических наук, профессор (Харьковский экономико-правовой университет)
М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)
В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
С.В. Тычинин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
С.Ф. Шумилин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 10.12.2012.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 26,97
Тираж 1000 экз.
Заказ 371

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

«Революция» после революции: символическое насилие в русском кинематографе 30-х гг. XX века. **О.С. Борисова, С.Н. Борисов 136**

Линейно-табличные диаграммы существования в анализе языка науки.
Н.Н. Жалдак 144

Социально-психологическая помощь супружеской паре, имеющей ребенка с задержкой внутриутробного развития. **М.А. Набережная 156**

Религиозный диалог внутри христианской ойкумены.
Я.М. Осыка 162

Феномен власти в контексте философско-культурологической рефлексии.
О.В. Павлова 168

Пантентизм как парадигма русской религиозной философии.
С.А. Ан, В.В. Пасечник 176

Виды муниципально-правовых санкций по законодательству Украины.
Г.И. Саливон 182

Фанатизм как ценностная деформация сознания.
О.К. Токтомаатов 192

ГЛАВЫ ИЗ МОНОГРАФИИ

Голоса Троицы, звучащие в классике (Гл.1-2). **П.И. Симуш 198**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Рецензия на монографию Шевчука В.М. «Тактичні операції у криміналістиці: теоретичні засади формування та практика реалізації»

Е.Е. Тонков, И.М. Комаров 223

Сведения об авторах 226

Информация для авторов 228

**№ 20 (139) 2012
Issue 22**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University, Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Acting Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Acting Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Members of editorial board

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

To the 45th Anniversary of the philosophy department

Age of acme: 45 years of dynamic development. *S.A. Kutomanov* 5

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Ecce homo: Odyssey of two definitions. *A.D. Maydanskyy* 11

Theological base of the ancient philosophy. *P.G. Tarasov* 16

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Self-estimation of science and converted forms of knowledge. *V.P. Rimskiy, G. N. Kalinina* 22

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Philosophical and methodological analysis of the correlation between the literature studies and the cultural studies. *D.K. Manokhin* 40

Power and society: interaction in the light of political and cultural aspects. *V.A. Noskov* 49

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Discussion

The formation of the solidarity society as a strategy of regional development: problems and risks. *V.P. Babintsev* 57

Project management for innovational development of higher education institution. *Y.I. Serkina* 65

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

The problem of consensus between church and state: historical and textual-hermeneutical aspects. *A.G. Tarasov, A.A. Tarasova* 70

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

On the issue of criminalistic description of the crimes against constitutional human rights. *N.I. Amrahov* 78

To the question of criminal responsibility for wilful refusal to disclose or provide information defined by the legislation of the Russian federation on securities. *I.V. Mironyuk* 83

The organization of investigation crimes committing by deputies of a legislature in the government of the subject of the Russian federation and local government. *S.M. Kotsumbas* 94

The guarantees of human dignity protection in conditions of domestic law reformation. *E.E. Tonkov, L.A. Pozharova* 105

Criminalistic description elements of official malfeasance in registry office. *O.A. Tsukanova* 116

Conception of legal procedure's foundations and their practical significance. *O.Y. Tsurluy* 121

THESIS

Ritual and cult practices of violence in traditional cultures. *A.V. Artyukh* 128

“Revolution” after revolution: symbolic violence in the Russian cinema of 1930s. *O.S. Borisova, S.N. Borisov* 136

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor
(Belgorod
National Research University)

O.A. Volkova, Doctor of sociology,
Professor (Belgorod
National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod
National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor
of philosophy, associate Professor (Belgo-
rod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

G.V. Maltsev, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of National Economy)

A.D. Maydanskiy, Doctor of philoso-
phy, Professor (Belgorod
National Research University)

M.V. Marhgeim, Doctor of law,
Professor (Belgorod
National Research University)

P.I. Orlov, Candidate of Law, professor (Khar-
kiv University of Economics and Law)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, South Federal
University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology,
Associate professor, Dean of the
faculty of management and entrepreneur-
ship (Belgorod National Research Univer-
sity)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

The articles are given in authors` editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 10.12.2012
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 26,97
Circulation 1000 copies
Order 371

Subscription reference
in Rospechat` agency catalogue – 18078
Dummy layout is replicated at Belgorod Nation-
al Research University Publishing house "Belgo-
rod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

Existential linear-tabular diagrams in logical analysis of the language of science.

N.N. Zhaldak 144

Social-psychological assistance for the family with the child with intrauterine
growth retardation. **M.A. Naberezhneva 156**

Religious dialogue in the Christian oecumene. **Y.M. Osyka 162**

Phenomenon of power in terms of philosophical and culturological reflection.
O.V. Pavlova 168

Pantheism as a paradigm of Russian religious philosophy.

S. A. An, V.V. Pasechnik 176

Kinds of municipal sanctions in according to Ukrainian legislation.

G.I. Salivon 182

Fanaticism as a value distortion of consciousness. **O.K. Toktomatov 192**

MONOGRAPH CHAPTERS

Trinity voices sounding in the classics (Ch.1-2). **P.I. Simush 198**

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

Review on the book of V.M. Shevchuk «Tactical operations in criminalistics:
theoretical basis and practice of enactmenti». **E.E. Tonkov,**

I.M. Komarov 223

About authors 226

Information for authors 228

К 45-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ

ВОЗРАСТ АКМЕ: 45 ЛЕТ ДИНАМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

С.А. КУТОМАНОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: kutomanov@bsu.edu.ru

В статье представлены основные этапы истории развития кафедры философии НИУ «БелГУ», причем особое внимание уделено кадровым изменениям. Дана картина положительной динамики в научном потенциале кафедры и показано ее современное состояние.

Ключевые слова: кафедра философии, наука, история и философия образования.

История кафедры философии НИУ «БелГУ» начинается с 1967 г., а именно с приказа ректора Белгородского педагогического института доц. Д.М. Забродина № 206 от 26 августа 1967 г. «О разделении кафедр истории КПСС и политэкономии, философии и научного коммунизма». Согласно этому приказу вместо 2 кафедр: кафедры истории КПСС и политэкономии и кафедры философии и научного коммунизма, было создано 3 кафедры: кафедра истории КПСС; кафедра политэкономии и научного коммунизма и кафедра философии.

Первым заведующим кафедрой философии стал бывший заведующий кафедрой философии и научного коммунизма к.ф.н., доц. В.Т. Салостин. Всего же в 1967 году в состав кафедры, кроме заведующего, входило 7 преподавателей: к.ф.н., и.о. доц. Ю.С. Марков; к.ф.н., и.о. доц. В.И. Левочкин; ст. препод. А.В. Маргулис; ст. препод. Л.В. Сапожникова; ст. препод. А.И. Ярцев; асс. Ю.Д. Туренко; асс. Шаров (в конце года ушел в ГК КПСС). Сотрудники кафедры активно занимались научной работой, а также активно печатали пропагандистские статьи в местной прессе, популяризируя философские идеи, работали в областной философской секции «Знание», готовили студентов-лекторов, ездили с лекциями по школам района.

Кроме аудиторной нагрузки преподаватели кафедры выполняли огромную общественную работу, что объяснялось идеологической направленностью кафедры. В 1970-1971 по самым скромным подсчетам на каждого члена кафедры приходилось по 10 общественных нагрузок со стороны обкома КПСС, горкома КПСС, институтского и факультетских партбюро. Работа сотрудников часто поощрялась руководством, в частности в 1969 г. Ю.С. Марков и А.В. Маргулис были помещены на Доску Почета, а остальные члены кафедры награждены Почетными грамотами.

Многие члены кафедры выдвигались на руководящую работу. Так в 1970 г. А.В. Маргулис был назначен деканом факультета иностранных языков, В.С. Чеботарев долгое время занимал должность проректора по АХР, доцент кафедры П.Г. Коняев в 1974 г. стал ректором института, Н.И. Руднева 1986 г. – деканом исторического факультета.

В январе 1971 году В.Т. Салостин, перешел на работу в другой вуз, и заведующим кафедрой был назначен к.ф.н., доц. В.А. Ассеев.

В ноябре 1972 г. вновь произошла смена заведующего кафедрой, коим стал вновь прибывший к.ф.н. доц. Б.Н. Иванов. На кафедре было организовано философское общество, председателем которого стал доц. А.В. Маргулис, а секретарем Б.П. Скворцов. В этом году проблема кадров стояла очень остро, поэтому на должность ассистента был принят Б.П. Скворцов, предложивший новое для кафедры направление – эстетику, начав читать соответствующий курс, а кафедра насчитывала уже 10 штатных преподавателей.

В 1973-1974 г. на кафедру прибыл по распределению выпускник МГУ А.М. Страхов, который вскоре стал исполнять обязанности заместителя секретаря комитета ВЛКСМ института.

Проверка комиссии обкома КПСС в 1974 г. отметила, что идейно-теоретическая и методический уровень лекций и семинаров по философским дисциплинам отвечает требованиям высшей школы, и это несмотря на то, что только у А.В. Маргулиса и А.М. Страхова было базовое философское образование.

Продолжалась активная пропагандистская общественная работа. Так за 1974-75 учебный год вне института членами кафедры было прочитано 200 лекций. преподаватели кафедры постоянно повышали квалификацию при ведущих вузах страны.

В 1975 г. по состоянию здоровья должность заведующего кафедрой оставляет Б.Н. Иванов, и новым заведующим становится доц. А.И. Ярцев. В этом же учебном году докторскую диссертацию «Диалектика деятельности и потребностей общества» защищает А.В. Маргулис, который становится первым на кафедре доктором философских наук, а затем и профессором.

В конце 70-х гг. на кафедре разрабатывалось 2 основные коллективные темы: «Проблемы социальной деятельности и практики» (руководитель доц. Б.Н. Иванов); «Социально-экономические проблемы развития социалистических сельскохозяйственных предприятий» (руководитель доц. А.И. Ярцев). В 1980-м году на кафедре была выполнена первая хозяйственная работа «Социологическое обоснование и разработка проекта плана социологического развития завода «Энергомаш» в XI пятилетке» под руководством А.В. Маргулиса.

Большое внимание начинает уделяться спецкурсам, которые позволяли связать философскую проблематику с отдельными научными дисциплинами: «Философские проблемы физики», «Философские вопросы языка и литературы», «Взаимоотношение общества и природы в условиях НТР», «Научно-атеистическое воспитание в школе».

В 1981 году А.И. Ярцев переходит на должность заведующего кафедрой научного коммунизма, поэтому новым заведующим кафедрой философии становится А.В. Маргулис, на то время один из ведущих ученых ВУЗа, председатель общества «Знание» и отличник народного образования.

Ведется активная работа по НИРС. В 1981 г. студент истфака В. Овчинников под руководством доц. А.И. Ярцева с работой «Философские проблемы социального познания» на Всесоюзном туре студенческих работ получил оценку «хорошо» и диплом, а в 1984 г. студентка Н. Ушакова получила 1 премию на Всесоюзном конкурсе. Не прекращается тесное сотрудничество со школами. Подшефной школой кафедры являлась школа деревни Головино Борисовского района. По-прежнему преподаватели кафедры выступают с лекциями в районах.

В 1981-1982 на кафедру приходят работать асс. Р.Я. Позднякова и В.Я. Синявин. В этом же учебном году кафедра получила отдельный кабинет и оборудование. Должность старшего лаборанта исполняла С.Я. Вервейко.

Полным ходом идет общественная работа. Так в общежитии № 3 в качестве шефства проводились круглые столы, читались лекции, велись диспуты, сеансы одновременной игры в шахматы, субботники, дни бега.

В 1982-83 учебном году на должность ассистента поступила Т.И. Филатова (впоследствии Липич), а всего на кафедре работает 8 преподавателей. В 1984 г. на кафедру поступает работать ассистентом Б.В. Толмач, профессиональный социолог, благодаря которому кафедра успешно осуществило исследование социально-демографической структуры и перспектив ее развития Белгородского витаминного комбината.

В 1985 г. А.В. Маргулис переходит в Институт философии АН СССР, и заведующим кафедрой становится к.филос.н., доц. Б.Н. Скворцов, внештатный корреспондент Белго-

родской правды, главный редактор общеинститутской газеты Просвещение, редактор шахматного отдела Белгородской правды.

К 1986 г. произошли большие кадровые перемены, связанные с увольнением Р.Я. Поздняковой, А.В. Маргулиса и Б.В. Толмача. Поэтому на кафедре появилось сразу несколько новых преподавателей: асс. А.А. Кобченко, к. филос. н. В.В. Красникова, к. филос. н. М.Ю. Ширманова, а позже асс. И.П. Мазурова (впоследствии Корнеева). В 1987 г. на кафедру пришли к. филос. н., старший преподаватель В.П. Римский и ассистент Н.З. Бросова. Таким образом, в 1986-87 учебном году на кафедре работало 12 человек, из которых 1 проф., 3 доцента, 2 ст. преподавателя и 6 ассистентов, к которым в 1989 г. добавилось еще 2 преподавателя – О.Ф. Басаргина и Е.А. Сакаш.

Конец 80-х/нач. 90-х годов был сложным периодом в истории страны, что отразилось как на деятельности института в целом, так и кафедры философии в частности. В 1992 г. преподаватели кафедры Б.П. Скворцов, В.П. Римский, Н.И. Руднева, Т.И. Филатова приняли участие в создании негосударственного образовательного учреждения «Белгородский коммерческий педагогический колледж», учредителями которого выступили Белгородский государственный педагогический институт и фирма «Минерва», которую возглавлял В.П. Римский. Причем Б.П. Скворцов выступал в качестве президента колледжа, а Т.И. Филатова, В.И. Левочкин и Т.В. Носова работали там преподавателями.

В 90-е годы преподаватели кафедры вели следующие дисциплины: «Философия», «Этика», «Эстетика», «Культурология», «История и теория религии и атеизма», кроме этого читалось огромное количество спецкурсов: Преподаватели также принимали активное участие в приеме экзаменов кандидатского минимума по философии. Всего же на кафедре работало 14 человек: 1 профессор, 12 доцентов и кандидатов наук и 1 ассистент. В возрастном отношении кафедра представляла собой следующую картину: до 35 лет – 5 чел., 35-50 лет – 8 чел., 51-60 – 3 чел. В 1993 г. на кафедру пришла работать Т.В. Носова, что связано с необходимостью преподавания дисциплины «Логика».

Новые веяния в сфере идеологии не обошли стороной кафедру, которая, начиная с 1992 г., была переименована в кафедру философии и культурологии (название с добавлением слова «культурология» – предложение В.П. Римского).

С начала 80-х годов и до середины 90-х г. кафедра работала над коллективной темой: «Проблема социальной деятельности и истории общественной мысли». За время работы было опубликовано 3 монографии, 14 статей и 29 материалов докладов.

К середине 90-х годов увеличилась аудиторная нагрузка преподавателей, которая достигла в среднем 650-700 часов на человека. Также ввиду катастрофической нехватки качественных учебников по философии кафедра была вынуждена выпускать собственные.

1994-1995 учебный год ознаменовался рядом кадровых потерь: Е.А. Сакаш не была рекомендована на должность ассистента, уволился В.Я. Синявин. Однако кафедра усилилась к.ф.н., доц. Е.А. Антоновым. В 1995 году в университете была создана новая кафедра: кафедра культурологии и религиоведения, на которую в должности заведующего перешел В.П. Римский, а вместе с дисциплинами «История науки», «Религиоведение», «Культурология», «История мировой культуры», «Мировая художественная культура» и ряд преподавателей: Н.З. Бросова, А.А. Кобченко, М.Ю. Ширманова.

1996 г. в очередной раз произошла смена заведующего, которым стал д.ф.н., доц. В.Н. Шилов, но уже в конце учебного года он перешел на кафедру политологии. Поэтому кафедру возглавил новый заведующий – д.ф.н., проф. Ю.Ф. Сафонов. В 1999 г. в связи со смертью Ю.Ф. Сафонова, новым заведующим становится д.ф.н., доц. (с 2002 г. – профессор) Е.А. Антонов.

В 2000 году на кафедре работает 14 преподавателей (5 штатных, 2 совместителя и 7 почасовиков) и кафедра наконец-то получает собственное помещение и отдельный кабинет заведующего. Однако необходимость в преподавателях по-прежнему стоит остро, что связано с появлением на кафедре нового курса «Концепции современного естествознания». Поэтому преподавательский состав пополняется: к.ф.н., доц. А.И. Оксаком (2002 г), к.ф.н., асс. И.Н. Шкуратовым (2003 г), к.п.н., доц. В.Е. Пеньковым (2003г), д.ф.н., доц. Д.Г. Егоровым (2004 г). Кроме того, в 2002 г. усиливается группа преподавателей-логиков: д.ф.н, проф. Е.А. Кротковым и к.ф.н., доц, Н.Н. Жалдаком. В этом же году на кафедру приезжает работать д.ф.н., доц. С.И. Некрасов.

В 2002 г. происходит смена помещения кафедры, которая переезжает в новый 15-й корпус по улице Победы, 85, а затем, в 2004 г., входит в состав социально-теологического факультета БелГУ, поэтому перемещается на улицу Преображенскую, 78, где находится и сегодня.

Кафедра продолжает активно заниматься научной работой. В 2002 г. организуется Центр развития философской культуры, ориентированный, в первую очередь, на студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Преподаватели активно публикуются как в региональных, так и центральных изданиях, проводится НИРС, работают философские кружки, кафедральная лаборатория «Логичность», философский клуб. Студенты и аспиранты под руководством преподавателей кафедры участвуют в региональных, всероссийских, международных конференциях, неоднократно являются лауреатами регионального конкурса «Молодежь Белгородчины».

В 2005 г. заведующим кафедрой становится д.ф.н., профессор, член Союза писателей России В.П. Римский. Он создает научную школу по философской антропологии, философии культуры и религиозной философии, объединяющую ученых из разных городов и научных центров, возглавляет региональный независимый экспертный совет по религиозоведению, входит в число ведущих экспертов БелГУ, является членом редколлегии журнала «Научные ведомости БелГУ» (главный редактор серии «Философия. Социология. Право»).

С приходом на должность заведующего В.П. Римского произошли радикальные изменения в кадровом и научном потенциале кафедры. В 2008 г. на кафедре работали 4 доктора наук, 15 кандидатов наук, доцентов и 3 ассистента без степени. Средний возраст преподавателей кафедры составлял 40,8 года. На всех факультетах для студентов читались курсы по философии, для аспирантов – по истории философии, истории и философии науки, по логике и методологии научного исследования, а также по дисциплинам научной специальности. А в связи с расформированием в 2007 г. кафедры культурологии и теологии, на кафедру философии были передана общеобразовательная дисциплина «Культурология», и кафедра пополнилась новыми преподавателями: д.ф.н., профессором С.М. Климовой, А.А. Кобченко, к.ф.н., ст. преподавателем С.В. Резником, ассистентами И.В. Бардыковой и А.В. Михайлютой (впоследствии Кузнецовой).

С 2000 г. на основе кафедры философии и кафедры культурологии и теологии работает аспирантура по 4 философским специальностям, а в 2007 г. открыта докторантура по специальности 09.00.13 – философская антропология и философия культуры. Всего же за 11 лет работы аспирантуры по философским наукам через нее прошли более 100 аспирантов и соискателей. В 2001-2005 г. в университете работал кандидатский диссертационный совет по специальностям 24.00.01 и 09.00.13 (философские науки), преимущественно состоящий из преподавателей кафедры философии, а в 2005 г. открыт докторский совет Д.212.015.05. Руководит диссертационным советом председатель – профессор В.П. Римский.

Ученые кафедры философии также работают в докторских диссертационных советах по социологическим, юридическим и историческим наукам, как при Белгородском государственном университете, так и в других вуз города и России.

С 1999 г. под руководством профессора В.П. Римского работает межкафедральное научное направление «Человек в духовно-религиозных процессах и современной социокультурной динамике». В 2005 г. утверждено общенаучное направление кафедры философии «Человек в изменяющемся мире постмодерна: философская рефлексия и междисциплинарные парадигмы». Данные направления выходят не только на межкафедральные и межвузовские институциональные связи, но и носят комплексный междисциплинарный характер, что способствует объединению творческих усилий ученых-гуманитариев и обществоведов Белгородской области, других регионов России и СНГ.

С 2005 г. кафедра является выпускающей по специальности «философия». Курс обучения был рассчитан на 5 лет по очной форме, а в 2010 г. на кафедре философия был открыт и состоялся первый набор студентов-бакалавров на два новых направления: политология и культурология.

В период с 2007 по 2012 гг. на кафедре философии вновь произошли существенные кадровые изменения. Ушел из жизни д.филос.н., проф. А.М. Страхов, перешла на

пенсию к.филос.н., доц. В.В. Красникова, изменили свое место работы: д.филос.н., проф. ЕА. Антонов (перешел на работу в БЮИ), к.филос.н., доц. С.Н. Борисов (возглавил кафедру в БГИИК), к.филос.н. Т.В. Жданова (перешла в Министерство образования и науки), к.филос.н. И.Н. Шкуратов (занялся предпринимательством). В 2012 г. в университете была образована новая кафедра: кафедра культурологии политологии, заведующим которой стал д.филос.н., проф. кафедры философии П.А. Ольхов. На вновь образованную кафедру, кроме политологических дисциплин были переданы курсы Концепции современного естествознания и культурология, что обусловило необходимость перехода на нее специалистов в области этих дисциплин. Таким образом, с кафедры философии ушли такие преподаватели, как: д.филос.н., проф. П.А. Ольхов, д.филос.н., проф. Н.З. Бросова, к.п.н., доц. В.Е. Пеньков, к.филос.н., доц. А.И. Оксак, к.филос.н., И.В. Бардыкова, к.филос.н. Н.Н. Мальцева, ст.препод. А.А. Кобченко, асс. Д.Н. Иллензеер.

Кадровые изменения привели к резкому омоложению кафедры философии, тем более, что в 2010 г. состоялся первый выпуск студентов-философов, многие из которых поступили в аспирантуру. Именно они стали новыми членами кафедры. Это ассистенты Н. Мурадова, И. Станковский, Р. Ивашина, И. Жиленков, Е. Чистякова. Кроме того кафедра усилилась рядом опытных преподавателей: д.филос.н., проф. А.Д. Майданским, который перешел из Таганрогского института экономики и управления и д.филос.н., проф. В.А. Носковым, преподавателем кафедры Отечественной истории БелГУ.

Таким образом, на сегодняшний день на кафедре философии работает 26 преподавателей. Из них докторов наук, профессоров – 5 человек, кандидатов наук – 16 человек, ассистентов без научной степени – 5 человек. Средний возраст преподавателей кафедры – 32 года.

Кафедра философии, кроме того, что является выпускающей, также выполняет функции межфакультетской кафедры, читая на всех факультетах университета дисциплину «Философия» как у бакалавров, так и у магистров, а кроме того преподаватели кафедры ведут занятия и принимают экзамены кандидатского минимума у аспирантов всех специальностей.

На кафедре философии по-прежнему работает аспирантура, в которой на сегодняшний день обучается более 30-ти аспирантов и соискателей. Также активно работает диссертационный совет, в котором за 10 лет защищено 96 кандидатских и докторских диссертаций аспирантов и докторантов из Белгорода, Курска, Орла, Воронежа, Грозного и других городов России. В перспективе планируется открытие и магистратуры по философским наукам.

Что касается научной деятельности кафедры философии, то за последнее время мы можем наблюдать тенденцию к увеличению выпуска научной продукции. Причем увеличивается не только количество и объем выпускаемых работ, но и их качество. Так, например, в этом году было выпущено 35 статей в журналах из перечня ВАК, что больше чем в каком-либо другом году (за последние 6 лет членами кафедры опубликованы 148 статей такого рода). Всего же преподавателями кафедры без учета публикаций аспирантов за последний 2012 год опубликовано 99 научных статей общим объемом 54,3 п.л. Кроме того в 2012 году преподавателями кафедры выпущено 12 научных работ за рубежом. Что касается выпуска монографий и учебных пособий то за последние 6 лет их опубликовано 86 монографий и учебных пособий (из них в центральных изданиях 29, за рубежом 3).

Только за 2012 год преподаватели кафедры приняли участие в реализации 5 грантов, которых носили фундаментальный характер (финансировались НИУ «БелГУ») и 1 грант в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2013 гг. (государственный контракт №14.А18.21.0268, объем финансирования 1 600 руб.). Тематика исследований традиционно затрагивает актуальные проблемы современности и центрирована научными интересами преподавателей кафедры, их инициативными исследованиями.

Стало традиционным проведение Всероссийской конференции «Философия и наука поверх барьеров», которая уже 7 раз собирала студентов, аспирантов, докторантов и молодых ученых с разных городов России и ближнего зарубежья.

Таким образом, можно отметить, что кафедра философии динамично развивалась на протяжении всей своей истории. Она всегда была одним из лидеров вуза и региона в области образования и науки. Традиционно кафедра готовила и поставляла высококвалифицированные научно-педагогические и управленческие кадры в высшие, средне специальные и средние учебные заведения не только г. Белгорода и Белгородской области, но и России, успешно занималась научной и педагогической деятельностью. Современная кафедра философии представляет сплав опыта и молодости, она укомплектована квалифицированными преподавателями, учеными, способными решать любые научные и учебные задачи, что позволяет с надеждой и оптимизмом смотреть в будущее.

AGE OF ACME: 45 YEARS OF DYNAMIC DEVELOPMENT

S.A. KUTOMANOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail:kutomanov@bsu.edu.ru

The article presents the key stages of the life of the philosophy department of the Belgorod State National Research University in the terms of professionals development. The author reflects the positive changes in the scientific potential of the department and its actual position.

Key words: philosophy department, science, history and philosophy of education.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

СЕ ЧЕЛОВЕК: ОДИССЕЯ ДВУХ ДЕФИНИЦИЙ

А.Д. МАЙДАНСКИЙ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается аристотелевская концепция человека в контексте ключевых философских систем западной философии.

Ключевые слова: человек, политика, этика, государство.

«Человек по природе есть животное политическое» (*anthrôpos phusei politikon zôon*). Эту знаменитую дефиницию Аристотеля обычно толкуют в том смысле, что «животное» – *ближайший род* человека, а «политическое» – его *видовое отличие*. В строгом соответствии с аристотелевской логикой.

Отсюда комментаторы, далее, делают вывод, что «человек по самой своей природе есть гражданин городской республики» (К. Маркс)¹, что «для грека человек неотделим от гражданина» (Ж.-П. Вернан)², что здесь происходит «отождествление *humanitas*, человеческого бытия, с государством» (В. Йегер)³.

Иногда *politikon* трактуется шире – как «общественное». Фома Аквинский таким образом спасал аполитичных современников от исключения из рода *homo*. В том числе и себя – ведь Фома был монах. Если твоя человеческая *природа* велит заниматься политикой, а ты решил держаться от политиков подальше и удалился в «град божий», значит ты – *ошибка природы*. Ненастоящий человек, неполноценный.

Формальная логика решает такие проблемы при помощи «уточнения предикатов». Расширим *politikon* до «общественного», – тогда все люди без труда впишутся в аристотелевскую дефиницию. Так и поступил Аквинат.

На самом деле, сама проблема была мнимой. Она покоилась на типичном заблуждении из разряда «идолов площади». Слово *politikon* в устах Аристотеля не означало ничего специфически человеческого. «Политическими» он называл отношения, складывающиеся между любыми живыми существами в ходе «выполнения какого-нибудь одного общего дела». На этом основании к классу «политических животных» Стагирит отно-

¹ Маркс К. Капитал / Сочинения, т. 23. М.: Госполитиздат, 1960, – С. 338.

² Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988, – С. 157.

³ Jaeger W. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen. Berlin: Gruyter, 1989, p. 157.

сил людей, пчел и ос, муравьев и журавлей [История животных, 488а, – прямо на первых страницах].

Очевидно, в лексиконе Аристотеля *politikon* не сводится к «политике» в обычном смысле слова. *Politikon zōon* в данном случае значит животное *коллективное, действующее сообщество*. О видовом отличии человека здесь речь еще не идет.

Да и в трактате «Политика» Аристотель вполне ясно дает понять, что люди – далеко не единственные «политические животные». Так, в книге первой говорится: «Человек есть существо общественное⁴ [в оригинале: *politikon*] в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные...» [Polit. 1253а 7].

Стало быть, к классу «политических» принадлежат и другие животные, хотя у них этот признак развит не в такой высокой степени, как у людей. (Наивысшей степенью развития «политической природы» является, конечно, *полисное государство*.)

Вопреки старому клише, освященному авторитетом Гегеля и Маркса, политическая деятельность отнюдь не является для Аристотеля ни атрибутом человеческой сущности, ни критерием «человечности». Занятия политикой есть отличительный признак не человека *вообще*, но исключительно *свободного* человека. К определению *свободы* политика имеет самое прямое касательство.

Будь правильна формула Вернана: «для грека человек неотделим от гражданина», – рабы и метеки не могли бы считаться людьми. Ведь они не имеют гражданских прав. В эту формулу нужно подставить слово «свободный», – тогда она станет верной: «для грека *свободный* человек неотделим от гражданина».

А вот свобода от человека вполне отделима. Причем отделима не только в силу внешних обстоятельств жизни, но и *по самой природе*. Как известно, Аристотель утверждал, что некоторые люди – по природе рабы. Конечно, свободный человек может попасть в рабство (так однажды случилось и с Платоном), но это рабство случайное, в силу несчастного стечения обстоятельств – *не по природе*. Так же и раб может быть отпущен на волю, не переставая при этом быть *по природе своей* рабом.

В эпоху, когда свобода стала считаться «естественным правом» каждого индивида, на Аристотеля обрушились громы и молнии: дескать, нельзя так унижать Природу. Мать-Природа все свои творения создает свободными, а человек – *самое свободное* из них.

«Человек рожден свободным», – настаивал Жан-Жак Руссо. Если же «он повсюду в оковах», то в этом виноваты люди, а не Природа. Виновата – «цивилизация», то самое государство, в котором Аристотель видел «завершение» человеческой природы, залог нашей свободы и высший предмет человеческой деятельности.

На мой взгляд, в этом споре Руссо ничуть не ближе к истине, чем Аристотель. Даже дальше. Свобода никому не дается даром – от природы в подарок. Человек *добывает себе свободу* трудом, в поте лица, на протяжении всей истории человечества. Человек не рождается ни свободным, ни рабом – ни вообще *человеком*. Людьми не рождаются, ими становятся. Новорожденный ребенок – это просто живой организм, которому *только предстоит* сделаться человеком, причем это возможно лишь при помощи других людей, общества, «полиса».

Поскольку отдельный человек – *часть* полиса, Аристотель заключает, что индивид *вторичен* в отношении к государству. «Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части» [Polit. 1253а 19]. Тот же, кто по природе живет вне государства, как «изолированная пешка на игральной доске», – тот является нравственно недоразвитым существом или каким-то «сверхчеловеком», читаем мы в «Политике».

Говоря о свободных и рабах «по природе», Аристотель констатирует факт: в государстве одни люди *рождаются* свободными, а другие – рабами. К примеру, если ты родился в неволе, значит ты раб «по природе», т.е. от рождения. Другое дело вопрос, *хорошо ли*, что существует рабство? Аристотель отвечает: да, хорошо, – и тут он снова констатирует факт. Это необходимо *для государства*, для общественного целого, живыми частями которого являются все люди – и свободные, и рабы. Греческое общество покои-

⁴ В русских изданиях *politikon* чаще всего переводится словом «общественное». Это вполне приемлемо, если не забывать, что Аристотель зачисляет в данный класс и животные сообщества.

лось на рабском труде. Без него не случилось бы ни «греческого чуда», ни философа Аристотеля. В этом смысле рабство, несомненно, оказалось благом для мировой культуры. Точнее, *средством* достижения высших культурных благ.

Права Аристотеля кончается там, где исторически ограниченный образ общественной жизни расценивается как *вечный, всеобщий* принцип. Со временем рабовладение из «блага» превратится в «зло», помеху дальнейшему развитию общества. Конечно, Аристотель не предвидел «эпоху модернити» и торжество формальной «свободы от». Он был ученый, а не прорицатель и не сочинитель утопий...

Другое несправедливое клише гласит, что Аристотелева дефиниция человека, как «политического животного», исключает *рабов* из числа людей. К примеру, в лосевской «Истории античной эстетики» говорится: «По Аристотелю, раб есть не человек и не личность, но вещь и, попросту говоря, физическое тело»⁵.

Вообще говоря, наш лучший знаток античности мог бы чуть больше считаться с первоисточником. Аристотель пишет ровно обратное: рабом называется тот, «кто по природе принадлежит не самому себе, а другому и при этом *все-таки человек*» [Polit. 1254a 15].

Рабы – тоже люди, «животные политические», хотя высокой политикой они заниматься не могут. Аристотель причисляет рабов к «первоначальным и мельчайшим частям семьи» [Polit. 1253b 7]. Несмотря на то, что они выполняют функцию «орудий» наряду с домашними животными, тем не менее раб остается в глазах философа *человеком*, и господин должен относиться к рабу по-человечески – как «одушевленной, хотя и отделенной, *части своего тела*. Поэтому полезно господину и рабу *взаимное дружеское отношение*» [Polit. 1255b 12]. Эти свои слова Аристотель подкрепил делом, женившись на бывшей рабыне.

Настоящее видовое отличие человека Аристотель находит не в политике, а в языке, «речи». Животные общаются при помощи *голоса*, а люди при помощи *речи*. Этой дистинкцией «голос – речь» (rhôné – logos) Аристотель и выразил существенное отличие человека от прочих животных. Голос передает лишь эмоции, аффекты, тогда как речь способна выражать понятия добра и зла, блага, справедливости и пр.

«Один только человек из всех живых существ одарен речью. Голос выражает печаль и радость, поэтому он свойствен и остальным живым существам... Но речь способна выражать и то, что полезно и что вредно, равно как и то, что справедливо и что несправедливо. Это свойство людей отличает их от остальных живых существ» [Polit. 1253a 10].

Так складывается у Аристотеля понятие человека как «словесного животного». Ζῷον λογικόν можно перевести и как «разумное животное», поскольку logos – это слово *разумное*. Но это именно *слово, речь*, а не какой-нибудь чистый разум – nous, как видно из сравнения логоса с голосом. Слово и мысль у Аристотеля – две неразделимые стороны, ипостаси логоса. Речь есть мышление вслух, а мышление – это внутренняя речь.

Подробно о различии членораздельной речи, голоса и звука повествуется в «Истории животных», в главе 9 книги IV. И здесь Аристотель опять подчеркивает, что «речи из них [животных] никто не имеет, она свойственна только человеку».

При этом речь не абстрактно-общее свойство, присущее всем и каждому человеку, как прямохождение или мягкая мочка уха. Например, глухонемые и малые дети не владеют речью, оговаривается Аристотель. Но как и все люди, они члены общества, а общество, «государство», *возникает из речевого общения*. В этом смысле логос – *первоисток человечности*.

Аристотель подчеркивает прежде всего то, что речь, в отличие от голоса, пригодна для выражения *нравственных ценностей*: речь – условие возможности понятий о благе и справедливости. Нравственность, в свою очередь, «создает основу семьи и государства» [Polit. 1253a 18], т.е. хозяйственный и политический строй общества.

⁵ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. – М.: АСТ, Фолио, 2000, Кн. 1. – С. 433.

Логос → *Нравственность* → *Полис*. Так Аристотелю представляется генезис человека, переход от животного бытия к человеческому. И по времени, и по существу дела *речь – первичный феномен человеческого бытия*. Как говорится, в начале было Слово...

В основе рассуждений Аристотеля о человеке, как одаренном речью животном, лежит *глубокая рационализация* человеческой речи. Она трактуется как родная стихия разума. В позднейшей западной философии этому взгляду предстояло господствовать почти тысячу лет: от Абельяра с его формулой: «речь рождается из разума и порождает разум», – до Гегеля, утверждавшего, что человеческий разум пробуждается к жизни в слове – как «именующая сила», *Namengebende Kraft*. Определения человека как «словесного» и «разумного» животного тем самым вплотную сближаются, а то и сливаются воедино.

Впрочем, у этой магистральной линии понимания человеческой природы имелись и противники, самыми серьезными из которых, на мой взгляд, были Спиноза и Маркс.

Язык создается не разумом, а силой воображения, и является низшей, неадекватной формой выражения мыслей, считал Спиноза. Определение «словесного животного» подходит лишь *человеку толпы*, живущему в рабстве у внешних чувств и страстей.

Дефиницию «разумного животного» Спиноза также отверг. Говорит ли она хоть что-нибудь о *конкретных причинах и законах* человеческой жизни? Ровно ничего. Она почерпнута в «беспорядочном опыте» и не годится для науки о человеке, включает Спиноза. По сути нет большой разницы между нею и платоновским «человек – животное двуногое без перьев»; обе дефиниции равно далеки от истинного понимания человеческой природы.

Зато Спиноза очень высоко ценил определение человека как «общественного животного». Оно схватывает *конкретную сущность* человека, как творца социальности. Соль и смысл спинозовской этики в том, «чтобы души и тела всех составляли как бы одну душу и одно тело, чтобы все вместе, насколько возможно, стремились сохранять свое существование и все вместе искали бы общепольного для всех» [Eth. IV, pr. 18, sch.].

«Всего полезнее для людей – соединиться друг с другом в своем *образе жизни* и вступить в такие связи, которые удобнее всего могли бы сделать из всех одного» [Eth. IV, cap. XII].

Примерно так же, как единое органическое целое, представлял себе идеальное общество и Аристотель. В «Политике» такое, «относительное» единство общества противостоит «абсолютному», которое отстаивал Сократ, персонаж платоновской «Политии». Эти два вида единства соотносятся как *ритм и такт*, или *симфония и унисон*, поясняет Аристотель.

Сама собой напрашивается параллель с другим «музыкальным» определением сущности человека – как *ансамбля* общественных отношений (Маркс). Подобно Аристотелю Маркс возражал против понимания сущности человека как «абстракта, присущего отдельному индивиду». Человеческая природа, в отличие от животной, не наследуется вместе с органическим телом, а формируется *в процессе общения* с другими людьми. Этому нас научил Аристотель.

Правда, у Маркса речевое общение, обмен идеями, – не фундамент истории, а скорее ее пентхаус. Первоосновой общественного бытия Маркс, как известно, считает *труд*. Больше других ему нравилось определение Франклина: человек – это животное, делающее орудия труда.

В XX столетии аристотелевская дефиниция человека как «словесного животного», можно сказать, пережила второе рождение. Неопозитивисты погрузились в логический анализ языка и «языковые игры», экзистенциалисты и герменевтики изо всех сил «вслушивались» в язык, у структуралистов и постмодернистов практически вся человеческая культура сводится к речи, «тексту», «письму».

Правда, в последние двести лет философы, начиная с позднего Шеллинга и Шопенгауэра, растеряли былую веру в могущество разума. Эта вторая, *разумная* ипостась Аристотелева логоса у философов неклассической формации ценится намного ниже первой – *словесно-речевой*.

Ницшевский Заратустра, беседуя со зверями о назначении языка, восторгается «прекрасным безумием» речи. В дальнейшем «словесное животное» становится все менее и менее «разумным», вплоть до превращения в какого-нибудь «шизосубъекта».

Определение «разумного животного» делается любимой мишенью критики. «Разум», – пишет Кассирер, – очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и разнообразии. Но все эти формы суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как [животное символическое] *animal symbolicum*. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие»⁶.

Первичной символической формой человеческого бытия Кассирер считает язык, слово, речь. Первый том его книги о символах так просто и озаглавлен: «Язык».

С другой стороны атакует «разумное животное» Хайдеггер. Этим определением человек ставится на одну доску с животным, предстает как особая разновидность животного. Хайдеггер предлагает определять человека не через низшее, животное, а через отношение к *высшему* – «истине бытия», обитающей... опять-таки, в языке. В «Письме о гуманизме» язык воспевается как «дом бытия»⁷ и «жилище человеческого существа».

Для Аристотеля настоящий человек – это разговаривающий мыслитель; по Марксу, человек трудится; у Хайдеггера – строит домá из слов и символов. Реальный человек может быть и тем, и другим, и третьим. Пусть наш выбор образа жизни не такой уж свободный, однако он есть. Возможно, в этом и состоит главное наше отличие от животных.

Список литературы

1. Маркс К. Капитал / Сочинения, т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
2. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
3. Jaeger W. Paideia. Die Formung des griechischen Menschen. Berlin: Gruyter, 1989.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: АСТ, Фолио, 2000, кн. 1.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.

ECCE HOMO: ODYSSEY OF TWO DEFINITIONS

A.D. MAYDANSKY

Belgorod State National Research University

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

The paper discusses the Aristotle's concept of the human being in terms of the central philosophical systems of the modern Western philosophy.

Key words: human being, politics, ethics, state.

⁶ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. – С. 472.

⁷ Выражение «das Haus des Seins» заимствовано Хайдеггером у Ницше («Так говорил Заратустра»).

УДК 130.2

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

П.Г. ТАРАСОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: TarasovPavel@bsu.edu.ru*

В статье исследуется генезис мифологических, религиозных, идеалистических понятий и концептов древнегреческой метафизики. Раскрывается специфика античной религиозной философии и культуры. Рассматривается проблема соотношения Единого и многого в философии досократовского периода. Реконструируются теологические взгляды Орфики, Досократиков, Сократа, Платона, Аристотеля и Плотина. Философская рефлексия интерпретируется как метод богопознания и теосиса.

Ключевые слова: Теология, Гераклит, Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Плотин.

Мировоззренческая парадигма современной эпохи диктует упрощенные и потребительски ориентированные форма экзистенции, когда крайний индивидуализм, становясь эгоцентризмом, заглушает подлинно духовную жизнь. Человек культуры не находит себя в этой эпохе. Это побуждает его обратить свой взор на одухотворенное творчество своих великих предшественников, что бы обрести теоретическую возможность индивидуально-созерцательного проявления своих нравственных и духовных сил. Обращение к истокам, дает возможность нам избежать банального существования, а экспликация теологических оснований в творчестве представителей античной эпохи обращает нас к традиционно-подлинным ориентирам христианской культуры.

История знает много примеров метафизического центрирования философского дискурса, начиная с античности и вплоть до наших дней. Метафизика ориентируется на мир в целом, затрагивает онтологический горизонт, рассматривая его в структуре бытия. Сущность метафизики – это «божественное» в мире, которого уже нет в современной технизированной жизни. И то, что нынешняя философия лишена определенности, беспутствует и распадается на части, говорит о ее метафизической беспочвенности, о глубинном и базисном запустении. Напротив, наличие в философии предельных начал, радикальных истоков – признак ее богатства. Говорить о духовных истоках европейской культуры в целом невозможно без должного осмысления опыта религиозно-философского теоретизирования выдающихся мыслителей древности. Теологически ориентированная ранняя греческая философия не имела одного направления или школы, а приобретала разные формы, определяемые принадлежностью мыслителей к той или иной школе.

В сознании древних греков религия играла ведущую роль, она была частью их жизни, но в какой-то момент стала предметом философской рефлексии. Основой древней греческой философии явились: мифология, предфилософия, протонаука, учение орфики, лирическая поэзия. В греческой философии тема Бога, распадается на подтемы Его познания, атрибутов и поиска пути к Нему. Эта естественная теология находит подтверждение в наличии онтологической иерархии различных видов бытия: неживой природы, растительного царства, живых существ, разумных индивидуумов, демонов (духов), мира богов и высшего Бога, создателя и пантократора всего сущего. С этим связано понимание смысла и предназначения личности.

Древнегреческие «теогонии» изображают становление мира, во многом аналогичное тому, что описано в космогонических мифах Востока. Греческая религиозность адогматична, она основана на поэтическом творчестве, которое подвижно, изменчиво и постоянно рождает новые божественные образы. Орфическое религиозное учение во многом противостояло политеизму олимпийской религии и некоторым мистериям. Орфизм можно считать одним из самых глубоких предфилософских учений Древней Греции. Его онтология, космология и антропология инволютируются мифом. Но орфической

религии присуща глубина и мудрость. При этом на первый план выступает не обрядовая, а гносеологическая функция религии, как это было, впрочем, и в Египте¹. Например, Плутарх замечал, что мифы ни в коем случае не следует понимать буквально, так как главное значение мифа заключается в его таинственном внутреннем смысле, раскрывающем глубинные движущие силы мироздания. Русский философ начала 20 – го века С.Н. Трубецкой полагал, что не стоит отвергать мифы, как бы ни были они нелепы, а объяснить их как символы философских истин.

В орфизме просматривается определенное влияние уже высокоразвитой к тому времени индийской культуры на молодую греческую. Не случайно орфики, подобно индусам, посмертную жизнь ставили выше земной, тело считали темницей души и верили в ее постоянное перевоплощение из тела в тело (метемпсихоз). Высшая цель жизни — освобождение души от перевоплощений и достижение «острова блаженных». В орфизме усиливается демифологизация мировосприятия. Весь мир представляется как бы одним великим телом Зевса, через что вносится в представление о божестве нечто пантеистическое. Но стоит лишь всмотреться в отдельные его черты, чтобы увидеть в нем личное существо, а не безличное пантеистическое нечто. Орфики представляли Зевса не пантеистически безличным универсумом, а личным виновником всего, равно как и последней целью всего. И в этом именно смысле они называют его «первым и самым последним», подобно тому, как истинный Бог христианский говорит Сам в Себе: Аз есмь Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний (Апок. 22.13; Иса. 41. 4; 44. 6; 48.12 и др). По свидетельству Дамасция «О началах вещей» новые орфики Иероним и Гелланик считали, что Бог находится в сердце каждого, если только это сердце открыто для принятия Его и познается верой². Почти в христианском смысле орфики говорят о Зевсе, что от него все произошло³

Зевс так же отождествлялся с изначальным светом Фанитом и Дионисом Вакхом. В других орфических редакциях теогонии в начале мира было яйцо или червь, многоголовый змий. В силу натурализма древнегреческое сознание не предполагало различия между физическим и метафизическим. Греческие боги, как и люди, возникли из природы и имели стихийную основу. Греки обожествляли силы природы, которые и стали предметом первоначальной философской рефлексии.

Первый греческий философ Фалес был вовлечен в жизнь Милета, в том числе религиозную. Культ Милета была религия Посейдона, что вполне понятно. Религиозным центром и местом совещаний для союза 12 ионийских городов был Панетепион, близ Милета, а близ мыса Микале располагался всеионийский храм Посейдона. Таким образом, связующей религиозной идеей ионийского союза было поклонение морскому богу Посейдону. Начиная с Фалеса, философская мысль стремилась понять природу как то, что всегда есть. Одним из основных вопросов был вопрос о реальности богов, и теофаниях. Реальность Посейдона была связана со стихией воды, в которой и через которую людям являлся морской бог. Фалес, спросил: «Что есть Посейдон? Что есть божественное?» — и затем ответил: божественное есть начало всего, «то, у чего нет ни начала, ни конца»⁴. Так же Фалесу приписывают следующие изречения: «Древнее всего сущего бог, ибо он не рожден. Прекраснее всего – мир, ибо он сотворение бога»⁵. По сути, Фалес перешел от религиозного сознания к философской рефлексии первосубстанции.

Через воду божественное энергично проникает в мир. Таким образом, для Фалеса религия и философия природы совпадают. Однако его взгляды не научны, а скорей религиозноцентричны или теоцентричны. Откуда же почерпнул свои знания Фалес? Поскольку он был первым философом, то у него не было учителей. Существует свидетельство, что Фалес во время путешествия в Египет учился у египетских жрецов. А ведь именно в Егип-

¹ См.: Вишпер Р.Ю. Рим и раннее христианство. М., 1954. – С. 166-167.

² См.: Корсунский И.Н. Судьбы идеи о Боге в истории религиозно-философского мирозерцания Древней Греции. Харьков. 1890. – С. 92.

³ Там же. С. 100.

⁴ Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1: От теокосмогоний до возникновения атомистики. – С. 109.

⁵ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. – С. 74.

те было религиозное представление о первобытной жидкой массе (Ну), из которой образовались океан внизу и небесный свод — вверху. В общем, Фалес переосмыслил и рационально выразил религиозное мировоззрение древних.

Фалес стал основателем ионийской школы и целого натурфилософского направления в древнегреческой философии (Анаксимандр, Анаксимен). Затем наступает период, который А.Ф. Лосев назвал «антропологическим». Философия переходит от натурфилософских проблем к изучению человека и общества. В учениях софистов торжествует скептицизм и релятивизм, которые распространяются и на отношение к религии. Однако религиозный смысл философии по-разному сохраняется в концепциях Пифагора, Гераклита, Эмпедокла и элеатов. Затем Сократ и Платон вновь возвращают философии высокий идейный уровень, соотносимый с религиозным мировоззрением.

Пифагореизм был одним из первых учений, сочетавшим религию и науку⁶. Более того, он продолжал сохранять религиозный интерес к результатам, полученным с помощью науки (прежде всего, математики). В этой практике Пифагор следовал за вавилонянами, космология и математика которых была глубоко укоренена в их религию и практиковалась предназначенными для этого священнослужителями. Человеку необходимо очистить и усовершенствовать свой ум и тело, как показал Пифагор, так, чтобы вернуть себе хотя бы часть прежних качеств, т. е. из человеческого, полуживотного и ущербного состояния подняться на более высокий уровень, стать уже при жизни богоподобным существом, а после смерти — опять бессмертным и самосознающим демоном⁷. Общий принцип этого восхождения для всей античности отчеканен в известной максиме Пифагора: «Следуй Богу»⁸, то есть, выполняя предписания Бога людям, подражай и уподобляйся Ему в Его качествах и совершенствах.

Бог, Его атрибуты и качества являются той вечной парадигмой, которой, как учил Сократ⁹, люди сознательно или неосознанно следуют в своей жизни. Но для этого необходимо знать Бога, иметь о Нем адекватное, а не мифологически-антропоморфное представление. Реальным и важным было не то, что видимо. Сокровенной основой всех вещей, которая составляла содержание тайного знания пифагорейского культа, была Гебдомада (число семь)¹⁰.

Число объединяло все существующее в мистическое единство. Оно объединяло небесные тела одно с другим и соединяло их с землей и ее элементами. Число было сутью медицины и музыки, первая лечит тело, а последняя — душу, оно было сущностью единства и различия. Культовый поиск тайн внутреннего различия и гармонии всей реальности посредством числа необходимым образом объединял Бога, душу и природу в единое целое. Начала науки начали возникать, когда природа стала рассматриваться как постоянный коррелят цифровой программы¹¹. Знать природу и числа, стоящие за ее манифестациями, значит знать Бога. «Наука» была ради религии. Научное наблюдение, таким образом, становилось религиозно-мистическим созерцанием, путь познания природы — линией богопознания.

У Платона корреляция между числами и движениями божественных небес стала основанием рациональности. Изучать небеса значило созерцать первоначала, которые знает только Бог и «тот среди людей, кого Он любит»¹². Целью этого занятия было не только достижение святости, но и мудрости. Почти религиозное восхищение, даже экстаз, перед математическими красотами Космоса рождал вдохновение, порождавшее новые открытия в числовых закономерностях. Таким образом, погрузиться в это созерцание

⁶ Nebelsick H. P. *Circles of God: Theology a. science from the Greeks to Copernicus*. Edinburgh, 1985. P. 10.

⁷ Философско-литературные штудии. Минск, 1991. — Вып. 1. — С. 222; 225 — 226.

⁸ Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. М., 2001. — С. 268.

⁹ MacGregor L. *Socrates, God, and piety* // Mode of access: <http://humanities.byu.tdu/philosophy/aporia/index.html/Fall2001/contentsto.html>

¹⁰ Маковельский Александр. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. (Историко-критический обзор и перевод фрагментов и биографического материала.). Часть 3 (Пифагорейцы, Анаксагор и др.) Казань. Книгоиздательство М.А. Голубева. 1919. — С. IX-XII.

¹¹ Nebelsick H. P. *Circles of God: Theology a. science from the Greeks to Copernicus*. Edinburgh, 1985. P. 11.

¹² Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1970-1972. Т.1. — С. 53.

значило стать любителем мудрости, «философом», — этот термин Пифагор ввел в язык¹³. Числа были формой тайных божественных первоначал, из которых была сделана реальность и которые ее внешние, чувственно воспринимаемые формы только отражали.

Для пифагорейцев все природно сущее есть полнота; все остальное есть пустота. Быть природно сущим — это значит иметь свою границу. С одной стороны, есть противоположность полноты и пустоты; с другой, есть предельное и беспредельное. Слово *το κενόν* как термин встречается у Демокрита для обозначения пустоты (*το κενόν*)¹⁴.

Для греков быть — это всегда быть определенным образом. Соотношение бытия и бесконечности в древнегреческой мысли означало только одно: быть, значит быть всегда определенным образом, значит иметь свою природу, свою судьбу и свой логос; быть, значит соответствовать всему сущему; быть единым со всем сущим; иметь полноту своей жизни, свой образ (*εἶδος*) и свою осуществимость (*ἐνεργεῖα*). Проблема порядка и хаоса, полноты и пустоты, бытия и бесконечности, истины и скрываемости — все это непосредственно относится к пониманию природы, имеющей бытийный и логосный характер. Рассмотрение данной проблематики целесообразнее с методической точки зрения начать с философии Гераклита.

Одной из первых попыток познания истоков мира была теология Гераклита, развившего доктрину Бога-Огня, не только продолжавшую аналогичную концепцию в Библии, но и предвалявшую представление о Боге-Св. Духе, снизошедшем на апостолов в Новом Завете, а также странный опыт Б. Паскаля, к которому Бог также являлся в виде огня. В традиционном истолковании Гераклита из Эфеса характеризуют как «пантеиста» и даже как основателя диалектического мышления. Сохранилось более ста двадцати фрагментов его изречений и высказываний, пронизанных метафорами, притчами и загадками, трудными для понимания. Гераклита называли «темным» постольку, поскольку его мысль казалась слишком трудной для здравого смысла. Подлинная мысль есть всегда озарение, освещающее все вокруг нас. Но освещать — это значит открывать простор для являемости сущего как такового. Освещение определяет сферу, в которой правит раскрытие и прояснение. Именно в этом заключается буквальное значение слова *ἀλήθεια* «нескрываемость». Философская мысль начинается с удивления, т.е. с такого настроения, в котором все обыденное и знакомое подвергается вопрошанию: что все это значит? И как все это могло случиться? С этого начинается удивление. Удивление как основной настрой мысли сказывается прежде всего через вопрошание. И Гераклит говорит как раз и прежде всего через вопрошание, Он спрашивает: «Как можно утаиться от того, что никогда не заходит?». В классическом собрании фрагментов и изречений досократиков этот вопрос числится как 16-й фрагмент. Маркович сделал его 81-м. М.Хайдеггер полагает, что его следует рассматривать первым, поскольку внутренний смысл этого вопрошания определяет сущность и характер мысли Гераклита. Климент истолковывает это вопрошание Гераклита в горизонте христианского вероучения. Он говорит о вездесущем Боге, все и всюду видящем, даже совершаемый во тьме грех, а также о том, что человек никогда не падет, если твердо держится веры в Бога, который всюду и всегда с ним. Климент имел в виду грешников, скрывающих себя от сверхчувственного света, тогда как Гераклит указывает лишь на то, что есть никогда не заходящее. Суть вовсе не в том, чтобы доказывать неправильность христианской и иных других интерпретаций Гераклита, поскольку подобные аргументы создают ориентацию на какое-то единственно верное истолкование его мысли. Ведь совершенно ясно, что одним способом Гераклит говорит с софистами, Платоном и Аристотелем; иным — с отцами Церкви и совершенно иначе — с Гегелем, Лассалем и Ницше. Поиск «подлинного» Гераклита всегда оказывается отказом от диалогического мышления.

Не заходящее и уходящее — это два различных момента понимания природы. Вот почему во фрагменте 123 (по Дильсу-Кранцу) Гераклит говорит: «Природа любит скрываться». В этой связи говорят, что сущность вещей всегда скрыта. Подобную банальность не следует приписывать Гераклиту, поскольку только после Платона и Аристотеля будет идти речь о сущности. Природа в древнегреческой мысли не выясняется через сущность, т.е.

¹³ Nebelsick H. P. *Circles of God: Theology a. science from the Greeks to Copernicus*. Edinburgh, 1985. P. 14.

¹⁴ Лурье С.Я. Демокрит. Л., 1970. — С. 74.

через «чтойность» чего бы то ни было. Связь между φύσις и κρῦπτεσθαι, т.е. между раскрытием и скрыванием, управляется φίλια, которая имеет смысл гармонии. Вот почему фрагмент 54 гласит: «Тайная гармония сильнее явной».

Космос Гераклита — это всегда «вечно живой огонь». Вовсе не идет речь о каком-то мировом пожаре или о каких-то циклических катастрофах, как об этом говорят разные интерпретации. Космос не есть мир, который поглощается вечно горящим огнем. Космос и вечно живой огонь — это огонь домашнего очага, бивачный костер солдата и яркий свет солнца, мерцающее сияние звезд и колеблющееся пламя светильника, и священный огонь олимпийских игр. В возможности разумного созерцания. Огонь раскрывает все скрытое во тьме, и тем самым в своем освещении он собирает все сущее воедино. Вот в каком смысле огонь Гераклита есть λόγος. Речь идет о более существенном: одних огонь освещает присутствующих как богов, других — как людей; одних — как свободных, других — как рабов. Речь идет не о внешнем свете и не о том, кто есть раб по своему положению, а кто есть свободный человек. Даже тиран в своем положении может быть рабом внутренне. Никогда не заходящий огонь не позволяет кому бы то ни было быть тем, каким он есть в своем сугубо внешнем положении. Это есть тот свет, в котором ничего не может оставаться скрытым. Огонь не только освещает все сущее, но и собирает его в такое единое, в котором явно раскрывается божественное и человеческое, свободное и рабское. Божественное и человеческое само по себе является светоносным. Раб не может скрыть свою натуру, будь он хоть царем. Свободный человек не может не проявить себя, даже если он есть раб по своему внешнему положению. Ничто в своей сути не может скрываться во тьме, коль скоро оно причастно логосу. Фрагмент 50 звучит так: «Выслушав не мою, но эту-вот Речь (λόγος), должно признать: мудрость в том, чтобы знать все как одно». Логос собирает и удерживает все сущее в единстве. А поскольку люди в обыденной жизни сталкиваются с самыми разными вещами, постольку логосная природа вещей остается для них чуждой. Гераклит в этой связи говорит: «Ослы солому предпочли бы золоту» (фр. 9). Речь идет о том, что обыденное мышление в разнообразии и новизне отыскивает истину, т.е. в постоянно преходящем и исчезающем, тогда как истина есть то, что всегда сохраняется и противостоит потоку времени, а значит и забвению.

В «Кратиле» и «Теэтете» Платон неоднократно ссылается на Гераклита. В диалоге «Пир» гармония Гераклита истолковывается Платоном как симфония (συμφωνία). Платон отмечает, что Гераклит изъяснялся весьма смутно. При этом Платон приписывал ему такие изречения, как: «все течет и изменяется»; «в одну и ту же реку нельзя войти дважды» и т.п., которые, скорее, принадлежат Кратилу, нежели Гераклиту. В «Софисте» Платон говорил, что всякое сущее, согласно Гераклиту, есть одновременно одно и многое. Слова Гераклита: «Мудрость в том, чтобы знать все как одно» (фр. 50). Диоген Лаэртский замечает, что «все вещи обмениваются на огонь» (VI, 9.8/a1)¹⁵. «Все» подразумевает здесь πάντα τα οὐτά, все сущее в целом. Εν означает единственное, единое, все объединяющее.

Через логос Гераклит понимал бытие как природу. Λόγος и ἀλήθεια (истина), согласно Гераклиту, есть то же самое. Об этом говорит фрагмент 112: «Целомудрие (самоограничение) — величайшая добродетель, мудрость же в том, чтобы говорить истину и действовать согласно природе, осознавая» (пер. А.В.Лебедева). Гераклит поясняет, что здравый ум у всех общий, и все люди предназначены к тому, чтобы познавать самих себя и быть «цельно-мудрыми». Суть не в целомудрии, имеющем этический смысл, а в том, что само мышление есть величайшее благо. Прежде чем играть с огнем, его разжигать, а затем тушить, следует сначала погасить безмерные вспышки своеволия и самонадеянности. Сказывающая себя мысль, если она имеет собирающий характер в противоположность рассеиванию и распылению, присуща мудрости и причастна божественному, высшему назначению природы как таковой. Именно через логос Гераклита грекам открывался космофизический горизонт философской мысли. Порядок, организующий вещи, происходит из Логоса. Только через него порядок и может быть познан. Логос, следовательно, имеет как онтологический, так и эпистемологический приоритет. Логос Гераклита является рациональностью вечно живого, разумного огня-архэ. Эта рациональность включает в себя рас-

¹⁵ Диоген Лаэртский. Указ., соч.

судок, теоретическое мышление и память. Бог и этот Логос являются идентичными. Таким образом, познание Логоса оказывается познанием Бога.

Теокосмогонии сменяются этической интерпретацией Бога у Сократа в учении о $\theta\acute{\epsilon}\mu\varsigma$ (праведности, буквально «божественном пути») как знании и эле как поступках. Коррекция ложных, хотя и широко распространенных среди афинян представлений о Боге, оказывается миссией, возложенной на Сократа Богом, а следование Богу в деле улучшения душ людей — благочестием. Тем самым показывается необходимость и ультимативная важность, с точки зрения Бога (следовательно, и возможность для человека), задачи повышения моральных стандартов людей, ведь ради нее следует даже пренебречь всеми другими делами повседневной жизни.

На суде, как он изображается в «Апологии Сократа», Сократ обвиняется в «... неверии в богов, в которых верит Город» Было бы некорректно видеть здесь только обвинение в атеизме: это обвинение одновременно и негативно, и позитивно. Обвинители приписывают Сократу не только неверие в богов, в которых верят афиняне, но и то, что он верит в «другие духовные существа». И они правы, так как философ придерживался драматически иных взглядов о Боге, чем верования среднего гражданина Афин.

Сократ верил, что Бог совершенномудр, нравственен и благ¹⁶. Более того, он полагал, что человек может быть подобен Богу, если станет подражать Богу, делая божье дело. Это пифагорейская концепция, которая в своих консеквенциях ведет через выполнение внешней работы, возложенной на человека Богом, к внутренней трансформации души человека, ее позитивной мутации и обожению. Участие в этой работе стало бы ультимативной формой благочестивого богопочитания, ибо делом Бога, как думал Сократ, является улучшение человеческих душ. Таким образом, Сократ верил, что человек может стать подобным Богу, если, подобно Богу, будет работать над улучшением человеческих душ. Это и есть, по Сократу, благочестие.

Улучшать души людей может только тот, кто прежде сам улучшил свою душу. Однако Сократ полагал, что очень важно иметь точное представление о Боге. В своей защитительной речи он говорил судьям, что своей жизнью философа обязан Богу, который направил его к ней посредством оракулов и сновидений¹⁷.

Сократ, следовательно, не только не сомневается в том, что Бог внимательно наблюдает за его (а значит, и всех других людей, которые также важны для Бога) поведением, но и уверен, что Бог направляет его посредством рационально понятных для человека образов. Он приходит к заключению, что до тех пор, пока человек не начнет искать моральную истину и на этом пути не придет к правильному пониманию Бога, он не сможет адекватно интерпретировать знаки, которые ему подает Бог.

Сократ чувствовал, что его Бог («Даймонион») заслуживает того, чтобы за ним следовали, по меньшей мере, по трем причинам: 1) Бог мудр; 2) Бог совершенно благ; 3) Бог рационально морален. Хотя это и вредило в глазах толпы, Сократ полагал, что следует отнестись с максимальным вниманием к оракулам Бога¹⁸. Он говорил афинянам: «... Я буду скорее подчиняться Богу, чем вам»¹⁹. Его Богу следует доверять и покоряться больше, чем человеку потому, что «Бог мудр, а ... человеческая мудрость стоит мало чего или вообще ничего»²⁰. В этом утверждении имплицитно содержится концепция, отрицающая за человеческим знанием реальное содержание. Используя слова Гераклита для выражения своей собственной мысли, Сократ делает даже еще более сильное утверждение. Он говорит, что мудрейший из людей, как обезьяна по мудрости в сравнении с Богом²¹. Подобными высказываниями Сократ ясно показывает, что для него человеческая мудрость и способность понимания, особенно в сравнении с божественными, являются недостаточными.

¹⁶ См.: Трубецкой С.Н. Богословие Сократа. // Метафизика Древней Греции / Трубецкой С.Н. Собрание сочинений. Т. III. М., 1910. — С. 447 — 461.

¹⁷ Платон. Собр. соч.: В 4т. М., 1990. — Т.1. — С. 87.

¹⁸ Там же. С. 74-75.

¹⁹ Там же. С. 83.

²⁰ Там же. С. 76.

²¹ Там же. С. 396.

В диалоге «Государство», 2-й книге, Сократ спрашивает: «Разве Бог поистине не благ?»²². Для Сократа Он поистине доброе и благое существо. Сократ утверждает: «Несомненно, Он не лжет; несправедно было бы думать иначе»²³. И честность Бога фактически является частью более широкой, всеохватывающей черты: Бог Сократа совершенно добр и праведен. Сократ использует слово «θεῖος», обозначает «божественный путь», или способ поведения Бога²⁴.

Таким образом, природа благочестия в уме Сократа основывается на следующем заключении: у Бога есть нечто, ради достижения чего он работает. Какой бы ни была эта работа, участие человека в достижении этой цели будет благочестием. Следовательно, благочестием будет выполнение человеком той работы, которую делает Бог. Понимание этого фактора раскрывает новый инсайт в природу Бога, как ее понимает «мудрейший из людей»: Бог Сократа отнюдь не празден, Он не наслаждается сладостным покоем, а имеет свою миссию в Универсуме, которую выполняет и требует того же от людей. Что же это за работа? Сократ полагает, что работа Бога — улучшение человеческих душ так, чтобы сделать их хорошими, как Он сам, т.е., по существу, обожение людей.

Продолжателем дела Сократа был его ученик Платон, оказавший большое влияние не только в целом на развитие философии, но и на религиозную мысль. Мировые религии, включая христианство, пытались использовать идеи Платона для обоснования своего вероучения. Исходя из этого, следует обозначить одну серьезную проблему: от начального платонизма надо отделить те интерпретации, которые за много веков наплодились на образ Платона в истории философии. Прежде всего, стоит вспомнить, что Платон был язычником, и его философия неотделима от языческого религиозного мировоззрения.

После встречи с Сократом Платон пережил внутреннюю революцию. «Даймонион» Сократа имеет религиозный смысл. Религиозный идеал высшей истины и стал для Платона духовным, философским маяком. Платон продолжил развивать диалектику Сократа, но создал на ее основе целую систему, до сих пор не имеющую равных в истории философии.

В системе Платона соединились космология и диалектика. Как и Ксенофан, он подвергал критике традиционную религию с позиции «разумной религии». Сам термин θεολογία как «учение о богах» в соответствии с тем, как они выведены в любых видах поэзии, впервые появляется в его «Государстве» (II. 379 а 5). Платон не рассматривает вопрос о происхождении религии — она для него имеет объективные, а не антропологические основания. Но он впервые анализирует то, что можно назвать универсалиями религии. Так же он делает попытку философски обосновать религиозные догматы или, по крайней мере, доказать их возможность и «вероятность». В этом смысле он является первым богословом. Платон — единственный из античных философов, кто говорит (в диалогах «Тимей» и «Филеб») о творении мира Богом. Творца мира Платон называет Демиургом. Интересно, что Платон выбрал для обозначения творца мира термин, имеющий совсем не божественный оттенок — греческое слово «демиург» значит «ремесленник», «мастер». Демиург — это «философский бог», «добрый»²⁵ творец гармоничного мироустройства, не имеющий прямого отношения к конкретным религиозным культам. Согласно «Тимею», творя вещественный мир, Демиург использует в качестве образца то идеальное, неподвижное мироустройство, что познается через размышление и разум и что существует неизменно²⁶. Прежде всего, Демиург, по Платону, создает Мировую Душу, которая есть всеобщий принцип гармонии мировой жизни. Идеальный мир превосходит собой всякую историческую и социальную действительность, а идеальное государство Платона предполагает божественные законы, т.е. имеет глубоко религиозную основу, необходимую для установления земной гармонии.

²² Платон. Собр. соч.: В 4т. М., 1990. — Т.1. — С. 158.

²³ Там же. С. 74.

²⁴ O'Connell R. J. God, Gods and Moral Cosmos in Socrates' Apology // Intern. philos. quart. — Bronx, 1985. — Vol.25, N 1. P 38.

²⁵ См.: Виндельбанд Вильгельм. Платон. К., 1993. — С. 120.

²⁶ Линицкий П. Учение Платона о божестве. К., 1876. — С. 11.

Универсальный божественный принцип бытия, начиная с Платона, навсегда вошел в историю религиозной мысли. Платон, опираясь на древнегреческие религиозные представления, создал учение о едином Благе, которое является основой мира и проявляется через первообразы-идеи или «эйдосы» (термин, который у Платона встречается чаще, чем «идея»). Эйдос есть по своему первоначальному смыслу «внешний вид, образ». Например, по мнению свящ. Павла Флоренского, под «эйдосами» древние греки также понимали лики божеств, которые являлись в мистериях посвященным («Смысл идеализма»). Таким образом, по Флоренскому, источник и скрытая часть платонизма — религиозные мистерии. То, что в выводах Флоренского есть определенная правда, доказывает в какой-то мере история неоплатонизма. После платоновских вершин диалектики в неоплатонизме античная философия возвращается к своему религиозному первоисточнику, к сознательной охране и защите языческой религии.

Аристотель установил основные принципы рассуждения, используемые большинством апологетов. Многие из великих богословов, в особенности Фома Аквинский, целиком опирались на принципы Аристотеля. Представления Аристотеля о Боге вытекают из его взглядов на реальность, именуемых «метафизикой». Аристотелевское понимание реальности связано с тем, что действительно есть (актуальность), и с тем, что могло бы быть (потенциальность). В творении все состоит одновременно из формы (это актуальность) и материи (потенциальность), такой подход называют «гиломорфизм». Непреложным следствием из него является то, что реальность, воспринимаемая нами посредством чувств, изменчива. Изменение есть переход от потенциальности к актуальности. Аристотель постулирует два типа изменений, существенные и несущественные. Существенные изменения меняют сущность — то, чем нечто является по своей сути. Такое изменение происходит, когда сущность начинает быть (рождение) или прекращает быть (исчезновение). Несущественное изменение — это перемена в том, чем нечто обладает, в его атрибутах. Атрибут есть то, что принадлежит сущности, но не составляет ее. Смерть есть существенное изменение. Обучение есть изменение несущественное.

Изучая природу бытия, Аристотель постулирует четыре причины вещей. Две внутренние причины содержатся внутри вещи. Применительно к деревянному стулу причины будут следующие: 1. Формальная причина — форма или образец, по которому вещь сделана, ее сущность: «стулообразность». 2. Материальная причина — то, из чего вещь сделана, ее материал: дерево. Две внешние причины находятся вне вещи. В примере со стулом они таковы. 3. Действующая причина — кем или чем вещь сделана, действующий агент: плотник. 4. Конечная причина — для чего вещь сделана, цель: чтобы садиться. Для Аристотеля теология — логический фокус и смысловой центр всей Метафизики. В «Первотеологии» Стагири-та раскрывается суть структуры реальности, находящей в неподвижном Боге-Перводвигателе, как онтологическом основании бытия. Сам неподвижный Перводвигатель, стал на тысячелетия после публикации «Метафизики» «Богом философов». Доказательство его существования и анализ основных атрибутов следуют после исследования природы сущности и определяющих ее характеристик. Постановка проблемы Аристотелем такова: какие сущности существуют? Есть ли сверхчувственные сущности.

Аристотель искал точные ответы на эту проблему и, находя их, создал основание рациональной теологии. Среди чувственных сущностей первыми являются чувственно воспринимаемые, которые рождаются и погибают. Вторым — чувственно воспринимаемые, но непреходящие. К этим последним относятся небеса, планеты и звезды, которые, по Аристотелю, непреходящи потому, что состоят из квинтэссенции эфира и способны только к локальной модификации и движению, но не способны ни к изменению в другое, ни к увеличению, ни к уменьшению, ни, еще менее, к рождению или гибели. В 9-й книге, гл.8, Метафизики Аристотель, например, пишет: «Также не существует в возможности вечное движение»²⁷. Чувственно воспринимаемые и преходящие сущности подвержены всем типам изменений в силу того, что материя, из которой они состоят, заключает в себе возможность любых противоположностей: поэтому вещи этого мира (подлунные) помимо движения подвержены еще увеличению и уменьшению, переходу в другое, к возникновению и исчезновению.

²⁷ Аристотель. Соч.: В 4-х т. М., 1984. — Т.1. — С. 247 — 248.

Сверхчувственная сущность является чистой формой, совершенно лишенной материи. Аристотель доказывает существование сверхчувственной сущности следующим образом: вначале выясняется, какова природа этой сущности, затем исследуется вопрос, одна она или их много, а потом уже анализируется, каковы отношения между ними и миром. Тем самым ставятся и решаются основные вопросы теологии.

В 12-й книге «Метафизики» существование сверхчувственной сущности демонстрируется следующим образом: сущности являются первой реальностью в том смысле, что все другие модусы бытия зависят от сущности. Если, следовательно, все сущности были бы преходящими, то не существовало бы ничего непреходящего. Но, говорит Аристотель, движение и время, очевидно, непреходящи. Время не возникает и не уничтожается: в самом деле, прежде возникновения времени должно было быть «первоначальное», а после разрушения времени должно было быть «после». Однако и «прежде», и «потом» являются не чем иным, как временем. Другими словами всегда есть некое время ранее и потом, какими бы мы ни предполагали начало и конец времени, следовательно, время вечно.

То же самое рассуждение справедливо для движения, которое, по Аристотелю, устанавливает время. Поэтому нет времени без движения, и, следовательно, вечность первого постулирует вечность второго. Но при каких условиях может существовать вечность движения и, соответственно, времени? Стагирит, пользуясь установленными им принципами, исследует условия движения в 8-й книге «Физики», где дает точный ответ: движение возможно только в том случае, если существует перводвигатель, который и является его причиной. Но каким должен быть этот принцип, чтобы стать причиной этого движения²⁸? Во-первых, первопринцип должен быть вечным; если вечно движение, то вечной должна быть и его причина. Или иначе: чтобы быть в состоянии продуцировать вечное движение, его причина не может сама не быть вечной. Во-вторых, первопринцип должен быть неподвижным: только неподвижное является абсолютной причиной подвижного. Таким образом, чтобы объяснить любое движение, нужно, в конце концов, прибегнуть к принципу, который сам по себе больше ничем не приводится в движение, — по меньшей мере, в отношении к тому, что движется. Должен существовать и первопринцип, который является совершенно первым и абсолютно неподвижным, от которого берет начало движение всего универсума. В-третьих, этот первопринцип должен быть абсолютно лишен любой потенциальности и, следовательно, обязан быть чистой актуальностью («деятельностью»).

Должен существовать первый двигатель в виде вечной чистой актуальности действия, лишенной какой бы то ни было материи и потенциальности. Перводвигатель — сверхчувственная сущность. Но каким образом Перводвигатель может приводить в движение, оставаясь сам неподвижным? Есть ли в сфере вещей, которые нам известны, что-либо, что может двигать, само оставаясь неподвижным? Аристотель отвечает на этот вопрос утвердительно, приводя в качестве примера предметы желания и мышления. Предметом желания является прекрасное и хорошее, они привлекают волю человека, не двигаясь сами никаким образом; аналогично, интеллигибельное приводит в движение мышление, не двигаясь само. Перводвигатель приводит в движение, не двигаясь сам, тем же самым образом, каким предмет любви привлекает любящего (Мет., 12, 7, 1072 в 3;)²⁹, в то время как все другие вещи движут, будучи движимы сами.

Причинность Перводвигателя не действующего вида. Бог притягивает и привлекает именно как то, что любимо. Поэтому можно сказать, что причинность неподвижного Перводвигателя, в собственном смысле слова и прежде всего, является причинностью финального типа (*causa finale*). Бог вечен, а, будучи вечным, Бог в вечности всегда привлекает к себе как то, что любят; мир, следовательно, всегда должен оставаться таким, какой он есть. Этот Принцип, пишет Стагирит, от которого «зависят небо и природа»³⁰, есть жизнь. Но какая жизнь? Та, естественно, которая лучше и совершеннее любой другой. Мы, люди, способны к ней только на краткое время — это жизнь чистого мышления, жизнь в созерцательной активности. Деятельность ума — это жизнь, а бог есть деятель-

²⁸ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. — Т.1. — С. 240.

²⁹ Там же. Т. 1, С. 309.

³⁰ Там же. Т. 1, С. 310.

ность; и деятельность его, какова она сама по себе, есть самая лучшая и вечная жизнь. Мы говорим поэтому, что Бог есть вечное, наилучшее живое существо, так что ему присущи жизнь и непрерывное и вечное существование, и именно это есть Бог».

Божественное в нем — это, надо полагать, скорее само обладание, нежели способность к нему, и умозрение — самое приятное и самое лучшее. И, иначе: что мыслит Бог? Бог мыслит наилучшее. Однако наилучшее — это сам Бог. Бог, следовательно, мыслит самого себя; является созерцательной деятельностью в отношении самого себя, мышлением мышления³¹. Бог, следовательно, вечен, неподвижен, является чистой энергией — деятельностью, лишенной любой потенциальности и материи, это духовная жизнь, мысль о мысли. Бога Аристотеля, не создал ни мира, ни человека, ни отдельных душ, он является объектом любви, любимым, но не любящим. Индивидуумы как таковые, не являются объектами Божественной любви.

Аристотель, как позднее и многие христиане, верил, что существование Бога может быть доказано. Его доказательство выглядело примерно так.

1. Вещи меняются. Это устанавливается через наблюдение движения, самой очевидной формы изменения. 2. Всякое изменение есть переход от потенциальности к актуальности. 3. Никакая потенциальность не может сама себя актуализировать. 4. Должна существовать такая актуальность, которая актуализирует все. 5. Регрессивная цепочка последовательно актуализирующих друг друга актуальностей бесконечной быть не может, так как вся цепочка осталась бы не актуализированной, если бы не было первой актуальности. 6. Такая первая актуальность актуализирует вещи в рамках конечных причин, привлекая к этому вещи примерно так, как любовника влечет к любимой. 7. Насчитывается сорок семь (согласно астроному Евдоксу) или пятьдесят пять (согласно Каллипу) таких чистых актуальностей («недвижимых двигателей»). 8. В конечном счете, есть лишь одно небо и один Бог. Только материальные вещи могут различаться в численном отношении, поскольку материя есть первоначально индивидуализации (выделения).

Этот Бог вводится просто в силу логической необходимости, чтобы логичней объяснить космос, а затем теряет значение. Такая первопричина не является независимой, в отличие от Бога в христианском богословии. Аристотель разделял то греческое верование, что лишь бесформенное и неопределенное может рассматриваться в качестве независимого. У Аристотеля Бог не создал все существующее свободно и *ex nihilo*, «из ничего». Вселенная вечна, а Бог формирует ее, привлекая ее к Себе. Таким образом Бог, есть не порождающая (действующая) причина, но привлекающая (конечная) причина.

Следующий этап развития идеи Бога являет эманационный пантеизм Плотина, основанный на единстве, из которого проистекает все нарастающая множественность, пока не достигнет точки почти полного небытия. Затем все возвращается в направлении нарастающего единства, пока не будет достигнуто высшее единство в абсолютном слиянии с Единым. Здесь происходит соединение индивидуального с Единым и всего со Всем. Главный религиозный тезис Плотина о необходимости возвращения каждой души от чувственного мира к идеальному, а затем — к божественному. Условием такого личного обожения, возвращения в лоно Божества, Плотин считал аскетическую и практическую нравственность.

Неоплатонизм был тесно связан с язычеством. Неудивительно, что Порфирий, систематизатор сочинений Плотина, критиковал христианство и написал «15 книг против христиан», а в свою систему мира включил как богов и героев классической мифологии, так и ангелов и архангелов из иудейской религии. Для Порфирия языческие народные культы являлись необходимым дополнением к неоплатонической философии. Как писал С.Н. Трубецкой, «неоплатонизм хотел быть более чем философией: это было религиозное учение, проповедь искупления посредством чистого гнозиса»³².

Последним значительным философом древнего мира был Прокл. По его учению Прокла, Единое на первой ступени эманации проявляется во множестве чисел — абсолютных единиц, которые и есть боги.

³¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. — Т.1. — С. 315 — 316.

³² Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М., 1997. — С. 499.

Сочинения Прокла насчитывают много тысяч страниц, однако, поскольку нас интересует религиозная философия в неоплатонизме, то вполне достаточно остановить внимание на сочинении Прокла «Первоосновы теологии». Для нас имеет значение 2-й раздел «Первооснов теологии», в котором разработано учение о числах-богах. Отвлеченное число обладает сверхсущностной природой, поэтому оно есть идеальный принцип бытия. В философском смысле, с точки зрения рационального понимания, эти идеальные принципы — числа, а с религиозной точки зрения — это боги. Так философия диалектически сливается с религией в неоплатонизме.

Прокл писал о богах: «Всякий бог есть совершенная-в-себе единичность, и всякая совершенная-в-себе единичность есть бог»³³. Далее он рассуждал о том, что бог причастен всему, кроме Единого. Неоплатоники не просто вернулись к античной религии, но обратились к самым ее истокам. Вернувшись к первоначалу, они закончили свое развитие, им некуда стало двигаться, религиозный потенциал философии оказался исчерпан. Поэтические образы древних богов превратились в схематичную и сухую диалектику в системе Прокла. Впрочем, лично для Прокла философию дополняли его теургические опыты и почитание богов, которым он посвятил ряд гимнов. Так, представление о божественной эманации в какой-то мере отражено в «Гимне к Солнцу», в котором солнце льет гармонию «на миры материальные вниз богатейшим потоком» и является сердцем вселенной. О религиозности Прокла его биограф Марин писал: «...Его песнопения, словословящие не только эллинских богов, но и газейского Марна, и аскалонского Асклепия Леонтуха, и Фиандрита, столь почитаемого у арабов, и Исиду, чтимую в Филах, да и всех остальных наперечет. Это было всегдашним обыкновением благочестивейшего мужа: он говорил, что философ должен быть не только священнослужителем одного какого-нибудь города или нескольких, но иереем целого мира»³⁴.

Таким образом, древнегреческие философы, считали, что человеческий разум как божественное начало (*νοῦς*), способен знать как свойства Бога, так и способы его постижения. С точки зрения античной философии, человеческая рациональность не только необходима, но и достаточна для познания истин религии и божественной реальности, по меньшей мере, и тех границах, в каких это необходимо людям. В то же время, доступность полученного когнитивного опыта убеждающей субъективной интерпретации, по-видимому, связана с определенным уровнем сакральной чистоты тела и «метафизической» интенции сознания.

Список литературы

1. Виппер Р.Ю. Рим и раннее христианство. – М., 1954.
2. Корсунский И.Н. Судьбы идеи о Боге в истории религиозно-философского мирозерцания Древней Греции. Харьков. 1890.
3. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От теокосмогоний до возникновения атомистики. – М., 1989.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979.
5. Nebelsick H. P. *Circles of God: Theology. science from the Greeks to Copernicus.* – Edinburgh, 1985.
6. Философско-литературные штудии. Минск, 1991. Вып. 1.
7. Пифагор. Золотой канон. Фигуры эзотерики. – М., 2001.
8. MacGregor L. *Socrates, God, and piety* // Mode of access: [http://humanities.byu.edu/philosophy/aporia/index.html/Fall 2001/contentsto.html](http://humanities.byu.edu/philosophy/aporia/index.html/Fall%202001/contentsto.html)
9. Маковельский А.О. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. (Историко-критический обзор и перевод фрагментов и биографического материала). Часть 3 (Пифагорейцы, Анаксагор и др.) Казань. 1919.
10. Аристотель. Соч.: В 4 т. – М., 1984.
11. Лурье С.Я. Демокрит. – Л., 1970.
12. Трубецкой С.Н. Богословие Сократа. // *Метафизика Древней Греции* / Трубецкой С.Н. Собрание сочинений. Т. III. – М., 1910. –С. 398 – 447.
13. Платон. Собр. соч.: В 4т. – М., 1990.

³³ Прокл. Первоосновы теологии. Гимны. М., 1993. – С. 85.

³⁴ Там же. С. 175.

-
14. O'Connell R. J. God, Gods and Moral Cosmos in Socrates' Apology // Intern, philos. quart. — Bronx, 1985. — Vol.25, N 1. — 31-50 p.
15. Виндельбанд Вильгельм. Платон. — К., 1993.
16. Линицкий П. Учение Платона о божестве. — К., 1876.
17. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. — М., 1997.
18. Прокл. Первоосновы теологии. Гимны. — М., 1993.

THEOLOGICAL BASE OF ANCIENT PHILOSOPHY

P.G.TARASOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: TarasovPavel@bsu.edu.ru

The paper discusses the genesis of the mythological, religious, idealistic notions and concepts of Greek metaphysics, disclosed specifics of ancient religious philosophy and culture. The author regards the problem of the relation of the One and Much in the pre-Socratic philosophy of the period. The article reconstructs theological views of Orphics, Presocratics, Socrates, Plato, Aristotle and Plotinus. The philosophical reflection is interpreted as a method of knowing God and Theosis.

Keywords: Theology, Heraclitus, Pythagoras, Socrates, Plato, Aristotle, Plotinus.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 1 (075.8)

САМОПОЛАГАНИЕ НАУКИ И ПРЕВРАЩЕННЫЕ ФОРМЫ ЗНАНИЯ

В.П. РИМСКИЙ¹⁾
Г.Н. КАЛИНИНА²⁾

¹⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

²⁾ Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры

e-mail: galakalinina@inbox.ru

В статье реализовано философско-методологическое уточнение концептов «превращенная форма» и «превращенные формы знания», что позволяет не только определить их специфику и в дальнейшем проследить метаморфоз и функционирование подобных «превратностей» в целостных конкретно-исторических системах знания, но и выявить на данной основе «границы науки» и «другого знания» (внеаучных форм знания) в разные культурно-исторические периоды, установить связи между самополаганием наукой собственных границ и генерированием альтернативных форм знания на границах с наукой.

Ключевые слова: превращенная форма, метаморфоз, деструктивная превращенная форма, научная форма знания, донаучные и внеаучные формы знания, превращенные формы знания, маргинальные и деструктивные формы знания.

Сразу же следует оговориться, что для исследования различного рода *псевдопредметностей, превращенных и извращенных форм* огромное значение имеет методология Маркса, талантливо истолкованная и просвеченная М.К. Мамардашвили¹. Он показал, что подобная форма существования выступает продуктом замещения, трансформации и превращения внутренних отношений той или иной сложной системы, которые происходят на определенных уровнях и этапах ее развития и своими «косвенными выражениями» скрывают «онтологическую» специфику внутрисистемных отношений. Такие «превращения» претендуют на самостоятельное бытийствование в системе в виде отдельного, качественно цельного явления или «предмета» наряду с другими. В этой «бытийственности», по его интерпретации, и состоит суть превращенной формы: она видимым и практически достоверным для нас образом представляется как особое образование, как «субстанция» наблюдаемых свойств, выступая конечной точкой отсчета при анализе свойств функционирования системы в целом². Здесь для нас важно отметить ак-

¹ Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – 1968. – №6. – С. 14-25; Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1970. – С. 386-389 (переиздание: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 295-328); Классический и неклассический идеалы рациональности. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1984; и др.

² Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. – М., 1970. – С. 386.

туализацию М.К. Мамардашвили системной методологии в горизонте творческого потенциала диалектики, в том числе марксистской.

Мы в свое время отмечали, что еще Гете и романтики, Шеллинг и Гегель заложили фундамент системной методологии (термин «система» связан с построением их философских конструкций, впервые и названных «системами»). Для немецкой классической философии системные идеи, прежде всего, возникали в процессе логического обоснования достаточно традиционной философской категории *целостности*. При этом сама целостность понималась как органическая система, не только проходящая через ряд форм (метаморфозов) в своем развитии, но и трансформирующаяся в целостность другого порядка, как правило, более сложную, более развитую органическую целостность³. Однако, «превращения» в таких системах классиками философии не рассматривались в качестве деструктивных формообразований, а выступали вполне закономерными, нормативно-органическими продуктами самополагания систем.

Подобный классический подход к «превращенным формам», выступающим как моменты органических метаморфозов диалектического самополагания и развития систем, присутствовал во многих работах Э.В. Ильенкова, прежде всего, посвященным проблеме идеального как абстрактно-всеобщего, что позволяло подойти к диалектике понимания идеального как «превращенной формы материального» («отражения», «снятости», «представленности»)⁴. Идеальное как функция, момент конкретно-исторических социальных организмов в интерпретации диалектической логики Э.В. Ильенковым представляет собой метаморфоз эмпирически фиксируемых реальных и предметных форм материальной и духовной культуры, форм общественно-коллективного и субъективно-индивидуального сознания и речевого общения. Причем, ни одна из таких форм не может быть принята за «идеальное в чистом виде» – они сами только «видимость», «представленность» идеального, существующего как способ движения, развития этих феноменологических форм. Мы в ряде наших работ⁵ отмечали, что чистые формы идеального существуют как формы человеческой универсальной деятельности: материально-предметной, коммуникативной, знаково-символической, дискурсно-концептной, эмоциональной, игровой, мыслительно-волевой, эстетической, религиозной, нравственной, которые и проявляются как *ипостаси идеального*. Идеальное, укорененное в человеческом бытии, рождается в конкретно-исторических формах культуры. Есть только конкретные феномены культуры, в которых нам *явлено идеальное* как его *сущностная* характеристика, идеально-феноменологический аспект бытия культуры и человека.

Разумеется, можно назвать целый ряд работ, авторы которых посвятили свои исследования методологии культурно-исторических и социальных метаморфозов иллюзорных, извращенных и превращенных форм⁶. Хотелось бы остановиться на одной из

³ См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 43.

⁴ Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. – С. 219-227; Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – №6. – С. 128-140; №7. – С.145-158; Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М., 1984; Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984; и др.

⁵ См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 35-41; Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 35-36; и др.

⁶ Режабек Е.Я. Гете о проблеме становления органических целостностей // Философские науки. – 1982. – №3. – С. 90-97; Режабек Е.Я. К вопросу о диалектике саморазвития // Философские науки. – 1984. – №1. – С. 38-45; Режабек Е.Я. Категории органической целостности в диалектике Гегеля // Известия СКЦ ВШ. Общественные науки. – 1981. – №3. – С. 26-31; Режабек Е.Я. Особенности органических систем и принцип историзма // Вопросы философии. – 1981. – №5. – С. 29-38; Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д, 1993; Ермоленко А.Н., Райда К.Ю. Превращенные формы социальной рациональности (Критика буржуазных концепций) – Киев, 1987; Завершнева Е.Ю. Превращенные формы в теории архетипов К.-Г. Юнга // Вопросы психологии. – 1999. – №2; Новикова О.С. Национальное самосознание как «форма превращенная» социальных отношений. – М., 1998; Бакулов В.Д., Перегатькин Г.Ф. Методология анализа метморфозов социально-исторического процесса. – Ростов

них, в которой, на наш взгляд, дана достаточно полная и адекватная экспликация идей М.К. Мамардашвили, в которой В.Д. Бакулов выделяет три типа превращенных формообразований. Он отмечает, что *первый тип* «превращенных форм» характеризуется *замещением* реальных связей и взаимосвязей системы «косвенными» формообразованиями: «Характер этих взаимоотношений выражается в переворачивании наиболее фундаментальных *содержательных определений* внутренних взаимосвязей системы: целое замещается в косвенном выражении частью, манифестирующей себя в роли целостности, всеобщее замещается отдельным, конкретное – абстрактным и т.п.»⁷. Отметим здесь основной момент «превращения» – *замещение целого частью*, которое чаще всего носит характер *видимости* или *имитации*. На наш взгляд, здесь нет еще какого-либо *радикального* отступления от «нормы» системы или «нормальной системы (что считать при этом «нормой» и «нормальной системой» всегда остается как бы открытым вопросом), а тем более от «нормального» метаморфоза нелинейных и органических систем и диалектики формообразования (о чем, собственно, и пишет Г.Ф. Перетятыкин в этой же монографии в своем разделе).

Е.Я. Режабек писал: «Из философов XVIII века И.В. Гете первым пришел к выводу, что развитие не может быть простым эпигенезом (epi – над, genesis – рождение), т.е. исходная форма развития некоторой целостности не есть пассивный пластический материал, из которого внешние причины и условия могут лепить любую структуру, любую организацию. Над исходной формой кумулятивным порядком не надстраиваются все новые и новые структуры. Организация трансформируется от простого бытия к сложному в силу собственного метаморфоза первичной структуры. Продуктом метаморфоза являются гештальты, т. е. надэлементные образования, структурные подразделения или органы, вырабатываемые системой деятельности из недифференцированного зачатка (зародыша) целостности. Каждый гештальт отличается своим особым, специфическим содержанием, подчиненным всеобщему бытию целостности»⁸. Таким образом, любая органическая целостность в своем становлении и развитии проходит ряд метаморфозов, органических превращений, и предстает как формообразованная целостность.

Например, если в абстрактном определении знание выступает как форма «социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания»⁹, то можно отметить наличие подобных «превращенностей» в любых конкретно-исторических системах знания, которые связаны с реальным культурно-символическим существованием тех или иных способов познавательной активности человека в широком историческом и социальном «контексте культуры», если не использовать терминологию детерминации. Подобные «превращенные формы», на наш взгляд, не являются чем-то специфически присущим только «капиталистическим» социально-историческим системам, как можно заключить, следуя логике М.К. Мамардашвили и его интерпретаторов. Это, наверное, *универсальный тип метаморфоза* нелинейных и органических систем, который не несет в себе деструктивности или «извращенности», а выступает, например, иррациональным (парадоксальным) способом бытия различных исторических типов рационализма (знания). В этом плане, наверное, можно рассматривать миф как превращенную форму знания¹⁰, присущую не только органическим способам бытия человека в первобытных культурах, но и в «зрелых» культурно-цивилизационных системах.

н/Д, 2009; Резванов С.В. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. – Москва – Ростов н/Д, 2011; и др.

⁷ Бакулов В.Д., Перетятыкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 241.

⁸ Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д., 1993. – С. 79.

⁹ Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 2. – М., 2010. – С.51.

¹⁰ Подробнее см.: Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60; Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003; Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2007. – С. 7-34; Римский В.П., Ковальчук О.В. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифо-

Далее автор выделяет *второй тип* превращенных форм, который также не является чем-то из ряда вон выходящим и присущим только «современности», т.к. опять же имеет наличие во всех культурах и *идеально-символических способах деятельности человека*. «Второй тип видообразований, – пишет В.Д. Бакулов, – представлен таким характером взаимоотношений подвергшихся превращению фактических взаимосвязей системы и замещающих их квазиобразований, который выражается в манифестации косвенными выражениями *качественно иной* «предметности» и «содержательности» по сравнению с действительной. Эта манифестация может определенным образом варьироваться, и тогда косвенные выражения могут принимать вид либо «субстанции» данных свойств и отношений, либо обособившееся внешнее выражение содержательных отношений заменяет их иным отношением, которое сливается, выступает как *синкретическое* целое со свойствами *субстрата самой внешней формы*. Однако здесь еще сохраняется определенная соотнесенность квазиобразований с фактически исходными взаимосвязями и атрибутами объектов»¹¹. Здесь речь идет о том, что в рамках той или иной системы возможны уже содержательные трансформации, когда «превращенная форма» перехватывает инициативу и «перетягивает одеяло на себя», существенно модифицируя исторически «нормативную систему», порой до неузнаваемости.

В конкретно-исторических системах культуры это связано, например, с такими феноменами, когда та или иная форма знания начинает «доминировать» (например, философия в античности или теология в средние века), подчиняя себе все другие и бросая на них или «свет», или «тьму» (обычно считается, что «философия» высвечивает потаенные «уголки и закоулки» знания, в том числе и религиозно-мифологического, а «религия» и «теология», наоборот, затемняют все и вся, в том числе и «философию» и «науку», что, конечно, в лучшем случае наивно).

И, наконец, В.Д. Бакулов выделяет *третий тип*, который можно назвать «*извращенные формы*» (подобное выражение встречается у многих авторов, в том числе у К. Маркса и М.К. Мамардашвили). Этот тип превращенных форм «реализуется в *иррациональных по своей природе выражениях действительных взаимосвязей системы, качеств и свойств ее структурных компонентов, полностью скрытых, восполненных и замещенных* квазипредметностями косвенных выражений. По своему внешнему воплощению, в качестве объективных данностей превращенной формы эти квазиобразования могут представлять собой систематизированные и определенным образом упорядоченные, логически непротиворечивые построения, однако самым превратным и фантастическим образом воспроизводящие замещаемые ими реальные объекты. Данный тип видообразований превращенной формы представляет собой наиболее трудный вариант для их содержательного анализа»¹². Отметим, что и данный тип превратностей также носит универсальный характер и встречается во всех типах социально-исторических и культурно-цивилизационных систем. Относительно форм знания можно выделить такие «иррациональные формы», которые имеют место в различных культурно-исторических системах знания (например, магия, астрология, алхимия и каббалистические «знания» и «практики» в контексте христианской теологии и философии, а тем более в нашей современности).

Со сделанными оговорками можно принять то определение превращенных форм, которое дает В.Д. Бакулов: «Если дать примерное определение природы превращенности действия (превращенной формы) сложной социальной духовно-практической системы, то оно будет следующее. По своей *природе* превращенная форма представляет собой специфические *способ строения или деятельности* сложной системы, при которых происходит извращение (кстати, «извращение» и «превращение» как рефлексия и «переворачивание» – не одно и то же – авт.) определенных взаимосвязей и отношений данной системы, свойств и качеств составляющих ее структуру компонентов, выражающиеся в

логией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23; и др.

¹¹ Бакулов В.Д., Перетягивкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 241.

¹² Там же. – С. 241-242.

том, что их реальное и фактическое содержание выключается, скрадывается и замещается некими косвенными выражениями, которые, будучи лишь видимостями или кажимостями, тем не менее выступают как объективные данности, цельные предметы и практически достоверным образом выполняют в системе функции замещенных ими отношений, взаимосвязей, качеств и свойств»¹³. Но, учитывая сделанные нами ремарки в адрес понимания превращенных форм, мы не можем согласиться со следующим заключением автора: «Одной из важнейших характеристик природы превращенных форм является то, что она действует в основном как «эпилог», «вывод» процессов развертывания жизнедеятельности социальных систем»¹⁴. Это далеко не так.

Во-первых, превращенные формы, как мы указали выше, являются закономерными моментами развертывания и самополагания (метаморфоза) любых сложных систем (и не только социальных) на всех их стадиях – от генезиса до гибели. В принципе превращенные формы характерны для функционирования всех сложных нелинейных систем – эффект превращенности и делает их гибкими, открытыми.

В этой связи интересно обратиться к идеям метаморфоза классиков философии. Например, и у Гете, и у романтиков, и у Шеллинга диалектика целостнообразования (метаморфоз) происходит лишь внутри наличной органической системы, замыкается в круг простого воспроизводства форм по матрицам неких первичных «прафеноменов» (Гете) или «прасимволов» (Шеллинг). Развитие оказывается производством форм по вечным первообразам (возвращение к платонизму), история предстает как вечный круговорот, своеобразное мифотворчество. Хотя, как отмечал в свое время Е.Я. Режабек, у Шеллинга наблюдается интерес к промежуточным, неустойчивым, переходным состояниям, которые получают даже название «аморфона» – это уже предпосылка для рассмотрения трансформации данной, наличной целостности в целостность более высокого порядка¹⁵. Диалектика формообразования, метаморфоз целостности находит дальнейшую конкретизацию в философии Гегеля – он уделяет большое внимание движению от одной целостности к другой через преодоление состояний переходности, бесструктурности. «Становление есть нераздельность бытия и ничто, – утверждал Гегель, – не единство, абстрагирующееся от бытия и ничто; как единство бытия и ничто оно есть это определенное единство, или, иначе говоря, такое единство, в котором есть и бытие, и ничто. Но так как каждое из них, и бытие, и ничто, нераздельно от своего иного, то их нет. Они, следовательно, суть в этом единстве, но как исчезающие, лишь как снятые... Становление есть неустойчивое беспокойство, которое оседает, переходя в некоторый спокойный результат»¹⁶. Собственно, процесс снятия и есть переходный промежуток, который у Гегеля осуществляется плавно и постепенно – эволюционно. Для Гегеля и прехождение (гибель системы, выражаясь нормальным языком), и возникновение диалектически равноценны: развитие в гегелевской диалектике осуществлялось от низших форм – к высшим, т.е. прогрессивно.

Разумеется, и Гегель, и его последователи (в особенности К. Маркс) были далеки от плоского эволюционизма и прогрессизма. История с позиций гегельянства представляет более сложный процесс развития, нежели чисто логическое развитие абсолютной идеи. «Во всемирной истории есть несколько больших периодов, которые прошли таким образом, что развитие по-видимому не подвигалось вперед, а, напротив того, все огромные культурные приобретения уничтожались»¹⁷. Нас интересуют не отдельные высказывания Гегеля, а возможность применимости гегелевской логико-методологической схемы анализа понимания метаморфоза сложных систем и превращенных форм как моментов и условий их развития. И здесь следует признать, что, несмотря на отдельные интересные догадки, в том числе и приведенные выше, у Гегеля не было «интереса» к анализу переходных системных образований, деградированных, превращенных, извращенных или деструктивных форм, а тем более целостных систем. Марксизм изначально создавался

¹³ Бакулов В.Д., Перетяцкий Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 244.

¹⁴ Там же. – С. 242.

¹⁵ См.: Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д., 1993. – С. 80.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. I. – М., 1970. – С. 166, 167.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч. Т. VIII. – М.-Л., 1935. – С. 53.

как радикальное, революционное движение. Отсюда то постоянное внимание, которое испытывали марксисты к переломным, *переходным формам и периодам* человеческой истории (только почему нынешние «марксисты» не смогли осмыслить должным образом события в современной России?), к феноменам революции. Но, собственно, «классическая» диалектика и «скачки» признаются и здесь только для «прогрессивного» развития к высшему общественному состоянию.

Однако, если быть последовательным в пространстве диалектики, то она предполагает, что прямого пути в развитии нет: революция может вызывать определенный *регресс*, новое возникает часто в результате *отката назад* (собственно, термин «революция» в своей изначальной, естественнонаучной семантике это и обозначал). Система как бы *соскальзывает* назад в культурно-историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, *отживших превращенных форм*. Более того, очень часто наиболее «прогрессивные» элементы и структуры («новое») оказываются еще нежизнеспособными, слабыми перед напором революционного хаоса, несущего в себе и разрушительный, и созидательный заряд. В кризисных условиях общество не только *имитирует старые формы*¹⁸. Разрушается вся и вертикальная иерархия, и горизонтальное сопряжение устойчивых структур и элементов. Именно на этой стадии (кризиса старой системы и генезиса новой) также возникают различные типы превращенных форм, на которые почему-то не обращают внимания. Это *общесистемная* логика, характерная для всех сложных органических систем, о чем свидетельствуют и послылы *синергетики*.

Прежде чем заканчивается «цементирование» целостности, она проходит и стадию генезиса, и существование на основе простого, формального основания, которое само по себе чаще всего и является «превращенной формой» *как прошлого, так и будущего бытия* системы. Собственно, *будущие превращенные формы* (элементы и структуры) могут возникнуть еще на стадии стабильного существования старой системы жизнедеятельности: иногда они выступают как *новообразования*, иногда маскируются и *имитируют старые формы и структуры*. Что же это за новообразования? Почему они создают эффект «превращенности»? Новое не рождается мгновенно, и тогда возникает ситуация, когда уцелевшие органы старой системы (атавистические) принимают на себя выполнение несвойственных им функций. Полифункциональность органов и элементов системы в ситуации нестабильности и аморфности неминуемо ведет к примитивизации деятельности как отдельных органов и подсистем, так и всего целого социокультурного организма. В любой достаточно сложной нелинейной системе обязательно могут существовать *инородные вкрапления, превращенные формы*, т.е. элементы и структуры, которые не несут основной «системной нагрузки», не играют существенной роли в процессах самополагания и самообоснования системы. Мы и здесь получаем эффект *превращенности*. Однако, в определенных условиях (кризисности, застойности и т.п.) эффект превращенности доводить до степени *извращенности, иррационализма и деструктивности (антисистемности)*.

Подобные превращенные формы (подсистемы) можно разделить на две разновидности по их происхождению¹⁹. Во-первых, *атавистические превращенные формы*, т.е. доставшиеся в качестве «наследства» от прежних стадий органического развития и даже от других систем (феномен наследования отживших культурно-исторических и культурно-символических форм, в том числе и мертвых, *атавистических форм знания*) и не прошедшие стадию «переплавки», полной приспособленности (отрефлексированности) к существованию новой системы. Во-вторых, *деструктивные превращенные формы*, т.е. подсистемы, которые не играют никакой роли в жизнеобеспечении системы, а порой даже мешают «нормальному» ее существованию (иногда подобную деструктивную роль могут

¹⁸ Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т.8. – М., 1957. – С. 119.

¹⁹ Ниже мы развиваем идеи, частично изложенные нами ранее. См.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. – С. 43-63; Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: под ред. В.П.Римского. – Белгород, 2008. – С. 300-333, 375-390; Человек террористический: Методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2008. – С. 12-70.

выполнять и атавистические превращенные формы, очень долго существуя в латентной, скрытой форме, пока не возникнут соответствующие условия для их активизации).

Атавистические и деструктивные превращенные формы носят на протяжении почти всей истории социокультурного организма чисто *паразитический характер*. Такими *паразитами* могут выступать религиозные секты, политические партии, демографические группы маргинального типа (воры, разбойники, проститутки, мафия, контрабандисты), социальные страты и отдельные индивиды (бродяги и нищие), определенные культурные и ментальные формы (в том числе и такие *атавизмы* как *донаучные формы знания*, которые даже в наши дни очень удачно мимикрируют «под науку», имитируя ее способы самополагания). Паразитические превращенные формы могут достаться общественному организму в виде атавизма от предшествующих обществ, но могут и возникнуть в историческом поле данного общественного целостнообразования (феномен «*антинауки*», наверное, следует рассматривать как продукт «позднего модерна»).

Превращенная форма как *деструктивное новообразование* может появиться в таких условиях, которые могут и не быть какими-то «генетическими» (болезнь роста), «экстремальными» или кризисными. Скорее наоборот, новообразования возникают в *ситуации застойности*, определенной омертвлости и закоренелости системы. Вот здесь, в этом «итоге» и «эпилоге» социальной системы («эпилог» может наступить даже на стадии «зрелости», а не «старости», когда при жизни системы можно писать эпитафию!) возникают не просто те три типа превращенных форм, на которые обратил внимание В.Д. Бакулов, а совершенно иной их тип – *деструктивные превращенные формы*.

Аналогии можно найти и в живой природе: омертвление тканей всегда сопровождается появлением новообразований (различного рода наростов и опухолей). Замедление жизненных циклов организма часто приводит и к тому, что один из органов вдруг начинает играть не свойственные ему роли, функционировать по другим «моделям», деформируется или деградирует, превращается в специфическое «извращенное» новообразование. Примеры можно привести из сферы медицины: простые опухоли и онкологические. Первые усугубляют болезненное состояние организма, но после или внешних вмешательств хирургического типа, или внутреннего напряжения организма подобные превращенные формы (патологии) могут быть устранены. Онкологические новообразования начинают *стягивать на себя* все жизненные циклы, перестраивают все элементы и структуры, ведут в конечном итоге к перманентному кризисному состоянию организма и, в конце концов, к его гибели. Подобное состояние и характерно для деструктивных превращенных форм исторического бытия.

Они весьма долго существуют как упрощенные, специализированные, нежизнеспособные монстры, способные к *имитации жизни* лишь за счет паразитического существования, подпитываясь энергией доминантной, «нормальной» системы. Их «вампиризм» становится гипертрофированным на стадии системного кризиса, когда жизнеспособные подсистемы стягиваются к деструктивно-превращенным формам («антисистемам») как *псевдоцентру*, который начинает перестраивать всю старую (или «нормальную») систему по своему образу и подобию и доводит ее до степени максимального упрощения... как *пролога будущего многообразия*.

В сложных социальных системах атавистические превращенные формы и/или деструктивные новообразования могут играть и играют как *разрушительную*, так часто и творческую, *созидательную роль*: разрушительная стадия деятельности превращенных форм может органично переходить в созидательную. Логика системного развития, предполагая бесконечное многообразие исторических ситуаций в период кризисной неопределенности, ведет систему, в конечном счете, к той точке бифуркации (развилке исторических путей), в которой выбор происходит между двумя вариантами.

Первый вариант: путь исторического многообразия, когда система, преодолев хаос и неопределенность переходного «революционного» периода, обретает органические основания, проходит ряд трансформаций эволюционного характера и превращается в формообразованную органическую целостность, *универсальную* систему. Но в ситуации деструктивности и хаоса возможен и *второй вариант*, который «выбирают»: становится возможен *деструктивный, превращенный вариант* исторического развития организмов, *путь упрощения и унификации* как всей целостности, так и отдельных жизнеобес-

печивающих подсистем. И не последнюю роль в разрушительном «свободном выборе» играют превращенные (атавистические и деструктивные) элементы и структуры, их паразитическая «развитость» и степень проникновения во все подсистемы. Они и оказываются той «парадигмой» и матрицей, которая воплощается в социокультурных архетипах и социокодах тех или иных социокультурных организмов и их подсистем.

Недостаток жизненных сил системы компенсируется как созданием новых органов, воспроизведенных по матрицам превращенных форм, так и приспособлением в уродливых конфигурациях традиционных, «старых» форм (например, общественных институтов, культурных символов и механизмов). Социальные извращения и иррациональные механизмы жизнедеятельности дополняются непомерным идеологическим мифотворчеством и созданием на его основе ментально-идеальных *монстров рационально-иррационального типа*, к каковым можно отнести, например, и современную «паранауку» и «антинауку». Их природу будет уместно характеризовать высказыванием В.Д. Бакулова: «Таким образом, в *пределах видимых отношений* косвенного выражения, возможна его представленность в самом широком диапазоне образов и воплощений – от чисто внешних эмпирических данностей, до сложных теоретических построений, моделей, строго рациональных по своей соотнесенности и обоснованности структуре и составу компонентов»²⁰.

Итак, в контексте нашего исследования, под «превращенными формами знания» мы будем понимать не только и не столько формы мыслительного производства, знания и практики, в которых на разных этапах самополагания была представлена, функционировала и отчасти «происходит» сегодня наука, сколько *превращенные формы знания* – донаучные и вненаучные (обыденные и т.п.)*, *паранаучные, антинаучные* и прочие «другие» формы ментально-когнитивного и рационального освоения мира, которые бытуют и функционируют в системе общечеловеческого знания в тот или иной культурно-исторический период развития человечества как самостоятельные «сущности». Но в современный период их объективная роль как *косвенных ментально-когнитивных конфигураций* основана не только на восполнении и замещении, но и на деструктивном извращении действительных отношений *рационально-иррациональными идеальными конструкциями*. В процессе сложного метаморфоза на границах науки такие «превращенные» формы в своем трансформированном виде являют собой сложный и разный образ знания и, тем самым, науки, отражая способы ее саморазвития в сложных культурно-исторических контекстах.

Интуитивно кажется ясным, что при употреблении понятий «наука», «научность» «научное по/знание» и т.п., имеется в виду «набор» отличительных характеристик и инвариантных признаков, определяющих «лицо» научной формы знания и научного исследования. Система таких «различителей» традиционно выступает основанием для строгой демаркации науки от других видов и форм знания, которые, участвуя в производстве нового знания, научным знанием, тем не менее, не являются. Несмотря на то, что нормативные определения, в которых представлена идентификация науки, достаточно очевидны, тем не менее, понятие «наука», попадая в центр современной эпистемологической проблематики, не избежало определенных коллизий. Наряду с другими категориями оно наполняется новыми *неклассическими смыслами* и более широким «прочтением».

Система необходимых и отличительных признаков науки (научности), собственно, и задает направление, по которому должно осуществляться данное разграничение, так как они определяют качественную специфику научного познания и самополагание науки как многоуровневого, динамичного социального и когнитивного феномена. Сложившаяся

²⁰ Бакулов В.Д., Перетяжкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009. – С. 250-251.

* В самом общем виде под *донаучным знанием* (в отличие от научного) принято понимать «зародышевые» формы познания, возникшие в недрах и на основе обыденного, стихийно-эмпирического, несвободного от мифологических наслоений, которые, будучи вплетенными в наличную практику эпохи, обладают способностью порождать предметное и объективное знание о мире, выступая прототипом, предпосылочной базой собственно научного знания. То есть это «стихия» обыденно-практического познания, основой которого выступает повседневный опыт (предстает как совокупность ряда познавательных подсистем, в числе которых – чувственный, перцептивный опыт, естественный язык и здравый смысл).

ся и общепризнанная система необходимых и отличительных характеристик науки в сравнении с другими формами познавательной деятельности, включает в себя установку на исследование законов преобразования объектов и реализующая данную установку предметность и объективность знания; его воспроизводимость, доказательность, проверяемость; особый, специализированный язык, а также ориентацию на выход за границы предметных структур производства и обыденного опыта, установку на изучение, освоение объектов класса будущего, «не заданного» сегодняшними структурами производства.

В связи с тем, что вопрос самополагания науки и ее границ решается на фоне сложного метаморфоза донаучной и внеаучной познавательной активности человека, которая, со своей стороны, объемлет широкий комплекс когнитивных феноменов, необходимых для воспроизводства и развития социальной жизни, возникает потребность в уточнении смыслов дефиниции «внеаучное» знание», с позиции ее понимания как превращенной формы знания. В большинстве своем в учебной, научной, энциклопедической литературе под *внеаучным знанием* принято понимать многообразные формы знания и практики, не являющиеся областью компетенции науки. Их выражают *другие* формы познания (художественное постижение мира, обыденное познание, религиозный опыт и т.д.), обладающие высокой общепризнанной социокультурной ценностью. Невзирая на их *внеаучный статус*, они не представляют собой «опасности» ни для науки, ни, тем более, для социальной жизни²¹. Как правило, ситуация напряженности возникают вокруг другой части ненаучного комплекса – *маргинальных форм знания*, функционирующих «рядом» с наукой и «около» науки, что и фиксирует не только термин «паранаука», но и такие концепты как «новая», «новейшая», «продвинутая» наука, выдвигаемые в противовес прежней «консервативной», «косной» науке. Являясь *превращенными замещениями*, возникая и генерируясь *на границах науки* или же внутри нее самой (так называемая «методологическая оппозиция»), они не просто живут своей жизнью, но активно вторгаются во внутренние структуры науки, нарушая «привычный ход вещей» и, надо признать, доставляя научному сообществу немало хлопот.

С нашей точки зрения, размытость сегодняшней «рабочей» дефиниции «внеаучное знание», собирающей воедино совершенно разные (по сущностным и ценностным параметрам, по функциям в культуре) формы мыслительной деятельности, не дает ясного и целостного представления о феномене «внеаучного знания». Одного только указания на то, что внеаучное знание – это «отличное от науки знание», которое генерируется в иных, отличных от науки областях культуры и не наносит ей вреда», явно не достаточно и в некотором смысле даже ущербно. Включение маргинальных форм знания наряду с культурно самоценными формами духовного производства во *внеаучный комплекс* и закрепление этого факта в имеющихся дефинициях «внеаучного знания» нельзя считать достаточным.

Основная цель такого разграничения – акцентировать внимание на негативной, *деструктивной тенденции*, в русле которой *паранаучным формам* мыслительного производства придается в последнее время флер научного знания, что существенно затрудняет их «опознание» в цельной системе ненаучного знания, создает препятствия для методологической критики «всякого рода лженаук» (Б.И. Пригожин). Даже «невооруженным взглядом» видно, что разрушение основ традиционной научной и философско-методологической критики способствует ускорению процессов регенерации «двойников» науки. Но одна содержательная научная критика маргинальных форм знания не приводит к исчезновению девиаций, а, напротив, нередко стимулирует «симулятивное обновление» их содержания, которое после имитативного «обновления» остается таким же *девиантным и деструктивным*.

Главным признаком множественностей, подпадающих под понятие «отклоняющихся от науки» форм знания, является их несоответствие стандартам научного исследования и нормам научного этики²². Видимо, на данном основании некоторые авторы считают возможным объединить таковые дефиницией «девиантная наука». В результате характеристики, касающиеся «псевдонауки», автоматически переносятся на «девиантную

²¹ См.: Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006. – С. 375.

²² См.: Уткина Н. В. Феномен девиантной науки: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.01. – Киров, 2009. – С.4.

науку», что не вполне корректно. С целью подчеркнуть внутреннюю неоднородность *вне-научного* знания и одновременно факт его демаркации от *антинаучного* («антинаука») допускается деление второго на подвиды, куда входят концепции, знания, верования, открыто *претендующие на научный статус*, а не просто существующие на границах науки в качестве превращенных (атавистических иррациональных) форм. В результате складывается четко выраженная классификация, анализ которой позволяет подойти к важным обобщениям и выводам.

Первый блок антинаучных концепций составляют различные *эзотерические и мистические учения и практики*, истолковывающиеся как своего рода «научные знания»: их описание дается в наукоподобных терминах (имитация), используется область научной проблематики при росте тенденций придать таким «знаниям и практикам» статус науки (например, предлагается «особая» картина мира, альтернативная современной научной), отмечаются попытки ввести в состав науки ряд практик, выходящих за ее рамки²³. Теоретическая наука, как известно, изначально отгородилась от таких непрошенных оппонентов и «союзников» своими программными установками. Однако, судя по расцвету «разного рода наук» в XXI веке, этого оказалось недостаточно. Сегодня на статус научного знания безуспешно претендуют идеальные рационально-иррациональные конструкции, демонстрирующие свою «эпистемологическую нестандартность» и «трансгуманитарную нагруженность»*. Обобщая, можно указать на общую специфику внеучных превращенных форм знания этого блока: они возникают на границах науки, около, рядом с ней; привносятся в науку «из *вне*», маскируются под науку и озабочены поисками «своего места» на поле науки.

Второй блок превращенных форм знания образуется ярко выраженными *маргинальными антинаучными концепциями* под видом «нового развития науки». Они возникают часто внутри самой науки, их истоками порой является мотивированная деятельность ученых, претендующих на *радикальное изменение* научной картины мира без достаточных на то оснований; выступают своего рода «методологической оппозицией» внутри науки; с трудом поддаются элиминации; представляют для науки повышенную «зону риска». Несвоевременная элиминация лжеучений из науки создает неадекватные образы самой науки. В методологическом ракурсе концепция «антинауки» получила разработку в трудах Дж. Холтона, который дает типологизацию наиболее значительных течений «антинауки». Современная антинаука характеризуется как «стихийный консорциум», сложившийся приблизительно к концу прошлого столетия, участники которого объединены более или менее осознанной целью по ниспровержению науки как принципа отношения к действительности, выявившего свою несостоятельность, и подлежит существенной корректировке, либо своей заменены каким-то иным принципом²⁴, то есть паранука при определенной «полезности» науке, в частности, в области генерации новых идей, может перейти, трансформироваться в антинауку.

Иначе говоря, перед нами совокупность маргинальных и деструктивных форм знаний и практик, возникающих на границах и внутри самой науки под видом «нового» развития науки и с трудом поддающихся элиминации из нее.

Реализованный анализ позволил нам прийти к пониманию представленного ряда взаимосвязанных и существующих на границах науки «других», донаучных и внеучных феноменов как «*превращенных форм знания*» и отразить механизмы их функционирования в ходе сложного метаморфоза на границах науки в перспективе ее самополагания и самообоснования. Специфика концепта «превращенная форма» делает уместным ее использование в качестве универсального «рабочего механизма» по осуществлению историко-научной и методологической экспликации *границ науки* и «других», *ненаучных форм знания*. Идея «превращенности» позволяет достичь необходимой глубины в понимании сущности современных коллизий в сфере неклассической эпистемоло-

²³ См.: Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. – № 1. – 2000. – С. 19.

* Определённая философская база подводится под различного рода теософские течения типа «Тайной Доктрины» Е.Блаватской или «Агни Йога» Е. Рерих и т.п. с присущей им популяризацией религиозно-философских взглядов, астрологии (отчасти под видом создания «универсальной синтетической религии»).

²⁴ Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 58.

гической проблематики, выявить связи между самополаганием наукой собственных границ и генерированием альтернативных форм знания на границах науки, отрефлексировать процессы, связанные с метаморфозом форм знания, с «высоты» современности.

Список литературы

1. Бакулов В.Д., Перетятыкин Г.Ф. Методология анализа метаморфозов социально-исторического процесса. – Ростов н/Д, 2009.
2. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 35-36
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. I. – М., 1970.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Соч. Т. VIII. – М.-Л., 1935.
5. Ермоленко А.Н., Райда К.Ю. Превращенные формы социальной рациональности (Критика буржуазных концепций) – Киев, 1987.
6. Завершнева Е.Ю. Превращенные формы в теории архетипов К.-Г. Юнга // Вопросы психологии. – 1999. – №2.
7. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. – М., 1984.
8. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962.
9. Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. – М., 1984.
10. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – №6. – С. 128-140.
11. Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 2. – М., 2010.
12. Мамардашвили М.К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. – 1968. – №6. – С. 14-25.
13. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990.
14. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1970. – С. 386-389
15. Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т.8. – М., 1957.
16. Новикова О.С. Национальное самосознание как «форма превращенная» социальных отношений. – М., 1998.
17. Режабек Е.Я. Гете о проблеме становления органических целостностей // Философские науки. – 1982. – №3. – С. 90-97.
18. Режабек Е.Я. К вопросу о диалектике саморазвития // Философские науки. – 1984. – №1. – С. 38-45.
19. Режабек Е.Я. Капитализм: проблема самоорганизации. – Ростов н/Д, 1993.
20. Режабек Е.Я. Категории органической целостности в диалектике Гегеля // Известия СКЦ ВШ. Общественные науки. – 1981. – №3. – С. 26-31.
21. Режабек Е.Я. Особенности органических систем и принцип историзма // Вопросы философии. – 1981. – №5. – С. 29-38.
22. Резванов С.В. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. – Москва – Ростов н/Д, 2011
23. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997. Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: под ред. В.П.Римского. – Белгород, 2008.
24. Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1983. – №1. – С. 55-60.
25. Римский В.П. Миф и религия: К проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. – Белгород, 2003.
26. Римский В.П., Ковальчук О.В. Европейская философия и социально-гуманитарная наука между мифологией модерна и рациональным знанием // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (33). Вып. 1. – Белгород, 2007. – С. 10-23; и др.
27. Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. – № 1. – 2000. – С. 19.
28. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006.
29. Уткина Н. В. Феномен девиантной науки: дисс. ... к. филос. н.: 09.00.01. – Киров, 2009.
30. Философия науки: актуальные историко-научные и методологические проблемы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2007
31. Холтон Дж. Что такое «антинаука»? // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 58.

32. Человек террористический: Методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2008.

SELF-ESTIMATION OF SCIENCE AND CONVERTED FORMS OF KNOWLEDGE

V.P. RIMSKIY¹⁾
G. N. KALININA²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

*²⁾ Belgorod state institute
of arts and culture*

e-mail: galakalinina@inbox.ru

The paper concerns the philosophical and methodological elaboration of the concepts "converted form" and "converted forms of knowledge" which helps both define their specificity and reveal the metamorphosis and transformations in the whole concrete historical systems of knowledge, and also view the limits of science and "other knowledge" (non-scientific forms of knowledge) in different cultural and historical periods. The paper considers the links between the self-estimation of science's limits and generation of alternative forms of knowledge adjacent to science.

Keywords: converted forms, metamorphosis, destructive converted form, scientific form of knowledge, pre-scientific and non-scientific forms of knowledge, converted forms of knowledge, marginal and destructive forms of knowledge.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 1/14

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОРРЕЛЯЦИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Д. К. МАНОХИН

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:**Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

Статья посвящена предметным и методологическим связям литературоведения и культурологии. Автор рассматривает проблему соотношения культурологического и литературоведческого дискурсов и приходит к выводу, что литературоведение является одним из прототипов культурологии и характеризуется наличием теоретико-методологических проблем, релевантных культурной семантике.

Ключевые слова: литературоведение, культурология, филология, текст.

В контексте нашего исследования прояснение специфики соотношения литературоведения и культурологии требует артикуляции тех конститутивных черт ранее отмеченных дискурсов, которые способствуют пониманию близости и взаимозависимости данных дискурсивных практик. При этом мы будем придерживаться следующей дефиниции дискурса: «Дискурс <...> – вербально артикулированная форма объективации содержания сознания, регулируемая доминирующим в той или иной социокультурной традиции типом рациональности»¹. Сначала рассмотрим некоторые аспекты современного культурологического знания, затем – художественной литературы (в дальнейшем – литература), и, наконец, – собственно литературоведения.

Как отмечают методологи культурологических исследований, культурология представляет собой область знания, особенность которой состоит в заимствовании, интерпретации и интеграции концепций культуры, сформированных в рамках социально-гуманитарного дискурса, философии и, что особенно примечательно, – литературы. В свою очередь, эти концепции вырабатываются в ранее перечисленных дискурсивных практиках в результате рефлексии над соответствующими предметными областями. Что касается социально-гуманитарных наук, то особо подчёркивается важность теорий культуры, конституированных в таких дисциплинах, как социология, история и филология.

Необходимость упомянутой интеграции обусловлена тем, что сама «культура» обычно понимается как комплексное образование, формирующееся в результате учёта всех наличествующих на сегодняшний день областей культуры (в том числе, философии,

¹ Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. – С. 233.

науки и искусства, что мы проясним позднее при обсуждении феномена гиперрефлексивности культуры). При этом конкретные регионы культуры интересуют культурологию прежде всего как символические практики («тексты»), репрезентирующие определённые программы жизнедеятельности, социо-культурные смыслы, нормы и ценности. В словаре «Культурология. XX век» А. Я. Флиер характеризует культуру как «присущий всякому устойчивому сообществу людей *системный комплекс* специфич. и более или менее нормированных способов и форм социальной интеграции, организации, регуляции, познания, коммуникации, оценки и самоидентификации, образных рефлексий и интерпретаций <...> и т.п., обладающий способностью к социальному и истор. самовоспроизводству, адаптивной изменчивости и прогрессивному саморазвитию по пути структурно-функционального усложнения. Эмпирически этот комплекс *определён* в создаваемой людьми искусственной среде их обитания, составленной из произведённых ими материальных объектов, символич. продуктов (знаний, идей, языков и др.), технологий осуществления целенаправленной и социально нормированной деятельности <...> и оценочных критериев <...>, как совокупность «социальных конвенций», *выраженных в вербальных и невербальных «текстах»*, аккумулирующих социальный опыт сообществ, накапливаемый и систематизируемый в ходе их истории [курсив наш – Д. М.]»². Мы привели столь пространную цитату, так как в ней представлена наиболее репрезентативная концепция культуры, которая позволит нам прояснить природу культурологии как интегральной области знания и обосновать необходимость философско-культурологической рефлексии (в методологическом смысле) современных литературоведческих теорий.

В контексте данного понимания специфики предмета исследования и, как следствие, интеграции различных (социально-гуманитарных, литературных, философских и др.) представлений о культуре/культурном регионе, культурология, как замечает И. В. Кондаков, «<...> не вполне укладывается в теоретический дискурс», свойственный «науке вообще» и таким дисциплинам, как *филология*, социология или семиотика, в частности³. Иными словами, культурологическая форма научного исследования представляет собой синкретический тип дискурса, содержащий компоненты гетерогенных дискурсивных практик. В итоге культурология не соответствует строгому пониманию научного дискурса и совмещает в себе помимо научности такие атрибуты, как «художественность <...>, философичность <...>, политизированность <...>, ассоциативность»⁴.

Сама же возможность столь *широкого* спектра концептуальных ориентаций связана с тем, что культура является архитектурно-сложным целым, отдельные элементы которого (культурные регионы) обладают способностью к само- и интеррефлексии. Иными словами, рефлексия культуры может осуществляться самой культурой, то есть её составляющими, среди которых находятся и философия, и литература, и наука. А любая рефлексия культуры может быть интерпретирована как тип/форма «культурологического» дискурса (мысли)⁵. Отсюда становится понятным и то, что в перечень культурных регионов включаются социально-гуманитарные науки. Однако важно, в каком контексте они рассматриваются. Если социально-гуманитарные науки предстают как форма интерпретации культурных объектов, то выступают в качестве концептуальных ориентаций культурологического дискурса. Если же социально-гуманитарный дискурс исследуется как предмет «культурологической» рефлексии ранее отмеченного типа или как специфический объект культурологии, то он интерпретируется в качестве одной из областей культуры. Подобная гиперрефлексивность культуры делает проблематичным научный статус самой культурологии и напоминает ситуацию интертекстуальности, охарактеризованную в трудах литературоведа и семиолога Ю. Кристевой. Эта ассоциация имеет неслучайный характер, в связи с чем обратимся к рассмотрению особенностей структуры культурологического знания.

² Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 208.

³ Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 12-14. Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 176.

Следует отметить, что понимание структуры культурологии как науки является неоднозначным в существующих на сегодняшний день концепциях. В наши задачи не входит их полный учёт, описание и систематизация. Мы лишь остановимся на нескольких наиболее легитимных (взаимодополнительных) концепциях и акцентируем моменты, имеющие значимость для нашего исследования.

Наиболее распространённые взгляды на структуру культурологического знания представлены в текстах А. Я. Флиера. В словаре «Культурология. XX век» Флиер пишет: «<...> в К. [культурологии – Д. М.] можно выделить два <...> профиля познания: собственно К. (в узком смысле) – <...> интегративное знание о целостном феномене культуры в реальном истор. времени и социальном пространстве её существования – и культуроведение – <...> совокупность частных научных дисциплин, изучающих отд. подсистемы культуры по специализир. областям деятельности <...> (религ., худож. и пр. культуры)»⁶. (Естественно, что в состав культуроведческих дисциплин войдёт и литературоведение.) Флиер замечает, что, действительно, рефлексией культуры как «имманентного аспекта» человеческой деятельности занимаются все социально-гуманитарные науки⁷. В этом смысле дисциплинарное строение культурологии воспроизводит структуру современного социально-гуманитарного знания. Однако к собственно культурологическому исследованию (в узком смысле) будут относиться лишь те работы, выполненные в рамках культуроведческих дисциплин, в которых «культура представлена как целостный и непосредств. объект познания, является предметом реконструкции и моделирования на основании вербальных и невербальных «текстов» <...>»⁸. Более того, Флиер делит культурологию на два вида: гуманитарную (предмет – процессы и формы интеллектуального и образного самопознания культуры) и социальную (предмет – процессы и формы социокультурной организации и регуляции коллективной жизни людей).

Ранее отмеченные представления дополняет структура культурологического знания, предложенная тем же А. Я. Флиером. Флиер выделяет два типа культурологии: фундаментальную (цель – «изучение культурных процессов и явлений <...> на основании общих закономерностей протекания социокультурной жизни») и прикладную (цель – изучение, планирование и разработка методики «прогнозирования и управления социокультурными процессами в рамках государственной <...> культурной политики, осуществляемой специализированными культурными институтами и общественными организациями») ⁹. В свою очередь, фундаментальная делится на социальную культурологию, психологию культуры и культурную семантику. По причинам, которые станут понятными далее, нас, прежде всего, интересует последняя.

Культурная семантика занимается изучением культурных объектов с точки зрения выражаемого ими смысла. В соответствии с данной целью эти объекты понимаются как «культурные тексты», то есть знаковые формы. В этой связи, как отмечает А. Я. Флиер, одной из главных задач культуролога становится *герменевтическая* реконструкция смысла того или иного «культурного текста»¹⁰. Подобное понимание культуры и способов её изучения обуславливает необходимость обращения к концепциям знака и знаковой системы, сложившимся в логической семантике, лингвистике, герменевтике, семиотике культуры, разработанной в рамках тартуско-московской школы усилиями ученых-филологов, литературоведении.

Но даже вне контекста культурной семантики культурология понимается многими учёными как дисциплина, специфическим объектом познания которой является текст¹¹.

⁶ Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 250-251.

⁷ Там же. – С. 241.

⁸ Там же. – С. 241.

⁹ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 50-51.

¹⁰ Там же. – С. 74.

¹¹ Хагуров А.А. Предмет и методы культурологии / А.А. Хагуров // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 17-18.

И. В. Кондаков, как и его коллеги (ведущие культурологи), опубликовавшие свои статьи в фундаментальном исследовании «Современные трансформации российской культуры», интерпретирует культуру/культурную историю как семиотический интертекст, «состоящий из цитат, аллюзий, метафор, стилизаций; явной или скрытой полемики, диалога, столкновения; вторичной и последующих интерпретаций и реинтерпретаций текстов; пародирования, травестии или нарратива «чужого текста» <...>»¹². Словом, культура манифестируется как совокупность взаимодействующих друг с другом культурных текстов, требующая для своего адекватного изучения применения интертекстуальной методологии, – подхода, который был разработан в рамках постструктуралистского литературоведения и семиотики Ю. Кристевой. Данный подход во многом способствовал формированию синкретического (постмодернистского) культурологического дискурса.

Понимание культуры как совокупности «текстов», репрезентирующих и интерпретирующих культурные смыслы, нормы и ценности, а также друг друга, прямым образом указывает на феномен, текстуальная сущность которого является несомненной, – литературу. Так, А. Я. Флиер, говоря об особом случае «порождения и функционирования культурной формы» – феномене произведения, упоминает *вербальные тексты* «литературного, философского, религиозного или научного творчества»¹³. С культурологической точки зрения подобный порядок перечисления типов вербальных текстов может быть объяснён следующим образом. И. В. Кондаков пишет: «Литература – более, чем какое-либо искусство, и более, чем какая-нибудь разновидность идеологии, – представлена в виде словесного текста, который может служить *эталонном словесного представления культуры вообще* [курсив наш – Д. М.]»¹⁴. Как видим, здесь, как и у Флиера, подчёркивается вербальный характер литературы. Однако Кондаков указывает также на более выигрышную позицию литературы как формы репрезентации культурных смыслов по сравнению с остальными разновидностями искусства и идеологии (под которой понимается и философия). В отличие от других видов искусства специфика литературы состоит в наличии вербальных средств передачи информации, дающих возможность транслировать сложные (в том числе, абстрактные) идеи и тем самым актуализировать интеллектуальные способности реципиента. В свою очередь, от различных форм идеологии литература отличается присутствием образно- экспрессивных языковых элементов, способных передавать визуальные модели/психологические переживания и воздействовать на воображение/чувства читателя. Благодаря этим чертам литература является самой пластичной формой представления культурных смыслов, как в контексте искусства, так и идеологии.

Тезис о том, что литература представляет собой наиболее адекватную форму репрезентации и рефлексии культурных смыслов, норм и ценностей, не вызывает сомнения ни у кого из культурологов. Недаром в сборниках научных работ по культурологии литературе и искусству в целом уделяется особое внимание, что отражается в наличии специальных рубрик.

Мы остановимся на культурологической концепции искусства в целом, так как она во многом основывается на семиотической теории культуры, одним из способов создания которой послужила экстраполяция представлений о природе литературы на иные области искусства. В рамках культурологии искусство понимается как «система смыслонесущих текстов», а «феномен художественного образа как специфический тип семантемы, несущей социально значимую информацию»¹⁵. Этой точки зрения придерживается большинство культурологов. Искусство манифестируется в качестве способа представления «феномена человека и окружающего его мира»¹⁶. Более того, так как искусство является одним из типов самосознания культуры, оно не просто воспроизводит некий соци-

¹² Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 9.

¹³ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С.147.

¹⁴ Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 398.

¹⁵ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 230.

¹⁶ Там же. – С. 231.

альный опыт/культурные универсалии, но и рефлексивует над ними. В процессе этой рефлексии искусство реинтерпретирует культурные смыслы и ценности и моделирует некие возможные миры/социокультурные сюжеты. Тем самым оно не только отражает культурные клише, но и артикулирует их трансформации, которые либо уже актуализированы, либо находятся в потенциальном состоянии. Таким образом, искусство, как замечает, в частности, А. Я. Флиер, проектирует, а затем транслирует «некие эталонные образцы нормативного сознания и поведения», стимулируя с позиций ценностных эталонов социальную практику людей¹⁷. Отсюда следует, что искусство выполняет функцию осмысления и представления наиболее важных социокультурных норм и их трансформаций, а также инкультурации индивида.

Подобное понимание искусства сложилось в культурологии во многом в результате учёта достижений западноевропейской эстетики и культурфилософских концепций. Что касается эстетики, то необходимо упомянуть протокультурологический пафос теорий искусства, созданных в рамках немецкой классической философии. Искусство также было в центре внимания культурфилософов XX века, концепции которых считаются одной из главных предпосылок современной культурологии. Достаточно назвать имена Маритена, Марселя, Вейдле, Белля. Итогом этих концепций является тезис о неизбежности идеологической ангажированности писателя, основной задачей которого становится, таким образом, рефлексия и конституирование моральных норм и трансляция их широкой (в отличие от других специализированных форм культуры) аудитории.

В ранее рассмотренном контексте литература (вид искусства, отличающийся «дополнительными» позитивными чертами) как «культурный текст», изначально обладающий текстуальной и социокультурной сущностью в наиболее интенсивной форме, является одним из прототипов/образцов специфического объекта культурологического исследования. Литература же, как известно, является специальным предметом изучения такой науки, как литературоведение/филология. Причем, как показывает даже достаточно поверхностный взгляд на фундаментальные учебники по теории литературы, аккумулирующие наиболее релевантные концепции специфики художественного дискурса, культурологическое понимание литературы не является для филологов неожиданностью. Так, в наиболее удачном в теоретико-методологическом отношении учебнике В. Е. Хализева¹⁸ приводятся общепринятые литературоведческие представления о природе литературы, имеющие значимость и для культурологии. В частности, Хализев пишет о таком аспекте литературы, как способность к обобщению и художественной типизации культурных и других явлений. Также он касается тематики литературного произведения (предмета художественной рефлексии и оценки), которая включает в себя бытие как целое, феномены человеческой жизни («антропологическая» тематика) и культуры (культурно-исторический тематизм, «сближающий» литературу с культурологией). Рассматривая проблему отношения литературы к миру ценностей, Хализев отмечает, что литература ориентируется на культурные нормы и ценности и, в свою очередь, ориентирует на них читателя, способствуя его социокультурной самоидентификации. Особенно важным в данном контексте является замечание Хализева, касающееся теоретико-методологических аспектов литературоведения. Он пишет о необходимости равноправного использования в рамках литературоведческого исследования как традиционной (узкофилологической), так и семиотической, а также культурологической концепций «текста». Любопытно, что последние разработаны культурологами, хорошо известными как литературоведы, – Ю.М. Лотманом и М. М. Бахтиным.

Все ранее сказанное заставляет нас обратиться к собственно литературоведению и его взаимоотношениям с культурологией. Наиболее яркая и в то же время радикальная трактовка соотношения культурологии и литературоведения сложилась в американской методологии гуманитарных наук. В частности, она представлена в работе Дж. Каллера «Теория литературы», в большей степени посвящённой теоретико-методологическим проблемам современного литературоведения. Каллер отмечает, что «если рассматривать

¹⁷ Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – С. 231.

¹⁸ Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.

литературу как область культуры в целом, то придется признать, что культурология включает в себя литературоведение»¹⁹. Однако он задаётся вопросом об истории взаимоотношений литературоведения и культурологии и вследствие этого обращается к проблеме возникновения культурологической науки. Каллер выделяет два истока культурологии: 1) французский структурализм 60-х годов, в рамках которого культура (в частности, литература) рассматривалась как совокупность явлений, чьи законы или свойства подлежали структурному описанию (в связи с этим приводится пример – работа Р. Барта «Мифологии»); 2) марксистская теория литературы (Уильямс, Хогарт), целью которой был анализ специфики и функций народной и массовой культуры. В итоге Каллер приходит к следующему выводу: «Культурология возникла как применение *техники литературоведческого анализа* к другим культурным объектам. Культурные артефакты рассматриваются при этом как «*тексты*», которые подлежат *прочтению*, а не простому учёту [курсив наш – Д. М.]»²⁰.

Данное понимание соотношения культурологии и литературоведения представляется нам вполне обоснованным. Тем более, что положения, близкие ранее отмеченной концепции, разделяют и сами культурологи (методологи культурологических исследований). Так, в программной статье «Культурология в системе гуманитарных наук», посвящённой вопросам легитимации научного статуса культурологии, Е. П. Чельшев пишет: «<...> исторические, теоретические, прикладные исследования по культурологии остаются тесно связанными с искусствоведением и *филологией*, особенно такие области культурологии как теория и история культуры [курсив наш – Д. М.]»²¹. В уже упоминавшемся словаре «Культурология. XX век» содержится следующее замечание: «Теоретические первоначально культурологии складывались не только в русле антропологической традиции, но и в значительной мере в рамках философии, социологии, исторической и *филологической наук* [курсив наш – Д. М.]»²². Среди филологов отмечаются имена М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, О. М. Фрейденберг.

В последнем замечании показательно то, что в качестве источников культурологии, которые по сей день продолжают оставаться её концептуальными ориентациями, в то же время испытывая обратное влияние культурологического дискурса, артикулирована не только филология (литературоведение). Антропологические изыскания, философия (культурфилософские концепции), социология и история также являются предпосылками культурологии, что не раз получало надлежащее обоснование в различных работах по истории и методологии культурологических исследований. Однако мы не будем на этом детально останавливаться. Для нас важно, что в данном контексте литературоведение не может быть истолковано как единственный источник культурологического дискурса. Однако оно может быть рассмотрено как *один из* прототипов культурологического исследования и как культуроведческая (в терминологии А. Я. Флиера) наука, теоретико-методологические проблемы которой являются парадигмальными для современной культурологии (в узком смысле).

Прежде всего, это касается самой специфики филологии (*современного* литературоведения) как научной дисциплины. В классической статье С. С. Аверинцева, содержащейся в словаре «Культурология. XX век», филология определяется как «<...> совокупность, содружество гуманитарных дисциплин – лингвистич., лит.-ведч., истор. и др., – изучающих *историю и сущность духовной культуры человечества* через языковой и стилистич. анализ **письменных текстов** [курсив наш – Д. М.]»²³. В этом смысле, как отмечает тот же Аверинцев, главная задача филологии – служение «самопознанию куль-

¹⁹ Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2006. – С. 50.

²⁰ Там же. – С. 54.

²¹ Чельшев Е.П. Культурология в системе гуманитарных наук / Е.П. Чельшев // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: РИК, 2002. – С. 40.

²² Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 6.

²³ Там же. – С. 493.

туры»²⁴. Универсальность филологического знания, обозначенная в приведенном определении Аверинцева, наиболее полно реализовалась в фигуре филолога-классика, который совмещал в себе лингвиста, критика, историка культуры, знатока гуманитарных и естественных наук²⁵. Подобная универсальность исследовательского дискурса сохранилась в рамках гуманитарных наук и после дифференциации синтетического филологического знания. В первую очередь, это касается литературоведения, которое в XX веке вновь обретает, а, точнее, реактуализирует междисциплинарный характер своего дискурса и тем самым развивает *неоклассическое* понимание филологии. (Это позволяет нам придать терминам «литературоведение» и «филология» квазисинонимическую коннотацию.) В этом контексте литературоведение может быть интерпретировано как один из возможных прототипов культурологического исследования, также имеющего междисциплинарную природу, связанную с пониманием феномена культуры как совокупности «культурных текстов».

Рассмотренная выше концепция филологии/литературоведения разделялась многими литературоведами XX века. Более всего это касается тех ученых, которые акцентировали культурологические потенции литературоведения, способствуя возникновению и развитию культурологии как специальной области научного знания. Это те самые ученые, которые фигурируют в качестве персоналий в двухтомной энциклопедии «Культурология. XX век»²⁶: М. М. Бахтин, О. М. Фрейденберг, Р. О. Якобсон, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. Ф. Лосев. При этом они понимаются как культурологи или, по крайней мере, филологи, которые создали литературоведческие теории, содержащие потенции культурологического дискурса.

Ранее перечисленные литературоведы совершают тот теоретико-методологический поворот, который позволяет рассматривать их исследования как (про)культурологические. Культура в этих исследованиях предстаёт как специальный «предмет реконструкции и моделирования на основании» прочтения «вербальных <...> «текстов»²⁷. Иными словами, литературоведческие работы приобретают ту коннотацию, которая, как уже отмечалось, отличает собственно культурологию от подхода социально-гуманитарных наук, в которых культура изучается как «имманентный аспект» всякой специализированной и неспециализированной человеческой деятельности. Именно такие работы дают дополнительные основания для того, чтобы рассматривать литературоведение как один из прототипов культурологического дискурса, а также как наиболее важную из культуроведческих дисциплин. Однако и в других отношениях литературоведение содержит в себе культурологические потенции, что предопределено спецификой самого объекта исследования – литературы, в которой «переплетаются <...> и социум, и психология человека, и его язык»²⁸.

Помимо междисциплинарного («универсального») характера исследовательского дискурса и скрытого/явного культурологического пафоса литературоведение обладает еще одной чертой, эксплицирующей его значимость для собственно культурологии. Мы имеем в виду разработку в рамках литературоведения концептуальных оснований семиотики культуры – дисциплины, повлиявшей на создание и развитие культурной семантики. Семиотика культуры была сформирована усилиями как отечественных (Лотман, Успенский, Топоров), так и зарубежных (Барт, Кристева) ученых. Так, Ю. М. Лотман (глава тартуско-московской семиотической школы) изначально был литературоведом, стремившимся к структуралистскому/научному исследованию литературы. С этой целью он

²⁴ Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 493.

²⁵ Там же.

²⁶ Культурология. XX век: энциклопедия. В 2 т./ Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 894 с.

²⁷ Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 241.

²⁸ Горлова И.И. Культурология как наука и учебная дисциплина / И.И. Горлова // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 64.

разрабатывал и применял в своих работах методы семиотического/структурного анализа художественного текста. В ходе подобных исследований Лотман экстраполировал литературоведческо-семиотическое понимание природы художественного дискурса на область всех культурных объектов и конституировал концепт «культурного текста» как вторичной моделирующей системы, надстраивающейся над естественным языком. Тем самым он создал семиотику культуры (точнее, ее вариант) – направление, носящее междисциплинарный характер вследствие интеграции теоретико-методологических компонентов литературоведения, лингвистики, собственно семиотики, искусствознания.

Сходным путем шли и французские семиологи/литературоведы. Особенно велики в этом отношении заслуги Ю. Кристевой, которая разработала концепцию «интертекста»/«интертекстуальности» и соответствующую методологию анализа художественного текста. Как мы отмечали, данная концепция составила одну из системообразующих конфигураций современного культурологического понимания феномена культуры. В этом смысле Ю. Кристева, как и ранее перечисленные литературоведы-семиологи, разработала основополагающие концепты для создания, функционирования и развития такой фундаментальной культурологической дисциплины, как культурная семантика.

Помимо всего сказанного следует заметить, что литературоведческие исследования маркированы наличием теоретико-методологических проблем, релевантных современному культурологическому знанию: полипарадигмальность литературоведческого типа научного познания; полисемантизм объекта филологического исследования, порождающий интерпретативные трудности; гетерогенность/«квазинаучность» исследовательского дискурса конкретных литературоведческих направлений, обусловленная наличием разнородных концептуальных и методологических ориентаций литературоведения; неясность специфики соотношения филологии и философии.

Подобные проблемы являются наиболее значимыми и для культурологического знания. В культурологии общепризнанной считается ситуация наличия множества разнородных теорий культуры и методологических подходов к ее изучению. Не менее распространены среди культурологов замечания о трудности интерпретации культурных объектов, обусловленной их полисемантизмом и интертекстуальной природой. Помимо этого весьма существенной является проблема научного статуса культурологического знания, артикулирующаяся в связи с тем, что культурологи прибегают в своих исследованиях не только к языку науки, но и к философским обобщениям и художественным ассоциациям. Данная проблема проистекает из существования гетерогенных концептуальных ориентаций культурологического дискурса. Не менее известна самая сложная, быть может, задача культурологии – прояснение соотношения культурологического знания и философии (философии культуры). Как пишет Е. П. Чельшев, «движение от понимания культурологии как науки междисциплинарной <...> должно привести к формированию своеобразной метатеории гуманитарных наук, не сводимой к философии культуры»²⁹.

В итоге мы делаем следующий вывод относительно соотношения культурологии и литературоведения, уточняющий позицию Дж. Каллера и объясняющий необходимость и эффективность философско-культурологического анализа теоретико-методологических проблем литературоведческого познания: литературоведение является культуроведческой наукой (региональной наукой о культуре), послужившей одним из источников/прототипов собственно культурологии (интегральной области знания, задача которой стать системообразующей основой социально-гуманитарных наук) и характеризующейся наличием теоретико-методологических проблем, релевантных современному культурологическому дискурсу (прежде всего, культурной семантике).

Список литературы

1. Горлова И.И. Культурология как наука и учебная дисциплина / И.И. Горлова // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское

²⁹ Чельшев, Е.П. Культурология в системе гуманитарных наук / Е.П. Чельшев // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: РИК, 2002. – С. 40.

- отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 59-70.
2. Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение / Дж. Каллер; пер. с англ. А. Георгиева. – М.: АСТ, 2006. – 158 с.
 3. Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 630 с.
 4. Культурология. XX век: энциклопедия. В 2 т./ Сост. и ред. А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1998. – 894 с.
 5. Постмодернизм: энциклопедия / Сост. и науч. ред. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. – Мн.: Интерпресссервис; Книжный дом, 2001. – 1040 с.
 6. Современные трансформации российской культуры / Науч. совет РАН «История мировой культуры»; отв. ред. И.В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – 751 с.
 7. Флиер А.Я. Культурология для культурологов / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.
 8. Хагуров А.А. Предмет и методы культурологии / А.А. Хагуров // Современная культурология: предмет, методология и методика: сборник научных трудов / Кубанское отд. Росс. филос. общ-ва РАН, Краснодарский гос. ун-т к-ры и искусств; редкол.: Т.В. Толпыкина [и др.]. – Краснодар: КГУКИ, 2002. – С. 3-37.
 9. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
 10. Чельшев Е.П. Культурология в системе гуманитарных наук / Е.П. Чельшев // Культурология: от прошлого к будущему: К 70-летию Российского института культурологии / М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии; отв. ред. К.Э. Разлогов. – М.: РИК, 2002. – С.37-45.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE CORRELATION BETWEEN THE LITERATURE STUDIES AND THE CULTURAL STUDIES

D.K. MANOKHIN

*Belgorod State National
Research University*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

This article discusses the subjective and methodological relations between the Literature Studies and the Cultural Studies. The author considers the problem of the correlations of the Study of Culture and the Study of Literature. He concludes that the Study of Literature is one of the prototypes of the Study of Culture. There are some theoretical and methodological problems in the Study of Literature those are relevant to the culture semantics.

Keywords: Literature Studies, Cultural Studies, philology, text.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В.А. НОСКОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:noskov@bsu.edu.ru

В статье анализируются политико-культурные аспекты взаимодействия власти и общества. Автор показывает, что власть и общество воплощают собой целостную и одновременно разнородную реальность, конституирующуюся на основе принципа реляционности. В этой связи дается характеристика политико-культурного фактора как структурирующей силы общества.

Ключевые слова: власть, общество, интеракция, дискурс, политика, культура, интеграция, легитимация, идентификация, парадигма, архетип, технотип.

Политико-культурная характеристика взаимодействия (интеракции) власти и общества представляется значимой в силу того, что здесь затрагивается *качество социальной реальности*, к которому «привязываются», «пристегиваются», «присоединяются» иные ее характеристики, ориентированные на учет преимущественно *количественных показателей*. Например, соответствующие акценты в трактовке экономических законов или даже интенция на их сознательное принижение, либо частичное или полное игнорирование в решающей степени зависит от актуализированного на данный исторический момент типа (варианта) политики, который, в свою очередь, детерминирован культурой – ценностями и нормами, разделяемыми, по крайней мере большинством людей, живущих в данном обществе, ибо через ценностно-нормативное сито происходит восприятие и осмысление всего того, что связано, как в данном примере, с экономикой. Или, если взять проблему понимания места и роли права в жизнедеятельности общества, то она, несомненно, будет представлена множеством точек зрения, тяготеющих к одному из эпистемологических полюсов – апологии (защиты) права или аннигиляции (игнорированию) права. Но в любом случае это опять-таки будет определяться политико-культурным фактором, который по большому счету есть *власть*, рожденная, с одной стороны, обществом, а с другой – порождающая, поддерживающая и развивающая само общество и, таким образом, отвечающая за воспроизводство последнего как единого социального организма.

В этой связи проблема взаимодействия власти и общества требует широкой, или если угодно метафизической, трактовки, а не редуцироваться, не упрощаться, не сводится к узким, преимущественно институциональным подходам и интерпретациям. Ведь одно дело ассоциирование власти с *институтами* государственности и другое – с *идеями, принципами, регулятивами*, определяющими мировоззренческие ориентиры, поступки и поведение огромных масс людей и, таким образом, становящимися в данном контексте субстанциональной основой формальных (организационных) процессов институциализации, придающей последним либо устойчивый, долговременный и предсказуемый характер, либо делающей их ненадежным, хрупким и быстро преходящим явлением, зависящем от конъюнктуры сиюминутных исторических обстоятельств. Во втором случае могут иметь место два сценария развития – совпадение аксиологической, технологической и прагматической составляющих властного структурирования общества или же их расхождение, провоцирующее различного рода перекосы и дисбалансы в отношениях власти и общества, искушение подменить диалог монологом, разорвать единое социальное пространство на некие «самодостаточные величины», стремящиеся не к «единству», а к собственному «выживанию». Это, так сказать, констатация того, что есть (или может иметь место), того, что атрибутируется реальностью в аспекте интеракции власти и общества, являя собой ее объективную характеристику. Здесь все завязано на деперсонализации данного рода отношений, что, несомненно, должно дополняться их рассмотрением с позиций персонифицированного «заземления», реализующегося (по терминологии М. Вебера) в деятельности либо политиков по профессии, представляющих «официоз» – госу-

дарственную и партийную власть, либо политиков по призванию – ведущих деятелей науки и культуры, олицетворяющих «глас народа».

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым дать более развернутую характеристику политико-культурной реальности, которая воплощает собой ни что иное, как фактор упорядочивания, приведения к «нормам», «образцам», «стереотипам» различных проявлений человеческой активности с учетом специфики фундаментального предназначения каждой из его составляющих. Политика – это власть, основанная на жестких (директивных) технологиях управления обществом; культура же, напротив, олицетворяет власть, воплощающуюся в «мягких» (смыслоупорядочивающих) технологиях воздействия на данный объект. Вместе с тем выше обозначенные способы властного структурирования общества существуют не автономно, а взаимно предполагают друг друга, ибо они есть кратос – «власть», точнее две ее органически взаимосвязанные друг с другом ипостаси. Именно в политико-культурном факторе воплощается импульсация упорядочивающего плана, отвечающая за то, чтобы общественные структуры избежали перспективы разрушения, распада, «ухода в небытие». Отсюда непреложной истиной становится допущение, согласно которому властное упорядочивание, приведение общественных отношений к какому-либо «статус-кво» актуально в любую историческую эпоху, сохраняет непреходящую значимость для любого государственно-цивилизационного образования (сообщества).

Итак, политика – это телеологическое (с акцентом на директивность обозначенных и преследуемых целей), а культура – валюативное (с акцентом на смыслопорождающие ценности) упорядочивание социума, что позволяет трактовать их как взаимосвязанные *ипостаси власти*, каждая из которых имеет свою логику бытия. Логика политики в конечном счете сводится к *порядку внешнему*, тогда как логика культуры – к *порядку внутреннему*. Иначе говоря, успех (или провал) политики оценивается прежде всего по критерию «вширь», то есть с точки зрения масштабов охвата ее регулирующим воздействием многообразных форм и проявлений социальной активности, в то время как успех (провал) культуры определяется на основе критерия «вглубь», то есть с точки зрения укорененности ценностей в общественном и индивидуальном сознании, что является главным условием стереотипизации, предсказуемости опять-таки форм и проявлений социальной активности, восприимчивости человеческого материала к инновациям или же, наоборот, их отторжение на основе презумпций, искушений и обоснований традиционалистского толка. Таким образом, для политики имманентно то, что есть *качество-масштаб*, для культуры же органическим способом воспроизводства ее бытия и, соответственно, бытия всего общества можно считать *качество-укорененность*. Но в любом случае они являют собой две стороны одной медали, выступая как власть, которая, в свою очередь, нуждается в объекте приложения своего потенциала – обществе, ибо вне подобной соотносительности теряется смысл бытия самой власти, заключающегося в подчеркивании первичности ценности «для кого-то» и, соответственно, вторичностью ценности «для себя».

В свете обозначенных посылок власть и общество можно трактовать как гетерогенную (разнородную) реальность, которая конституируется на основе *принципа реляционности*, т.е. на базе признания их соотнесенности друг с другом, когда одно оппонирует по отношению к другому и в то же время предполагает это другое, ибо вне данной системы координат немислимо существование ни того, ни другого. Это, однако, побуждает к конкретизации, выявлению различных аспектов данной проблемы. Так, взаимодействие власти и общества можно рассматривать в аспекте асимметрии их влияния, субъектно-объектных отношений, дискурсивных практик и т.д. Подобные идеи, например, выдвигались и обосновывались М. Фуко, Х. Арендт, Н. Луманом, Т. Парсонсом, Ж. Френчем, хотя, следует согласиться с тем, что «на современные исследования власти, включающие как определение этого понятия, так и последующую концептуализацию, сильное влияние оказал М. Вебер»¹. В этой связи, как представляется, в рамках ставших классическими познавательных подходов напрашиваются следующие теоретико-методологические акцентировки.

¹ «Технология власти» (философско-политический анализ). М., 1995. – С. 14.

Если использовать метафору, то можно сказать, что политика и культура есть «питание» общественного организма, без которого, строго говоря, невозможен был его скачок от биологических к собственно социальным формам, механизмам и процессам (само)развития. Политику и культуру можно трактовать также в качестве субъекта – активной стороны реляции по сравнению с ее пассивной стороной – обществом. Последнему в этой связи отводится роль «объекта». И дело здесь не в поиске универсальной дефиниции общества или эвристически оправданных подходах, призванных объяснить, понять его природу, а в констатации факта самого существования данного качества. В этом отношении общество есть *собирательное понятие*, т.е. объединяющее все то, что наделяется статусом подчиненного по отношению к тому, чему следует подчиняться – власти. Когда, допустим, общество начинает воплощать собой власть (в силу конкретно-исторических обстоятельств, событий и перипетий), то последняя становится *абсолютной*, а не релятивной, т.е. руководствуется основополагающей ценностью «для себя», а не «для других». Однако подобная ценностная ангажированность власти делает ее непрочным и недолговечным феноменом с неизбежным логическим и историческим следствием выхода из подобной тупиковой ситуации – трансформацией власти в своего рода «отчужденный продукт» по отношению к обществу, являющейся одновременно и «естественным продуктом», претендующем в этой связи на роль востребованного в любое историческое время его фундаментального регулятора.

Из этого следует, что общество в ипостаси власти есть кратковременный (и нежелательный!) этап его исторического развития, ибо в рамках данного этапа по большому счету нет ни политической власти, ни духовной власти, а есть *социальная власть*, воплощающая собой силу стихии, заложенную в недрах общества, но не способную, однако, к обозначению имеющих непреходящее значение стратегических перспектив его развития, к формулированию четких правил игры, к очерчиванию предсказуемого поведения многих (если не большинства) людей и т.д. Социальная власть становится возможной лишь на фоне краха политической и духовной власти, когда фундаментальная регулятивная триада «потребности-интересы-ценности» редуцируется к монаде – одному регулирующему механизму, определяющемуся исключительно *потребностями*, что свидетельствует о деградации, примитивизации самого общества, его трансформацию в общество вседозволенности или, если угодно, суррогатное гражданское общество, не способное обуздать потребительские (основывающиеся на «естественных» потребностях) искушения. С одной стороны, это общество в чем-то напоминает гражданское общество, ибо здесь доминируют горизонтальные связи и отношения, но они, как уже отмечалось выше, опираются на свободу удовлетворения того, что выдается за «естественные потребности», к которым можно причислить и разумные и неразумные потребности, потребности, способствующие духовному возвышению человека и, наоборот, провоцирующие его духовную деградацию и т.д.

Итак, власть, с одной стороны, есть атрибут общества, а, с другой – сила, которая должна возвышаться над ним. Здесь хотелось бы подчеркнуть императивность данного факта, ибо, если исходить из того «что есть», а не из того, «что должно быть», то следует признавать легитимность социальной власти, которая как раз не возвышается над обществом, а сливается с ним. Но это неприемлемо и с точки зрения фактически сложившейся реальности (истории), и с точки зрения рафинированной, очищенной от «второстепенных» фактов реальности (логики), ибо и в том, и в другом случае оправдывается само *разрушение социального порядка*, когда уже не важно, постоянный или кратковременный характер имеет данное (в условиях доминирования социальной власти) статус-кво власти. Следовательно, политика и культура возвышают власть, тогда как ее социализация (растворение в обществе), продуцирует весь «набор» проблем, и, более того, делает их в значительной степени неразрешимыми. Разрешить эти противоречия становится возможным лишь на основе *вмешательства извне*, то есть со стороны *политической власти*, представленной, прежде всего, государством, которое, в свою очередь, может опираться на требования действующего *права* или же интериоризированные (усвоенные) ценности *культуры*.

С позиций «высокой абстракции» политико-культурный фактор как олицетворение власти не сливается, а возвышается над обществом, что, однако, представляется не-

достаточным, если исходить из когнитивной установки идти «вглубь», то есть апеллировать к «приземленной абстракции», позволяющей обогатить в содержательном отношении разработку и понимание данной проблемы. Здесь в, частности, обозначается такой аспект коммуникации (общения), как «речь» власти, обращенная к обществу и подразумевающая структурирование последнего по определенным цивилизационным и историческим канонам. Несомненно, что сама эта «речь» подчинена определенной логике. Термин «логика», как известно, происходит от греческого слова «логос», первоначально подразумевающего закон, основу мира, его порядок и гармонию². В данном контексте логос (логика) есть механизм упорядочивания общества с использованием традиционных и инновационных, инвариантных и вариативных, глобальных и локальных способов, методов и средств. Логика – это модальность, требование к носителю «речи» – власти, порожденное цивилизационными и конкретно-историческими обстоятельствами.

Дискурс («речь») власти подчиняется общей логике, которая не существует «вообще», а проявляется через «частные» логики, т. е. конкретные механизмы структурирования общества. Подлинное наполнение дискурса власти жизнью равнозначно использованию этих механизмов. Это актуализирует задачу построения общей архитектоники политико-культурного развития, чтобы показать предназначение каждого из «частнологических» механизмов структурирования общества, а также понять их глубинную взаимосвязь. Причем построение нужно начинать с того, что идет «естественным путем» и заканчивать тем, что «требует усилий».

В результате получается следующая архитектурная цепочка, имеющая внутреннее единство:

- общая логика (доминирование инвариантных коммуникаций по линии «власть-общество»);
- формальная логика (доминирование «вечных» проблем в интеракции власти и общества);
- содержательная логика (доминирование цивилизационных и исторических стилей властного структурирования общества).

В рамках *объективно-логической упростаси политико-культурного развития* власть и общество оказываются настолько глубоко вовлеченными в систему коммуникаций (отношений), что «растворяются» в ней, становятся «невидимыми». Постоянно воспроизводимый инвариант данной системы включает коммуникации по вертикали (политические), горизонтали (социальные), а также синтезирующие (культурные). Здесь отношения в рамках каждой составляющей, а также между ними становится движущей силой развития. По мнению К. Ясперса, безграничная готовность к коммуникации является не следствием знания, а решением вступить на путь человеческого бытия³.

Коммуникации по вертикали в наибольшей степени пронизаны политикой, так как условием своего существования подразумевают наличие активной и пассивной сторон социальной интеракции. Активной стороной является не та, которая находится на вершине социальной пирамиды (занятие высоких государственных постов и т.д.), а та, которая берет на себя инициативу, формулирует цели и выбирает средства их реализации. Политика, таким образом, это реальное, а не декларативное влияние одних социальных агентов на другие в соответствии со сложившимся статус-кво.

Коммуникации по горизонтали имеют ярко выраженную социальную подоплеку. На первый план выходит признание взаимозависимости «всех участников» на основе вошедший в плоть и кровь простой истины: «одно подразумевает другое». *Синтезирующие коммуникации* выступают в культурной оболочке, они «невидимы», неосязаемы, но без них общество становится рыхлым, аморфным образованием – обществом «без названия», что сродни его отождествлению с охлосом, толпой, ордой и т.д. Главное их предназначение – давать обществу ориентиры ценностного плана, служить в качестве смыслообразующей силы.

² См.: Философский словарь. М.: Политиздат. – 1991. – С. 228.

³ См.: Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначения истории. М.: Политиздат, 1991. – С.442, 508.

Социальное «отягощено» не только физическими явлениями (конкретными людьми, социальными группами, эмпирически фиксируемым образом жизни), но и психологическим фактором – субъективным «прочтением» социальной физики, что, в свою очередь, предполагает его объективацию – перевод в символическую форму с целью достижения «смыслового стыка» как в рамках одного поколения («современники»), так и применительно к различным поколениям и историческим эпохам («предки»-«современники»-«потомки»). Поэтому «только тот факт, что «позади» этих физических явлений предполагаются психические переживания, – только тот факт делает их «социальным явлением». Где такой подразумеваемости нет – нет и социального факта... «Материальные вещи» – суть «социальные ценности» лишь благодаря тому, что объективируют психику: определенные мысли, чувства и т. д. В этом смысле вполне правильно определить их как застывшую психику... Каждое психическое взаимодействие имеет две стороны: одну внутреннюю – чисто психическую, другую – внешнюю – символическую; первая для нас непосредственно не дана, а дана всегда лишь в виде символов... Для возможности правильного психического общения... необходимо еще одинаковое понимание самих символов, объективирующих душевное состояние. Где этой тождественности нет – нет там, по существу, и социальной группы».⁴

Социальные отношения неизбежно должны принимать символическую форму, что выводит на первый план проблему универсализации значений используемых символов. «Без компонента значения, – подчеркивает П. Сорокин, – все социокультурные явления становятся чисто физическими или биологическими... Значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений»⁵.

Политическая составляющая дискурса власти зависит от социальной его составляющей, ибо постоянно требует «другого», которым можно управлять. Без соотнесения одного (властвующего) с другим (подчиняющимся) политика вообще немислима. В то же время без ценностных ориентиров, задаваемых культурой, политика превращается в чистую технологию и, по сути, становится тавтологичной, когда воздействие осуществляется не ради реализации целей и ценностей, способных объединить сцементировать общество, сделать его управляемым, а ради самого воздействия. В связи с этим аксиологичность становится неотъемлемой характеристикой политического бытия.

Социальная составляющая властного дискурса, признавая тотальную взаимообусловленность и взаимозависимость общественных процессов, в свою очередь получает импульсы от политики. Социальные связи основаны не только на симметрии взаимовлияния ее участников, но и на асимметричности данного процесса. Поэтому одни социальные субъекты играют роль ведущего, другие – ведомого, что неизбежно политизирует социальные отношения. Атрибутивный же характер культурной детерминации обусловлен тем, что потеря ценностных (культурных) ориентиров уподобляет социум кораблю «без руля и ветрил».

Наконец, культурная составляющая дискурса власти зависит от политики в том смысле, что, будучи «невидимой силой» общества, она нуждается в видимой силе, способной упорядочить ценностный хаос. И это вмешательство оправдано, так как предохраняет общество от духовной деградации. Причем это вмешательство может быть не только «извне» – со стороны государственных структур, но и «изнутри» – со стороны отдельных представителей или групп культурной элиты. А социальная составляющая дискурса власти становится детерминантой культуры по причине того, что сами ценности, нормы и т.д. являются результатом социального взаимодействия, заполняя пространство общественного и индивидуального сознания. Культура существует не сама по себе, а «светится» через социум, приобретая материализованные очертания. Объективная логика политико-культурного развития, таким образом, показывает, что каждая его составляющая, не существует в чистом виде, а проявляется через другую, становящуюся необходимым моментом ее бытия.

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – С. 41-42, 50.

⁵ Там же. С. 201, 205.

Формальная логика политико-культурного развития замыкается на «вечных» проблемах, которые должны решаться в процессе властного структурирования общества. Как известно, в формальной логике главным является соблюдение правил, нормативов и т.д. Применительно к политико-культурному развитию «нормой», на которую нужно ориентироваться, становятся *проблемы*, одинаково важные в любую историческую эпоху. Сам факт, что их нельзя избежать, придает им статус «вечных» проблем. Проблемное поле политико-культурного развития в историческом ракурсе включает триаду «интеграция – легитимация – идентификация».

Проблема интеграции затрагивает, с одной стороны, необходимость обеспечения единства общества, предохранения его от сползания к состоянию охлоса, а с другой – налагает на власть миссию «раствориться» в обществе, сделаться диффузной. Именно данное качество власти, по мнению М. Фуко, есть ее подлинное бытие. Интеграционная ангажированность политико-культурных процессов ставит власть перед задачей управлять обществом, не возвышаясь над ним. Социум в данном контексте апеллирует в значительной степени и к носителям официальной власти (должностным лицам), и к авторитетам, выступающим зачастую уже не в институциональном, а в персональном (харизматическом) качестве, что позволяет большинством граждан рассматривать их как «своих». Поэтому общественная жизнь развивается, структурируется и переструктурируется не только как результат давления извне (со стороны институциональной власти), а вследствие импульсов, исходящих из ее культурных глубин. Таким образом, здесь сохраняется асимметрия влияний, но они приобретают ярко выраженную *социальную подоплеку*.

Проблема легитимации имеет отношение к постоянной борьбе властвующего субъекта за производство и воспроизводство общественных отношений, гарантирующих устраивающее его статус-кво. В свою очередь сторона, олицетворяющая демос ожидает от власти доказательств ее эффективности. Это выступает как естественное (измеряемое на уровне общественного мнения) право народной массы на вынесение вердикта той силе, которая делегирована выполнять упорядочивающую функцию. Проблема легитимации вследствие этого приобретает однозначно *политический характер*.

Проблема идентификации подразумевает поиск ценностей (идеалов), способных стать высшим духовным регулятивом власти и общества. Как известно, термин «идентификация», введенный в оборот З. Фрейдом, означает процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, объектом. В рамках политико-культурного развития актуализация данной проблемы равнозначна поиску той духовной силы, которая смогла бы объединить, сцементировать стремление к порядку и ориентацию на развитие самостоятельных начал. В этом поиске власть и общество «едины», так как отсутствие сплачивающей общей ценности (национальной идеи) ставит под вопрос само их существование. В этом смысле они обречены на сотрудничество, ибо в случае нерешенности этой проблемы власть как упорядочивающая сила теряет способность четко обозначать перспективы обуздания стихий, коренящихся в социуме, а сам он становится конгломератом «без названия». Действительность предстает таковой, что граждане либо не понимают, к какому «изму» они принадлежат, либо запутываются в многочисленных «измах». Проблема идентификации, таким образом, выводит на первый план *культурную составляющую* общественного бытия.

Признавая объективную равнозначность (быть атрибутом политико-культурного развития) каждой из трех проблем, необходимо подчеркнуть разную степень их актуальности на субъективном уровне.

Наиболее «спокойно» воспринимается проблема интеграции, когда необходимо реагировать на сложившееся статусное, имущественное, территориальное и иное размежевание в обществе. Проблема интеграции – это болезнь общественного организма, которую можно излечить на основе привлечения всего потенциала власти. Поэтому доверие к упорядочивающей силе, будь это сила директив или смыслообразующих символов достаточно велико. В массах широко распространяются ожидания того, что вмешательство власти – решающее условие достижения интегрированности общества. Более болезненно воспринимается проблема легитимации, показывающая возросшую степень недоверия населения власти. С одной стороны, это проблема власти (точнее, ее носителей), а с другой – общество лихорадит из-за ощущения того, что ключевой его структуратор

(власть) оказался функционально неэффективным. Наконец, проблема идентификации (кризис идентичности) может считаться вершиной кризисного развития общества, так как она затрагивает уже не политические и социальные, а цивилизационные (культурные) его основания. Кратический и социумный акторы бытийствуют не «вообще», а в определенном качестве, предполагающем соответствующую цивилизационную оболочку. Нерешенность идентификационной проблемы – это разрыхление данной оболочки, грозный симптом того, что у общества и власти данного цивилизационного ареала нет будущего.

Анализируя проблемное поле взаимодействия упорядочивающей и стихийной сил можно сделать вывод, что в одном случае власть вынуждена *растворяться* в обществе – и это самый весомый вклад в решение проблемы его интеграции, так как здесь принуждающие технологии подкрепляются мотивирующими рычагами воздействия. В другом случае власть выступает *против* общества в том смысле, что она считает себя носителем «истины в последней инстанции». Поэтому она постоянно должна обосновывать свои претензии, придавать им легитимный характер. В третьем случае власть ориентируется на *союз* с обществом. Причем не имеет значения, какие социальные силы воплощают энергетику кратоса. Общество и власть вынуждены стать единым целым перед лицом грозной опасности – отсутствием сплачивающей ценности (национальной идеи). Неудача в поиске ключевого идентификатора равнозначна их смерти, но не в физическом, а прежде в цивилизационном отношении. Точнее, один цивилизационный код сменится другим с последующей цепной реакцией, которая захватит все сферы бытия главных акторов – власти и общества.

Рассмотренный выше формально-логический уровень политико-культурного пространства взаимодействия социума и кратоса обретает «плоть» на уровне его *содержательной логики*. Здесь на первый план выступает *стиль* властного структурирования общества, воплощенный в политико-культурных парадигмах ⁶.

Политико-культурное развитие общества на парадигмальном уровне характеризуется амбивалентностью – совмещением непреходящих и преходящих моментов его бытия. Первый имеет отношение к цивилизационной (архетипической) ⁷, а второй – к историческим (модусным) парадигмам.

Парадигма-архетип – это изначально заданная предрасположенность власти к структурированию общества по определенным цивилизационным алгоритмам. Причем, силы (акторы) структурирования не столько осознают данные импульсы, сколько просто оказываются под воздействием их стихии.

Но политико-культурное развитие обусловлено не только фундаментальными цивилизационными *основаниями* (парадигмами-архетипами), но и конкретно-историческими условиями, формирующими *стиль* и *способ* структурирования общества (историческими парадигмами). В этой связи политико-культурное развитие как интеракция власти и общества включает фундаментальную (цивилизационную) парадигму, являющуюся его инвариантом, и исторические (актуализированные в определенные исторические эпохи) парадигмы как ее модификации.

Цивилизационная парадигма политико-культурного развития общества является его *фундаментом*, она изменяется, трансформируется гораздо медленнее, чем модусные

⁶ Понятие парадигмы первоначально означало признаваемые всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения (См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. – С. 11). В дальнейшем сфера употребления данного понятия расширилась и оно стало характеризовать не только спекулятивно-научное, но и духовно-практическое отношение человека к миру.

⁷ Архетипы – это формы (идеи) психики, носящие схематический характер и не имеющие внутреннего содержания, но способные оформляться в конкретные представления тогда, когда они проникают на сознательный уровень (См.: Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. – С. 64-65, 97-98.). Данная трактовка архетипов может служить методологическим ориентиром при условии ее «очищения» от психологизма, то есть отказа от исключительно перцептивных интерпретаций. Исходя из этого, напрашивается понимание архетипов как структурирующих (перво)образцов, сформированных определенной культурно-исторической средой и оказывающих детерминирующее влияние на процессы общественного развития.

парадигмы, призванные «откликаться» на вызовы конкретно-исторической эпохи и становящиеся своеобразными ее *технотипами*. Поэтому в рамках одной парадигмы-архетипа могут присутствовать несколько сменяющих друг друга парадигм-технотипов. Политико-культурное развитие – это переход от одной парадигмы-технотипа к другой при неизменности парадигмы-архетипа, являющейся цивилизационным кодом данного общества.

Формируются своеобразные «зоны парадигмальной ответственности». Предназначение исторической политико-культурной парадигмы – *воспроизводить механизмы поддержания целостности общества*, что подразумевает в зависимости от социально-исторического контекста использование властью широкого спектра способов и средств воздействия, начиная от грубого насилия и заканчивая изоощренными технологиями манипулирования сознанием и поведением людей. Прерогатива архетипической парадигмы – «отвечать» за *жизнеспособность* общества. Ее сила заключается в потенциале ассимиляторства, то есть в способности заставлять «электроны» (различные обстоятельства) двигаться вокруг «ядра» (основного замысла).

Интеракция власти и общества в контексте политико-культурного развития образует архитектурно-технологическую целостность, когда один структурирующий механизм не просто сменяет другой, а, надстраиваясь над ним, использует его как условие своего существования. Содержательная логика, венчая архитектурно-технологическую пирамиду, требует выхода на цивилизационные и исторические характеристики (парадигмы) уже не общества вообще, а конкретного общества. В этом случае социально-философский подход нивелируется, а точнее, становится менее выраженным и очевидным, трансформируясь в сугубо социологические, исторические и иные конкретно-научные трактовки данной проблемы.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.
3. «Технология власти» (философско-политический анализ)/ Отв. ред. Р.И. Соколова. – М.: ИФРАН, 1995.
4. Юнг К. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

POWER AND SOCIETY: INTERACTION IN THE LIGHT OF POLITICAL AND CULTURAL ASPECTS

V.A. NOSKOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail:noskov@bsu.edu.ru

The article shows the interaction of power and society in the light of political and cultural vision. The author claims that power and society represent the reality that is integrated and is heterogeneous and is constituted on the foundation of relativistic principle. In this respect a political and cultural factor as a structural direction for society is characterized.

Keywords: authority, society, interaction, discourse, politics, culture, integration, legitimation, identification, paradigm, archetype, technotype.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

ПРИГЛАШАЕМ К ОБСУЖДЕНИЮ

УДК 316.42:35

ФОРМИРОВАНИЕ СОЛИДАРНОГО ОБЩЕСТВА КАК СТРАТЕГИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ

В.П. БАБИНЦЕВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Babintsev@bsu.edu.ru*

В статье исследуется проблема формирования солидарного общества в регионе. Обосновывается, что в настоящее время становится востребованной идея социальной солидарности, которая в последнее время все чаще актуализируется представителями самых различных общественных сил. Утверждается, что стратегия формирования регионального солидарного общества заключается в утверждении в обществе принципов социальности (солидарности), существенно меняющих качество человеческих отношений. Выделяются принципы формирования и реализации стратегии: взаимное уважение, солидарность, ответственность, субкультурная интеграция.

Ключевые слова: регион, социальное сообщество, солидарность, социальный капитал.

В ситуации дефицита внятных и концептуально обоснованных ориентиров стратегического развития отдельные субъекты РФ предпринимают попытки сформировать собственное понимание социальной перспективы, которое приобретает характер практико-ориентированного концепта. В Белгородской области, в частности, оно выразилось в разработку Стратегии формирования солидарного общества, базирующейся на теории актуализации социального капитала П. Бурдьё. Известно, что он трактовал социальный капитал как человеческие возможности, сформировавшиеся в результате интеграции людей в социальные группы (семью, трудовой коллектив, местное сообщество, нацию). П. Бурдьё характеризовал его как агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, связанных с включением в прочные сетевые или более-менее институционализированные отношения взаимных обязательств или признаний... Выгода, которая аккумулируется благодаря членству в группе, является базисом возможной солидарности»¹. Социальная сеть не дана изначально и должна быть сконструирована посредством институционализации группо-

¹ Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, 1985. P.248-249.

вых взаимодействий, которые используются как надежный источник других ресурсов. Из определения П. Бурдье становится понятным, что, во-первых, социальные взаимоотношения сами по себе открывают индивидам доступ к ресурсам ассоциации или группы; во-вторых, качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов.

Социальный капитал – это реальные и потенциальные возможности людей, которые они могут использовать для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества, и которые являются результатом их межличностного взаимодействия. Наиболее существенным в социальном капитале является то, что он создается не усилиями отдельных, обособленных друг от друга людей, а формируется и накапливается под влиянием их включения в прочные коллективистские отношения, установления и выполнения взаимных обязательств, ответственности и солидарности. Размер социального капитала общества прямо зависит от степени взаимной поддержки, сотрудничества и доверия его граждан друг к другу. Чем этот уровень выше, тем большими ресурсами обладают страна и государство. Именно человеческий и социальный капитал исторически востребованы в современной России, разумеется, при условии того, что идея ее модернизации является не имитацией, но реальной установкой правящей элиты как на федеральном, так и на региональном уровне.

Одна из проблем регионального (и шире – национального) развития в настоящее время заключается в том, что условия развития социального капитала становятся крайне неблагоприятными в силу фрагментации регионального социокультурного пространства и, более того, утраты целостности человеческого существования. Например, во многом утрачивается связь между уровнем экономического развития общества и его социальной стабильностью, а также позитивным восприятием человеком своего места в жизни, то есть тем, что называется индивидуальным счастьем.

Едва ли не самым серьезным вызовом регионального развития в настоящее время становится фрагментация социокультурного пространства регионального сообщества, утрата им нормативно-ценностного и духовного единства, минимальная степень которого необходима для обеспечения, по меньшей мере, как простого воспроизводства, так и, главным образом, инновационного развития.

Для региональных пространств, как и для России в целом, типична ситуация «распада связи времен», характерными чертами которой являются:

- дискредитация общественно значимых, консолидирующих идей, ориентация, практически, каждой статусной группы на свою «особую правду»;
- аномальная композиция индивидуального и общественного сознания, в котором одновременно представлены и уживаются противоположные по своей направленности установки, ориентации и идеи;
- социальное дезертирство, заключающееся в отказе выполнять социальные роли;
- алогичность социального мышления, доводимая в своих крайних формах до легитимации абсурда;
- тотальная негативная саморефлексия и самооценка, проявляющаяся в типично мазохистском унижении собственной истории, культуры, в отрицании социальной перспективы;
- пониженная реакция на внешние факторы, в том числе и на те, что непосредственно влияют на качество жизни, массовая общественная апатия и равнодушие;
- социальная виктимность, выражающаяся в потенциальной готовности стать жертвой обмана, объектом беззастенчивого манипулирования сознанием;
- сервильность, главным признаком которой является готовность человека услужить «сильным мира сего», даже если такое служение противоречит нормам права и морали, не соответствует общественному интересу.

Вследствие этих изменений разрушаются общественные связи, принадлежность людей к социальным институтам становится чисто формальной, а граждане не только отказываются отвечать на вызовы, которые адресуются им от имени государства и общества, но и конструктивно сотрудничать друг с другом. При этом идеология отказа от сотрудничества пронизывает всю социальную иерархию. На нижних уровнях она выражается в неготовности выслушивать и учитывать мнение соседей, родственников, посторон-

них, в попытках агрессивно реагировать даже на элементарное выражение собственного мнения. На высших – в отстранении от общественного участия и гражданского диалога.

Низкий уровень взаимного доверия и ответственности в отношениях между гражданами, являющийся логическим следствием сформировавшейся культурной среды, не только разрушительно воздействует на духовно-нравственную атмосферу в обществе, на отношения между гражданами и властью, но и создает существенные препятствия для реализации социально-экономических проектов и программ, которые не могут быть успешно осуществлены в разобщенной среде, где каждая социальная группа преследует свои корпоративные интересы, а каждый отдельный человек остается наедине со своими проблемами.

Это порождает у населения ощущение неуверенности, небезопасности существования, которое все более усиливается. В данной связи, очевидно, следует говорить о заметных изменениях общественных настроений, выражающихся, в частности, переоценке наиболее значимых жизненных проблем. Если в конце 1990-х – начале 2000-х гг. самыми острыми проблемами граждане считали проблемы материального характера, то в последние годы, наряду с сохранением их актуальности, на первый план выдвигаются именно проблемы безопасности.

В данном контексте и становится востребованной идея социальной солидарности, которая в последнее время все чаще актуализируется представителями самых различных общественных сил. И это вполне логично, поскольку солидарность – не что иное, как такой уровень согласия, без которого в пределах сообщества невозможны эффективные межличностные и институциональные коммуникации.

Вполне назрела идея формирования регионального солидарного общества как системы межличностных и межгрупповых отношений субъекта Российской Федерации, основанной на осознании их участниками общности фундаментальных интересов, ценностей и жизненных смыслов, взаимной поддержке, лояльности и сотрудничестве в достижении позитивных общественно значимых целей. Она была озвучена, насколько нам известно, впервые в России Губернатором Белгородской области Е.С. Савченко почти два года назад. Данная идея и реализована в виде нормативного документа – Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011 – 2025 годы»². Однако вполне очевидно, что определение ее как одной из целей регионального развития требует анализа широкого круга проблем, связанных с качественной характеристикой такого общества и барьеров, неизбежно возникающих в процессе его создания.

Идея солидарности коррелирует с концепцией социетального сообщества Т. Парсонса, основанной на представлении о том, что «личные мотивы эффективно канализируются в социальную систему через лояльность и членство в различных по отношению к ним коллективам»³. Лояльность, согласно Т. Парсонсу, представляет собой «готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности»⁴. Следовательно, функция социетального сообщества заключается в определении обязательств для членов коллектива, вытекающих из принципа их лояльности.

С учетом разработок Т. Парсонса содержание стратегии формирования регионального солидарного общества заключается в утверждении в обществе принципов социетальности (солидарности), существенно меняющих качество человеческих отношений.

К числу этих принципов относятся:

– доверие, выражающееся в установке в межличностных и социальных отношениях на открытые, конструктивные взаимоотношения, основанной на позитивном опыте реализации ожиданий в отношении других людей, социальных институтов, организаций. Футуролог и социолог Ф. Фукуяма, в частности, подчеркивал, что «доверие – это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более

² Стратегия «Формирование регионального солидарного общества». Белгород, 2011.

³ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. – С. 26.

⁴ Там же. С. 26.

или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»⁵;

– взаимное уважение, предполагающее, что граждане не только имеют представление о ценностях, смыслах и мотивах, лежащих в основе поведения каждого из них, но наделяют их значимостью, признают важными, заслуживающими внимания; не подвергают данные конструкции каким либо формам деструкции, разумеется, если эти феномены не антисоциальны;

– солидарность, представляющая собой деятельное сочувствие интересам, мнениям сограждан, коллег, близких людей единоподушие с ними. Такое сочувствие может быть лишь результатом взаимного проникновения в базисные ценности и достижением баланса между ними;

– ответственность, которая выражается в готовности и способности человека взять обязательства перед согражданами и самим собой и выполнить их, невзирая на обстоятельства. Необходимо подчеркнуть, что дефицит ответственности является одной из самых острых проблем развития российского общества. И вполне обоснованно Г.В. Осипов пишет: «...все то драматическое, что происходит с человеком и обществом в России, – это в значительной степени результат социальных действий конкретных властных структур, конкретных людей, включенных в эти структуры, и за это они должны нести социальную ответственность»⁶. И крайне важно, чтобы ответственность не была одинаковой для всех, но распределялась соответственно ресурсам, контролируемым человеком или группой. Более высокий статус должен означать не установление льгот или привилегий, освобождающих от обязанностей, но, напротив, необходимость нести дополнительные нагрузки в отношении социума. Следовательно, должен последовательно реализоваться, фактически, попорченный сегодня, но востребованный людьми принцип социальной справедливости, рассматриваемой как мера, устанавливаемая для определения соответствия между деянием и воздаянием, между возможностями и результатами;

– субкультурная интеграция, предполагающая реальную, а не формальную принадлежность к коллективным образованиям, начиная с семьи и заканчивая этносом (этнической группой), опирающуюся на принятие культурных стандартов и стилей поведения. Реальностью настоящего является то, что включённость человека в те или иные социальные группы приобретает по преимуществу формальный характер и определяется внешними по отношению к диспозиции личности факторами (профессиональный статус, образование, место жительства). Граждане при этом крайне редко испытывают потребность содействовать социальному успеху своей общности, ее статусному продвижению. Личная зависть в значительной мере определяет взаимоотношения между людьми. Одновременно социальная группа и общество в целом мало заботится об отдельных гражданах, а в сложных (критических) ситуациях люди, независимо от их статуса, очень часто остаются без корпоративной поддержки и защиты. Субкультурная интеграция означает формирование прочных межличностных и групповых связей на качественно иной основе – достижения ценностно-смыслового единства и соблюдения норм.

Мы полагаем, что установка на социальность и солидарность должна превратиться в доминанту государственной политики в регионе, а стратегия формирования регионального солидарного общества в реальный, а не имитационный проект.

Однако реализация предложенной стратегии связана с комплексом трудностей и рисков. Прежде всего, они определяются новизной предлагаемого подхода к формированию и реализации региональной политики. Применяемая в настоящее время модель ориентирована на достижение результатов, измеряемых в «физических» показателях. В предлагаемом стратегией подходе акцент сделан, прежде всего, на оценку показателей состояния общественного сознания. Разумеется, это не означает полного отказа от применяемых в настоящее время оценочных процедур, но требует пересмотра приоритетов, смещения их в направлении формирования личностных установок и межличностных отношений, а выявленная динамика будет определять результативность усилий государст-

⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. – С. 52.

⁶ Осипов Г.В. Социология и общество. М., 2007. – С. 179.

венных и общественных (гражданских) структур, предпринимаемых в отношении различных социальных групп.

Подобное смещение ракурса анализа определяется тем, что социальные процессы имеют преимущественно аксиологическую детерминацию и, в силу данного обстоятельства, предполагают модификацию ценностно-смысловых паттерн населения. Очевидно, что уже сама постановка данной задачи указывает на ряд трудностей ее реализации, определяющихся как спецификой социальной среды, так и состоянием общественного сознания. К их числу относятся:

– слабая подверженность культурных стереотипов и ценностей целенаправленным управленческим воздействиям. Это обусловлено природой ценностей, в которых заключен объективный смысл (Л. Столович)⁷, существующие в культуре интеллектуальные константы (архетипы, К.Г. Юнг⁸, символические формы, Э. Кассирер). Ценностные (субкультурные) модификации в принципе возможны, но они требуют стратегических выверенных решений и длительного времени. Ни то, ни другое не характерно для отечественной бюрократии, ориентированной на упрощенные управленческие модели, реализуемые «здесь и сейчас»;

– фрагментация социокультурной целостности регионального сообщества, которое в последние десятилетия становится исключительно мозаичным в культурном отношении; при этом его отдельные элементы, как правило, мало связаны друг с другом. В социуме формируются специфические культурные миры, и принадлежащие к ним граждане все чаще даже не пересекаются друг с другом. Нарастает культурный изоляционизм, ориентированный на приоритет части над целым. Показательно, например, что граждане все чаще не идентифицируют себя с Россией, не только как с особой цивилизацией и культурой, но и как с государством. Так исследование «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)» показало, что только 56,13% молодых людей ощущают себя, в первую очередь, россиянами; представителями своего народа в первую очередь считают себя 12,1% респондентов. Значительная часть участников опроса воспринимают себя просто как жителей региона, города, района, безотносительно к стране в целом⁹. Подобная дифференциация прослеживается не только по этническому, но и по другим признакам (религиозному, профессиональному, возрастному). Субкультурные различия становятся приоритетными по отношению ко всем другим разграничивающим людей факторам, превращаются в наиболее значимый фактор социальной демаркации;

– деавтономизация региона в принятии ряда ключевых для социокультурного развития решений. Выстраивание «вертикали власти» привело к тому, что субъекты РФ оказались в исключительной высокой зависимости от федерального центра в ресурсном, идеологическом отношении, что в частности, выражается в исключительной «федерально-ориентированной» социально-психологической зависимости региональных элит. Следствием последнего обстоятельства стала неспособность или неготовность руководства многих из них предложить оригинальные модели развития, учитывающие региональную специфику. В то же время на общегосударственном уровне не предложено удовлетворительной национальной стратегии;

– отчужденность власти и населения и, как следствие, неприятие основной массой граждан инициатив, исходящих от власти, что, как отмечалось выше, проявляется и в низком уровне доверия между властью и населением. При этом в основе недоверия лежат различия, определяющиеся особой субкультурной природой бюрократии. Субкультура современной российской бюрократии представляет собой ценностный локальный мир чиновников, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стиливого

⁷ Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. М., 1972.

⁸ Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1992.

⁹ Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ). Белгород, 2008. – С. 208.

поведения; групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства¹⁰. При этом субкультурные особенности в гораздо большей степени, чем социально-статусные факторы, выделяют бюрократию из общей массы населения как надгосударственную корпорацию, своего рода орден.

Безусловно, каждый отдельный чиновник позиционируется в собственном мнении и в оценках окружающих по иным признакам, к числу которых относятся формальный статус, уровень доходов, место работы, а в последнее время – еще и чин, правда, о последнем референтное окружение имеет предельно общее представление. Но, как представитель субкультуры, он является именно носителем конкретных ценностей и смыслов, обеспечивающих ему реализацию профессиональной и жизненной стратегии и формирование желаемого имиджа. Этот имидж, как правило, не соответствует реальности, но особенностью бюрократической субкультуры является сознательное конструирование комфортного ценностного мира вне зависимости от его адекватности внешней среде. Бюрократическая субкультура, по сути своей, ориентирована на воспроизводство традиционных смыслов, в то время как идея солидарности требует инновационных подходов и решений;

– установка на имитацию в управленческом процессе. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении представляют собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией. Декларация, как правило, представляет собой заявление о желаемом результате, которое не подкреплено взвешенной оценкой реальных возможностей субъекта, а провозглашенные в нем цели не обоснованы с точки зрения наличных средств и ресурсов. Декорация – это односторонняя (выгодная субъекту) интерпретация реальности, связанная с наделением ее ценностями, значимыми для субъекта и объекта воздействия. Демонстрация включает в себя осуществление процедур, формулировку идей, лишенных реального содержания (духа реальности), но соответствующих формальным нормам. Распространяясь практически на все компоненты управленческого процесса, имитации приобретают самостоятельное значение. Они реализуются не только в виде масштабных технологических моделей, но становятся важнейшей составляющей бюрократического мировоззрения, имманентно заключающего в себе возможность подобных действий. Региональная стратегия формирования солидарного общества имеет все предпосылки для превращения в имитационный проект, поскольку, во-первых, в самой формулировке идеи присутствует некий налет декларативности, по меньшей мере, так ее воспринимает часть населения, прежде всего, элиты, которая за долгий период квазилиберальных реформ обесценила значение «высоких» слов; во-вторых, реализация стратегии требует очень больших усилий, которые легче изобразить, чем реально приложить; в-третьих, проектно-технологический кретинизм, присущий значительной части чиновников не позволяет уложить в рамки их сознания идею, которая не имеет материальных результатов своей реализации;

– невысокий уровень базовой культуры населения, типичными характеристиками которой являются ориентация на взаимодействие в малых группах, связанных, прежде всего, родственными отношениями, недоверие к «другим», в качестве представленных не только иными национальными и религиозными группами, но и людьми, отличающиеся по своему социальному статусу, стилю жизни. Уже сегодня в ходе обсуждений стратегии участники высказывают убеждение, что основные проблемы ее реализации будут связаны с налаживанием диалога на бытовом уровне («на уровне лестничных площадок»);

– неадекватная стратегии социальная и управленческая компетентность кадров системы государственного и муниципального управления, многие из которых адаптированы к выполнению формальных управленческих процедур, достижение частных результатов в экономике и социальной сфере и не способны подняться до осознания необходимости социокультурных модификаций. А именно социокультурные модификации, то есть

¹⁰ В основе предложенного определения лежит концепция субкультуры, представленная в диссертационном исследовании О.Н. Римской. – Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий. Дис. ... канд. филос. наук. 09.00.14. Тула, 2011.

изменения системы ценностей и норм поведения являются условием осуществления стратегии.

Тем не менее, в российском, в том числе и белгородском обществе развиваются тенденции, которые дают некоторые основания надеяться, что стратегия может быть реализована. Главная из них заключается в неустойчивости социокультурной ситуации, нахождении ее в своеобразной точке бифуркации. Этот этап является состоянием выбора возможных вариантов развития системы, возникающим в результате ее внутреннего напряжения. Если напряжение, испытываемое системой в такие моменты, оказывается выше допустимого предела, то она переключается с одного набора аттракторов, то есть сил, направляющих ее развитие по определенным траекториям, на другие, при которых она начинает вести себя иначе, т.е. входит в новый динамичный режим¹¹. «В переломный момент жизни системы, – отмечает И. Пригожин, – нельзя предсказать ее будущее, т.к. в условиях неустойчивости и неравновесия любое в обычных условиях незначительное событие или действие может изменить систему и весь ход ее истории»¹².

Переживаемый Россией период может быть проанализирован на основе методологии изучения социокультурной динамики общества и социокультурного пространства в условиях перехода и кризиса, представленную в трудах П.А. Сорокина¹³. Произошедшие в XX в. и осуществляющиеся в наши дни глубокие изменения в различных сферах общества отразились в культуре. И вполне обоснованно С.П. Парамонова утверждает, что «в переходную эпоху культура становится зыбкой внутри себя»¹⁴. В свою очередь М.С. Каган полагал, что в состоянии переходности, характеризующейся неопределенностью, поливариантностью дальнейшего развития культуры, решающую роль играют «случайные» для культуры факторы¹⁵.

Однако эти факторы могут быть довольно успешно конфигурированы в результате целенаправленных действий государственных, муниципальных и общественных структур. Первоочередными задачами при этом являются:

- формулировка ценностей и смыслов, которые являются безусловными для абсолютного большинства населения субъекта Российской Федерации и воспринимаются молодежью. Как уже отмечалось, эти ценности и смыслы не должны принимать вид абстрактных конструкций, до понимания которых большая часть молодежи не готова, да и во многих случаях не способна подниматься, но иметь инструментальный характер, презентуемый в категориях здравого смысла;

- утверждение идеи социальной справедливости как ведущего принципа взаимоотношений между людьми, правда, при этом общество должно договориться о том, что является справедливым;

- реальная, а не имитируемая борьба с коррупцией, являющейся главной причиной взаимного отчуждения между гражданами и властью;

- наличие четких границ во взаимоотношениях между людьми и социальными институтами, которые не могут быть нарушены ни при каких условиях;

- акцент на взаимной ответственности (власти и населения, граждан по отношению друг к другу);

- постоянный и конструктивный диалог государства и молодежи;

- консенсусный язык общения, в основе которого лежит стремление найти общие смыслы, понять друг друга.

Список литературы

1. Каган, М. С. Философская теория ценности [Текст] / М. С. Каган ; С.-Петербург. гос. ун-т, Акад. гуманитар. наук. – СПб. : Петрополис, 1997. – 204 с.

¹¹ См.: Тюрина И.О. Бифуркация // Политическая энциклопедия в 2 т. М. 2000. – С. 132. Т 1.

¹² См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.

¹³ Сорокин П.А. Социокультурная динамика// Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. – С. 425-505.

¹⁴ Парамонова С.П. Динамика морального сознания. URL: www.philosophy.nsc.ru/youngcons/mol/2010.pdf (дата обращения: 19.11.2010г.).

¹⁵ Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

2. Осипов, Г. В. Социология и общество [Текст] : социол. анализ русской смуты / Г. В. Осипов ; РАН, Ин-т соц.-полит. исслед., Ин-т перспективных исслед. – М. : НОРМА, 2007. – 846 с.
3. Парамонова С.П. Динамика морального сознания. URL: www.philosophy.nsc.ru/youngcons/mol/2010.pdf (дата обращения: 19.11.2010г.).
4. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст] / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.
5. Пригожин, И. Порядок из хаоса [Текст] : новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова ; общ. ред. В. И. Аршинова [и др.]. – М. : Прогресс, 1986. – 431 с.
6. Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) [Текст] : сб. материалов социол. исслед. / под ред. Л. Я. Дятченко. – Белгород : БелГУ, 2008. – 326 с.
7. Римская, О. Н. Феноменология субкультурных религий [Текст] : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / О. Н. Римская. – Тула, 2011. – 172 с.
8. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика [Текст] : исслед. изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ. В. В. Сапова ; РАН, Ин-т социологии, Междунар. ин-т Н. Кондратьева – П. Сорокина. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1054 с.
9. Столович, Л. Н. Природа эстетической ценности [Текст] / Л. Н. Столович. – М. : Политиздат, 1972. – 271 с.
10. Стратегия «Формирование регионального солидарного общества». – Белгород: без изд-ва, 2011. – 80 с.
11. Тюрина, И. О. Бифуркация политическая [Текст] / И. О. Тюрина // Политическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ.-науч. Фонд ; рук. проекта Г. Ю. Семигин. – М., 2000. – Т. 1: А-М. – С. 131-132.
12. Фукуяма, Ф. Доверие [Текст] : соц. добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина]. – М. : АСТ : Ермак, 2004. – 730 с.
13. Юнг, К. Г. Феномен духа в искусстве и науке [Текст] : пер. с нем. / К. Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1992. – 313 с.
14. Bourdieu, P. The Forms of Capital [Text] / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. – New York [u. a.], 1986. – P. 241-260.

THE FORMATION OF THE SOLIDARITY SOCIETY AS A STRATEGY OF REGIONAL DEVELOPMENT: PROBLEMS AND RISKS

V.P. BABINTSEV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Babintsev@bsu.edu.ru

The problem of construction the solidarity society in the region has been analyzed in the article. The demand of the idea of social solidarity has been proved at the present time, which in recent years has increasingly become more relevant to representatives of the most various social forces. It is affirmed that the strategy of the formation of regional solidarity of the company consists in the statement in a society of societal principles (solidarity), significantly changed the quality of human relations. The principles of the formation and implementation of the strategy are allocated by mutual respect, at solidarity, responsibility, and subcultural integration.

Keywords: region, societal community, solidarity, social capital.

ПРОЕКТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВУЗА¹

Я.И. СЕРКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: kitova@bsu.edu.ru

В статье обоснована актуальность перехода вузов на инновационную деятельность, сформирован соответствующий понятийно-категориальный аппарат. Рассмотрена необходимость проектного управления инновационной деятельностью вуза.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность вузов, проект, проектное управление.

Утверждение инноваций в качестве доминирующего фактора развития высшей школы является одной из значимых характеристик нашего времени. Это обусловлено тем, что способность к восприятию инноваций и выбор инновационного пути развития позволяет выживать и развиваться высшей школе в условиях нарастающей динамики социальных изменений и все более ожесточающейся конкуренции. Такие вузы, преодолевая собственное кризисное состояние, преобразуя содержание научно-педагогической деятельности, могут ответить на вызов времени. Потребность вуза в инновационной деятельности все более заявляет о себе как явно прослеживаемая тенденция, связанная с выработкой устойчивой реакции на динамизм развития общества.

В последнее время в России возрастает интерес к исследованию особенностей развития инновационной деятельности высшего учебного заведения. Вместе с тем, проблема разработки эффективных методов комплексной оценки инновационной деятельности вуза в России пока не нашла достаточно полного отражения и нуждается в углубленном исследовании. На сегодняшний день необходима методика оценки как инновационной деятельности вуза, обучения ее проведению, так и оценки образовательной деятельности, которая стимулирует развитие инновационной.

В самом широком значении инновации (от позднелатинского *innovatio* – инновация, новшество, нововведение) обычно рассматриваются как новый способ что-либо сделать. «Понятие инновация включает в себя открытие – приращение знания и изобретение – новый способ использования существующих знаний»². «Инновация» означает обновление какого-либо объекта, иначе – проведение в нем какого-либо изменения. Любые реально проведенные изменения всегда приводят к одному результату – характеристики (свойства) объекта изменяются. Другими словами, нововведение (инновация) переводит объект из одного качественного или количественного состояния в другое.

Инновация – это, по сути, комплекс действий и его практический результат по использованию достижений научной и научно-технической деятельности в конкретной области науки, техники, технологии, организации в целях совершенствования характеристик объекта управления.

Общий анализ литературы позволяет выделить три направления в интерпретации сущности инноваций. Во-первых, трактовка инновации как *процесса внедрения* в практику каких-либо новых элементов, получивших общественное признание в виде рыночного (коммерческого) успеха. Во-вторых, понимание ее как *результата творческого процесса, выступающего* в виде нового продукта (техники), технологии, метода и т.д. В-третьих, характеристика инновации как *процесса инвестирования* в новации, вложения средств в разработку новой техники, в технологии, в научные исследования.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания высшим учебным заведениям на 2012 год, № 6.2744.2011 «Социологический мониторинг внутриуниверситетской среды как условие обеспечения качества образовательного процесса».

² Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2001. – С. 179.

Несмотря на ярко выраженную потребность в инновациях в современном обществе, процесс их внедрения крайне сложен и противоречив. Проблема заключается в том, что преобразующая функция инноваций в образовании может носить как позитивный (созидательный), так и деструктивный характер. Критическому анализу инновационного процесса в российском образовании, фактам негативных социальных последствий необоснованных нововведений посвящены публикации А.А. Давыдова, Д.Л. Константиновского, О.В. Крыштановской, Т.Новиковой, А.И. Пригожина, В.И. Чупрова, В.А. Ядова и других авторов³.

Д.Л. Константиновский и его коллеги, в частности, связывают негативные аспекты инновационного процесса в образовании с изменением статуса знаний в современную эпоху. Д.Л. Константиновский, А.А. Овсянников и Н.Е. Покровский пишут в данной связи: «Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие полезного знания (*useful knowledge*), т.е. знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду»⁴.

В проекте Закона «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 20) записано, что инновационная деятельность в сфере образования должна быть «ориентирована на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного, правового, финансово-экономического, кадрового, материально-технического обеспечения системы образования. Указанная деятельность осуществляется в форме реализации инновационных проектов (программ) организациями, осуществляющими образовательную деятельность, и иными организациями, действующими в сфере образования, а также их объединениями». Тем самым государство нацеливает научно-педагогические коллективы вузов и их руководство на инновационную деятельность высшей школы по всем направлениям её деятельности.

В результате социологического исследования, проведенного Центром развития малого бизнеса, образования и международных связей «Сократ» (г. Липецк)⁵ были выявлены три основные вариации понятия «инновационная деятельность»:

- поиск и применение новых инновационных методов обучения;
- научная работа (в рамках учебного процесса);
- изобретательская деятельность (т.е. разработка новых технологий и изделий).

Респондентам было предложено ранжировать по степени важности эти три основных понятия. Наиболее важными новые инновационные методы обучения считают 67,7% респондентов, научную деятельность – 56,2%, а деятельность, связанную с разработкой новых товаров и технологий – 60,7%.

Инновационная деятельность в вузе должна быть направлена на создание, реализацию и получение экономического, социального, экологического и иных видов эффектов от реализации инновационных продуктов:

- инноваций в образовании – это результаты инновационной деятельности в виде новых образовательных курсов, специальностей, направлений (профилей) подготовки и переподготовки кадров, новых технологий образования;

³ Давыдов А.А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_3.html; Новикова Т.Г. Экспертиза инноваций в образовании. Подготовка экспертов гражданских институтов // Народное образование. 2006. № 4. С. 104-109; Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Инновации в образовании молодежи: социальная регуляция риска. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.isras.ru/abstract_bank/1208362179.pdf.

⁴ Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. М., 2005. – С. 22.

⁵ Аналитический обзор результатов социологического исследования «Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе среднего и высшего профессионального образования в регионах Российской Федерации»/ НП «Центр развития малого бизнеса, образования и международных связей «Сократ» (г. Липецк), 2009.

– научно-технических инноваций – это результаты инновационной деятельности в виде новых технологий, образцов новой техники, материалов, изделий, научно-технических услуг и иной наукоемкой продукции;

– инноваций в управлении – это результаты инновационной деятельности в виде новых технологий управления видами деятельности и бизнесом;

– инновационная деятельность в вузе должна быть направлена на поиск и развитие наиболее одаренной молодежи⁶.

К субъектам инновационной деятельности вузов относятся структурные подразделения университетов, юридические лица (новые организационные формы инновационных процессов, организации различных организационно-правовых форм деятельности и формы собственности, органы государственной власти, органы местного самоуправления) и физические лица, занимающиеся инновационной деятельностью в процессе реализации стратегий инновационного развития высшей школы. К объектам инновационной деятельности вузов относятся осваиваемые на основе реализации научных исследований или иных разработок новые способы организации деятельности, новые технологии, новые продукты, интеллектуальная собственность, инновационные проекты и процессы, инновационные программы и проекты, по поводу которых возникают экономические и правовые отношения между субъектами инновационной деятельности высших учебных заведений.

Таким образом, инновационная деятельность вузов – это организация субъектов и объектов, взаимодействующих в процессе создания инноваций на единых организационных принципах, определяемых стратегией инновационного развития вуза⁷.

Исследования в области реализации управления инновациями показывают, что одним из наиболее эффективных способов управления инновациями является проектный подход. С.Г. Фалько, А.М. Карминский, Оголева Л.Н., Л.С. Барютин⁸ и др. считают методологию проектного управления наиболее приемлемой при осуществлении инновационной деятельности.

Проектное планирование, целевое комплексное планирование, целевые комплексные программы – эти и другие аналогичные методы, применяемые в управлении и планировании развития организации, объединяет их инновационный характер, нацеленность организации на получение определенного конечного результата, проектно-ориентированный подход к управлению вузом. В основе этих методов лежит бизнес-планирование (бизнес-проекты, бизнес-планы, бизнес-модели), ограничивающее участников проекта определенными временными рамками и выделенными на его реализацию ресурсами.

Большинство проблем, над реализацией которых сегодня работают вузы, как правило, имеют междисциплинарный характер, требующий для своего решения участия специалистов разных кафедр и факультетов, а также взаимодействия с другими научно-образовательными институтами. А суть проектного управления и заключается в том, чтобы, не разрушая вертикальные связи, объединить усилия различных творческих коллективов для решения поставленной в проекте цели. Это сочетание вертикальной иерархии учебно-научных подразделений и горизонтальной подсистемы, в которой в качестве подразделений выступают проектные группы (временные творческие коллективы). Речь идет о функциональном объединении, может быть и в рамках временных творческих коллективов, а не об организационном слиянии или поглощении. Кафедра сохраняется как главное звено в университете. Управление построено на сочетании традиционной вертикальной структуры университета и горизонтальных связей между подразделениями

⁶ См.: Владимиров А.И. Об инновационной деятельности вузов. М. 2012.

⁷ См.: Емельянов С.Г. Экономический механизм стратегического управления развитием ВУЗа: монография. М., 2007.

⁸ См.: Фалько С.Г. Оценка экономической эффективности мероприятий по разработке системы управления инновационными процессами //Маркетинг и маркетинговые исследования. 2003. №4; Контроллинг: учебник /А.М.Карминский, С.Г.Фалько, А.А.Жевага, Н.Ю. Иванова; под ред. А.М. Карминского, С.Г.Фалько. М., 2006; Оголева Л.Н., Радиковский В.М. Инновационная деятельность предприятия: Учеб. пособие. М., 1997; Основы инновационного менеджмента. Теория и практика: Учебник / Л.С.Барютин и др.; под ред. А.К. Казанцева, Л.Э. Миндели. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2004.

вуза (научно-образовательные центры, проектные группы, временные творческие коллективы и т.п.), развивая и поддерживая тем самым творческие инициативы сотрудников университета.

При проектном управлении, как и при реализации любого проекта, «необходимо соблюдение основополагающих принципов: согласование требований заинтересованных лиц и определение измеримых целей проекта; создание команды проекта, назначение руководителя (менеджера) проекта; ограничения по времени и выделенный бюджет⁹».

Проект представляет собой комплексное понятие, включающее форму целевого управления инновационной деятельностью, процесс осуществления инноваций, комплект определенных документов.

Как форма целевого управления инновационной деятельностью проект представляет собой сложную систему взаимообусловленных и взаимосвязанных по ресурсам, срокам и исполнителям мероприятий, направленных на достижение конкретных целей на приоритетных направлениях развития науки и техники.

Проектно-ориентированный подход обеспечивает сохранение организационных основ научной и образовательной деятельности, не отрицает никаких традиций академического сообщества и не ведет к ликвидации тех или иных вузовских структур и должностей. Всё, что предлагает этот управленческий метод, имеет дополнительный характер.

Принципы управления и определяют методологию проектного управления инновационной деятельностью вузов.

Применение в вузе формализованных методов управления проектами позволяет более обоснованно определять цели и оптимально планировать инновационную деятельность, более полно учитывать проектные риски, оптимизировать использование имеющихся ресурсов и избегать конфликтных ситуаций, контролировать исполнение составленного плана, анализировать фактические показатели и вносить своевременную коррекцию в ход работ, накапливать, анализировать и использовать в дальнейшем опыт успешно реализованных проектов нововведений.

Можно выделить основные преимущества использования системы управления проектами в области инновационной деятельности:

- возможность регламентирования процедур управления проектами;
- определение и анализ эффективности инвестиций;
- использование математических методов расчета временных, ресурсных, стоимостных параметров проектов;
- централизованное хранение информации по графику работ, ресурсам и стоимостям;
- возможность быстрого анализа влияния изменений в графике, ресурсном обеспечении и финансировании на план проекта;
- обеспечение структуры контроля выполнения работ проектов;
- учет и управление рисками проектов;
- обеспечение контроля качества работ;
- управление и контроль поставок и контрактов при обеспечении проектной деятельности.

Инновационная деятельность вуза предполагает серьезный пересмотр направлений его научно-исследовательских работ, которые сложились десятки лет назад и не имеют перспектив быть реализованными в различные нововведения в научно-технической сфере, не имеют своего потребителя.

Успешное управление инновационной деятельностью вуза во многом будет определяться согласованностью действий всех сторон, участвующих в инновационной деятельности страны – государственных органов, системы высшего образования, научного сообщества, бизнес-структур.

Проектный подход к управлению инновационной деятельностью вуза позволит существенно повысить значимость и эффективность высшей школы в решении стратегических проблем российского общества.

⁹ См.: Владимиров А.И. Об инновационной деятельности вузов. М. 2012.

Список литературы

1. Плотинский, Ю.М. Модели социальных процессов: учебное пособие для высших учебных заведений. [Текст]/ Ю.М. Плотинский. – М.: Логос, 2001. – 296 с.: ил..
2. Давыдов, А.А. Инновационный потенциал России: настоящее и будущее. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_3.html.
3. Новикова, Т.Г. Экспертиза инноваций в образовании. Подготовка экспертов гражданских институтов [Текст] / Т.Г. Новикова// Народное образование. – 2006. – № 4. – С. 104 – 109.
4. Пригожин, А.И. Нововведения: стимулы и препятствия [Текст]/ А.И. Пригожин. – М.: Знание, 1989. – 245 с.
5. Зубок, Ю.А., Чупров В.И. Инновации в образовании молодежи: социальная регуляция риска. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.isras.ru/abstract_bank/1208362179.pdf.
6. Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. [Текст]/Константиновский, Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. М. – М. – 2005. – 121 с.
7. Аналитический обзор результатов социологического исследования «Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе среднего и высшего профессионального образования в регионах Российской Федерации»/ НП «Центр развития малого бизнеса, образования и международных связей «Сократ» (г.Липецк), 2009.
8. Владимиров, А.И. Об инновационной деятельности вузов [Текст]/ А.И. Владимиров. М.: ООО «Издательский дом Недра», 2012. – 72 с.
9. Емельянов, С.Г. Экономический механизм стратегического управления развитием ВУЗа: монография [Текст]/ С.Г. Емельянов. М.: Библиосфера, 2007. – 212 с.
10. Фалько, С.Г. Оценка экономической эффективности мероприятий по разработке системы управления инновационными процессами [Текст]/ С.Г.Фалько //Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2003. – №4. – С.35 – 42
11. Контроллинг: учебник [Текст]/А.М.Карминский, С.Г.Фалько, А.А.Жевага, Н.Ю, Иванова; под ред. А.М, Карминского, С.Г.Фалько. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 336 с.;
12. Оголева, Л.Н., Радиковский, В.М. Инновационная деятельность предприятия: Учеб. пособие[Текст]/ Л.Н. Оголева, В.М. Радиковский. М.: ФА, 1997. – 321 с.
13. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика: Учебник / Л.С.Барютин и др.; под ред. А.К. Казанцева, Л.Э. Миндели. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. – 518 с.

PROJECT MANAGEMENT FOR INNOVATIONAL DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Y.I. SERKINA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: kitova@bsu.edu.ru

The article considers the urgency of transition of higher education institutions to innovative activity, and it discusses the corresponding conceptual and categorial device. The author claims the need for project management for innovational development of higher education institution.

Keywords: Innovationsinnovational development of higher education institutions, project, project management.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130

К ПРОБЛЕМЕ КОНСЕНСУСА ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ТЕКСТУАЛЬНО-ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А.Г. ТАРАСОВ¹⁾
А.А. ТАРАСОВА²⁾

*¹⁾ Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: tarasov@bsu.edu.ru

*²⁾ Курский государственный
университет*

В статье исследуются исторические и текстуальные предпосылки, выступающие основой для формирования новых форм взаимоотношений между христианской Церковью и государством в современном социо-культурном пространстве. Отмечаются сложности на этом пути и возможности их преодоления.

Ключевые слова: Церковь, государство, право, общество, консенсус, реформация, гностицизм, манихейство, закон, институт, норма, религия, христианство, ценности.

В сегодняшней исторической ситуации в нашем обществе набирает силу социально-политический запрос на очередное прояснение содержания права, на предмет правоспособности общественных субъектов. Этот интерес все чаще затрагивает идею божественного оправдания, разработанную в церковно-религиозной картине мира как своеобразной основы и критерия оценки форм человеческого существования. При этом очевидно, что на современном уровне интеграции различных общественных сфер уже недостаточно лишь формально сравнивать и соотносить приоритеты религиозного сознания с нормативно-ценностными установками государства, во-первых, как института обладающего функцией нормотворчества и, во-вторых, как гаранта соблюдения субъектами правовых отношений норм закона, что достигается по средствам различных узаконенных мер, в том числе и превентивных. Теперь встает вопрос о выявлении и прояснении возможного взаимодействия церковно-религиозного и государственного институтов исходя из анализа их сущностных, атрибутивных свойств. То есть в метафизической плоскости. Только после этого можно будет по настоящему говорить об их согласовании, определении в них смежных характеристик могущих быть использованными обществом для своего развития, или, напротив, о невозможности их примирения. Это действительно очень важная и отнюдь не тривиальная задача, поскольку осуществление данной «насушности» во многом является сейчас вопросом сохранения в сознании народа убежденности в легитимности современной государственной власти, учитывая возросший авторитет Церкви и

спад доверия людей к представителям многих управленческих структур¹. Нас в данном случае интересует лишь один из многих аспектов этой проблемы: – исследование исторических предпосылок и «текстуально-вероучительных» максим Священного Писания, выступающих основой для формирования новых форм взаимоотношений между христианской Церковью и государством в современном социо-культурном пространстве.

Эта тема всегда привлекала внимание, но серьезно она стала изучаться лишь в XIX – XX веках. Процесс осмысления соотношения Церкви и государства породил значительную литературу, как на западе, так и у нас в стране². Писали, философы, историки, богословы, правоведаы, журналисты, политологи, социологи, религиоведы религиозные и политические деятели. Естественно, что каждый из авторов в процессе формирования своих суждений исходил из собственного понимания и пытался раскрыть тот или иной аспект темы, что само по себе с точки зрения научности правильно. Но что же мы имеем в итоге на данный момент? Это наличие множества различных интерпретаций, нередко полностью исключающих друг друга, что вносит путаницу в понимании. На наш взгляд, эту негативную ситуацию можно преодолеть, если осуществить редукцию к истокам, т.е. исследовать данный вопрос по существу, на историко-текстуальном уровне. Чтобы понять подлинный характер возможной связи или противостояния Церкви и государства недостаточно лишь довольствоваться проделанной работой (культурологов, философов, правоведов и т.д.), которая безусловно, является впечатляюще масштабной и глубокой. Необходимо исходить из того, что говорят по этому поводу непосредственно тексты Священного Писания. Подобные попытки исследования, как известно, то же имели место в зарубежной библеистике, и этот опыт весьма значителен³, но и его не достаточно, поскольку он, как правило, конфессионализирован. То есть мы, следуя принципу научной корректности и с опорой на беспристрастную экзегезу текстов, попытаемся внести искомую определенность в данном вопросе.

Для начала осуществим краткий экскурс в историю, обозначив основные варианты интерпретации данной темы.

Адольф Гарнак отмечает, что «когда в I столетии и начале II Евангелие распространилось в греко-римском мире, то люди, принимавшие его» понимали учение о «воздержании и воскресении», как указание к отречению «от мира чувственности и греха»⁴. Основанием такого отношения к миру являются слова Иисуса Христа: «Царство Мое не от мира сего» (Ин 18:36); «Отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22:21)⁵. Эти слова понимались буквально. Усилением в негативном аспекте данного тезиса явилось то, что, во-первых, римская государственная власть в лице Пилата, по требованию священников иудейских распяла Иисуса Христа, а, во-вторых, то, что христианская Церковь на протя-

¹ Речь не идет об обмирщении Церкви, как это было, например, в западном католицизме на рубеже VIII-X веков, когда Церковь напоминала общественный институт, устроенный по государственно-правовому принципу. Этот опыт, как известно, содействовал деградации Церкви, так, что потребовались серьезные внутри церковные преобразования, для возвращения Церкви ее первоначального вида. Имеется в виду ключниковская реформа (XI-XII веков). Не эффективным, как показывает история, является так же и папизм (политическое господство Церкви над мирской властью), который, как известно, явился итогом ключниковской реформы. И в этом случае имел место регресс и Церкви и государства. Церковь и государство должны сохранить свою автономию. Только тогда они будут иметь возможность, через исполнение своего прямого предназначения, собственных задач, реально уравновешивать друг друга.

² На западе особо заметны заслуги Г. Гегеля и Иоганна Йозефа фон Герреса. Среди отечественных ученых ценными в аналитическом плане представляются работы: И. Шаховского, С.Л. Франка, К.С. Аксакова, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина (Франк С.Л. Религиозные основы общества // Журнал «Путь». Париж, сентябрь №1, 1925. С. 9-30; Бердяев Н.А. Царство Божие и Царство кесаря // Журнал «Путь». Париж, сентябрь №1, 1925. С.31-52; Шаховской И. Свобода от мира // Журнал «Путь». Париж, июль №17, 1929. – С. 25-30; Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. М., 1994. – С. 45-149).

³ См.: Theol. Bl. 1937. Nr. 1; Gerhard Kittel. Das Urteil des Neuen Testaments über den Staat // Zeitschr. f. Syst. Theol. 14. Jahrg. 1937, S. 651-680, erschienen in Juni 1938; Karl Barth. Rechtfertigung und Recht // Theologische Studien, 1938. № 1; Karl Barth. Christengemeinde und Bürgergemeinde // Theologische Studien, 1946. № 20; Karl Barth. Evangelium und Gesetz // Theologische Existenz, 1935. № 32 и др.

⁴ Гарнак А. Монашество, его идеалы и его история // Theologia teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX- начала XX в. О религии, искусстве, философии. СПб., 2006. – С. 153.

⁵ Цитаты из Ветхого и Нового Заветов приводятся по синодальному тексту Библии.

жении первых трех веков своего существования была маргинальной и гонимой. В такой ситуации любая светская власть как бы априори оказывалась «зверем из бездны». Негативное отношение к государству проецировалось и на мир в целом. Но с того момента, когда христианская община перестает быть однородной, и постепенно начинает набирать силу процесс формирования догматики, появляются и иные интерпретаций статуса мира инициаторами и выразителями которых зачастую становились образованные члены христианской общины. Одной из новых форм понимания явилось учение гностиков (II в н.э.) о принципиальном дуализме мира и Бога, природы и духа. Такая же оценка не редко воспроизводилась и в дальнейшем, например у Мани. Последний критиковал тексты Нового Завета, наподобие Маркиона, в тех местах, где они, по его мнению, отходили от истинного христианского учения. Согласно манихейству только дуалистическая картина мира в полной мере соответствует «слову» Иисуса Христа. «Чтобы узаконить положения своего собственного учения, – отмечает Гео Виденгрэн, – манихеи охотно взяли за исходную точку слова апостола Павла о противоположении духа и плоти»⁶.

Кафолическая христианская Церковь II –го столетия в высшей степени ригористично выступает за отрицание мира и доводит тем самым этот процесс до предела. Ситуация сложилась сложная и противоречивая. С одной стороны христианский анахорет практикует «отречение от мира»⁷ погрязшего во зле, а с другой стороны христианство базовой особенностью собственного мирозерцания определяет космополитизм предполагающий не только открытость миру, но и его принятие. Последняя черта не позволяет христианскому сознанию замкнуться лишь на себе. Здесь примечательны слова Иисуса Христа говорящего своим ученикам: «итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мк16:15; Мф 28:19). В последствии официальная Церковь все же отказалась от дуалистического понимания мира, поскольку следствием применения оно становилось не только обесценивание материального начала, но и всей физиологической стороны человеческого естества. Коль скоро мир сотворен Богом, то он весь, без исключения какой либо его части имеет непреложное достоинство в Боге, причастен делу божественного промысла. Более того, через воплощение Бога (второй ипостаси Св. Троицы) произошло «выправление» всех свойств человеческой природы. Теперь у христиан преобладает другая формулировка. «Мир принадлежит Богу, и только временно управляют им злые ангелы; мир хорош, но образ мира дурен»⁸. В V в.в. н.э. Бл. Августином утвердилась идея двух градов: Града небесного, Божьего и града земного погрязшего в грехе. Согласно данной концепции царство Бога и мирское царство не могут быть соотнесены друг с другом по существу, но это не значит, что между ними не может быть ни какой связи. Она предполагается в мессианской функции Церкви. По Августину «Церковь должна наполнить человечество силами добра, истинной правды; она, как царство Бога на земле, обратит к себе на службу царства мира и светское государство, будет руководить народами и воспитывать их»⁹. Тем самым задача Церкви сводится к тому, чтобы быть совместно с государством для народа ради его спасения. Так мы видим, что в церковном мирозерцании, на данном историческом этапе (I-V в. н.э.), по вопросу определения значения мира отсутствует однозначное понимание. Надо сказать, что и в последствии и даже сегодня обозначенные позиции в принципе сохраняются¹⁰. В зависимости от тех или

⁶ Виденгрэн Г. Мани и манихейство. СПб., 2001. – С. 183-184.

⁷ Фестюжьер А.Ж. Личная религия греков. СПб., 2000. – С. 106.

⁸ Гарнак А. Указ.соч. – С. 155.

⁹ Theologia teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX- начала XX в. О религии, искусстве, философии. – СПб., 2006. С. 175.

¹⁰ В истории политической теологии, истории права и философии представителей, выступавших за союз Церкви и государства, было достаточно много. Впервые детальное теоретическое оформление данный подход получил в «Сумме богословия» Фома Аквинский, который предложил по сути приемлемую и для Церкви и для государства иерархию видов закона (lex aeterna, lex natura, lex humanis). Ф. Суарес в духе Аквината так же отмечает, что любая человеческая норма должна быть согласованна с божественным, вечным законом (lex aeterna). Для Суареса еще не существует эмансипированного человеческого права, как в прочем в последствии и для многих представителей концепции «естественного права», подразумевающей в содержательном плане совпадение природы и разума. Гуго Гроций в основном своем произведении «О праве войны и мира» пишет, что естественное право есть «голос здравого смысла, в соответствии или в противовес которому неизбежно утверждается или порицается все с точки зре-

иных обстоятельств та или иная точка зрения в определенное время и в определенном месте оказывается более или менее приемлемой. При этом, как правило, значительного перевеса ни одна из них не получает. Прямым следствием описанной ситуации является отсутствие у субъектов Церковного сознания единого взгляда на то, как должна позиционировать себя Церковь в выстраивании отношений с государством.

По существу вопрос сводится к следующему: есть ли связь между той действительностью, которая находит свое осуществление в жизни по божественному закону, в Иисусе Христе и той, которая определяется естественным чувством права и здравым смыслом. Если есть, то право человеческое получает божественную легитимность, то есть является истинной, хотя и специфичной формой выражения божественного замысла и промысла о нас. Следствием данного сращения и даже отождествления становится изменение отношения христианина к светской форме жизни, которая теперь становится в определенном смысле оправданной. Исполнение норм естественного и позитивного права означает превращение в жизнь божественного порядка, исповедание христианской веры, осуществление божественной свободы, рождение нового человека как сына Божия, освящение Духом святым (Иак 1:27), или как сейчас модно говорить, политическое богослужение. При таком раскладе человеческое право утверждается не вопреки оправданию Бога, но благодаря ему.

Примечателен здесь опыт представителей Реформации. Их намерение сводилось к тому, что бы показать, что божественное и человеческое существуют параллельно друг другу¹¹. Однако, амбиция не подкреплена существенными результатами. Ни Мартин Лютер (в трактате 1523 г. «О светской власти»), ни Жан Кальвин (в последней главе «Наставления в христианской вере», которая называется «О политическом управлении» (*De politico, administratione*)) не дают однозначного решения проблемы. Они по существу лишь намекают на необходимость связи Церкви и государства, что делали и до них, но никак не утверждают исчерпывающим образом ее характер. Подобное можно сказать и о соответствующих изложениях Цвингли и о других многочисленных лютеранских и реформаторских вероисповедальных книгах, в которых, так или иначе, поднималась эта тема. Признание того, что закон и власть должны покоиться на божественном порядке (*ordinatio*), в силу того, что еще не преодолена греховность человеческого рода (это одна из библейских максим) вовсе не достаточно для удовлетворения претензии на определение связей существующих между вещами мира и Богом. При этом смущают различия, существующие в высказываниях богословов. Например, Кальвин с одной стороны говорит: «предмет духовного царства Христа и гражданского порядка большей частью различен» (*spirituale Christi regnum et civilem ordinationem res esse plurimum sepositas*)¹², а с другой стороны, комментируя Пс 2:10-11 («Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом.») настаивает на подчинении земных правителей Богу¹³. На лицо отсутствие согласованности приведенных высказываний. Но это не мешает Кальвину, в конечном счете, утверждать божественный порядок как «хри-

ния морали и, как следствие, устанавливается или запрещается Богом, Творцом природы». Так понятие естественное право выражает разумную природу Бога. При этом Бог, будучи Творцом мира, сообщает этому закону свойство неизменности. Г.Ф. Гегель в учении о Боге как духе определяет последней стадией его выражения (объективация духа) появление государства с присущей ему конкретной правовой формой. Что касается современных социальных концепций Римско-католической Церкви и Русской Православной Церкви, то и в них провозглашается необходимость развития синергических отношений между Церковью и государством. Но с другой стороны у очень многих представителей различных христианских Церквей присутствует негативная оценка мира, который часто именуется адом. Соответственно не то, что не необходимо жить в таком мире, но даже целесообразно избегать его. Это одна из распространенных и определяющих мотиваций в существовании членов христианской общины. Так, Жак Маритен, один из ведущих представителей неомизма (христианской философии, которая сейчас является официальной доктриной Римско-католической Церкви), пишет: «этот развращенный человек, который не может обладать ценностью для неба и которого вера прикрывает именем Христа, подобно покрывалу, хочет быть ценным для земли в том самом своем виде, в каком он существует, в самой развращенности его природы. Этому очерченному существу место именно здесь, ибо необходимо, чтобы оно жило в аду, каким является мир». (Маритен Ж. Философ в мире. – М., 1993. – С. 63.)

¹¹ См.: Obendiek H. Die Obrigkeit nach dem Bekenntnis der reformierten Kirche. München, 1936.

¹² Jean Calvin. Institutes of the Christian Religion. IV 20,1./http://jean-calvin.ru/institution/

¹³ Там же 20, 5 и 29.

стианское государственное устройство» (*politia Christiana*)¹⁴. Цвингли, комментируя Мф 17:24-25; 22:19-21, где говорится о необходимости отдавать «кесареву кесарю, а Божие Богу», осуществляет это так, что через его интерпретацию, по сути, однозначный смысл евангельского текста становится искаженным, бессвязным и юридическим. Более того, в 17 главе Евангелия от Матфея, на которую он тоже ссылается, речь идет не о соотношении Церкви и государства, а о храмовой подати.

Можно сказать, что по большому счету представителями реформации уже в современном значении определяется формат взаимоотношения Церкви и государства, поскольку в это время (XVI в.) Церковь, в сравнении с первыми веками существования христианства, уже практическим образом свидетельствует о своей принципиальной открытости внешнему миру, готовности с ним предметно сотрудничать. Более того, Церковь уже не просто декларирует приоритеты своего отношения к миру в целом, но утверждает в сфере социальной политики стратегию собственной миссии. Реформаторы в целом добросовестно выделяют библейские тексты, за исключением некоторых мест, говорящие о понимании соотношения государства в лице правящего класса и Церкви. Но из их комментариев неясны их настоящие цели. Или они обосновывают право и политическую власть через оправдание и власть Христа, и тогда человеческое право может быть представлено как акт божественной справедливости в действительном существовании. Или же показывают, что Церковь как спиритуалистический организм призвана проповедовать лишь царство Божье через проповедь покаяния и просвещение, и при этом не заниматься поиском подходов для приспособления ко всему мирскому. Соответственно с данной точки зрения Церковь должна ограничить и свое участие в рассмотрении вопросов о праве, справедливости с точки зрения естества человека.

Оба эти подхода в различных формах и сущностных комбинациях получили в дальнейшем свое развитие. Так, например, К.Л. Шмидт (Schmidt) в работе «Противопоставление Церкви и государства в новозаветной общине»¹⁵ по сути, выражая мнение большей части богословской науки, на вопрос: «что есть государство?», отвечает, что оно является ангельской силой (*ἐξουσία*)¹⁶, которая постоянно испытывает соблазн демонизации, или самоабсолютизации. На вопрос, «чем является Церковь в сравнении с ним?», ученый дает такой ответ: Она есть подлинное государство (*πολίτευμα*), о котором говорится в Евангелии как о новом небе и новой земле. В сегодняшних условиях Церковь по отношению к государству представляет общину чужаков (*παροικία*), ограниченную определенными государством рамками. Церковь и государство пересекаются лишь тогда, когда возникает у власти потребность консолидировать общество, например, во время войны, острой нужды народа, или при осознании необходимости коррекции нравственного облика граждан в соответствии с унифицированным общественным целеполаганием. Тогда Церкви позволено обращаться с «жизнеутверждающей» проповедью. Церковь в этом взаимодействии, испытывая ответственность за народ, не только поддерживает благие начинания власти, но и, надеясь «обожествить кесаря», при различных обстоятельствах молится за «слуг народа» (1Тим 2:1-2). Так Шмидт в своем исследовании представляет Церковь и государство как «противоположные» по своей природе и стремлениям. Но как мы видим даже при таком ракурсе освещения проблемы все же очевиден огромный позитивный результат для общества от союза Церкви и государства.

Теперь попытаемся понять, обращаясь непосредственно к анализу текстов Св. Писания, почему у верующих христиан отношение к светской власти в целом остается осторожным, несмотря на периодически осуществляемые попытки смягчить эту ситуацию. Оно заданно словами Христа: «Царство Мое не от мира сего» и историей жертвенного страдания Иисуса, в котором власть повинна, несмотря на то, что Пилат и «умыл» руки, признав Спасителя невинным праведником (Ин 18:38; Мк 15:14; Мф 27:19,24; Лк 22, 23:14-15). Ведь он предал Его на распятие. На вопрос, почему архонты (начальствующие государственные чиновники Рима 13:3) позволили распять Иисуса, христиане отвечают:

¹⁴ Jean Calvin. Institutes of the Christian Religion. IV 20,14./http://jeancalvin.ru/institution/

¹⁵ Theol. Bl. 1937. Nr. 1

¹⁶ Текстов Св. Писания, позволяющих так понимать политическую власть достаточно много (Тит 3:1; 1 Кор 15:24; Еф 1:21, 3:10, 6:12; Кол 1:16, 2,10; 1 Петр 3:22; 2Кор 2:8)

потому, что они не были причастны Божественной премудрости. По словам Ап. Павла в противном же случае «не распяли бы Господа славы» (1Кор 2:6-7). Но это не единственные смыслы, которые можно извлечь из сцены общения Иисуса Христа с Пилатом. Остановимся на этом подробнее, поскольку именно этот сюжет священной истории, в большей степени определяет эмоциональную сторону восприятия христианами роли и значения государственной власти.

Иисус Христос дает понять Пилату, что Он имеет власть над Ним (ἐξουσία) лишь потому, что он получил ее «свыше» (Ин 19:11). Это конечно не значит, как считал Х. Шлир (H. Schlier), что государство не вправе иметь и выносить суждения о небесном царстве¹⁷. Это значит лишь то, что власть Пилата не является им случайно или незаконно присвоенной, но напротив она исходит от Бога и поэтому по своей природе не является противной Ему. Вина Пилата не в том, что он носитель власти, но в том, что он использовал ее во зло. Пилат мог отпустить Иисуса, но этого не сделал. «Я имею власть отпустить Тебя, и власть имею распять Тебя» (Ин 19:10). Если бы Пилат оправдал Иисуса, то это бы означало признание за Ним права на земную власть, поскольку Христос является царем в другом значении. Он есть абсолютная истина, которая явилась в мире, чтобы люди, живущие на земле, получили возможность духовного спасения через приобщение жизни духовно-значительной и нравственно-совершенной. Именно это имеет в виду Иисус Христос, когда говорит: «Я есть путь, истина и жизнь». Государственная же власть не знает такой истины и не заботится о ее поиске, потому что к ней нейтральна. Пилат спрашивает: «Что есть истина?» (Ин 18:38). «Властвуя на основании полномочий, – отмечает И.А. Ильин, – («по праву»), осуществляя свою власть посредством правовых велений и правомерной деятельности своих органов («через право»), государство имеет своей первой задачей водворение на земле (как в своих пределах, так и в международных отношениях) правового порядка («ради права»), т.е. борьбу с произволом и грубой силой»¹⁸. Встает вопрос: можно ли рассматривать действия Пилата как противные Церкви? Учитывая значение необходимой для человечества жертвы Иисуса Христа, скорее следует полагать, что государственная власть, прикрывшись правом власти данной ей Богом, в лице Пилата, позволившего осуществиться явной несправедливости, поступила в согласии с волей Бога Отца. Пилат оказался лишь инструментом в деле божественного спасения рода человеческого. В противном случае, где была бы христианская Церковь, если бы в данном случае государство не поступило демоническим образом. Получается, что государство не может не совершить того зла, которое должно совершить по необходимости, как имеющая власть от Бога (Лк 13). Когда оно желает зла и творит его оно все же, в конечном счете, делает добро. Именно в силу этого государству, при различных обстоятельствах должны оказываться почести (Рим 13:8; 1Петр 2:17).

Наконец, Иисус не был осужден как государственный преступник. Хотя в принципе к тому были юридические основания. Иисус Христос, как известно, называл себя «царем иудейским» (Мф 27:11; Мк 15:2), в чем, если понимать эти слова буквально, имеется претензия на светскую власть. В этом смысле Иисус может быть понят как политический бунтарь. На этом настаивали иудейские первосвященники, что в дальнейшем послужило основанием утверждать, что Иисус был осужден по политическому обвинению¹⁹. Но это не так. Для Пилата было очевидно, что обвинение в политическом преступлении Иисуса было не обоснованным и поэтому «Пилат искал отпустить Его» (Ин 19:12). Но он, будучи римским проконсулом, не имел права действовать вне рамок своих должностных полномочий. В силу этого был развернут «судебный процесс» над Иисусом. Пилат в своем «оправдательном приговоре» хотел показать справедливое лицо римской юстиции, но этого не произошло по слабости Пилата. Он разрешает распять Иисуса («Возьмите Его вы и распните Его!» Ин 19:6) решив «быть по прошению их» (Лк 23:24). Это личное решение Пилата не обоснованно государственным правом и правосудием. На это обстоятельство указывают и иудейские первосвященники приведшие Иисуса на суд: «Мы имеем закон и по закону нашему Он должен умереть»; «кровь Его на нас и на детях наших» (Ин 19:7).

¹⁷ Schlier H. Die Beurteilung des Staates im Neuen Testament Z. D. Z. 1932 S. 312

¹⁸ Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. – М., 1994. – С. 131.

¹⁹ Dehn G. Engel und Obrigkeit. Theol. Aufsätze, 1936. S. 91.

Поэтому в Новом завете говорится: «Вы, иудеи, убили Иисуса!» (1 Фес 2:15; Деян 2:23; 3:15; 7:52). Иисус был распят не по закону государства, но вопреки ему. Апостол Павел отмечает, что власти земные имеют в Боге своего главу. «Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано» (Кол 1:16). «И вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» (Кол 2:10). Речь идет о том, что в Иисусе Христе все силы обретают изначальный порядок. Любой мятеж против божественного порядка в конечном итоге оказывается недобровольным исполнением его. Христос во втором своем пришествии окончательно упразднит демонические проявления в мире и в том числе в сфере власти (1Кор 15:24).

Вывод такой. С точки зрения Св. Писания «Демонизированная государственная власть» – это не паразитическое, вредное образование на «теле» народа, с которым якобы необходимо бороться, но такая власть, которая в решающие моменты предает сама себя и извратившись, становится противником святых, «зверем из бездны» (Откр 13), бесовской силой²⁰. Если бы Пилат-государственник следовал до конца своему долгу, то он распорядился бы своей властью иначе. Приняв другое решение, он бы показал, что настоящее государственное правосудие выступает за оправдание свободной, жизнеутверждающей и сознательной деятельности любого субъекта общественных отношений. Но в Пилате возторжествовал «Пилат-человек» со свойственными каждому человеку слабостями. Он лишь формально не вступает в противоречие со своими должностными обязанностями, и действует под прикрытием права, а на самом деле преступает их. Однако то беззаконие, которое проявилось над Иисусом, не препятствует государственной власти как таковой, называться властью данной от Бога. Когда в текстах Нового Завета мы встречаем призывы к борьбе против темных властей века сего, то речь идет о необходимости сохранять духовную бдительность в духовной брани, и не поддаваться соблазнам злых духов, надменному голосу плотского ума (Кол 2:18). «Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф 6:12). Очевидно, что государство и принадлежащая ему власть изначальна, как таковое, принадлежит Богу и используется Им в деле спасения рода человеческого от греха. При этом государство, как любой отдельный человек, может быть демонизировано и в этом состоянии оно, не теряя своего значения, теряет свою легитимность, достоинство, искажает функции и целевые установки. И тогда появляется культ государства и прочие негативные следствия. Государственную власть, описанную в 13-й главе книги Откровения, следует рассматривать как экстремальный ее вариант, который вовсе не всегда реализуется²¹. Более того, государство способно создавать благоприятные условия для того, чтобы «проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1Тим 2:2). В таком случае христианин обязан подчиняться властям, поскольку начальники предстают как слуги Бога (Рим 13).

Основываясь на предпринятом анализе ключевых текстов Священного Писания, нельзя утверждать, что жизнь в Боге спасающихся членов христианской Церкви не имеет ничего общего с государственным порядком. Это важно учитывать при обсуждении возможностей и форм церковно-государственной корреляции, поскольку в таком случае снимается известная случайность в отношении христиан к установлениям и функциям государства.

Список литературы

1. Франк С.Л. Религиозные основы общества // Журнал «Путь». Париж, сентябрь №1, 1925. С. 9-30.
2. Бердяев Н.А. Царство Божие и Царство кесаря // Журнал «Путь». Париж, сентябрь №1, 1925. С. 31-52.
3. Шаховской И. Свобода от мира // Журнал «Путь». Париж, июль №17, 1929. С. 25-30.
4. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. – М., 1994. С. 45-149.

²⁰ Об этом подробнее: Schlier H. Vom Antichrist, Theol. Aufs. 1936, S. 110-111.

²¹ Schlier H. Die Beurteilung des Staates im Neuen Testament Z. D. Z. 1932, S. 329.

5. Theol. Bl. 1937. Nr. 1.
6. Gerhard Kittel. Das Urteil des Neuen Testamentes über den Staat // Zeitschr. f. Syst. Theol. 14. Jahrg. 1937, S. 651-680, erschienen in Juni 1938.
7. Karl Barth. Rechtfertigung und Recht // Theologische Studien, 1938. № 1.
8. Karl Barth. Christengemeinde und Bürgergemeinde // Theologische Studien, 1946. № 20.
9. Karl Barth. Evangelium und Gesetz // Theologia Existenz, 1935. №32.
10. Гарнак А. Монашество, его идеалы и его история // Theologia teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX- начала XX в. О религии, искусстве, философии. – СПб., 2006.
11. Виденгрэн Г. Мани и манихейство. – СПб., 2001.
12. Фестюжьер А.Ж. Личная религия греков. – СПб., 2000.
13. Theologia teutonica contemporanea. Германская мысль конца XIX- начала XX в. О религии, искусстве, философии. – СПб., 2006.
14. Маритен Ж. Философ в мире. – М., 1993.
15. Obendiek H. Die Obrigkeit nach dem Bekenntnis der reformierten Kirche. München, 1936.
16. Jean Calvin. Institutes of the Christian Religion. IV 20,1./http://jeancalvin.ru/institution/
17. Schlier H. Die Beurteilung des Staates im Neuen Testament Z. D. Z. 1932 .
18. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т.4. – М., 1994.
19. Dehn G. Engel und Obrigkeit. Theol. Aufsätze, 1936.
20. Schlier H. Vom Antichrist, Theol. Aufs. 1936.

THE PROBLEM OF CONSENSUS BETWEEN CHURCH AND STATE: HISTORICAL AND TEXTUAL-HERMENEUTICAL ASPECTS

A.G. TARASOV¹⁾
A.A. TARASOVA²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: tarasov@bsu.edu.ru

*²⁾ Kursk State University,
Department of Philosophy*

This article explores the historical and textual background for the new forms of relations between the Christian Church and the State in the contemporary socio-cultural space. There have been difficulties along the way and the ability to overcome them in the process which is stressed in the paper.

Keywords: church, state, law, society, consensus, Reformation, Gnosticism, Manichaeism, law, institutions, norms, religion, Christianity, values.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 343.985

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Н.И. АМРАХОВ

*Воронежский институт
экономики и права*

e-mail: kijalis@yandex.ru

В статье рассматриваются понятие, содержание и структура криминалистической характеристики преступлений против конституционных прав человека.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, структура криминалистической характеристики, обстоятельство, подлежащее доказыванию, преступления против конституционных прав и свобод человека.

В процессе многочисленных дискуссий и споров в криминалистике устоялось представление о структуре методики расследования преступлений. Условно таковую можно разграничить на следующие составляющие:

- элемент, содержащий описание типичных признаков преступления;
- элемент, раскрывающий рекомендации по расследованию уголовно наказуемого деяния.

При этом обязательная часть методик расследования, посвящённая описанию конкретного вида (группы) преступлений, до сих пор является предметом многочисленных дискуссий¹.

¹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма-Инфра-М, 2000. – С. 687; Басалаев А.Н., Гуняев В.А. Криминалистическая характеристика преступлений. Общее понятие и практическое значение // Методика расследования преступлений. Общие положения. – М., 1976. – С. 100; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юридическая литература, 1988. – С. 173; Васильев А.Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения. – М., 1976. – С. 25–26; Возгрин И.А. О структуре методик расследования отдельных видов преступлений // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. – Л., 1974. – С. 75; Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения. – М., 1976. – С. 94–95; Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Минск, 2001. – С. 7–35; Лавров В.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Курс лекций по криминалистике / под ред. проф. А.Ф. Волынского. – М.: ЮИ МВД РФ, 1998. Вып. 8. – С. 17; Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1977. Вып. 27. – С. 107; Филиппов А.Г. Криминалистика. – М.: Высшее образование, 2008; Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступле-

Заметим, что примерно до середины XX века среди учёных-криминалистов шёл активный поиск таких составляющих элементов частной методики расследования, которые давали бы возможность на базе обобщённых статистических данных определять и описывать типичные критерии преступлений, объединённых по какому-нибудь признаку. В качестве этого элемента выступила криминалистическая характеристика преступлений.

Собственно понятийная категория «криминалистическая характеристика» применялась ещё в трудах учёных начала XX века². Тем не менее, одним из первых исследователей, внёсших существенный вклад во внедрение криминалистической характеристики в состав методики расследования преступлений, можно считать Л.А. Сергеева³. Начиная с данного периода времени, криминалистическая характеристика устойчиво вошла в состав так называемых частных методик. И, несмотря на то, что в юридической литературе она неоднократно подвергалась критике⁴, криминалистическая характеристика по-прежнему представляет собой их неотъемлемую часть.

Отметим, что в литературе даётся множество определений данного термина. Так, В.А. Гуляев под криминалистической характеристикой предлагает понимать «систему устойчивых признаков определённого вида (подвида) преступления, проявляющую себя вовне материальными и идеальными (или интеллектуальными) следами, образованными последовательными в пространстве и во времени действиями преступника в пределах причинно связанных с преступлением предшествующих ему событий, при совершении преступления и в течение причинно связанных с ним последующих событий»⁵.

А.Ф. Лубин под криминалистической характеристикой предложил рассматривать «сущностное выводное знание о преступной деятельности», выступающее наряду с организационными и техническими средствами «в качестве информационного средства расследования». При этом указано, что «это опережающие, предпосылочные сведения о закономерностях функционирования объекта (предмета), которые обуславливают закономерности расследования»⁶.

Исследуя вышеприведённые и иные определения криминалистической характеристики преступлений, описанные в юридической литературе, по нашему мнению, следует согласиться с достаточно точным замечанием В.П. Лаврова, справедливо подчёркивающего, что, несмотря на имеющиеся различия, под термином «криминалистическая характеристика» бóльшая часть учёных рассматривает «систему сведений о типичных признаках определённой категории преступлений, анализ которых позволяет делать выводы об оптимальных путях их раскрытия и расследования»⁷.

Менее однозначно в литературе решается вопрос о структуре криминалистической характеристики. Так, часть учёных, опираясь на собственный опыт, предлагают рас-

ния и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1979. – Вып. 30; Яблоков Н.П., Самыгин Л.Д. Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. – М.: БЕК, 1995. – С. 45; и др.

² Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: – М., 1984. – С. 32–33.

³ Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – С. 4–5; Сергеев Л.А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений: Руководство для следователей. – М.: Госюриздат, 1971. – С. 438.

⁴ Баев О.Я. И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. – 2002. Вып. 1(3). – С. 19–23; Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступления как элемент расследования // Вестник криминалистики. – 2000. – Вып. 1. – С. 16–22; Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? Еще раз о криминалистической характеристике преступления // Социалистическая законность. – 1987. – № 9. – С. 57; Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 1997. – С. 19.

⁵ Гуляев В.А. Содержание и значение криминалистических характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: – М., 1984. – С. 59–60.

⁶ Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. – Нижний Новгород, 1997. – С. 94–95.

⁷ Лавров В.П. Криминалистика. – М.: Норма, 1999. – С. 33–34.

сма­три­вать раз­но­об­раз­ные пе­ре­чни так на­зы­вае­мых *об­ли­гат­ных* эле­мен­тов са­мой кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки пре­ступ­ле­ний.

Заме­тим, что со­вре­мен­ный под­ход к со­дер­жа­нию кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки фор­ми­ру­ет­ся под воз­дей­ст­вием раз­вер­ну­в­шей­ся в юри­ди­че­ской ли­те­ра­ту­ре дис­кус­сии, ка­саю­щей­ся со­от­но­ше­ния кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки с об­сто­ятель­ст­вами, под­ле­жа­щи­ми до­ка­зы­ва­нию (речь в дан­ном слу­чае и­дет о пред­ме­те до­ка­зы­ва­ния, ука­зан­ном в ст. 73 УПК РФ).

При этом од­ни ав­то­ры обос­но­вы­ва­ют, что об­сто­ятель­ства, под­ле­жа­щие до­ка­зы­ва­нию, не­об­хо­ди­мо вклю­чать в струк­ту­ру и со­дер­жа­ние кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки. Кро­ме то­го, они дол­жны ей по­гло­щать­ся. Дан­ная по­зи­ция под­дер­жи­ва­ет­ся та­ки­ми ви­дны­ми учё­ны­ми, как Р.С. Бел­кин, А.Р. Бел­кин, А.Н. Васи­лье­в, Е.Р. Рос­син­ская и др.

Раз­де­ляя дан­ную точку зре­ния, А.Р. Бел­кин за­ме­ча­ет: "Од­но из двух: ли­бо сле­ду­ет при­знать не­об­хо­ди­мость дос­та­точ­но пол­ной кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки пре­ступ­ле­ния – и то­гда ис­клю­чить пе­ре­чень ука­зан­ных об­сто­ятель­ств из чис­ла эле­мен­тов кон­крет­ной част­ной ме­то­ди­ки, ли­бо сле­ду­ет от­ка­зать­ся от ха­рак­те­ри­сти­ки – и то­гда на­до бу­дет оста­вить пе­ре­чень. Треть­его ре­ше­ния не ви­дно. При этом не­об­хо­ди­мо под­чер­кнуть, что пред­мет до­ка­зы­ва­ния как про­цес­су­аль­ная ка­те­го­рия, при­ни­мае­мая во вни­ма­ние обя­за­тель­но и фак­ти­че­ски оп­ре­де­ляю­щая уз­ло­вые за­да­чи рас­сле­до­ва­ния, при лю­бом ва­ри­ан­те ре­ше­ния дол­жен быть не­пре­мен­но со­хра­нён в той или ино­й фор­ме"⁸.

Иные учё­ные, на­об­ро­т, убе­жде­ны, что об­сто­ятель­ства, под­ле­жа­щие до­ка­зы­ва­нию, це­ле­со­об­раз­но вы­де­лять в ка­че­стве са­мо­сто­ятель­но­го струк­тур­но­го эле­мен­та ме­то­ди­ки рас­сле­до­ва­ния пре­ступ­ле­ния (на­рав­не с кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­кой, а так­же ре­ко­мен­да­ци­ями по рас­кры­тию пре­ступ­ных де­я­ний). Дан­ная по­зи­ция при­во­дит­ся в тру­дах И.Ф. Ге­ра­си­мо­ва, В.А. Об­раз­цо­ва, А.Г. Фи­ли­п­по­ва и ря­да дру­гих ав­то­ров.

Мы по­ла­гаем, что и пер­вая и вто­рая по­зи­ция не ли­шены ло­ги­ки. Тем не ме­нее, за­ме­тим: по­ми­мо от­ме­чен­ных ас­пек­тов, в по­след­ние го­ды в на­уч­ной ли­те­ра­ту­ре всё ча­ще обос­но­вы­ва­ет­ся по­зи­ция, со­глас­но ко­то­рой со­дер­жа­ние кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки ди­на­ми­чно, что про­яв­ля­ет­ся в том, что её струк­ту­ра дол­жна оп­ре­де­лять­ся кон­крет­ной груп­пой, ви­дом, ка­те­го­ри­ей пре­ступ­ле­ний, в свя­зи с чем она мо­жет су­ще­ствен­но раз­ли­чать­ся в за­ви­си­мо­сти от кон­крет­ных ис­сле­до­ва­тель­ских це­лей⁹.

По вер­ной мы­сли С.А. Ко­пыт­ки­на, «го­во­ря о кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ке как о те­о­ре­ти­че­ской кон­ст­рук­ции, обо­б­щаю­щей ти­пич­ную кри­ми­на­ли­сти­че­ски зна­чи­мую ин­фор­ма­цию о пре­ступ­ле­нии, сле­ду­ет от­ме­тить, что спе­ци­фи­ка раз­лич­ных ви­дов пре­ступ­ле­ний во мно­гом оп­ре­де­ля­ет эле­мен­тный со­став кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки для каж­дой кон­крет­ной груп­пы»¹⁰. Мы раз­де­ляем дан­ную точку зре­ния, счи­тая, что струк­ту­ру кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки це­ле­со­об­раз­но стро­ить, опи­раясь на уго­лов­но-пра­во­вую и кри­ми­на­ли­сти­че­скую спе­ци­фи­ку кон­крет­ной груп­пы, ви­да, со­ста­ва пре­ступ­ле­ний.

Учи­ты­вая же, что не­ко­то­рые со­ста­вы гл. 19 УК РФ на­сто­ль­ко раз­но­об­раз­ны, что не­воз­мож­но вы­де­лить ка­кие-ли­бо ус­той­чи­вые схо­жие чер­ты ме­жду ни­ми, мы по­ла­гаем це­ле­со­об­раз­ным по­дроб­но рас­смот­реть ли­шь те эле­мен­ты кри­ми­на­ли­сти­че­ской ха­рак­те­ри­сти­ки про­ти­во­пра­вных де­я­ний, ко­то­рые име­ют яр­ко вы­ра­жен­ные кри­те­рии, при­су­щие для всех (или бо­ль­шин­ства) пре­ступ­ле­ний, пре­дус­мот­рен­ных гл. 19 УК РФ.

Од­но­вре­мен­но мы по­счи­та­ли не­це­ле­со­об­раз­ным и во мно­гом не­воз­мож­ным со­ста­вить по­дроб­ную кри­ми­на­ли­сти­че­скую ха­рак­те­ри­сти­ку пре­ступ­ле­ний, от­ме­чен­ных в ст. 136–149 УК РФ. Так, дос­та­точ­но сло­жно по­дроб­но рас­крыть все спо­со­бы со­вер­ше­ния пре­ступ­ле­ний рас­сма­три­вае­мой груп­пы, ибо они мно­го­об­раз­ны и за­час­ту­ю со­вер­шен­но не по­хо­жи друг на дру­га.

К при­ме­ру, сло­жно най­ти об­щие вза­имос­вя­зи и осо­бен­но­сти ме­жду пре­ступ­ле­ни­ями, со­вер­ше­нны­ми по не­ос­то­рож­но­сти дол­ж­нос­тны­ми ли­ца­ми, ру­ко­во­ди­те­ля­ми пред­при­я­тия, на­ру­шив­ши­ми пра­ви­ла ох­ра­ны тру­да (ст. 143 УК РФ), и про­ти­во­пра­вны­ми

⁸ Бел­кин А.Р. Те­о­рия до­ка­зы­ва­ния в уго­лов­ном су­до­про­из­вод­стве. – М., 2005. – С. 47–48.

⁹ Кри­ми­на­ли­сти­ка / под ред. И.Ф. Ге­ра­си­мо­ва, Л.Я. Драп­ки­на. – М., 1994. – С. 330.

¹⁰ Ко­пыт­кин С.А. Кри­ми­на­ли­сти­че­ская ха­рак­те­ри­сти­ка пре­ступ­ле­ний, со­вер­шен­ных ли­ца­ми, стра­даю­щи­ми пси­хи­че­ски­ми рас­строй­ст­ва­ми // Рос­сий­ский сле­до­ва­тель. – 2010. – № 16. – С. 23–25.

деяниями, заключающимися в нарушении изобретательских и патентных прав (ст. 147 УК РФ).

Однако во многом данный пробел (в сфере изучения типичных способов совершения преступлений) может быть восполнен при раскрытии особенностей расследования относительно однородных отдельных подгрупп.

Кроме того, нецелесообразность рассмотрения в рамках криминалистической характеристики всех элементов и аспектов таковой, без ярко выраженных схожих элементов преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, обусловлена и тем, что противоправные деяния, предусмотренные рядом отдельных статей рассматриваемой главы УК РФ, достаточно подробно и детально раскрыты в отдельных научных трудах монографического уровня других авторов.

В связи с представленными доводами, укажем наиболее типичные черты следующих элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренным ст. ст. 136–149 УК РФ:

- личность субъекта противоправного деяния (именно в данном элементе криминалистической характеристики преступлений, указанных в гл. 19 УК РФ, сосредоточено наибольшее количество общих для всех преступных составов типичных признаков);
- личность потерпевшего лица (данный элемент криминалистической характеристики тесно взаимосвязан с предыдущим, что обуславливает наш исследовательский интерес к его рассмотрению);
- обстановка произошедшего события;
- способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- особенности и механизм слепообразования (рассмотрение данного элемента важно в связи с очень высоким уровнем латентности среди нарушений рассматриваемой категории).

Список литературы

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. – М.: Норма-Инфра-М, 2000.
2. Басалаев А.Н., Гуляев В.А. Криминалистическая характеристика преступлений. Общее понятие и практическое значение // Методика расследования преступлений. Общие положения. – М., 1976.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юридическая литература, 1988
4. Васильев А.Н. О криминалистической классификации преступлений // Методика расследования преступлений. Общие положения. – М., 1976.
5. Возгрин И.А. О структуре методик расследования отдельных видов преступлений // Вопросы теории и практики борьбы с преступностью. – Л., 1974.
6. Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения. – М., 1976.
7. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Минск, 2001.
8. Лавров В.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений // Курс лекций по криминалистике / под ред. проф. А.Ф. Волынского. – М.: ЮИ МВД РФ, 1998. Вып. 8.
9. Образцов В.А. К вопросу о методике раскрытия преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1977. Вып. 27.
10. Филиппов А.Г. Криминалистика. – М.: Высшее образование, 2008.
11. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М, 1979. Вып. 30.
12. Яблоков Н.П., Самыгин Л.Д. Информационные основы расследования и криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика. – М.: БЕК, 1995.
13. Крылов И.Ф. Криминалистическая характеристика и ее место в системе науки криминалистики и в вузовской программе // Криминалистическая характеристика преступлений: – М., 1984.
14. Сергеев Л.А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1966.

15. Сергеев Л.А. Сущность и значение криминалистической характеристики преступлений: Руководство для следователей. – М.: Госюриздат, 1971.
16. Баев О.Я. И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) / О.Я. Баев // Вестник криминалистики. – 2002. – Вып. 1(3). – С. 19–23.
17. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования / В.П. Бахин // Вестник криминалистики. – 2000. – Вып. 1. – С. 16–22.
18. Белкин Р.С., Быховский И.Е., Дулов А.В. Модное увлечение или новое слово в науке? Еще раз о криминалистической характеристике преступления / Р.С. Белкин, И.Е. Быховский, А.В. Дулов // Социалистическая законность. – 1987. – № 9. – С. 57.
19. Лубин А.Ф. Методология криминалистического исследования механизма преступной деятельности: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 1997.
20. Гуляев В.А. Содержание и значение криминалистических характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: – М., 1984.
21. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. – Нижний Новгород, 1997. – С. 94–95.
22. Лавров В.П. Криминалистика. – М.: Норма, 1999.
23. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005.
24. Криминалистика / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Друпкина. – М., 1994.
25. Копыткин С.А. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами / С.А. Копыткин // Российский следователь. – 2010. – № 16. – С. 23–25.

ON THE ISSUE OF CRIMINALISTIC DESCRIPTION OF THE CRIMES AGAINST CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHTS

N.I. AMRANOV

*Voronezh institute of Economics
and Law*

e-mail: kijalis@yandex.ru

The article tells about conception of criminalistic description of the crimes against constitutional human rights, its content and structure.

Keywords: criminalistic description of the crimes, structure of criminalistic description, substantiation, crimes against constitutional human rights.

УДК 343.3/7.1

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ РАСКРЫТИЯ ИЛИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, ОПРЕДЕЛЁННОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ЦЕННЫХ БУМАГАХ

И. В. МИРОНЮК

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
mironyukjohn@mail.ru*

В статье автором даётся комплексная уголовно-правовая характеристика злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст.185.1 УК РФ). При этом, учитывая бланкетность ряда признаков состава данного преступления, исследование проводится как на основании норм уголовного права, так и на основании норм, содержащихся в нормативно-правовых актах иных отраслей права (гражданского и финансового права). Также в действующей редакции указанной статьи выявлен ряд пробелов и, как следствие, в целях оптимизации уголовного законодательства предложены и аргументированы конкретные изменения данной нормы. Проведённый анализ может позволить решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной практике в связи с квалификацией злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах.

Ключевые слова: ценные бумаги, информация, эмитент, инвестор, преступление.

Одной из ключевых задач государства в сфере развития рынка ценных бумаг является повышение уровня информационной прозрачности рынка. Реализация принципа информационной прозрачности может быть достигнута за счет информирования всех заинтересованных лиц о деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг и её результатах. Этому, в частности, должно способствовать чёткое разграничение информации на информацию, являющуюся коммерческой тайной, и не являющуюся таковой или обязательную к предоставлению по любому требованию как отдельных граждан, так и органов государственной власти; ужесточение ответственности за предоставление недостоверной информации, определённой законодательством о ценных бумагах кругу лиц в случаях, когда предоставление или раскрытие такой информации является обязательным (п. 4 раздел III Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации)¹. В целях охраны таких общественных отношений законодатель в ст. 185-1 УК РФ предусмотрел соответствующую норму.

В теории уголовного права существуют различные позиции относительно определения объекта злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах: общественные отношения, основанные на принципе добропорядочности субъектов экономической деятельности²; права и законные интересы физических и юридических лиц (инвесторов)³; общественные отношения, обеспечивающие право на получение достоверной информации об эмитенте, его финансово-хозяйственной деятельности и ценных бумагах, сделках и иных операциях с ценными бумагами⁴.

¹ Указ Президента РФ от 01.07.1996 г. № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 28. – ст. 3356.

² Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 483.

³ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб., 2007. – С. 366.

⁴ Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. – С. 118.

Некоторые авторы выделяют в качестве основного объекта указанного преступления – общественные отношения, обеспечивающие законный выпуск ценных бумаг и интересы инвесторов и контролирующих органов; дополнительный объект рассматриваемого посягательства – финансовые отношения (в сфере обращения ценных бумаг) и имущественные отношения (т.к. преступление посягает на имущественные интересы инвесторов и потенциальных инвесторов)⁵.

И.А. Клепицкий называет непосредственным объектом рассматриваемого посягательства инвестиционные отношения в широком смысле, дополнительными объектами – финансовые отношения (в сфере обращения ценных бумаг) и имущественные отношения (имущественные интересы инвесторов и потенциальных инвесторов)⁶.

По нашему мнению, основным непосредственным объектом злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах являются охраняемые государством общественные отношения, обеспечивающие порядок раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации. Дополнительным обязательным непосредственным объектом являются имущественные (в том числе, инвестиционные) интересы граждан, организаций или государства.

Большинство учёных рассматривает в качестве предмета указанного посягательства информацию, обязанность раскрытия или предоставления которой установлена законодательством⁷.

Так как под предметом преступления в теории уголовного права обычно понимают вещи материального мира, воздействуя на которые виновный осуществляет посягательство на охраняемые уголовным законом общественные отношения⁸, т.е. причиняет вред объекту преступления; имеют материальную оболочку и доступны для восприятия извне⁹, предметом злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, являются документы, содержащие информацию, определённую законодательством Российской Федерации о ценных бумагах для предоставления или раскрытия, которые должны быть представлены в соответствии с законом (в частности, с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг») установленному кругу лиц.

По конструкции объективной стороны состав, предусмотренный ст. 185.1 УК РФ, является материальным.

Деяние может выражаться в следующих альтернативных формах:

- злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах;
- предоставление заведомо неполной информации;
- предоставление заведомо ложной информации.

Первая форма рассматриваемого деяния выражается в злостном уклонении от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах. Термин «уклонение» указывает на то, что деяние состоит в смешанном бездействии (т.е. возможна ситуация, при которой субъект для обеспечения бездействия в будущем осуществляет активные действия, например, уничтожает документы, содержащие информацию, определённую законодательством РФ о ценных

⁵ Экономические и финансовые преступления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [О.Ш. Петросян и др.]. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – С. 184-185.

⁶ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. – М., 2005. – С.212-213.

⁷ Комментарий к УК РФ / Под ред. С.И. Улезько. – М., 2002. С. 404; Тюнин В.И. Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах // Юрист. – 2003. – № 1; Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 484; Галкина В.И. Преступления в сфере эмиссии и обращения ценных бумаг (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 92-93; Русанов Г.А. Указ. соч. – С. 118.

⁸ Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – С. 117-118.

⁹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Под ред. А.И. Марцева. – Омск: Омский юридический институт МВД России, 1998. – С.109.

бумагах)¹⁰. Уголовная ответственность за бездействие наступает в случае, когда лицо было обязано действовать (в силу указания закона, иных нормативно-правовых актов, характера профессии и т.д.), имело возможность действовать и при наличии данных условий бездействовало.

Обязанность по раскрытию или предоставлению информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах закрепляется в первую очередь в Федеральных законах «О рынке ценных бумаг»¹¹, «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»¹², «Об акционерных обществах»¹³, а также Приказом ФСФР «Об утверждении Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг»¹⁴ и др.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» под раскрытием информации на рынке ценных бумаг понимается обеспечение её доступности всем заинтересованным в этом лицам независимо от целей получения данной информации в соответствии с процедурой, гарантирующей её нахождение и получение. Раскрытой информацией на рынке ценных бумаг признаётся информация, в отношении которой проведены действия по её раскрытию. Общедоступной информацией на рынке ценных бумаг признаётся информация, не требующая привилегий для доступа к ней или подлежащая раскрытию в соответствии с Федеральным законом. Под предоставлением информации на рынке ценных бумаг понимается обеспечение её доступности определённому кругу лиц в соответствии с процедурой, гарантирующей её нахождение и получение этим кругом лиц. Предоставленной информацией на рынке ценных бумаг признаётся информация, в отношении которой проведены действия по её предоставлению определённому кругу лиц.

В соответствии с п. 2.1.1. Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг эмитенты ценных бумаг обязаны осуществлять раскрытие информации на каждом этапе процедуры эмиссии ценных бумаг в порядке, установленном настоящим Положением, в случаях, когда государственная регистрация выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг сопровождается регистрацией проспекта ценных бумаг.

Государственная регистрация выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг сопровождается регистрацией проспекта ценных бумаг в случае размещения эмиссионных ценных бумаг путём открытой подписки или путём закрытой подписки среди круга лиц, число которых превышает 500. Если государственная регистрация выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг не сопровождалась регистрацией их проспекта, он может быть зарегистрирован впоследствии (п.п. 2 и 3 ст. 19 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Такая потребность может возникнуть, например, в том случае, если эмитент пожелает вывести свои акции на биржу (публичное обращение). Дело в том, что одним из условий допуска ценных бумаг к публичному обращению является регистрация проспекта ценных бумаг¹⁵.

В случае регистрации проспекта ценных бумаг эмитент обязан осуществлять раскрытие информации в форме:

ежеквартального отчёта эмитента эмиссионных ценных бумаг (ежеквартальный отчёт);

сводной бухгалтерской (консолидированной финансовой) отчётности эмитента;

¹⁰ Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 490.

¹¹ Федеральный закон от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – ст. 1918.

¹² Федеральный закон от 05.03.1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1999. – № 10. – ст. 1163.

¹³ Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – ст. 1.

¹⁴ Приказ ФСФР РФ от 10.10.2006 г. № 06-117/пз-н «Об утверждении Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 4.

¹⁵ Вавулин Д.А., Федотов В.Н. Новые требования к раскрытию информации эмитентами ценных бумаг. Существенные факты // Право и экономика. – 2011. – № 4. – С. 26-33.

сообщений о существенных фактах (п. 4 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

В соответствии с п. 5.1 Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг¹⁶ обязанность осуществлять раскрытие информации в форме ежеквартального отчёта в порядке, предусмотренном рассматриваемым Положением, распространяется:

а) на эмитентов, в отношении ценных бумаг которых осуществлена регистрация хотя бы одного проспекта ценных бумаг;

б) на эмитентов, государственная регистрация хотя бы одного выпуска (дополнительного выпуска) ценных бумаг, которых сопровождалась регистрацией проспекта эмиссии ценных бумаг в случае размещения таких ценных бумаг путём открытой подписки или путём закрытой подписки среди круга лиц, число которых превышало 500;

в) на эмитентов, являющихся акционерными обществами, созданными при приватизации государственных и/или муниципальных предприятий (их подразделений), в соответствии с планом приватизации, утверждённым в установленном порядке и являющимся на дату его утверждения проспектом эмиссии акций такого эмитента, если указанный план приватизации предусматривал возможность отчуждения акций эмитента более чем 500 приобретателям либо неограниченному кругу лиц;

г) на эмитентов, биржевые облигации которых допущены к торгам на фондовой бирже.

Необходимо отметить, что ежеквартальный отчёт представляется в регистрирующий орган не позднее чем через 45 дней с даты окончания отчётного квартала (п. 5.6 Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг). Формат представляемой на электронном носителе информации, поступающей от эмитентов эмиссионных ценных бумаг в соответствии со Стандартами эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов ценных бумаг¹⁷, и Положением о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг устанавливается Требованиями к электронным носителям и формату текстов документов, представляемых эмитентами эмиссионных ценных бумаг¹⁸.

Кроме того в срок не более 45 дней с даты окончания соответствующего квартала эмитент обязан опубликовать текст ежеквартального отчёта в сети Интернет. Текст ежеквартального отчёта должен быть доступен на странице в сети Интернет в течение не менее 3 лет с даты истечения срока, установленного Положением о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг для его опубликования в сети Интернет, а если он опубликован в сети Интернет после истечения такого срока, – с даты его опубликования в сети Интернет (п. 5.7 Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг)¹⁹.

Кроме того, на эмитента возложена обязанность по раскрытию сводной бухгалтерской отчётности п. 12 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»), сообщений о существенных фактах (п. 13 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг, утв. Приказом ФСФР РФ от 10.10.2006 г. № 06-117/пз-н).

Следует отметить, что эмитент, являющийся акционерным обществом, на основании заявления может быть освобождён от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации федеральным органом исполнительной власти по рынку цен-

¹⁶ Приказ ФСФР РФ от 10.10.2006 № 06-117/пз-н «Об утверждении Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 4.

¹⁷ Стандарты эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов эмиссии: утв. приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 25.01.2007 № 07-4/пз-н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 25.

¹⁸ Приказ ФСФР РФ от 18.06.2009 № 09-23/пз-н «Об утверждении Требований к электронным носителям и формату текстов документов, представляемых эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Рос. газ. – 2009. – № 156.

¹⁹ Приказ ФСФР РФ от 10.10.2006 № 06-117/пз-н «Об утверждении Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2007. – № 4.

ных бумаг. Такое решение принимается федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг при одновременном соблюдении следующих условий:

- 1) если решение об обращении в федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг с заявлением, предусмотренным настоящей статьей, принято эмитентом в порядке, установленном Федеральным законом «Об акционерных обществах»;
- 2) если у эмитента отсутствуют иные эмиссионные ценные бумаги, за исключением акций, в отношении которых осуществлена регистрация проспекта таких ценных бумаг;
- 3) если акции эмитента не включены в список ценных бумаг, допущенных к торгам на фондовой бирже и (или) ином организаторе торговли на рынке ценных бумаг;
- 4) если число акционеров эмитента не превышает 500 (ст. 30.1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Исчерпывающий перечень документов, представляемых эмитентами, являющимися акционерными обществами для принятия федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг решения об освобождении их от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии со статьей 30 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», а также порядок рассмотрения федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг заявлений эмитентов об освобождении их от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации устанавливается Приказом ФСФР от 09.12.2010 г. № 10-75/пз-н²⁰.

Обязанность по раскрытию или предоставлению информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, возлагается не только на эмитентов эмиссионных ценных бумаг. Для установления круга таких лиц необходимо обратиться к положениям ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

Так в соответствии с п. 18 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» лицо, предоставившее обеспечение по облигациям эмитента, обязано предоставить эмитенту предусмотренные пунктом 14 статьи 30 сведения, касающиеся указанного лица или его финансово-хозяйственной деятельности, а также сведения, необходимые для составления ежеквартального отчёта эмитента, в том числе свою бухгалтерскую (финансовую) отчётность. Сведения, необходимые для составления ежеквартального отчёта, предоставляются эмитенту в сроки, предусмотренные договором с эмитентом, а сведения, предусмотренные пунктом 14 статьи 30, – не позднее дня, следующего за днём, в который лицо, предоставившее обеспечение по облигациям эмитента, узнало или должно было узнать о наступлении соответствующих существенных фактов. Лицо, предоставившее обеспечение по облигациям эмитента, несёт ответственность за убытки, причинённые инвестору и (или) владельцу облигаций вследствие раскрытия или предоставления эмитентом предоставленной ему указанным лицом недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации.

Участник (акционер) эмитента, обязанного осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии со ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», владеющий 5 или более процентами голосующих акций (долей) такого эмитента, обязан предоставить информацию о лице (появлении лица), которое его контролирует, либо о его отсутствии (прекращении оснований такого контроля) (п. 19 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). В ст. 2 данного закона приводятся дефиниции «контролирующего лица» и «подконтрольного лица». И оба этих понятия сформулированы для использования в целях раскрытия и (или) предоставления информации.

Контролирующее лицо – лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями

²⁰ Приказ ФСФР РФ от 09.12.2010 г. № 10-75/пз-н «Об утверждении Порядка рассмотрения заявлений эмитентов, являющихся акционерными обществами, об освобождении их от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии со статьей 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2011. – № 7.

(долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации.

Подконтрольное лицо (подконтрольная организация) – юридическое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем контролирующего лица.

Лицо, указанное в подпункте 25 пункта 14 статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», обязано предоставить информацию о получении или прекращении права прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) самостоятельно или совместно с иными лицами, связанными с ним договором доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерным соглашением, и (или) иным соглашением, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) эмитента, распоряжаться определенным количеством голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал эмитента, обязанного осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии с настоящей статьей, если указанное количество голосов составляет 5 процентов либо стало больше или меньше 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50, 75 или 95 процентов общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал такого эмитента (п. 20 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Далее организация, подконтрольная эмитенту, обязанному осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии со статьей 30, обязана предоставить информацию о приобретении (об отчуждении) голосующих акций (долей) такого эмитента или ценных бумаг иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении голосующих акций такого эмитента. Указанное требование не распространяется на приобретение ценных бумаг подконтрольными эмитенту организациями, если последние являются брокерами и (или) доверительными управляющими и совершили сделку от своего имени, но за счёт клиента, не являющегося эмитентом и (или) подконтрольной ему организацией (п. 21 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Акционер (акционеры) эмитента или иные лица, получившие в соответствии с Федеральным законом «Об акционерных обществах» полномочия, необходимые для созыва и проведения внеочередного общего собрания акционеров указанного эмитента, не позднее дня, следующего за днем, когда они узнали или должны были узнать о возложении на них исполнения вступившего в законную силу решения суда о понуждении данного эмитента провести внеочередное общее собрание акционеров, обязаны предоставить информацию о получении указанных полномочий (п. 22 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Необходимо отметить, что лица, указанные в пп. 19-22 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», предоставляют предусмотренную указанными пунктами информацию путём направления уведомления эмитенту и в федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг (п. 23 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Требования к содержанию, форме, сроку и порядку направления такого уведомления устанавливаются нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти по рынку ценных бумаг²¹.

Кроме того лицо, приобретающее эмиссионные ценные бумаги открытого акционерного общества на основании предусмотренного главой XI.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» добровольного, в том числе конкурирующего, или обязательного предложения, касающегося приобретения эмиссионных ценных бумаг, обращающихся на торгах фондовых бирж и (или) иных организаторов торговли на рынке ценных бумаг, обязано в порядке, предусмотренном нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти по рынку ценных бумаг, раскрыть:

²¹ Приказ ФСФР РФ от 04.10.2011 г. № 11-44/пз-н «Об утверждении Положения о требованиях к содержанию, форме, сроку и порядку направления уведомлений лиц, указанных в пунктах 19 – 22 статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», содержащих информацию, предусмотренную пунктами 19 – 22 статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

1) информацию о направлении добровольного, в том числе конкурирующего, или обязательного предложения в федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг. Указанная информация раскрывается не позднее дня, следующего за днём направления соответствующего предложения в федеральный орган исполнительной власти по рынку ценных бумаг;

2) содержание добровольного, в том числе конкурирующего, или обязательного предложения. Соответствующее предложение раскрывается не позднее дня, следующего за днём истечения срока, предусмотренного для его рассмотрения федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг, если в течение указанного срока федеральным органом исполнительной власти по рынку ценных бумаг не было вынесено предписание о приведении добровольного, в том числе конкурирующего, или обязательного предложения в соответствие с требованиями Федерального закона «Об акционерных обществах» (п. 24 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»).

Помимо указанных лиц обязанность по раскрытию информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах возлагается в определённых случаях и на профессиональных участников рынка ценных бумаг. Профессиональные участники рынка ценных бумаг – юридические лица, которые осуществляют виды деятельности, указанные в главе 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» (ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). К таким видам деятельности относятся: брокерская, дилерская, деятельность по управлению ценными бумагами, деятельность по определению взаимных обязательств (клиринг), депозитарная деятельность, деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг, деятельность по организации торговли на рынке ценных бумаг. Обязанность по предоставлению информации, состав и объём, порядок и сроки её раскрытия и предоставления профессиональным участником на рынке ценных бумаг установлена пп. 2, 3, 4 ст. 6 Федерального закона «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»²², а также пп. 25, 26 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

Очередным условием уголовной ответственности за уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах наряду с наличием закреплённой в законе и иных нормативно-правовых актах обязанностью раскрытия или предоставления информации является наличие возможности лица выполнить эту обязанность, злостно от неё уклонившись. Закреплённый в диспозиции ст. 185.1 УК РФ признак злостности носит оценочный характер.

В целях установления указанного признака следует обращать внимание на наличие следующих обстоятельств: истечение продолжительного времени после наступления сроков для предоставления или раскрытия информации, упорное невыполнение этой обязанности, несмотря на неоднократные и настойчивые требования инвестора или контролирующего органа²³; создание препятствий для контактов с инвесторами или контролирующим органом; умышленное сокрытие или уничтожение требуемой информации²⁴; неисполнение обязательных предписаний контролирующих органов²⁵; лицу был наложен штраф за такое нарушение²⁶; открытый, дерзкий отказ от предоставления от предос-

²² Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1999. – № 10. – ст. 1163.

²³ Комментарий к УК РФ / Под ред. Г.А. Есакова. – М.: Проспект, 2010.

²⁴ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 490; Экономические и финансовые преступления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [О.Ш. Петросян и др.]. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – С. 183.

²⁵ Чупрова А. Проблемы обеспечения уголовной ответственности лиц, злостно уклоняющихся от предоставления информации о ценных бумагах // Уголовное право. – 2006. – № 4; Преступления в сфере экономики / И.С. Васильчиков. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 127; Комментарий к УК РФ / под ред. А.И. Чучаева – М.: Инфра-М, 2010; Комментарий к УК РФ / Под ред. А.А. Чекалина. – М.: Юрайт-Издат, 2007.

²⁶ Тюнин В.И. Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах // Юрист. – 2003. – № 1; Моисеева И.И. Ответственность за непредставление информации в Федеральную службу по финансовым рынкам // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – 2011. – № 2. – С. 87-95.

тавления информации (открытый – явно выраженный, устно или письменно; дерзкий – демонстрирующий пренебрежительное и непочтительное отношение к требованиям инвесторов или контролирующих органов)²⁷.

Второй формой деяния, образующей объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 185.1 УК РФ, является предоставление заведомо неполной информации. Следует согласиться с Н.А. Лопашенко, которая полагает, что в этом случае требуемая информация предоставляется инвестору или контролирующему органу не в полном объеме. Часть информации утаивается, скрывается. При этом представленная информация выдается за полную²⁸. К тому же относительно качества полноты информации нужно добавить её соответствие в полном объеме рассмотренным нормативно-правовым актам. Предоставленная неполная информация при всём должна быть достоверной, иначе будет иметь место следующая форма объективной стороны состава, предусмотренного ст. 185.1 УК РФ.

Третья форма – предоставление заведомо ложной информации. По-разному в теории уголовного права определяют содержание указанной формы: предоставление информации с полным или частичным искажением²⁹; предоставление фальсифицированной, не соответствующей действительности информации³⁰. Следует согласиться с точкой зрения, согласно которой предоставление заведомо ложной информации – предоставление фальсифицированной, не соответствующей действительности информации в независимости от того, дефектна вся информация или её часть³¹.

По нашему мнению возможно предоставление одновременно заведомо неполной и ложной информации. Поэтому предлагаем внести соответствующие изменения в диспозицию ст. 185.1 УК РФ.

Как уже отмечалось ранее, состав, предусмотренный ст. 185.1 УК РФ, по конструкции объективной стороны является материальным, т.е. момент окончания законодатель связывает с наступлением последствий в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству, размер которого определяется в примечании к ст. 185 УК РФ.

В теории уголовного права относительно определения субъективной стороны рассматриваемого состава нет единой позиции. Некоторые учёные полагают, что субъективная сторона деяния, предусмотренного ст. 185.1 УК РФ, характеризуется виной в форме прямого умысла³².

Иной точки зрения придерживается И.А. Клепицкий, считающий, что данное преступление может быть совершено и с неосторожной формой вины, указывая на «необычное сочетание обмана, заведомости и неосторожности, которое объясняется тем, что последствия преступления не совпадают с результатом целенаправленной деятельности преступника и не сопутствуют ему с неизбежностью»³³.

По нашему мнению, следует согласиться с суждением о том, что субъективная сторона может характеризоваться виной в форме прямого либо косвенного умысла³⁴. Справедливо, на наш взгляд, замечал Б.В. Волженкин, что злостно уклоняясь от предос-

²⁷ Комментарий к УК РФ / Под ред. С.И. Улезько. – М., 2002. – С. 404-405.

²⁸ Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 490.

²⁹ Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: Курс лекций / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2005. – С. 213.

³⁰ Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 490.

³¹ Лопашенко Н.А. Указ. соч. – С. 490; Галкина В.И. Преступления в сфере эмиссии и обращения ценных бумаг (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 103.

³² Тюнин В.И. Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах // Юрист. – 2003. – № 1; Комментарий к УК РФ / Под ред. Н.А. Громова. – М.: ГроссМедиа, 2007; Комментарий к УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. – М.: Юрайт-Издат, 2007; Комментарий к УК РФ / Под ред. Чучаева А.И. – М.: Инфра-М, 2010; Экономические и финансовые преступления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [О.Ш. Петросян и др.]. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. – С. 190.

³³ Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005. – С.211-212.

³⁴ Комментарий к УК РФ / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2008; Комментарий к УК РФ / Под ред. А.А. Чекалина. М.: Юрайт-Издат, 2007; Лопашенко Н.А. Указ. соч. – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 491; Преступления в сфере экономики / И.С. Васильчиков. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – С. 127.

тавления соответствующей информации либо предоставляя заведомо неполную или ложную информацию, субъект предвидит если не неизбежность, то хотя бы возможность наступления общественно опасного последствия, и как минимум относится к этому безразлично (сознательно допускает)³⁵.

Таким образом, лицо осознаёт общественную опасность злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах, предоставления заведомо неполной или ложной информации, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству и желает причинить такой ущерб или сознательно допускает наступление такого ущерба либо относится к нему безразлично.

Субъект рассматриваемого преступления – физическое вменяемое лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа эмитента, его главный бухгалтер (иное лицо, выполняющее его функции), должностное лицо органов исполнительной власти и местного самоуправления, являющихся эмитентом; лицо, предоставившее обеспечение по облигациям эмитента, участник (акционер) эмитента, лицо, указанное в подпункте 25 пункта 14 ст. 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», лицо, осуществляющее управленческие функции в организации, подконтрольной эмитенту, акционер (акционеры) эмитента или иные лица, получившие полномочия, необходимые для созыва и проведения внеочередного общего собрания акционеров, лицо, приобретающее эмиссионные ценные бумаги открытого акционерного общества, лицо, осуществляющее управленческие функции в организации, являющейся профессиональным участником рынка ценных бумаг, – обязанные в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации о ценных бумагах раскрывать или предоставлять информацию, определённую законодательством Российской Федерации о ценных бумагах.

Необходимо заметить, если диспозиция ст. 185 УК РФ содержит хотя бы один квалифицирующий признак в ч. 2 (те же деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), то в ст. 185.1 УК РФ они вообще отсутствуют. На наш взгляд, логично было бы предусмотреть квалифицированный состав в ч. 2 ст. 185.1 УК РФ – те же деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной группой

Как уже отмечалось ранее примечание к ст. 185 УК РФ содержит определение особо крупного ущерба, а диспозиция указанной статьи не содержит соответствующего квалифицирующего признака. При этом действие примечания к ст. 185 УК РФ распространяется и на ст. 185.1 УК РФ, поэтому предлагаем внести изменения уголовного закона: включить квалифицирующий признак – те же деяния, причинившие особо крупный ущерб гражданам, организациям или государству, – не только в диспозицию ст. 185, но и в 185.1 УК РФ.

Следует обратить внимание и на то, что в названии ст. 185.1 УК РФ «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах» законодатель не перечислил все формы деяния, отражённые в диспозиции статьи. При этом помимо пассивного обмана в виде злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, диспозиция содержит ещё две формы активного обмана (предоставление заведомо неполной информации или заведомо ложной информации). Таким образом, соглашаясь с суждением, что злостность применительно к данной статье относится только к случаям уклонения от раскрытия или предоставления информации³⁶, необходимо отметить несоответствие между названием ст. 185.1 УК РФ и её диспозицией. Исходя из изложенного, предлагаем внести изменение в название ст. 185.1 УК РФ, изложив в следующей редакции: «Нарушение порядка раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах».

³⁵ Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. – СПб., 2007. – С. 505.

³⁶ Там же. – С. 501.

Таким образом, проведенный анализ может позволить решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной практике в связи с квалификацией злостного уклонения от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – ст. 1.
2. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – ст. 1918.
3. Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. – 1999. – № 10. – ст. 1163.
4. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.1996 № 1008 «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – № 28. – ст. 3356.
5. Приказ ФСФР РФ от 10.10.2006 № 06-117/пз-н «Об утверждении Положения о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 4 – 22.01.2007.
6. Стандарты эмиссии ценных бумаг и регистрации проспектов эмиссии: утв. приказом Федеральной службы по финансовым рынкам от 25.01.2007 № 07-4/пз-н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 25. – 18.06.2007.
7. Приказ ФСФР РФ от 18.06.2009 № 09-23/пз-н «Об утверждении Требований к электронным носителям и формату текстов документов, представляемых эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Рос. газ. – № 156. – 21.08.2009.
8. Приказ ФСФР РФ от 09.12.2010 № 10-75/пз-н «Об утверждении Порядка рассмотрения заявлений эмитентов, являющихся акционерными обществами, об освобождении их от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации в соответствии со статьей 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 7. – 14.02.2011.
9. Приказ ФСФР РФ от 04.10.2011 № 11-44/пз-н «Об утверждении Положения о требованиях к содержанию, форме, сроку и порядку направления уведомлений лиц, указанных в пунктах 19 – 22 статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», содержащих информацию, предусмотренную пунктами 19 – 22 статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».
10. Вавулин Д.А., Федотов В.Н. Новые требования к раскрытию информации эмитентами ценных бумаг. Существенные факты // Право и экономика. – № 4. – 2011.
11. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007.
12. Галкина В.И. Преступления в сфере эмиссии и обращения ценных бумаг (уголовно-правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2009.
13. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. М., 2005.
14. Комментарий к УК РФ / Под ред. А.А. Чекалина. М.: Юрайт-Издат, 2007.
15. Комментарий к УК РФ / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт-Издат, 2007.
16. Комментарий к УК РФ / Под ред. Г.А. Есакова. М.: Проспект, 2010.
17. Комментарий к УК РФ / Под ред. Н.А. Громова. М.: ГроссМедиа, 2007.
18. Комментарий к УК РФ / Под ред. С.И. Улезько. М., 2002.
19. Комментарий к УК РФ / Под ред. А.И. Чучаева. М.: Инфра-М, 2010.
20. Комментарий к УК РФ / отв. ред. В.И. Радченко, науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. М.: Проспект, 2008.
21. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 483.
22. Моисеева И.И. Ответственность за непредставление информации в Федеральную службу по финансовым рынкам // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – № 2. – 2011.
23. Преступления в сфере экономики / И.С. Васильчиков. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
24. Русанов Г.А. Преступления в сфере экономической деятельности: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011.
25. Тюнин В.И. Злостное уклонение от предоставления инвестору или контролирующему органу информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах // Юрист. – № 1. – 2003.

26. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2005.

27. Уголовное право России. Часть Общая и Особенная: Курс лекций / Под ред. А.И. Рарога. М., 2005. С. 213.

28. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. Под ред. А.И. Марцева. Омск: Омский юридический институт МВД России. 1998.

29. Чупрова А. Проблемы обеспечения уголовной ответственности лиц, злостно уклоняющихся от предоставления информации о ценных бумагах // Уголовное право. – № 4. – 2006.

30. Экономические и финансовые преступления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [О.Ш. Петросян и др.]. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.

TO THE QUESTION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR WILFUL REFUSAL TO DISCLOSE OR PROVIDE INFORMATION DEFINED BY THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON SECURITIES

I. V. MIRONYUK

*Belgorod State
National Research
University*

*e-mail:
mironyukjohn@mail.ru*

In the article the author gives the complex criminally-legal characteristic of wilful refusal to disclose or provide information defined by the legislation of the Russian Federation on securities (item 185.4 of the Criminal code of the Russian Federation). Thus, research is spent both on the basis of norms of criminal law, and on the basis of the norms containing in regulatory legal acts of other branches of the right (the civil and financial right). Also in operating edition of specified article a number of blanks is revealed and, as consequence, with a view of optimisation of the criminal legislation concrete changes of the given norm are offered and given reason. The carried out analysis presumes to solve the individual questions arising in practice in connection with qualification of wilful refusal to disclose or provide information defined by the legislation of the Russian Federation on securities.

Keywords: securities, information, issuer, investor, crime.

УДК 343.3/7.1

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ДЕПУТАТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТА РФ И ВЫБОРНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

С.М. КОЦЮМБАС*Белгородский областной суд*

В статье исследуются проблемы организации расследования преступлений, совершенных депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутатами, членами выборного органа местного самоуправления, выборными должностными лицами органа местного самоуправления.

Ключевые слова: расследование преступлений, депутаты субъекта РФ.

Вопросы организации расследования преступлений всегда представляли особый интерес для криминалистов. В основе этого интереса лежит их стремление разработать научно-практические рекомендации следователю с целью оптимизации расследования отдельных видов преступлений.

В настоящее время нельзя прогнозировать возможность реализации предложений по изменению структуры действующего уголовно-процессуального законодательства в части изъятия стадии возбуждения уголовного дела, поэтому дальнейшее исследование проблемы и рекомендации для частной криминалистической методики следует проводить и разрабатывать на основе действующих нормативных предписаний главы 52 УПК РФ.

Обратимся непосредственно к исследованию оснований возбуждения уголовных дел данной категории, особенностям уголовно-процессуальных и криминалистических способов их установления.

Основания для возбуждения уголовных дел, наряду с поводами, определены ст. 140 УПК РФ – это наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Процессуальный порядок их установления отражен в нормах объединенных главой 19 УПК РФ. Однако это унифицированный порядок для всех случаев и процессуальных ситуаций, в том числе и той, которая является частью предмета исследования.

В этой связи возникает закономерный вопрос, какие особенности сопровождают уголовно-процессуальную ситуацию и, что должен учитывать следователь, когда требуется принять решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица определенного п. 1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ? Существуют ли какие-нибудь уголовно-процессуальные и криминалистические способы, использование которых следователем гарантирует ему безошибочное процессуально правильное поведение относительно заподозренного в совершении преступления лица, по каким-либо причинам скрывающего свой особый процессуальный статус?

Рассмотрим первоначально вопрос, что собой представляет понятие уголовно-процессуальной ситуации. В уголовно-процессуальной литературе встречаются определения ее понятия, как для уголовного процесса в целом, так и для стадии предварительного расследования. По мнению С.Э. Воронина уголовно-процессуальная ситуация в науке уголовного процесса представляет собой тип следственной ситуации, складывающейся в процессе поисково-познавательной деятельности участника уголовного судопроизводства в зависимости от уголовно-процессуальной характеристики преступления при при-

нятии и фиксации процессуальных решений, а также производстве следственных и процессуальных действий¹.

По существу близко этому определению и понятие, данное О.В. Меремьяниновой в диссертационном исследовании оснований производства следственных действий².

Уголовно-процессуальная ситуация стадии предварительного расследования, на взгляд Э.А. Винокурова, представляет собой обстановку, которая складывается на основе результатов информационно-познавательной деятельности участника уголовного судопроизводства на стороне защиты в зависимости от уголовно-процессуальной характеристики преступления при принятии им процессуальных решений, участия в производстве следственных, процессуальных и непроцессуальных действий³ (определение было дано для случаев участия защитника в уголовном судопроизводстве – С.К.).

Определение и исследование уголовно-процессуальных ситуаций мы встречаем и у других авторов⁴.

Чтобы определить связь приведенных дефиниций данного понятия с рассматриваемой уголовно-процессуальной стадией возбуждения уголовного дела, проведем их содержательный анализ, в результате которого попытаемся определить свое отношение к категории – уголовно-процессуальная ситуация.

Уголовно-процессуальную ситуацию действительно можно рассматривать в качестве категории близкой следственной ситуации, в том числе и для стадии возбуждения уголовного дела, в смысле установления следователем «наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления». На связь следственной ситуации и процессуальной ситуацией расследования обращал внимание еще Р.С. Белкин, когда, анализируя это понятие, указывал, что содержание следственной ситуации включает в себя и процессуальные компоненты (условия)⁵.

Если не углубляться в анализ криминалистической материи понятия «следственная ситуация», а в этой части исследования такой необходимости мы не усматриваем, то следственную ситуацию на уровне явления можно определить как «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, то есть та обстановка, в которой протекает процесс доказывания»⁶. Это понятие своим содержанием эксплицируется и на стадию возбуждения уголовного дела.

В характеристике существенных признаков «поисково-познавательная деятельность» (С.Э. Воронин, О.В. Меремьянина и др.) и «информационно-познавательная деятельность» (Э.А. Винокуров) долго дискутировать, по нашему мнению, необходимости нет, так как, по сути, это однотипные понятия, которые отражают деятельность следователя по собиранию криминалистически значимой доказательственной и ориентирующей информации. Для нашего исследования это означает установление тех же «достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

На первый взгляд непонятным, а может быть и спорным, выглядит термин, употребленный авторами приведенных определений и выделенный ими в качестве существенного признака понятия «уголовно-процессуальная ситуация» – «уголовно-процессуальная характеристика преступлений». В научных исследованиях встречается

¹ Воронин С.Э. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной ситуации / Вопросы правовой теории и практики. Омск, 2004. Вып. 1. С. 113–117; Воронин, С.Э. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной ситуации / С.Э. Воронин // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 2003. – С. 108.

² Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Уголовно-процессуальная ситуация как фактическое основание производства следственных действий / Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений // межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В. Е. Корноухов. – Красноярск. Изд-во Сибирского юрид. ин-та МВД России. С.10.

³ Винокуров Э.А. Уголовно-процессуальные и тактические аспекты профессиональной защиты на стадии предварительного расследования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010 г. С. 10.

⁴ См., например, Шукин А.М. Особенности раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией и деятельностью наркопритонов. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004. С. 20.

⁵ Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 631.

⁶ Там же. – С. 630.

подобное, но несколько отличное по форме понятие «уголовно-процессуальная характеристика преступной деятельности»⁷.

Содержательно оно включает систематизированное описание процессуально значимых особенностей уголовно-процессуальной формы, подследственности, подсудности, предмета и пределов доказывания в целях успешного решения задач раскрытия, расследования преступлений и доказывания обвинения⁸.

В аспекте настоящего исследования в первую очередь интересует содержание, которое следует вкладывать в «систематизированное описание процессуально значимых особенностей уголовно-процессуальной формы».

Понятие – «уголовно-процессуальная форма» достаточно хорошо исследовано в уголовном процессе.

В последнем издании своего учебника И.Л. Петрухин писал, что «под уголовно-процессуальной формой следует понимать установленный законом регламент расследования преступлений, это совокупность общих, наиболее существенных условий, которым должна отвечать уголовно-процессуальная деятельность, обеспечивающая достижение целей судопроизводства»⁹.

То есть, уголовно-процессуальная форма – это порядок и условия совершения отдельных процессуальных действий и их совокупности, официального закрепления их хода и результатов, установленных законом.

Она несет большую социальную ценность, образует важнейшую гарантию справедливого уголовного судопроизводства, в обеспечении и законности которого играют процессуальные гарантии, установленные процессуальным законом средства, создающие условия для выполнения назначения уголовного процесса.

О содержании уголовно-процессуальных гарантий в их связи с процессуальной формой как средств обеспечения прав личности высказаны различные суждения. По мнению Э.Ф. Куцовой они представляют собой конкретные права и обязанности участников процесса¹⁰. По мнению других авторов, к ним относятся также правовые нормы¹¹, принципы уголовного процесса¹², и, собственно, сама процессуальная форма¹³.

Что это означает в аспекте толкования понятия «уголовно-процессуальная характеристика преступлений» для целей нашего исследования? Мы полагаем, данное понятие отражает процессуальные особенности досудебного производства по преступлениям совершенным рассматриваемой нами категории «специальных» субъектов.

Кроме того, на наш взгляд, это понятие в качестве признака как нельзя лучше других признаков характеризует особенности уголовно-процессуальной ситуации для стадии возбуждения уголовного дела в отношении депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления и вот почему. Особенности уголовно-процессуального производства в отношении данной категории лиц, регламентированы главой 52 УПК РФ и эта регламентация наряду с уголовно-правовой и криминалистической характеристиками совершенных ими преступлений является обязательным условием, соблюдение которого обеспечивает выполнение назна-

⁷ Петухов Е.Н. Досудебное производство по уголовным делам, связанным с преступлениями в финансово-кредитной сфере: Дис. ... канд. юрид. наук : Н. Новгород, 2001. – С. 8.

⁸ См.: ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. проф. В.В. Николюка, и доц. В.В. Кальницкого, А.Е. Четчина. – Омск, 1999. – С. 89; Петухов Е.Н. Досудебное производство по уголовным делам, связанным с преступлениями в финансово-кредитной сфере (По материалам преступлений, связанных с незаконным получением, использованием и невозвращением кредитов): Дис. ... канд. юрид. наук : Н. Новгород, 2001. – С. 8.

⁹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкагов и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2010. С. 7.

¹⁰ Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе. М., 1973. С. 127.

¹¹ Цыпкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов. 1959. С. 21–22.

¹² Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 203.

¹³ Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 3; Кондратов П.Е. Гарантии интересов обвиняемого, как фактор, определяющий формирование и осуществление советской уголовной политики // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном процессе. Ярославль. 1981. С. 65.

чения УПК РФ. Предусмотрен же особый процессуальный порядок для производства по применению принудительных мер медицинского характера, по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и пр., это и есть уголовно-процессуальная характеристика, но не преступлений, а расследования преступлений, то есть особый процессуальный порядок их уголовного судопроизводства.

Определяя уголовно-процессуальную ситуацию для стадии возбуждения уголовного дела, в соответствии с объектом и предметом нашего исследования, мы полагаем, что ею следует называть *обстановку, которая складывается на основе повода для возбуждения уголовного дела, информационно-познавательной деятельности следователя в соответствии с уголовно-процессуальной характеристикой расследования преступления, при принятии им процессуальных решений, процессуальных и непроцессуальных действий с целью установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления.*

Анализ практики расследования преступлений, совершенных категорией лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам, свидетельствует о том, что представляется возможным определить содержание типичной уголовно-процессуальной ситуации характерной для стадии возбуждения уголовного дела.

Наряду с практикой, основанием этому являются уголовно-процессуальные нормы главы 19 и 52 УПК РФ.

В первую очередь это положения регламентирующие поводы возбуждения уголовных дел, предусмотренных ч. 1 ст. 140 УПК РФ. Практика свидетельствует о том, что в основе процедуры возбуждения уголовных дел в отношении депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления преимущественно лежит заявление о преступлении и сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Кроме того, практика указывает на факт, что в ряде случаев на стадии возбуждения уголовного дела заподозренное в совершении преступления лицо скрывало (пыталось скрыть) свой особый правовой статус.

Процессуальной формой, определяющей повод для данной ситуации, является заявление или рапорт об обнаружении признаков преступления. Рапорт в порядке ст. 143 УПК РФ составляется лицом, принявшим сообщение в основном это были сотрудники органа внутренних дел.

Глава 19 УПК РФ, определяет для уголовно-процессуальной ситуации и сроки, в рамках которых следователю необходимо принять решение о возбуждении уголовного дела (его отказе) после рассмотрения сообщения о преступлении это 3-е суток, со дня поступления указанного заявления (сообщения). В соответствии с ч. 3 ст. 144 УПК РФ по мотивированному ходатайству следователя уполномоченным процессуальным лицом этот срок может быть продлен до 10 суток.

Материалы изученных нами уголовных дел свидетельствуют о том, что продления сроков доследственной проверки до 10 суток, именно с целью установления особого правового статуса заподозренного в совершении преступления лица, составили незначительную часть от всех дел эмпирической базы работы.

Относительно возможностей продления срока доследственной проверки материалов следователем до 30 суток для данной типичной ситуации является не характерным по двум причинам, во-первых, перечисленные в законе основания являются нетипичными для рассматриваемых нами оснований и в исследованных материалах практики мы их не встретили, во-вторых, 10 суток, на основе анализа той же практики, обычно является достаточным, для того чтобы установить основания к возбуждению уголовного дела и все необходимые сведения о заподозренном в преступлении лице.

Таким образом, мы определили основные элементы содержания типичной уголовно-процессуальной ситуации стадии возбуждения уголовного дела для отыскания оснований к возбуждению уголовного дела в отношении категории лиц с особым правовым статусом – депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления, которые по той или иной причине скрывают его от следователя.

Второй типичной уголовно-процессуальной ситуацией является обстановка стадии возбуждения уголовного дела в соответствии с которой факт относимости заподоз-

ренного лица к указанным субъектам, является очевидной посредством его личного признания, либо другим причинам объективного характера. Ее разрешение не представляет для следователя какой-либо сложности, так как обязывает руководствоваться процессуальными нормами, определяющими законное разрешение данной ситуации.

Следующей задачей является выделение уголовно-процессуальных и криминалистических особенностей способов установления следователем оснований к возбуждению уголовного дела в отношении рассматриваемых «специальных» субъектов.

Действующий УПК РФ определяет перечень следственных действий допустимых, при определенных условиях, для собирания криминалистически значимой и ориентирной информации, а по сути, сведений о совершенном преступлении. Они определены в ст. 144, 176, 179 УПК РФ.

Это, так сказать, современное состояние уголовно-процессуальных норм, использование которых допускается законодателем на стадии возбуждения уголовного дела. С 2001 года содержание этих норм неоднократно изменялось. Нам бы хотелось, основываясь на конструкции действующего УПК РФ, высказать свою точку зрения относительно данной проблемы, а она является таковой, по причине того, что предложения по совершенствованию стадии возбуждения уголовного дела в этом аспекте продолжают высказываться.

В этой связи немного исторического анализа.

Несовершенство содержания стадии возбуждения уголовного дела беспокоило процессуалистов и ранее, вскоре после принятия УПК РСФСР 1960 года, где, как мы уже отмечали, она появилась в качестве стадии уголовного процесса.

Так, например, Г.Н. Мудьюгин и М.С. Похис в 1971 году предлагали усовершенствовать ее посредством расширения перечня средств, использование которых будет способствовать установлению оснований необходимых для возбуждения уголовного дела. По их мнению, следовало ввести в данную стадию процессуальную возможность производства судебно-медицинской экспертизы¹⁴.

Однако наиболее основательным исследованием проблемы была монография А.Р. Михайленко «Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе» (1975 г.). В ней проанализированы тенденции, того периода времени, направленные к обоснованию предложений о расширении круга следственных действий, допускаемых до решения о возбуждении уголовного дела. Сам А.Р. Михайленко предлагал к числу таких действий, наряду с осмотром места происшествия, отнести не только задержание подозреваемого, но и его освидетельствование, осмотр одежды, личный обыск¹⁵.

Наряду со сторонниками расширения процессуального содержания стадии возбуждения уголовного дела, нашлись и противники.

Один из них В.М. Савицкий. Он писал, что все предложения по расширению круга следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, в конечном счете, продиктованы заботой о «судебной перспективе» расследования¹⁶.

В самом деле, очевидно, что проведение тех или иных следственных действий еще до решения вопроса о возбуждении уголовного дела может способствовать лишь более правильному установлению оснований к его возбуждению и позволит в ряде случаев исключить необоснованное возбуждение дел.

В этом аспекте нам импонирует высказывание Л.Д. Кокорева. «Более эффективному проведению расследования, – писал он, – эти действия служить не могут, поскольку их проведение не возбраняется при наличии возбужденного дела. Однако их проведение до возбуждения уголовного дела противоречит самой природе, принудительному характеру, особому основанию государственно-властного принуждения, применяемого в ходе уголовного процесса»¹⁷.

¹⁴ Мудьюгин Г., Похис М. Судебно-медицинскую экспертизу в стадию возбуждения уголовного дела // Соц. законность. 1971. №9. С. 56–58.

¹⁵ Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов. 1975.

¹⁶ Савицкий В.М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? // Сов. государство и право. 1974. №8. С. 87.

¹⁷ Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / Под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 192–193.

Полагаем правильной и соответствующей назначению УПК РФ позицию тех авторов, которые считают, что назначение стадии возбуждения уголовного дела отыскание, с помощью определенных для нее средств, оснований к возбуждению уголовного дела, а будут ли признаны полученные на этой стадии сведения доказательствами преступления, решит суд, на основе оценки всех материалов уголовного дела.

В этом наша позиция соответствует мнениям известных отечественных процессуалистов Н.В. Жогина, Ф.Н. Фаткуллина¹⁸, П.А. Лупинской¹⁹, высказанным достаточно давно, но не утратившим актуальности и для современных процессуальных условий и ситуаций стадии возбуждения уголовного дела. Они отрицали процесс доказывания в этой стадии.

На данной теоретической основе определим уголовно-процессуальные и криминалистические особенности способов установления оснований к возбуждению уголовных дел в отношении определенной нами категории лиц с особым правовым статусом.

Итак, УПК РФ определяет особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (глава 52) где в ст. 447 УПК РФ, приведены соответствующие субъекты.

Процессуальный порядок возбуждения уголовных дел в отношении каждой из указанных категории определен статьей 448 УПК РФ. Он представляет собой сложный порядок процедур согласования, индивидуальных, относительно каждой категории. Это касается и депутатов законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации и органа местного самоуправления.

Однако прежде чем этот процессуальный порядок будет «запущен», следствию необходимо иметь неоспоримые повод, а главное основания к возбуждению уголовного дела, в отношении данных, так называемых, «специальных» субъектов. Мы отмечали, что именно эти два процессуальных критерия обычно лежат в основе принятия решения правомочным должностным лицом (лицами) в отношении возбуждения уголовного дела о преступлениях указанных лиц. Они же в значительной степени образуют и содержание уголовно-процессуальной ситуации стадии возбуждения уголовного дела.

Главной проблемой, как было отмечено, является отнесение заподозренного в преступлении гражданина к «специальному» субъекту. Следователь должен иметь достоверные данные о фактах, указывающих на признаки преступления, и такие же сведения о заподозренном лице, подпадающем под действие процессуального статуса, определенного ст. 448 УПК РФ.

Значение данного обстоятельства, для дальнейшего хода расследования является весьма важным по причине того, что не своевременное установление принадлежности заподозренного к лицам, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам и возбуждение уголовного дела без соблюдения установленных процессуальных процедур, может повлечь негативные последствия для всего досудебного производства. В первую очередь утрату важных доказательств их виновности, например, по условию допустимости или формальным признакам несоблюдения процессуальных требований, определенных ст. 448 УПК РФ.

Это обстоятельство ставит перед следователем на стадии возбуждения уголовного дела сложную процессуальную и криминалистическую задачу. В основе ее решения – установление заподозренного лица не только как причастного к совершению преступления (причинно-следственную связь признаков преступления с конкретным лицом), но и его идентификацию в качестве лица с особым процессуальным статусом, в отношении которого установлен особый порядок возбуждения уголовного дела.

Вполне вероятно, что многие депутаты законодательного органа государственной власти субъекта РФ выборного органа местного самоуправления могут быть известными людьми своего региона, что не создает, в необходимых случаях, проблемы их личностной идентификации, как «специальных» субъектов уголовно-процессуальных отношений. Но как быть в отношении малоизвестных депутатов, переизбранных, зарегистрированных кандидатов в депутаты и т.п. граждан? Ими могут быть граждане хотя и достаточно пуб-

¹⁸ Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. – С. 20.

¹⁹ Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М. 1966. – С. 33.

личных профессий и занятий, но малоизвестных сотрудникам органов осуществляющих предварительное расследование преступлений. Тем более, многие из них, находясь в обстоятельствах стадии возбуждения уголовного дела, по различным причинам, не спешат раскрывать следователю свой особый процессуальный статус, хотя и знают об этой необходимости.

Причины этих обстоятельств нами специально не анализировались, но вполне понятны, так как, обычно, главной целью такого незаконопослушного поведения является желание различными путями найти способ ухода от возможной уголовной ответственности или воспрепятствования, противодействия объективному расследованию.

Закономерен вопрос, каким образом следователь может получить на стадии возбуждения уголовного дела доказательственную или ориентирующую криминалистически значимую информацию относительно заподозренного в преступлении лица, к которому должен быть применен особый порядок уголовно-процессуального производства, в ситуациях, когда этот подозреваемый умышленно скрывает данный факт?

В этой стадии действующее законодательство предусматривает одно полноценно реализуемое следственное действие, которое по своему назначению и процессуальной форме объективно может быть использовано в уголовно-процессуальных ситуациях и для собирания «достаточных данных, указывающих на признаки преступления» и для установления правового статуса заподозренного, это осмотр места происшествия. Кроме того, по сложившейся практике осмотр места происшествия проводится практически по всем событиям с криминальными признаками, непосредственно сразу после получения повода к возбуждению уголовного дела. По изученным нами уголовным делам в отношении «специальных» субъектов осмотр места происшествия проводился в большинстве случаев (незначительное исключение составили уголовные дела о преступлениях экономической направленности).

Поэтому, на наш взгляд, разумным выглядит предложение о дополнении этой процессуальной формы, при участии в осмотре места происшествия заподозренного гражданина, вопросом к нему со стороны следователя о наличии (отсутствии) особого правового статуса и отношении к субъектам, предусмотренным ст. 447 УПК России.

Формулировка вопроса не имеет принципиального значения, главное, чтобы он был четким и конкретным, а, следовательно, понятным лицу, которому адресован. Мы не настаиваем на том, чтобы это было дополнением к процессуальной норме регламентирующей производство осмотра данного вида, в этом нет необходимости по причине того, что преступления субъектов рассматриваемой категории в общей массе преступности не такие распространенные. Но тогда возникает вопрос, кому, в смысле заподозренного лица, следует задавать такой вопрос? На наш взгляд в уголовно-процессуальной ситуации следователь должен действовать по собственному усмотрению, опираясь первоначально хотя бы на криминалистический анализ личности заподозренного гражданина. Этот вид анализа представляется нам одним из методов опосредованного познания заподозренного в совершении преступления гражданина в соответствии с мысленным выделением и отдельным исследованием внешне очевидных социально-демографических элементов свойств его личности, с последующим рассмотрением их в комплексе и взаимосвязи применительно к цели анализа – установлению социально правового статуса личности. Криминалистический анализ личности наряду с методами физиономистического анализа следователем может включать ознакомление с документами, опрос заподозренного и т.п. действия.

Изучение материалов уголовных дел данной категории позволяет дать типовую социально-демографическую характеристику субъекта преступления – депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления. Элементы такой характеристики являются более доступными непосредственному криминалистическому анализу, чем например, нравственно-психологические элементы, которые требуют серьезной аналитической деятельности и необходимы для моделирования определенной личности преступника. Поэтому данное обстоятельство повышает оперативность их получения следователем.

Социально-демографические свойства личности уже были неоднократно предметом научного исследования и, в первую очередь, с позиции структуры содержащихся в

них элементов. В этой связи известны авторитетные мнения Ю.В. Чуфаровского²⁰, А.И. Долговой²¹, А.Б. Сахарова²², Е.Б. Кургузкиной²³, П.П. Цветкова²⁴, Н.Т. Ведерникова²⁵, А.П. Гуськовой²⁶, Ф.В. Глазырина²⁷, В.Е. Корноухова²⁸, М.А. Лушечкиной²⁹ и др.

Вместе с тем, на наш взгляд, более комплексно данный вопрос исследован И.А. Макаренко. Она выделила восемь элементов социально-демографической характеристики личности, исследование которых по уголовному делу позволяет составить цельное представление следователя о личности интересующего его участника расследования. В своем анализе мы, по понятным причинам, опускаем такие идентифицирующие сведения депутатов как фамилия, имя и отчество.

В соответствии с этими рекомендациями на основе анализа материалов уголовных дел типовые социально-демографические данные депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления выглядят по Белгородской области следующим образом.

1. Половозрастная характеристика свидетельствует, что данное соотношение в целом сбалансировано – депутатов мужчин 56%, женщин 44%; по возрасту соответственно: 18–25 лет – 0.8/0.0%, 26–35 лет – 6/3.2%, 36–50 лет – 20.4/22.6%, 50–65 лет – 24.8/18.2%, свыше 65 лет – 3.6/0.4%.

2. Социальное положение, отношение к общественно-политической деятельности и род занятий. Этот элемент в социально-демографической структуре типовой личности депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления выглядит следующим образом: рабочие – 17.2% , служащие – 54.9%, интеллигенция (образование, здравоохранение, культура и пр.) – 27.9%. С политическими партиями и общественными организациями связаны практически 82% всех депутатов.

При этом рабочие промышленных и сельскохозяйственных предприятий представлены соответственно в соотношении 43.6/56.4%; служащие на руководящих должностях и служащие (государственные, муниципальные и пр.) – 72.5/27.5%. Индивидуальные предприниматели, пенсионеры и граждане иного рода занятий составляют незначительную долю членов депутатского корпуса субъекта федерации.

Интересным представляется возрастные соотношения служащих на руководящих должностях и служащих (государственные, муниципальные и пр.) – депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления. В возрасте от 36 до 50 лет их около 73.7%.

3. Образовательный уровень. Данные свидетельствуют, что 72.1% депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления имеют высшее образование. Из них, 43.8% – юридическое образование в качестве первого (второго) высшего, 12.4% – образование иного гуманитарного профиля, 15.9% – сельскохозяйственное, техническое или образование иного профиля. 27.9% депу-

²⁰ Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебник. 3-е изд., испр. И доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. – С. 79–80.

²¹ См.: Криминология. Учебник для вузов / Под общей ред. А.И. Долговой. М.: Изд-во НОРМА, 2000. – С. 280.

²² См.: Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1971. С. 33–34; Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1975. – С. 32.

²³ Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. – С. 30.

²⁴ Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. – С. 18–19.

²⁵ Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978. – С. 92.

²⁶ Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в уголовном процессе. Оренбург, 1995. – С. 23.

²⁷ См.: Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. – С. 18.

²⁸ См.: Корноухов В.Е. Теория и практика комплексных криминалистических исследований свойств человека на основе использования специальных знаний: Автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 1971. – С. 51.

²⁹ См.: Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2002. – С. 51.

татов со средне специальным, средним и начальным образованием. Отметим факт того, что все депутаты в возрасте от 36 до 50 лет имеют высшее образование, а 76.4% из этого числа юридическое образование.

4. Семейное положение. 94.7% депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления имеют полноценные семьи.

5. Материально-бытовые условия депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления, выборочно оцененные на основе ознакомления с налоговыми декларациями за 2011 год, свидетельствуют о том, что это вполне состоятельные и успешные граждане.

6. Место проживания. Проведенный анализ дает основания полагать, что практически все депутаты проживают на той территории, которую они представляют в законодательном органе государственной власти субъекта РФ или выборном органе местного самоуправления.

Раздельное ознакомление с социально демографическими данными депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и депутатов выборного органа местного самоуправления (на примере Белгородской области) свидетельствуют об отсутствии принципиальных социально-демографических различий в этих категориях представителей органов власти.

Таким образом, согласно социально-демографическим данным типовой личностью депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборного органа местного самоуправления можно считать мужчину в возрасте 36–50 лет, служащего, преимущественно занимающего руководящую должность, связанного с политической партией или общественным движением, с высшим юридическим образованием, имеющим семью, стабильное материально-бытовое положение, постоянно, длительное время, проживающее на одной территории.

Вышеприведенные сведения фактически могут быть положены в основу частной версии следователя относительно правового статуса заподозренного лица. Эта уголовно-процессуальная ситуация для обстановки, когда есть основания полагать, что лицо скрывает от следователя важную процессуальную и криминалистически значимую информацию. Ее оценка обязывает последнего искать дополнительные возможности установления искомого фактов.

Отказ от дачи ответа на вопрос о наличии особого процессуального статуса потребует от следователя соответствующих усилий для установления, возможности наличия этого статуса у заподозренного, зато в значительной степени исключит риск допущения процессуальной ошибки, а как положительное следствие, обеспечивает систему допустимых, по своим качествам доказательств расследования преступления.

Правдивый ответ породит для следователя процессуальную ситуацию и соответствующие ей правовые последствия, определенные 52 главой УПК России.

Ложное сообщение в протоколе осмотра места происшествия об отсутствии у заподозренного гражданина статуса лица, в отношении которого применяется особый порядок производства по уголовным делам, при фактическом наличии такового, позволит суду, в случае разбирательства, дать объективную оценку указанному обстоятельству. На основе этой оценки может быть рассмотрен вопрос о допустимости тех или иных доказательств, добытых следователем в процессе досудебного производства по уголовному делу.

Полагаем, что такой же вопрос следует ставить и в процессе получения следователем объяснений от лиц, которые, на основе оценки ситуации стадии возбуждения уголовного дела в перспективе могут приобрести статус подозреваемого в совершении преступления лица. Оценка ответа на него может соответствовать вышеприведенным вариантам поведения следователя, а в возможной перспективе и суда.

Вместе с тем возникает вопрос, а существуют ли какие-нибудь криминалистически значимые признаки, отражающие принадлежность лица, в отношении которого проводится проверка, к «специальным» субъектам, депутатам законодательного органа государственной власти субъекта РФ или выборного органа местного самоуправления, в случаях, когда это лицо данную принадлежность скрывает?

При внимательном рассмотрении каждого из них, по свидетельству практики, такие ориентирующие признаки выделить можно.

Например, проведенный нами опрос следователей структурных подразделений Следственного управления по Белгородской области СК РФ свидетельствует о следующем.

На стадии возбуждения уголовного дела, если проверка ведется в отношении вышеуказанных субъектов, то представители этой категории «специальных» субъектов обычно придерживаются одной из двух линий поведения. Они либо активно проявляют заинтересованность в ходе проводимых следователем мероприятий, участвуют в осмотре места происшествия и выражают юридически компетентные суждения о порядке их проведения, либо «активно» не сотрудничают со следователем, ничего не поясняют и не комментируют, практически до окончания указанных мероприятий.

Кроме того, для них же, в определенном смысле криминалистической ориентирующей информацией, на которую может обратить внимание следователь, с целью более глубокого изучения личности, является занимаемая заподозренным должность. Практически во всех известных случаях это были лица, возглавляющие крупные районные и областные организации и учреждения, как коммерческие, так и государственные.

Но даже и эта информация не может создать полной уверенности следователя в том, что проверка проводится в отношении депутата законодательного органа государственной власти субъекта РФ или выборного органа местного самоуправления.

Необходимы более достоверные сведения, которые могли бы обеспечить выполнение следователем процессуальных процедур, определенных вышеуказанной 52 главой Уголовно-процессуального кодекса России.

В связи с тем, что информация о принадлежности гражданина к корпусу депутатов законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборных органов местного самоуправления требует оперативного доступа для следователя, особенно на стадии возбуждения уголовного дела, было бы вполне обоснованно и законно, отражение всех данных через базы Интернета. Тем более что эту Интернет-информацию в настоящее время можно получить через мобильный телефон сотовой связи.

Таким образом, любое сомнение следователя относительно процессуальной принадлежности конкретного субъекта могло бы быть оперативно проверено. Понятно, что возможность ошибки (человеческий фактор, технические сбои и пр.), отчасти, остается и в этом случае, но она будет существенно минимизирована. В конечном же итоге такой подход позволит обеспечить следователю как собственно права заподозренного в преступлении гражданина, так полному, объективность и всесторонность расследования совершенного преступления.

Выделенные нами основания возбуждения уголовных дел в отношении субъектов данной категории, уголовно-процессуальные и криминалистические особенности способов их установления представляют собой систему открытого типа, что обеспечивает возможность их дальнейшего совершенствования практикой предварительного расследования. Однако, по нашему мнению, в представленном виде они являются полноценным элементом системы криминалистической методики расследования преступлений совершенных депутатами законодательного органа государственной власти субъекта РФ и выборных органов местного самоуправления.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001.
2. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978.
3. Винокуров Э.А. Уголовно-процессуальные и тактические аспекты профессиональной защиты на стадии предварительного расследования: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010 г.
4. Воронин С.Э. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной ситуации / Вопросы правовой теории и практики. Омск, 2004. Вып. 1. – С. 113–117.
5. Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Уголовно-процессуальная ситуация как фактическое основание производства следственных действий / Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений // межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. В. Е. Корноухов. – Красноярск. Изд-во Сибирского юрид. ин-та МВД России. – С.10.
6. Воронин, С.Э. К вопросу о понятии уголовно-процессуальной ситуации / С.Э. Воронин // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. – Красноярск, 2003. – С. 108.

7. Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973.
8. Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в уголовном процессе. Оренбург, 1995.
9. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
10. Кондратов П.Е. Гарантии интересов обвиняемого, как фактор, определяющий формирование и осуществление советской уголовной политики // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном процессе. Ярославль. 1981.
11. Корноухов В.Е. Теория и практика комплексных криминалистических исследований свойств человека на основе использования специальных знаний: Автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.
12. Криминология. Учебник для вузов / Под общей ред. А.И. Долговой. М.: Изд-во НОРМА, 2000.
13. Кургузкина Е.Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
14. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в уголовном процессе. М., 1973.
15. Личность преступника. М.: Юрид. лит., 1971.
16. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М. 1966.
17. Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: Автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
18. Михайленко А.Р. Возбуждение уголовного дела в советском уголовном процессе. Саратов. 1975.
19. Мудьюгин Г., Похис М. Судебно-медицинскую экспертизу в стадию возбуждения уголовного дела // Соц. законность. 1971. №9. – С. 56–58.
20. Петухов Е.Н. Досудебное производство по уголовным делам, связанным с преступлениями в финансово-кредитной сфере: Дис. ... канд. юрид. наук : Н. Новгород, 2001.
21. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
22. Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / Под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – С. 192–193.
23. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.
24. Савицкий В.М. Надо ли реформировать стадию возбуждения уголовного дела? // Сов. государство и право. 1974. №8. – С. 87.
25. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2010.
26. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»: Научно-практический комментарий / Под ред. проф. В.В. Николюка, и доц. В.В. Кальницкого, А.Е. Четчина. – Омск, 1999.
27. Цветков П.П. Исследование личности обвиняемого. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973.
28. Цыпкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов. 1959.
29. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебник. 3-е изд., испр. в доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003.
30. Шукин А.М. Особенности раскрытия и расследования преступлений, связанных с организацией и деятельностью наркопритонов. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул. 2004.

THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION CRIMES COMMITTING BY DEPUTIES OF A LEGISLATURE IN THE GOVERNMENT OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND LOCAL GOVERNMENT

S.M. KOTSUMBAS

Belgorod Regional court

The article considers the problems of the organization in investigation of the crimes committing by deputies of a public legislative authority of the subject of the Russian Federation, members of elective local government and elective officials of local government.

Keywords: investigation of crimes, deputies of the subject of the Russian Federation.

УДК 340:001.4(470)

СИСТЕМА ГАРАНТИЙ ОХРАНЫ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

Е.Е. ТОНКОВ
Л.А. ПОЖАРОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается юридическая природа достоинства личности в конституционно-правовом измерении. Отмечается, что право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, однако существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций с учетом формирования нового нормативного содержания. Показаны обстоятельства, влияющие на развитие и содержание категории «достоинство личности».

Ключевые слова: достоинство личности, право, общество, имплементация, гарантии.

Охрана личности впервые в российской истории провозглашена обязанностью государства в Конституции 1993 г., что связано с формированием принципиально новой концепции взаимоотношений личности и государства, одним из правовых критериев которых является достоинство личности. Часть 1 ст. 21 Конституции гласит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Понятие достоинства личности является юридически неопределенным. Из текста ст. 21 Конституции вытекает лишь то, что требованию уважения (запрету умаления) достоинства личности противоречат пытки, насилие, другое жестокое или «унижающее человеческое достоинство» обращение или наказание, проведение над человеком без его согласия медицинских, научных или иных опытов (ч.2 ст.21).

Процесс очередной модернизации наша страна переживает в своем развитии наряду с глобальным экономическим кризисом, что предопределяет сложный переходный период на пути становления правового государства и обретения статуса полноценного участника процессов, происходящих в современном цивилизованном мире. Нестабильность функционирования государственной системы стимулирует как рост социально-политической напряженности, так и обострение криминогенной ситуации.

В государственной политике, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны. В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.). Кроме того, нельзя обойтись без практического компонента, представляющего собой совокупность конкретных действий по реализации намеченной цели.

По мнению Ф.И. Шамхалова, политическое решение представляет собой «выбор альтернатив будущих действий»¹. Политические решения в области противодействия кризису принимаются руководством государства, но процесс выхода из кризиса является результатом совместных усилий общества и всех ветвей государственной власти.

В политико-правовом механизме государственной деятельности присутствует сложная духовная составляющая, что требует расширения методологических границ до философских и психолого-педагогических параметров.

В.В. Лапаева отмечает, что «расширение сферы действия государственной научной политики обусловлено тем обстоятельством, что в настоящее время без науки невозможно обеспечить такое качество государственных решений, которое гарантировало бы населению современные стандарты жизни»².

¹ Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления. – М., 2003. – С. 412.

² Лапаева В.В. Политика Российской Федерации в области науки и технологий: проблемы правового обеспечения // Законодательство и экономика. – 2004. – № 2. – С. 25–36.

Одновременно перед нами выдвигается требование, реализация которого может обеспечить успех развитию исследовательских и практических усилий: в условиях происходящей трансформации общественных отношений осуществить, прежде всего, смену парадигмы в самом подходе к существу взаимодействия политики и права в сфере государственной деятельности.

По справедливому замечанию В.Я. Марченко, «субъектом конституционного права на достоинство личности является любой человек, обладающий не только негативным статусом, то есть сферой автономного существования и возможностью обратиться за защитой нарушенных прав, но и положительным статусом, вытекающим из условий наличного правового порядка»³.

Ситуация в современной России требует поступательной трансформации отечественного права в структурированную, стройную систему норм. Необходимость реформирования отечественного права объективно обусловлена тем, что в течение советского периода развития социальная роль и назначение права были существенно деформированы.

Как подчеркивает А.Ю. Саломатин, «происходит не только стремительное разрастание массива правовых норм и дальнейшая их отраслевая дифференциация, но и создание сложных, комплексных отраслей права в соответствии с требованиями научно-технического прогресса и социально-политической трансформацией общества»⁴.

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание категории «достоинство личности». Целесообразность решения данной проблемы в условиях кризиса объясняется не только потребностями собственно научного анализа, но и необходимостью совершенствования политической и юридической практики.

Это тем более необходимо, что «длительное и безраздельное господство позитивного права в худшем его понимании (в духе Вышинского) и отрицание идей естественного не могли привести к адекватным выводам, характерным для демократического гражданского общества»⁵.

Содержанием конституционного права на достоинство личности являются публично-правовые притязания на действия государства в интересах общества в целом (государственно-всеобщий интерес), и юридическая обязанность государства совершить эти действия. Охраняемый правом публичный интерес состоит в признании ценности личности как субъекта отношений с государством, вследствие чего поддерживаются условия достойной жизни и свободного развития человека.

Проблема охраны достоинства человека в условиях модернизации является специальной в ряду с другими. Это вызов времени, с которым приходится считаться, принимать его, осуществлять ускоренный поиск адекватных средств государственно-правового реагирования. Рассматриваемая проблема поставлена перед современным обществом как целостным образованием и речь идет если не о выживании, то, как минимум, о благополучии.

Решение поставленных проблем осложняется определенной коррупциогенностью системы государственного управления. На наш взгляд, нет оснований говорить о том, что государство в советский период не уделяло внимания проблеме противодействия коррупции. Одновременно, это является и свидетельством того, что коррупция в обществе не стала порождением социально-политических и экономических реформ в России, а имела место и ра-

³ Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С.3.

⁴ Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 200.

⁵ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 178–179.

нее. В результате в стране не сформированы реальные механизмы по координации усилий государственных и общественных организаций по противодействию коррупции.

Более того, Ю.А. Дмитриев рассматривает коррупцию как инструмент государственного регулирования в политической системе российского общества⁶. Он полагает, что «коррупция – не причина, а следствие отсутствия демократии в нашей стране»⁷.

В этой связи имеет смысл обратиться к опыту других стран, хотя ни одно государство не может однозначно заявить о создании оптимальной системы противодействия коррупции. Определенную связь международного и внутригосударственного права российские юристы обосновывали еще в начале прошлого века.

Так, Ф.Ф. Мартенс отмечал, что обе правовые системы являются тесно соприкасающимися кругами, где и позитивное, и негативное влияния обратимы друг на друга. Оторвать системы друг от друга, построив замкнутое, «закрытое» общество означает причинить явный вред всему внутригосударственному развитию, «взрастить уродливое древо государственности». Однако и гипертрофированный примат абсолютно всех норм международного права без их предварительной адаптации на почву национальную будет злом не менее опасным, способным разрушить государственные устои, подорвать национальный суверенитет государства⁸.

Сегодня взаимосвязь международного и национального права очевидна и не нуждается в доказательствах. Вместе с тем, до настоящего времени отсутствуют объективные количественные и качественные критерии, которые бы позволяли определить, насколько правовые ограничения, содержащиеся в международном праве и действующем российском законодательстве, способствуют снижению масштабов коррупции и других видов преступности как на международном, так и на национальных уровнях.

В Российской Федерации не принят специальный законодательный акт, посвященный национальной имплементации норм международного права в российское законодательство, а регулирование имплементационных процессов основывается на ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и нормативных правовых актах, закрепляющих компетенцию и функции органов государственной власти в области осуществления норм международного права⁹.

Это, безусловно, оказывает влияние на эффективность государственной деятельности и выбор стратегической линии государства в политической, экономической, социальной, культурной сферах в кризисной ситуации.

По справедливому замечанию Т.Я. Хабриевой, «более детальная правовая регламентация о поэтапной имплементации международно-правовых норм, включая использование возможных способов (рецепции, отсылки, инкорпорации), была бы целесообразным дополнением к имеющемуся в Российской Федерации законодательству о международных договорах»¹⁰.

Общество – саморегулирующаяся система, которая в случае возникновения угроз для его безопасности (финансовый кризис, терроризм, коррупция и др.) задействует весь арсенал средств противодействия неблагоприятным тенденциям, прежде всего, политических возможностей государства, правовых средств, социальных институтов и др. Это относится и к плоскости научных исследований, поскольку политика, система управления, правовое регулирование нуждаются в научном обеспечении (в данном случае, с точки зрения установления оптимального набора средств противостояния неблагоприятным тенденциям).

Как подчеркивает В.В. Сорокин, в результате переходных процессов в правовой сфере происходит не только преобразование, сколько становление и развитие нового каче-

⁶ Дмитриев Ю.А. Коррупция как инструмент государственного регулирования в политической системе российского общества // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 12-15.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1902. – С. 366–372.

⁹ См., например: Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (в ред. ФЗ № 318 от 1.12.2007 г.) // Российская газета. – № 272. – 05.12.2007.

¹⁰ Хабриева Т.Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Влияние международного права на национальное законодательство. – М., 2007. – С. 14.

ства правовой системы и даже возникновение ее новой типологической сущности, когда изменяются целые пласты правовой системы¹¹.

Модернизация страны неизбежно влечет за собой изменения процессов правовой регуляции. Государственная деятельность в различных юридических и неюридических формах выполняется всеми основными звеньями государственного механизма, всей системой государственных органов. Поэтому специфика их организации и структуры, занимаемое ими место в системе механизма государства, органически связаны с формами их деятельности. Как формы государственной власти, так и структура органов, осуществляющих эту деятельность, подчинены задачам наиболее успешного проведения основных функций государства и зависят от содержания последних.

Ю.А. Тихомиров в своих ранних работах справедливо отмечает важность перехода от преимущественного регулирования статике к динамике и закреплению в праве богатства функциональных связей, взаимоотношений, то есть особенностей в организации их деятельности¹².

В связи с этим способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государственными органами.

Проблема охраны достоинства личности требует выхода на общеметодологический уровень научного ее освоения для выработки общей концепции, политической программы, системы государственного управления и правовых компонентов. Без решения этих вопросов государство будет постоянно испытывать затруднения, чем обусловлена оправданность внимания к общеметодологическому срезу и установлению логики структурирования политико-правовых средств.

Целесообразным представляется использование потенциала политического вектора в юридических исследованиях, что в ряду других исследовательских направлений (философско-правового, социологического, формально-догматического) имеет свои особенности. Безусловно, получение достоверного знания при освоении данной проблемы связано с использованием потенциала всех названных направлений юридических исследований и (в их рамках) применением общенаучных, специальных и частных методов и методик. Однако исследование и разрешение проблемы юридической формы в методологическом ключе нуждается в применении способов и средств, прежде всего, *политического* направления юридических исследований.

О политике, как особом виде деятельности людей по управлению государством, каждый человек имеет собственное представление, формирующееся на основе жизненного опыта, непосредственного общения с теми, кто причастен к политической «кухне». Ученые, рассматривая сущность и структуру политики, вкладывают в это понятие также самое различное содержание, основанное на органическом соединении политики с функционированием государства. Политика нередко рассматривается как отношение между социальными общностями и группами, включающее согласие, подчинение, конфликт и состязание между ними. Функциональность политики, ее свойство служить обществу не только позволяет ей воздействовать на другие сферы государственного организма, но и управлять ими.

Содержание политики, как особого вида социальной регуляции, заключается в согласовании интересов различных общностей, слоев, групп, выработке правил и норм, обязательных для исполнения всеми гражданами. Существуют различные мнения по поводу соотношения политики и других сфер общественной жизни.

Так, Р. Арон, один из основателей теории «индустриального общества», оспаривает приоритет экономики, отдавая предпочтение политике. Он считает, что политика и предоставленные ею права и возможности человека, более значимы, нежели экономика. Сравнивая и анализируя характерные черты индустриального и постиндустриального об-

¹¹ Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 3.

¹² Тихомиров Ю.А. Теория социалистического управления // Советское государство и право. – 1969. – № 7. – С. 85.

щев, Р. Арон приводит аргументы в пользу того, что направление их развития, прежде всего, определяется политикой¹³.

Подобный подход, на наш взгляд, является достаточно односторонним, так как не позволяет обеспечить целостное представление о влиянии на политику всего многообразия социальной жизни, в том числе, и права. Связь политики и других сфер социальной жизни характеризуется взаимопроникновением. Если же политическая сфера утрачивает способность реагирования на социальные изменения в обществе, игнорирует правовые нормы, то постепенно лишается понимания и поддержки населения, не может предложить разделяемой большинством граждан программы эффективных действий и преобразований.

Немецкие философы, рассуждая о праве, соотносили его развитие с политической системой общества. Управление прямо связывалось с принуждением правовыми средствами. Воспитательное воздействие принуждения расценивалось особенно высоко, оставаясь в значительной мере на точке зрения этической, естественно-правовой теории государства.

Будучи «организацией собственников», основанной на их «договоре», государство сосредоточивает всю власть, декретизирует права и обязанности своих граждан. Для установления равновесия между сословиями и предотвращения социальных конфликтов, для совершенного управления государственная власть должна активно воздействовать на хозяйственную жизнь.

Полицейский характер воздействия государства является лишь необходимым средством. Политико-правовые учреждения носят у И.Г. Фихте принудительно-воспитательный характер, а цель мировой истории он видит, по точному определению Ю.Ю. Вейнгольда, в постепенном воспитании «человечества для более совершенного состояния»¹⁴.

Впрочем, у Ф. Ницше право в случае необходимости успешно сочетается с произволом. По его мнению, «произвольное право необходимо...у всех у нас нет уже традиционно-правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще»¹⁵.

Современная политика рассматривается нами как сфера фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, формирующая структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются стратегия и тактика развития общества и государства.

Мы разделяем позицию английского юриста М. Шоу, который считает, что «право и политика не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой»¹⁶.

Структурно-функциональный анализ позволяет рассматривать государственную деятельность по охране достоинства личности в следующих аспектах.

Поведенческая сторона, которая «вырастает» из системы фактически складывающихся отношений в сфере управления государством, обусловленных потребностями развития общества – экономическими, социальными, а также традициями и обычаями. Не случайной является оценка политики как концентрированного выражения экономики, ее обобщения и завершения. В равной мере государственная деятельность ощущает влияние других сторон жизни общества.

Политика «материализуется» в структурно-нормативном компоненте в системе государственных институтов и форм, но и, разумеется, политических, экономических, социальных и других структурах, участвующих в процессе управления государством. При этом мы не склонны преувеличивать возможности государственной деятельности по охране достоинства личности. Она в любом случае формируется и осуществляется в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства, справедливости), т.е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм, положительно зарекомендовавших себя на практике.

Избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это особенно опасно. Исторический опыт убедил

¹³ Aron R. La developpment da la Societe industrielle et la stratification Sociale. – Paris, v.1. – 1957; v.2. – 1958.

¹⁴ Вейнгольд Ю.Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962. – С.28.

¹⁵ Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 431.

¹⁶ Shaw M.N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57.

тельно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование основами государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам в конечном счете неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к общецивилизованным началам, стабильности и равновесию в жизни общества и государства. Для политики поэтому исходными являются фактор преемственности и юридические пределы, основанные на общецивилизационных принципах.

Государственная деятельность по охране достоинства личности располагает функционально-инструментальным блоком, определяющим систему управления обществом и ее деятельностный компонент – функции. Любая, самая взвешенная государственная деятельность окажется нежизнеспособной без оснащения средствами ее реализации – определение направлений (функций), юридических форм их осуществления, поиск оптимальных средств претворения в жизнь политических концепций, программ, целей, задач. Функции права тесно связаны с методами правового регулирования. Сильное, эффективное государство строго функционально. Вся его деятельность – это практическая реализация своих функций (но только своих, государственных, а не иных).

Охрана достоинства личности обеспечивается нормами уголовного права (уголовная ответственность за клевету и оскорбление – ст. 129, 130 УК РФ). Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ предписывает следователю при производстве обыска принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные обстоятельства интимной жизни лица; личный обыск должен производиться лицом одного пола с обыскиваемым. Статья 9 Уголовно-процессуального кодекса РФ запрещает в ходе уголовного судопроизводства осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья.

Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Жизнь, здоровье, достоинство, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право на имя и авторство защищаются нормами гражданского права (ст. 150–151 ГК РФ). В случае причинения морального вреда (физические или нравственные страдания) гражданин вправе в судебном порядке требовать от нарушителя денежной компенсации.

Идеологический, интеллектуальный, в том числе научно-исследовательский блок политики подразумевает формирование толерантного политического сознания, ценностей правовой культуры, ориентированных на поиск компромиссов, согласия и равновесия (не случайна идентификация политики как искусства компромиссов и т.п.).

Организация деятельности, направленной на достижение общезначимых целей, сохранение фундаментальных ценностей, развитие и совершенствование общественных отношений, основывается на принципах и правилах, закрепленных в нормативно-правовых актах государства с помощью юридического инструментария.

Как подчеркивает С.Ю. Кашкин, «в каждой стране происходит увеличение различных по своим качественным характеристикам правовых норм, расширение и углубление правового воздействия на различные сферы общественной жизни, детализация правового регулирования»¹⁷.

Модернизация страны должна стать поворотным событием для сознания и мировосприятия наших сограждан. События, сопровождавшие президентскую предвыборную кампанию, отчетливо показали и дали власти понять, что многие факты истории и окружающей действительности населением оцениваются теперь совершенно по иному, чем еще несколько лет или даже год назад. Несмотря на это, новые задачи, обусловленные происшедшими переменами, российское государство по-прежнему пытается решать старыми методами. Не создаются механизмы оптимального управления государственными делами, которые анализировали бы не только структуру или содержательное наполнение работы какого-либо органа государства, а целостный процесс государственной деятельности как триаду цели, ресурса и результата.

¹⁷ Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. – № 3. – С. 86.

По мнению зарубежных исследователей, одновременно наблюдается рост значения принципов права в качестве его источников, имеет место сближение различных систем права и правовых семей. Получила развитие тенденция фактического признания судебного прецедента в странах романо-германской правовой семьи, включая государства, где с формально-юридической позиции прецедент не признается¹⁸.

Сложившаяся ситуация, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права, по сути дела, новой методологии, способной в определенной степени упорядочить формирующиеся новые направления научного знания.

В процессе исследования функций государства в определенной области социальных связей мы пытаемся выявить определенный способ понимания, трактования исследуемого феномена, руководящей идеи и ведущего замысла, т.е. создать концептуальные основы государственной деятельности в определенной области.

По словам Л. Тевено, исследователь в области права «выступает в качестве носителя некоего блага, которое позволяет ему принимать участие в политической жизни, давая советы власть имущим или излагая публично свои взгляды»¹⁹.

В то же время необходимо учитывать субъективный характер любой концепции в области социальных и гуманитарных наук, соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым в том, что «познание общественных явлений в значительной мере изменяется под воздействием взглядов и поступков самого исследователя»²⁰.

Как подчеркивает Л.Д. Воеводин, «в широком плане концепция представляет собой последовательно развиваемую, взаимосвязанную цепь рассуждений, которые подкреплены теоретическими аргументами и доказательствами, взятыми из реальной жизни, и конечная цель которых – объяснить природу обсуждаемого феномена и предложить отвечающие общественным потребностям оптимальные их решения»²¹.

Мы поддерживаем мнение В.М. Баранова, что «концепция как форма познания «лежит» где-то между гипотезой и теорией»²².

Целесообразность концептуального, системного осмысления положения дел в частной области государственного управления обуславливает необходимость привлечения фундаментального, универсального знания, которое не только объединяет накопленные сведения о фактах, задачах и способах их решения, но и помогает увязать общие цели, задачи, функции, принципы, привести к согласованию и обобщенные, и конкретные проблемы.

Одновременно, как считает Г.Ю. Лесников, «существующие концепции, основанные на общих принципах права, в большинстве своем описательны, содержат общеизвестные истины с малореальными, практически заранее невыполнимыми рекомендациями»²³.

Без общего единства всех элементов правовой системы, интегрирующей и регулирующей роли государства невозможно целостное, логически стройное, целенаправленное конструирование и действие процесса государственной деятельности. Сочетание общего, особенного и единичного в системе является необходимой основой ее функционирования, что становится возможным в результате всеобщей связи элементов системы как объективного факта действительной правовой жизни общества.

Известный немецкий мыслитель и правовед Р. Алекси представляет понятие системы как модель, содержащую три пласта или уровня: нормы, принципы и процедуры, предполагая, что они позволяют ответить на вопрос о том, какое решение предлагает нам пра-

¹⁸ Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.

¹⁹ Тевено Л. Взаимосвязь права и экономики // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. – М., 2001. – С. 151.

²⁰ Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 4.

²¹ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 18.

²² Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 89.

²³ Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. – 2004. – № 3. – С.27.

вовая система в конкретной ситуации²⁴. Принципы сами по себе к делу не применимы, однако на них возлагается задача структурировать процесс аргументации, нацеливая тем самым на соиздание нового рационального решения, формулировка которого не вытекает напрямую из существующих норм.

С ним солидарен и К.-Х. Ладер, подчеркивая, что в качестве первого предварительного допущения мы можем взять идею о том, что свойственное юридическому мышлению понятие системы предполагает предопределенное значение права, тем не менее позволяющее, а иногда даже требующее творческой интерпретации²⁵.

Анализируемая проблематика имеет непосредственное отношение к формирующемуся в условиях модернизации праву, которое А.В. Поляков называет правом глобализирующегося общества. Если в XX веке основной философско-правовой проблемой являлась проблема обоснования связи нормы закона, установленного государством, с духовным миром личности, то теперь, по его мнению, «на первый план выдвигается проблема правовой коммуникации, т.е. проблема успешного сосуществования в сфере права самых разных субъектов»²⁶.

Как особую проблему рассматривает глобализацию и В.Д. Зорькин, который с тревогой приводит мнение авторитетных мыслителей о том, что Вестфальская система себя исчерпала. Однако готовы ли правоведы заменить ее чем-то и предложить альтернативную правовую систему? Ведь понятно, что «разрушение одной системы без предъявления другой превращает несовершенное право в абсолютный произвол, что нельзя делать паузу между разрушением старого и построением нового»²⁷.

Вот почему так важно в условиях политико-правовой модернизации выявить и сохранить все лучшее российской правовой системы, в том числе наиболее эффективные и обоснованные функции государства и юридические формы их осуществления. Правовая перспектива, тем не менее, не может основываться на простой совокупности юридических норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью функций государства.

Можно согласиться с О.Э. Лейстом, что авторитетность права зависит прежде всего от политико-правового режима, т.е. от отношения к праву лиц, облеченных властью, а также от его справедливости, эффективности и стабильности²⁸.

Поэтому законодатель должен принимать во внимание специфические правовые ограничения, воспроизводимые в процессе правовой практики.

Как справедливо отмечают Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина, «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»²⁹.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю³⁰.

На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в той или иной области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

²⁴ Alexy R. *Theory of Legal Argumentation*. – Oxford, 1989.

²⁵ Ladeur K.-H. *The Theory of Autopoiesis as an Approach to a Better Understanding of Postmodern* // *EUI Working Paper. Law*. № 99/3. San Domenico, 1999.

²⁶ Поляков А.В. Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // *Правоведение*. – 2007. – № 4. – С. 8.

²⁷ Зорькин В.Д. Современный мир и права человека // *Журнал российского права*. – 2008. – № 11. – С. 11.

²⁸ См.: Лейст О.Э. *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. – М.: Зерцало, 2002. – С. 124.

²⁹ Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2004. – № 1. – С. 24.

³⁰ Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Как справедливо обращал внимание В.С. Нерсесянц, «при всей своей относительной самостоятельности право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами»³¹.

Способами гарантирования достоинства личности являются свободные выборы и референдумы, с помощью которых народ выражает свою волю: выбирает органы государственной власти и основные законы (конституции). Осуществление государственной власти предполагает и обуславливает наличие особого управляющего механизма в виде различных учреждений и организаций.

Данный механизм представляет собой определенный комплекс социальной регуляции, располагающий специфическими стимулами, методами и средствами управления деятельностью государственных органов и общественных организаций. Он характеризуется системой мер, с помощью которых обеспечивается выполнение поставленных задач. В нее входят как юридические нормативы и административно-дисциплинарные меры, так и методы общественного воздействия. В этой системе складываются специфические управленческие отношения.

Содержание права на достоинство личности подразумевает взаимодействие двух систем конституционно-правовых связей человека и государства.

Первую систему составляет комплекс личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина, ядром которых являются предусмотренные Конституцией РФ равенство людей (ст.19), право на жизнь (ст.20), право на достоинство (ч.2 ст.21), право на свободу и личную неприкосновенность(ст.22). Их основным назначением является предоставление формально-юридических гарантий невмешательства государства в сферу прав и интересов личности.

Вторая система конституционно-правовых связей регламентирует социальные права: право собственности (ст.35), частной собственности на землю (ст.36), право на труд (ст.37), на защиту материнства и детства (ст.38), на социальное обеспечение (ст.39), право на жилище (ст.40), на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст.41), на благоприятную окружающую среду (ст.42), на образование(ст.43).

Данные права, основным назначением которых является юридическое гарантирование человеку условий для достойной жизни, предоставляют личности возможность развиваться путем доступа к различным условиям человеческого существования.

Достоинство личности проявляется так же, как внешнее выражение непосредственного волеизъявления народа по решению наиболее важных государственных и общественных вопросов посредством свободных выборов и референдума с целью принятия нормативных актов, определения состава избираемых органов государственной власти и как следствие обеспечения демократической легитимации власти в государстве.

Юридические формы осуществления государственной власти можно разделить на формы опосредованного и непосредственного волеизъявления народа. Содержанием непосредственной формы являются свободные выборы и референдумы, а содержанием опосредованной формы – правотворчество, правоприменение и правоохрана (правообеспечение).

Формы осуществления функций, представляют собой внешнее выражение деятельности государства в том или ином направлении. Вне этих правовых форм невозможна реализация функций государства. Любое направление деятельности государства облекается, прежде всего, в правовую форму. Появляющиеся в результате этого нормативно-правовые акты образуют правовую основу той или иной функции государства. В этих актах определяется предмет правового регулирования (предмет деятельности), субъекты правовых отношений, их компетенция, методы и средства регулирования.

³¹ Нерсесянц В.С. Юриспруденция. – М., 1998. – С. 50.

Работа по исполнению нормативно-правовых актов в том или ином направлении деятельности государства и составляет суть правореализационной формы осуществления функций. Это повседневная управленческая деятельность. Основными правовыми актами здесь являются подзаконные нормативно-правовые акты и акты индивидуально-правовые.

Юридические формы деятельности государства определены Конституцией РФ, федеральным законодательством и законодательством субъектов Федерации, другими правоустанавливающими актами.

Формы фактической деятельности могут реализовываться в рамках правового регулирования, на основе требований законности. Взаимосвязь различных видов государственной деятельности не умаляет актуальности их дифференцированного изучения в качестве самостоятельных форм. Специфика юридических форм государственной деятельности непосредственно сопряжена с понятием юридической деятельности и производной от нее государственной деятельностью.

Противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. В целях позитивного воздействия на кризисные явления право должно все более последовательно и решительно выполнять интерактивную роль, не только сопровождая меняющиеся условия общественной жизни, но и способствуя их преобразованию.

Использование средств правового регулирования во всех отраслях управления проявляется как закономерность взаимосвязи государства и права. Научно обоснованное и эффективное управление социальным развитием современного российского общества входит сегодня в число наиболее перспективных направлений фундаментальных, а значит и поисковых междисциплинарных исследований. Несмотря на то, что фундаментальная наука непрерывно производит новое знание, адекватная взаимосвязь между наукой и обществом пока не сформировалась.

Новое понимание сущности функций государства, основанное на приоритете человеческих целей и ценностей, является одним из характерных признаков государственной деятельности в условиях модернизации. Его объектом служит процесс деятельности государства по осуществлению функций, а задачи заключаются в разработке теоретических проблем и практических вопросов, в выработке научных рекомендаций по совершенствованию данного процесса.

Одновременно, государственная деятельность сегодня – это не строгая регламентация, а обеспечение направленности развития общества на основе его собственной правовой активности.

Список литературы

1. Шамхалов Ф.И. Основы теории государственного управления. – М., 2003. – С. 412.
2. Лапаева В.В. Политика Российской Федерации в области науки и технологий: проблемы правового обеспечения // Законодательство и экономика. – 2004. – № 2. – С. 25–36.
3. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С.3.
4. Саломатин А.Ю. Сущность правовой модернизации в России // Правовая политика и правовая жизнь. – 2007. – № 1. – С. 200.
5. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 178–179.
6. Дмитриев Ю.А. Коррупция как инструмент государственного регулирования в политической системе российского общества // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 12–15.
7. ¹Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – СПб, 1902. – С. 366–372.
8. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (в ред. ФЗ № 318 от 1.12.2007 г.) // Российская газета. – № 272. – 05.12.2007.
9. Хабриева Т.Я. Основы взаимодействия международного и национального права / Влияние международного права на национальное законодательство. – М., 2007. – С. 14.
10. Сорокин В.В. Концепция эволюционного развития правовой системы в переходный период: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 3.

11. Тихомиров Ю.А. Теория социалистического управления // Советское государство и право. – 1969. – № 7. – С. 85.
12. Aron R. La developpment da la Societe industrielle et la stratification Sociale. – Paris, v.1. – 1957; v.2. – 1958.
13. Вейнгольд Ю.Ю. Право как социологическая категория. – Фрунзе, 1962. – С.28.
14. Ницше Ф. Соч. в 2-х т. – Т. 1. – М., 1990. – С. 431.
15. Shaw M.N. International Law. Third Edition. – Cambridge, 1991. – P. 57. Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. – № 3. – С. 86.
16. Кашкин С.Ю. Формирование «юриста будущего» и европейское право // Закон. – 2009. – № 3. – С. 86.
17. Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.
18. Тевено Л. Взаимосвязь права и экономики // Юридическое образование: новые подходы в России и Западной Европе. – М., 2001. – С. 151.
19. Кудрявцев В.Н. Об особенностях методологии социальных и гуманитарных наук // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 4.
20. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. – М., 1997. – С. 18.
21. Баранов В.М. Концепция законопроекта: понятие, элементы, виды, проблемы реализации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 89.
22. Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. – 2004. – № 3. – С.27.
23. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. – М., 1998. – С. 50.

THE GUARANTEES OF HUMAN DIGNITY PROTECTION IN CONDITIONS OF DOMESTIC LAW REFORMATION

E.E. TONKOV
L.A. POZHAROVA

Belgorod
State National
Research University

e-mail:
ETonkov@bsu.edu.ru

The article deals with the legal nature of dignity in constitutional legal dimension. It is noted that the law should not and can not regulate all social relations as they are updated, but there is a need to rethink the theoretical constructs and analysis of emerging trends in view of the formation of a new normative content. Those circumstances affect the development and maintenance of the category "human dignity."

Keywords: dignity, law, society, implementation, guarantee.

УДК 343.985

ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ЗАГС

О.А. ЦУКАНОВА*Воронежский
государственный
университет**e-mail: kijalis@yandex.ru*

В статье анализируются подготовка и способы совершения преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, способы сокрытия данных преступлений, обстановка совершения подобных преступлений, предмет преступного посягательства, а также личностная характеристика субъектов преступлений.

Ключевые слова: подготовка к совершению преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, способы совершения преступлений, способы сокрытия преступлений, субъекты преступлений.

Структура криминалистической характеристики преступлений должна формироваться на базе учета уголовно-правовой и криминалистической специфики какой-либо конкретной категории преступлений. Касательно расследования преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, интерес представляет собой совокупность типичных сведений о таких аспектах, как:

- подготовка к осуществлению преступления;
- непосредственно сами способы его совершения;
- способы сокрытия противозаконных действий (бездействия);
- обстановка (время, место и т.д.) совершения преступления, связанного с деятельностью органов ЗАГС;
- следы;
- предмет преступного посягательства;
- личностная характеристика субъектов преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС.

Значение этих сведений заключается в их взаимозависимости и взаимообусловленности, способствующих оптимизации процесса расследования и выдвигению соответствующих версий. Рассмотрим и конкретизируем отмеченные аспекты в рамках дальнейшего исследования с использованием обобщенных данных соответствующей статистики (нами был проведен анализ широкой базы уголовных дел, связанных с деятельностью работников органов ЗАГС, – всего было изучено 176 дел, связанных с преступлениями 2003-2010 гг.).

1) Сведения о подготовке к осуществлению преступления, связанного с деятельностью органов ЗАГС.

Совокупность действий подготовительного характера, нацеленных на формирование специальных условий для осуществления посягательств рассматриваемой категории, зависит от комплекса разнообразных обстоятельств. В первую очередь, от того, кто именно выступает в качестве инициатора преступления, какое количество лиц примет непосредственное участие в его осуществлении, имеют ли место специфические особенности преступления (например, если речь идет о взяточничестве, то был ли факт вымогательства взятки либо преступление совершено добровольно – с позитивного согласия как взяткополучателя, так и взяткодателя; при злоупотреблении должностными полномочиями работником ЗАГСа – имело ли место "давление" на него со стороны других лиц, например, начальства, посетителей, коллег, и т.п.).

В процессе подготовки к осуществлению преступления его участники детально и подробно обдумывают стратегию своего дальнейшего поведения, которая смогла бы в дальнейшем "подтвердить" их непричастность к противозаконным действиям, создать алиби на ситуацию задержания с поличным (например, с поддельными документами, взяткой и т.п.). Бывают случаи, когда должностные лица (работники ЗАГСа), планирующие выступить в роли взяткополучателей, на подготовительном этапе запасаются соответствующими расписками (в которых может говориться, например, о том, что они получают деньги в долг и т.п.).

Среди преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, могут иметь место и такие, подготовка к которым занимает короткий промежуток времени. К таким случаям можно отнести взятку-благодарность (подготовка в этом случае может заключаться просто в покупке соответствующего "подарка" работнику ЗАГСа "благодарным" лицом). Сюда может относиться непреднамеренное разглашение тайны усыновления, частной жизни другого гражданина работником ЗАГСа – не для получения вознаграждения, мести или иного злого умысла, а например, в целях элементарного "хвастовства своей осведомленностью" (когда речь идет, скажем, о тайне частной жизни известных и влиятельных людей), либо же по случайности и неосторожности, либо из-за введения лица в заблуждение заинтересованными лицами.

Если в преступлении, связанном с деятельностью органов ЗАГС, преобладает значительно более длительный по сравнению с самим актом преступления подготовительный этап (такая ситуация была описана в 54,2% материалов изученных нами уголовных дел), то речь в этих случаях идет о более отягощенных составах преступных деяний соответствующих субъектов. Напротив, сравнительно короткий срок подготовки к совершению преступления рассматриваемой категории (45,8% изученных ситуаций), свидетельствует в большинстве случаев о менее отягощенных составах.

Преступники заранее могут подготавливать транспортные средства, специальные помещения, которые могут стать местом передачи предмета преступного посягательства (например, взятки, документов, свидетельств, их ксерокопий, фотографий и т.д.). Субъектами преступлений проверяется, нет ли в помещении, где будет происходить передача предмета преступного посягательства, либо месте, где планируется поставить для этого автотранспортное средство, камер наружного и внутреннего видеонаблюдения.

В случае, если предмет преступного посягательства планируется передать, непосредственно в помещении органа ЗАГС, то работник ЗАГСа может также предварительно выбрать время и обстоятельства, при которых обычно в этом кабинете никого кроме него не бывает (например, время обеденного перерыва или командировки коллеги, работающего в этом же кабинете и т.д.)

2) Сведения о способах осуществления преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС.

Исследованием определено, что способ осуществления преступлений рассматриваемой категории по 64,3% материалов изученных уголовных дел включал в себя действия, сопряженные с приемом-передачей вознаграждения имущественного характера за какие-либо действия (бездействия), как правило, также противоправного характера, но в некоторых случаях – совершенно законные.

Профессиональную деятельность следователя нельзя ограничивать определением лишь отмеченных действий (бездействия) – следователю целесообразно устанавливать всю совокупность действий (бездействия), образующую соответствующую систему способа осуществления преступления, связанного с деятельностью органов ЗАГС, в том числе очередность различных поступков, их специфику, обусловленность характера преступлений должностным положением и полномочиями конкретных работников ЗАГСа, деятельностью посредников и т.п.

Специфической чертой способа совершения преступления, связанного с деятельностью органов ЗАГС, является то, что он включает в себя во многих случаях целую совокупность действий (бездействия) двух и более лиц (например, взяткополучателя, взяткодателя, посредников; либо заинтересованных лиц в получении охраняемых законом сведений и должностного лица – работника ЗАГСа, который разглашает эти сведения; либо должностного лица и находящихся в сговоре с ним мошенников, заинтересованных во внесении каких-либо ложных сведений в акты гражданского состояния и т.д.).

Если работник ЗАГСа выступает в качестве взяткополучателя, способ преступления не ограничивается лишь получением им предмета взятки – он вбирает в себя также действия: по подбору, "оценке надежности" взяткодателя, проведение переговоров с ним о конкретных условиях передачи предмета взятки, принятию соответствующего решения о принятии взятки на волевом и интеллектуальном уровне, в ряде ситуаций – целенаправленное вымогательство взятки, осуществление конкретных служебных действий. Субъектами преступления разрабатываются способы с той целью, чтобы должностное лицо – работник ЗАГСа не брал сам в руки передаваемый взяткодателем предмет взятки (отмеченное касается, в первую очередь, денег), а только указал место, где его нужно положить. По отмеченным обстоятельствам в 26,8% ситуаций на субъек-

тах преступлений отмеченной категории и их одежде не удалось установить следы соответствующих веществ, которыми обрабатывался предмет взятки.

К ключевым действиям (бездействию) такого рода можно отнести:

- помощь в установлении взаимоотношений и взаимодействия между работником ЗАГСа, планирующим взять взятку, и, непосредственно, взяткодателем;
- осуществление переговоров о конкретных условиях акта передачи взятки (месте, времени, участвующих лицах и т.д.);
- осуществление действий (либо бездействия), способствующих преступному сговору со стороны взяткополучателя и взяткодателя;
- осуществление различного рода "вспомогательных" услуг;
- получение от взяткодателя различных сведений, документов, передача их работнику ЗАГСа, выступающего в роли взяткополучателя;
- предоставление соучастником преступления своего помещения, жилища, автомобиля для осуществления акта приема-передачи предмета взятки;
- непосредственно сам акт передачи незаконного материального вознаграждения (взятки);
- обеспечение наблюдения за обстановкой в момент совершения преступления, "охраны" его субъектов и т.п.

В зависимости от специфики передачи предмета взятки и круга участников преступления, можно классифицировать следующие группы:

- получение (дача) предмета взятки при помощи посредников;
- личное получение (дача) предмета взятки.

Исследование уголовных дел, связанных с взяточничеством сотрудников органов ЗАГС, показало, что чаще на практике встречается второй способ. Лично работниками ЗАГСа – участниками противозаконной деятельности было получено 38,2% взяток (напомним, что среди всех преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, взяточничество – наиболее распространено). Остальная часть совершается с участием посредников (26,1%), при этом чаще всего – одного лица (19,7%), реже – двух и более лиц (6,4%).

Как справедливо указывает Н.П. Яблоков, исходя из наличия или отсутствия соответствующего давления от взяткополучателя по отношению к взяткодателю, взяточничество может разграничиваться еще и на такие группы, как осуществленное посредством вымогательства либо без такового¹.

Отметим, что вымогательство взятки в преступлениях, связанных с деятельностью органов ЗАГС, распространено на практике, но существенно в меньшей мере, чем в целом по совокупности преступлений, связанных с взяточничеством, и совершенных без разграничения по органам – местам работы его субъектов.

В исследовании С.В. Еременко приводится следующая статистика: "... в 2000 году удельный вес этого преступления составил 19%; в 2001г. – 15%; в 2002 г. – 17%; в 2003 г. – 19%; в 2004 г. – 16%; в 2005 г. – 18%"². Итак, примерно каждое пятое-шестое преступление, связанное с взяточничеством, происходит под давлением со стороны какого-либо должностного лица.

В исследуемой же нами совокупности уголовных дел, связанных с взяточничеством, в которых в качестве взяткополучателей выступали только работники ЗАГСа, была получена иная статистика. Так, из 64,3% таких преступлений (в общей совокупности исследуемых уголовных дел) только 7,6% были совершены под давлением работника ЗАГСа.

Остальные преступления, как правило, совершались по инициативе и добровольному согласию взяткодателя. Сфера должностных лиц – работников ЗАГСа достаточно узка, и от нее не зависят в существенной степени схемы преступлений, связанных с крупными финансовыми и высокодоходными операциями (например, выдачей разрешений: на строительство высотных зданий, пользование крупными земельными участками и т.д.).

Однако, существуют и исключения. Например, ситуации мошенничества в сфере недвижимости, когда внесение работником ЗАГСа ложных сведений за незаконное воз-

¹ Яблоков Н.П. Расследование взяточничества // Криминалистика: Учебник / под ред. Н.П. Яблокова. – М.: БЕК, 1996. – С. 600–602.

² См.: Еременко С.В. Коррупция: тактика и методы расследования. – Омск, 2008. – С. 19–20.

награждение (взятку) в акты гражданского состояния способствует выселению гражданина мошенниками из принадлежащего ему на праве собственности недвижимого имущества, и, соответственно, ведет к преступному обогащению за счет этого других лиц. Но и в этих случаях действия работника ЗАГСа только косвенно способствуют существенному обогащению других субъектов преступной деятельности, о реальных намерениях которых должностное лицо может и не подозревать.

Говоря о других (менее распространенных, нежели взяточничество) составах преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, необходимо отметить следующее. При превышении должностных полномочий или злоупотреблении ими без цели получения взятки в качестве способа совершения преступления может выступать совокупность действий определенных лиц.

В этом случае заинтересованное лицо, вполне вероятно, и не будет выступать в качестве соучастника преступления. Другое дело, если его действия носят противоправный характер и являются лишь одним их элементов (например, подготовительным) в совершении конкретного противозаконного действия (например, с помощью получения конфиденциальной информации, взятия «на руки» оригиналов или копий документов из ЗАГСа, данное лицо планирует совершить какие-либо мошеннические операции). В этой ситуации совокупность действий такого лица будет квалифицироваться по соответствующим статьям УК РФ.

В случаях же, когда речь идет о служебном подлоге (ст. 192 УК РФ: «внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности»), может иметь место следующая совокупность действий со стороны участников преступления: заинтересованное лицо ищет работника ЗАГСа, имеющего, например, доступ к тем актам гражданского, в которые «необходимо внести» ложные сведения, подбирает при этом нужный психологический подход или должную мотивацию (раз речь здесь идет не о взяточничестве – это могут быть: угрозы, шантаж, «просьба сделать, что то по знакомству, по-родственному» и т.п.). При этом действия заинтересованного лица могут быть как противозаконными, так и не подпадать ни под одну статью УК РФ за отсутствием состава преступления.

Таким образом, анализируя материалы уголовных дел по делам, связанным с деятельностью органов ЗАГС, мы пришли к следующим выводам:

– в большинстве случаев способ совершения преступления включает в себя совокупность множества действий двух и более лиц;

– при этом в качестве иных лиц, связанных с совершением преступлений по данной категории уголовных дел, чаще всего выступают: взяткодатели, посредники, мошенники и просто заинтересованные в получении либо внесении каких-либо сведений в акты гражданского состояния лица (например, мать, лишенная родительских прав может быть заинтересована в том, кем был усыновлен ее ребенок) и т.п.

3) Сведения о способах сокрытия преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС.

Заметим, что преступления рассматриваемой категории осуществляются в большинстве случаев скрытно, то есть по возможности, преступники стараются, чтобы их незаконные действия были совершены в отсутствие посторонних граждан, при этом, как правило, различными завуалированными способами.

Субъекты исследуемой категории преступления могут скрывать его следы следующим образом:

– путем открытия счетов на сторонних лиц (данная ситуация была отмечена в 14,6 % случаев – по материалам изученных нами уголовных дел);

– посредством сокрытия подделанных документов, свидетельств, ксерокопий текста и актов гражданского состояния, содержащих охраняемые законом сведения о гражданах, в сейфах, тайниках (26,3%);

– путем полного уничтожения подлинников или подделанных свидетельств и иных документов, например, путем их поджога, измельчения и последующего выброса и т.д. (16,3%);

- посредством уничтожения различных химических и других средств, приспособлений, использованных должностным лицом для подделки записей в актовых книгах (12,8%);
- путем сокрытия соответствующих денежных средств (например, являющихся предметом преступного посягательства при взяточничестве) в потайных местах (12,3%);
- посредством заключения гражданско-правовых договоров различного вида и характера (дарения, займа, погашения несуществующего в действительности долга и др.) – 11,4%;
- путем размена полученных в качестве взятки денег или приобретения на них каких-либо материальных благ (8,7%);
- другие формы (26,9%).

Отметим, что во многих случаях один и тот же преступник применял не один, а сразу несколько способов сокрытия следов преступления. При этом особенностью преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС, помимо прочего, является тот факт, что в большинстве ситуаций все участники противозаконной деятельности опасаются уголовной ответственности, как правило, не выдают имена своих соучастников, стараются держать в тайне от других лиц свои противоправные действия (либо бездействие). Реализованный нами анализ уголовных дел рассматриваемой категории, позволил прийти к выводу, что современные способы сокрытия преступлений, связанных с противозаконной деятельностью должностных лиц (и в частности, работников органов ЗАГС), стали существенно более усложненными, соответствующими условиям рыночных отношений.

Список литературы

1. Яблоков Н.П. Расследование взяточничества // Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. – М.: БЕК, 1996.
2. Еременко С.В. Коррупция: тактика и методы расследования. – Омск, 2008.

CRIMINALISTIC DESCRIPTION ELEMENTS OF OFFICIAL MALFEASANCE IN REGISTRY OFFICE

O.A. TSUKANOVA

Voronezh State University

e-mail: kijalis@yandex.ru

The modus operandi of official malfeasance in registry office, its preparation, concealment of crime, crime situation, object of the crime and criminal has been considered in the article.

Keywords: preparation of official malfeasance in registry office, modus operandi, concealment of crime, criminal.

УДК 343.985

ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О.Ю. ЦУРЛУЙ*Белгородский
университет
кооперации,
экономики и права**e-mail: kijalis@yandex.ru*

В статье рассматривается понятие принципов российского уголовного судопроизводства, анализируется их методологическое значение для правоприменения.

Ключевые слова: понятие принципов уголовного судопроизводства, значение принципов уголовного судопроизводства.

Дискуссия о понятии принципов уголовного процесса и их содержании ведется достаточно давно. В нее вовлечено значительное число ученых-процессуалистов, которые в своих работах рассматривали различные аспекты данной проблемы. Используя устоявшиеся в науке основные представления о принципах уголовного процесса, проведем анализ их понятия и сущностных признаков и обозначим методологическое значение.

Принцип в общем понимании – это основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки¹.

В этой связи его можно интерпретировать как главную идею, исходное нормативно-руководящее начало, характеризующее содержание права, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни².

В российском уголовном процессе достаточно исследований, посвященных понятию и системе принципов уголовного судопроизводства. Их анализ позволяет свидетельствовать, в целом, о наличии двух доминирующих позиций относительно понятия принципов уголовного судопроизводства.

В соответствии с одной из них к принципам уголовного судопроизводства относятся основополагающие, руководящие начала, определяющие построение и функционирование уголовно-процессуальных институтов и направление уголовно-процессуальной деятельности в целом, независимо от их законодательного закрепления³.

Как отмечают ее сторонники, в уголовно-процессуальной науке вопрос о необходимости закрепления принципов в виде норм-предписаний относится к сфере долженствования, так как «в действительности многие принципы выполняли свое назначение и будучи закрепленными только в логических нормах»⁴.

Закрепление в тексте закона на взгляд сторонников вышеприведенной позиции не суть важно для правового принципа как потенциальной возможности, позыва к определенному устройству уголовного судопроизводства. Сам по себе факт их бытия в правовой идеологии оказывает влияние на позитивное уголовно-процессуальное право.

В этой связи А.С. Александров отмечает, что «свойство “нормативности”, закрепленности в тексте действующего закона имеет приходящее, а не сущностное значение для

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. Изд. 4-е, доп. – М.: Рус. яз., 1997. – С. 595-596; Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002. – С. 615.

² Алексеев С.С. Общая теория права В 2-х томах. Т. I. – М.: Юрид. лит. 1981. – С. 98-99; Лившиц Р.З. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1994. – С. 196; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 124; Явич Л.С. Общая теория права. – Л., Изд-во ЛГУ, 1976. – С. 149.

³ Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 164; Байтин М.И. О принципах и функциях права: Новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 6-7; Белонос В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 52; Демидов И.Ф. Принципы советского уголовного процесса / Курс советского уголовного процесса. – М.: 1989. – С. 136-137.

⁴ Гриненко А.В. Источники уголовно-процессуальных принципов. – С. 21.

принципа»⁵. Процессуальные действия и отношения определяются идеями-принципами, которые не являются исключительно правовыми и специфическими для уголовного процесса. Эти общесоциальные принципы либо совсем не закрепляются в тексте процессуальных законов, либо получают в них частичное отражение. Вместе с тем, «они оказывают регулирующее значение на правоприменительную практику»⁶.

Но самое общее определение понятия принципа выразил В.Т. Томин. На его взгляд это «мировоззренческая идея, максимальная для такого исследуемого объекта, как уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности действующих в соответствующем судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и практике их применения»⁷.

Многочисленные сторонники второй точки зрения относят к принципам только те наиболее общие и основополагающие положения, которые закреплены в процессуальных правовых нормах. На их взгляд это важнейшее условие реальной жизни принципов уголовного процесса. Любые идеи, научные положения, какими бы полезными они ни являлись для уголовного судопроизводства, не становятся принципами и даже отдельными, частными правилами, уже действующих принципов, пока они не будут закреплены законодательно⁸. В этой связи А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц подчеркивали, что «научные принципы, будучи абстрактными идеями о должном, обращены к законодателю, тогда как после закрепления в нормах права они обращаются к правоприменителю»⁹. Это достаточно убедительный довод, который, наряду с анализом уголовно-процессуальной литературы приводит нас к убеждению о большей обоснованности последней точки зрения о том, что уголовно-процессуальные принципы должны быть закреплены в нормах права.

Принципы определяют правовую природу и специальную направленность уголовного процесса в полном согласовании с назначением уголовного судопроизводства защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), верно отмечает З.З. Зинатуллин¹⁰.

В то же время, они не вытекают из назначения уголовного судопроизводства, но определяются одновременно и наряду с ним. Это категории различные по своему назначению и содержанию. Данный факт позволяет утверждать, что принципы так же, как и назначение уголовного судопроизводства, являются изначальными, отправными положениями для формирования и функционирования методологии процессуально-правовой

⁵ Александров А.С. Указ. соч. – С. 164.

⁶ Демидов И.Ф. Источники уголовно-процессуальных принципов / Курс советского уголовного процесса. – М.: 1989. – С. 137.

⁷ Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Издательство Юрайт, 2009. – С. 117.

⁸ Белобородов С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – С. 11; Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 1. – С. 12; Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 95-96; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Система принципов российского уголовного процесса: Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 3. В 3 томах. Т. 3. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – С. 94; Кашепов В.П. Принципы уголовного судопроизводства / Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: «Юридический Дом «Юстицинформ», 2006. – С. 356-357; Макогон Л.В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 15; Насонов С.А. Принципы уголовного судопроизводства / Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 234; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – С. 124; Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 324-325; Химичева Г.П. Некоторые замечания о системе принципов уголовного судопроизводства по УПК РФ // Закон и право. – 2002. – № 9. – С.49-50.

⁹ Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 163.

¹⁰ Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. соч. – С. 94.

системы. Они образуют «основу методологии уголовного судопроизводства – систему его важнейших и определяющих начал»¹¹.

Отметим, что принципы уголовного процесса как нормы руководящего назначения, имеют «императивный, обязательный характер по отношению ко всем стадиям и институтам уголовного процесса, каждый из которых, при применении его в отдельных стадиях может отличаться рядом особенностей»¹².

В прикладном, правоприменительном аспекте принципы уголовного судопроизводства следует рассматривать как основные правила поведения, которыми должны руководствоваться участники уголовного судопроизводства по уголовному делу.

Правило это отправное положение, выражающее закономерность, предписание, устанавливающее порядок чего-либо, установка, лежащая в основе чего-либо, норма поведения¹³, поведение – совокупность определенных действий, создающих целостное представление об образе деятельности¹⁴. То есть правило поведения это отправное предписание, положение, устанавливающее образ действий соответствующего субъекта.

Все принципы уголовного судопроизводства регламентированы нормами уголовно-процессуального закона. Это утверждение согласуется с нашей позицией, занятой относительно понятия принципов уголовного судопроизводства. Норма права, как известно, это правило поведения общего характера, рассчитанное на многократное применение, санкционированное государством, имеющее общеобязательную силу, наделяющее субъектов права юридическими правами и обязанностями, регулирующие общественные отношения и предусматривающее в случае нарушения ответственность¹⁵. Соответственно принципы, облаченные в нормы уголовно-процессуального права определяют правила поведения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, а также остальных участников уголовного процесса и лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Проведя анализ отдельных вопросов отнесенных к понятию и системе принципов уголовного судопроизводства можно сделать некоторые промежуточные выводы.

В первую очередь отметим, что под принципами, в сущности понимаются основополагающие правовые положения построения и функционирования уголовного процесса в целом и его отдельных институтов, служащие реализации целей уголовного судопроизводства.

На этом основании попытаемся обосновать их методологическую роль в процессуальном правоприменении, что есть способность однозначно влиять на процессуальное поведение соответствующих участников уголовного судопроизводства в различных уголовно-процессуальных ситуациях. В основе этого тезиса лежит общетеоретическое определение понятия методологии¹⁶, интерпретированное к предмету уголовного процесса и настоящей статьи.

В уголовном процессе доминирует позиция, что его основными принципами, как было уже отмечено, являются важнейшие и определяющие правовые положения, имеющие руководящее значение и определяющие построение всех стадий, форм и институтов уголовного процесса, отражающие его наиболее существенные черты и свойства, характер и особенности, нацеленные на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством, которые характеризуют уголовный процесс как действенное средство активной борьбы с преступными посягательствами¹⁷. В этом сущно-

¹¹ Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. – 2009. – № 6. – С. 66-76.

¹² Макогон Л.В. Указ. соч. – С. 15.

¹³ Ожегов С.И. Указ. соч. – С. 498; Современный толковый словарь русского языка. – С. 594.

¹⁴ Там же. С. 451; Там же. – С. 536.

¹⁵ Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, дополненное и переработанное / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 2002. – С. 549.

¹⁶ Методология – это учение о научном методе познания; принципы и способы организации теоретической и практической деятельности; совокупность методов, применяемых в какой-нибудь науке (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. – М.: Азбуковик, 1997. – С. 354).

¹⁷ Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт,

стно выражается и методологическая роль принципов, она же позволяет им олицетворять собой «фундаментальную и стержневую базу построения и функционирования процесса»¹⁸, выражать «внутреннее содержание уголовной политики государства, характеризовать уровень защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве»¹⁹.

Исходя из этого, в соответствии с предметным анализом специальной литературы можно выделить некоторые признаки и свойства принципов уголовного судопроизводства, имеющие методологическое значение для правоприменения.

1. В первую очередь это не любые, произвольно выбранные формы уголовного судопроизводства, а лишь те категории, которые имеют объективный характер, соответствуют социально-экономическим условиям развития общества и реализуются на основе демократических начал.

2. Принципы уголовного судопроизводства органически связаны с общеполитическими и общеправовыми принципами, согласуются по способу изложения и содержанию между собой, а также с другими законами.

3. Методологическая обязательность принципов основана на их закреплении в нормах права, что придает им определенность, гарантированность и обязательность прямого применения²⁰.

4. В их содержании заложены важные направления уголовного судопроизводства, которым должны следовать участники уголовного процесса в организации своей деятельности по правоприменению.

5. Методологически принципы уголовного судопроизводства образуют единую по своей сущности и назначению, систему, они взаимно обуславливают действие друг друга в системе, которая «определяет демократическое содержание и форму уголовного судопроизводства, игнорирование действия хотя бы одного из них недопустимо»²¹.

Приведенная система основных признаков и свойств призвана обеспечить единообразное понимание законности применения всех правовых предписаний в уголовном судопроизводстве, служить «методологической основой развития и совершенствования законодательства об уголовном процессе»²². Кроме того, методологически она призвана служить своеобразным механизмом, в котором должна четко работать каждая деталь и если по образному выражению Н.И. Газетдинова «отказывает одна из них, выходит из строя весь механизм, что в конечном итоге приводит к нарушению прав участников процесса»²³.

Данная система обладает всеми *общими* методологическими признаками и вместе с тем имеет ряд *особенностей*, которые выявляются, как пишет А.В. Гриненко в «каждом случае применения правовых положений при уголовно-процессуальной деятельности»²⁴.

Соблюдение принципов уголовного судопроизводства гарантируется, отмечают исследователи данной проблематики, внутрисударственным законодательством, обеспечивающим отмену или изменение незаконного или необоснованного действия (бездействия) или решения должностного лица, государственного органа, правом граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если все

2011. – С. 55; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. соч. С. 94; Насонов С.А. Указ. соч. С. 234-235; Строгович М.С. Указ. соч. С. 124; Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: 1983. – С. 4; Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 327.

¹⁸ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев А.Д. Указ. соч. С. 38; Сухарев А.Я. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. Изд. 2-е, перера. и доп. – М.: Норма, 2004. – С. 454-456.

¹⁹ Газетдинов Н.И. Понятие, сущность и социальная ценность принципов уголовного судопроизводства // Российский судья. 2007. № 10. С. 28-29; Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право: Учебник. – М.: Юрист, 2005. – С. 236.

²⁰ Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 326-327

²¹ Газетдинов Н.И. Указ. соч. – С. 13; Кашепов В.П. Указ. соч. – С. 358-359.

²² Там же. – С. 359.

²³ Газетдинов Н.И. Указ. соч. – С. 13.

²⁴ Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 185-186.

имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ)²⁵.

Принципы уголовного судопроизводства являются основой, на которой методологически функционирует уголовный процесс в целом, поскольку они проистекают из общетеоретических и основных конституционных принципов. Отнесение законом к общей части уголовно-процессуального закона, указывает на их руководящее значение при производстве тех или иных процессуальных действий и принятии процессуальных решений. Нарушение того или иного принципа при производстве процессуального действия влечет признание этого действия незаконным, а полученные в результате этого действия доказательства, признаются недопустимыми.

Принципы, поскольку они имеют основополагающее значение, являются базой для построения различного рода механизмов (защитных, обвинительных и др.) реализации норм уголовно-процессуального права в практической деятельности, дают возможность развивать институты уголовного судопроизводства. В этом также мы усматриваем их методологическое значение. Фактически они регулируют процесс практического применения норм уголовно-процессуального права.

Чем воздействуют на уголовно-процессуальную деятельность, посредством «приведения их в нормах-правилах поведения, а также в нормах, регламентирующих права и обязанности участников уголовного процесса»²⁶.

Каждый, принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в главе 2 УПК РФ, находит свою реализацию на практике, при производстве предварительного расследования, в ходе судебного разбирательства по делу, при пересмотре судебных решений и т.д. Соблюдение принципов дознавателем, следователем, прокурором, судьей при производстве того или иного процессуального действия и принятии процессуального решения является гарантией законности этих действий и решений.

Подтверждением данного теоретического тезиса служит содержание норм, регламентирующих принципы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Так, например, принцип законности обязывает суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя соблюдать нормы УПК РФ и применять при производстве по уголовному делу закон, не противоречащий УПК РФ, в противном случае, полученные доказательства будут признаны недопустимыми (ст. 7 УПК РФ).

Норма, регламентирующая принцип уважения чести и достоинства личности предписывает осуществление действий и принятие решений, никоим образом не унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также его человеческое достоинство и не создающих опасность для его жизни и здоровья (ст. 9 УПК РФ). Например, если следователь, дознаватель произведет освидетельствование лица иного пола, сопровождающееся обнажением данного лица не в соответствии с процессуальными предписаниями, то нарушит не только норму ч. 4 ст. 179 УПК РФ, но и принцип уважения чести и достоинства, то есть правило, установленное нормой ст. 9 УПК РФ.

Принцип неприкосновенности личности обязывает должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство производить задержание лица по подозрению в совершении преступления или заключение его под стражу только при наличии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ (ст. 10 УПК РФ). Данный принцип является основой построения норм, регламентирующих соответственно основания и порядок задержания (ст. 91, 92 УПК РФ) и применения заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ) в качестве меры пресечения. Следователь, дознаватель производят задержание лица и применяют к нему меру пресечения в виде заключения под стражу руководствуясь указанными нормами, которые являются частными по отношению к ст. 10 УПК РФ.

Таким же образом регламентируются остальные принципы уголовного судопроизводства – обязывают следователя, дознавателя осуществлять уголовное судопроизводство в разумный, установленный законом срок (ст. 6.1 УПК РФ); разъяснять участникам

²⁵ Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства. – С. 14-15; Насонов С.А. Уголовно-процессуальное право: Учебник / под. ред. П.А. Лупинской. – М.: Юрист, 2005. – С. 325; Химичева Г.П. Указ. соч. – С.50-51.

²⁶ Томин В.Т. Указ. соч. – С. 123.

уголовного судопроизводства их права и обязанности, принимать меры безопасности при наличии угрозы в отношении того или иного участника уголовного процесса (ст. 11 УПК РФ), осматривать жилище только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения (ст. 12 УПК РФ), обеспечивать подозреваемому, обвиняемому право на защиту, в частности путем предоставления защитника (ст. 16 УПК РФ); производить ряд следственных действий, ограничивающих право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения (ст. 13 УПК РФ); вести уголовное судопроизводство на русском языке или государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик (ст. 18 УПК РФ), оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ), производить открытое судебное разбирательство, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ (ст. 241 УПК РФ).

Однако, как мы отметили ранее, принципы методологически устанавливают правила поведения не только для должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, но и для остальных сторон, участников процесса.

Так, принцип состязательности обязывает каждую из них осуществлять именно те функции, которые возложены на нее законом (ст. 15 УПК РФ).

Принципы уголовного процесса предоставляют подозреваемому (обвиняемому) осуществлять свою защиту всеми способами и средствами, не запрещенными законом (ст. 16 УПК РФ), при этом он не обязан доказывать свою невиновность (ст. 14 УПК РФ). Каждый участник уголовного судопроизводства имеет право обратиться с жалобой прокурору, руководителю следственного органа или в суд на действия должностных лиц и органов, осуществляющих производство по делу (ст. 19 УПК РФ), давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым он владеет, пользоваться помощью переводчика, в случае, если он не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство (ст. 18 УПК РФ).

Изложенное приводит нас к выводу о том, что принципами уголовного судопроизводства признаются основополагающие, руководящие *правила поведения*, обязательные для всех участников уголовного судопроизводства, на них базируется и функционирует уголовное судопроизводство и обеспечивается законность при производстве по делу. Правила поведения, закрепленные в принципах, находят свое дальнейшее выражение и детальную регламентацию в частных нормах УПК, регулирующих соответствующие институты уголовного процесса.

Методологическое значение принципов заключается в том, что они оказывают непосредственное влияние на *функционирование уголовного судопроизводства* и являются его основой. Исходя из этого, реализация принципов в уголовном судопроизводстве заключается в неукоснительном соблюдении всеми участниками уголовного процесса правил поведения, регламентированных этими принципами.

Список литературы

1. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. I. – М.: Юрид. лит. 1981.
3. Байгин М.И. О принципах и функциях права: Новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3.
4. Белобородов С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.
5. Белоносов В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 5.
6. Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011.
7. Газетдинов Н.И. Понятие, сущность и социальная ценность принципов уголовного судопроизводства // Российский судья. – 2007. – № 10.
8. Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 1.

9. Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. – 2000. – № 6.
10. Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 2.
11. Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. – 2009. – № 6.
12. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Система принципов российского уголовного процесса: Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 3. В 3 томах. Т. 3. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003.
13. Кашепов В.П. Принципы уголовного судопроизводства / Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: «Юридический Дом «Юстицинформ», 2006.
14. Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. – 2001. – № 4.
15. Лившиц Р.З. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1994.
16. Макогон Л.В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. Изд. 4-е, доп. – М.: Рус. яз., 1997.
18. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002.
19. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т: Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968.
20. Сухарев А.Я. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма, 2004.
21. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Издательство Юрайт, 2009.
22. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: 1983.
23. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010.
24. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005.
25. Химичева Г.П. Некоторые замечания о системе принципов уголовного судопроизводства по УПК РФ // Закон и право. – 2002. – №9.
26. Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, дополненное и переработанное / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 2002.
27. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., Изд-во ЛГУ, 1976.

CONCEPTION OF LEGAL PROCEDURE'S FOUNDATIONS AND THEIR PRACTICAL SIGNIFICANCE

O.Y. TSURLUY

*Belgorod University
of Cooperation,
Economics and Law*

e-mail: kijalis@yandex.ru

The article discusses the conception of legal procedure's foundations and their practical significance.

Keywords: conception of legal procedure's foundations, practical significance of legal procedure's foundations.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

РИТУАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ ПРАКТИКИ НАСИЛИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

А.В. АРТЮХ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: ArtychAV@yandex.ru*

В статье проводится анализ ритуально-культурных практик насилия в традиционных культурах в контексте проблемы антропогенеза, культуругенеза и социогенеза. Опираясь на концепцию жертвоприношения Ж. Батая обосновывается архетипический характер жертвоприношения для современного терроризма.

Ключевые слова: насилие, культура, терроризм, жертвоприношение.

Современная социально-гуманитарная и философская мысль прошла довольно быстрый и интенсивный курс «лечения» проблемой терроризма. От преобладающих первичных реакций на появление международного терроризма в духе противостояния цивилизаций, до более развернутой критики политической составляющей этого явления, исследований этнического и религиозного терроризма. Вместе с тем, за всеми дисциплинарными и тематическими вариациями террорологии в настоящее время просматривается один общий тренд усталости от самого терроризма как объекта исследования, а также включение его в более широкую проблематику. Возникший вопрос, для некоторых довольно очевидный, состоит в том, что терроризм не является самостоятельным феноменом, а только составляющая других, более глобальных процессов. В этой связи уже ставшие хрестоматийными размышления С. Хантингтона о конфликте цивилизаций, казалось бы, вновь актуальны, если бы не процессы глобализации и утверждение некоторых «левых» авторов об отсутствии цивилизаций и культур, не подвергшихся влиянию западноевропейской цивилизации. В любом случае проблему терроризма необходимо рассматривать, прежде всего, в широком контексте динамики культуры.

Сформулировав наш исходный пункт, мы можем обратиться к анализу истоков культуры и древнейших практик насилия, которые, как мы можем предположить, будут предшествовать терроризму, а в настоящее время сосуществовать с ним. Проблема культуругенеза и антропогенеза в нашем случае тесно связана с проблемой насилия. И в некотором смысле преобладающая в научном дискурсе эволюционная теория находится от данной проблематики дальше, чем маргинальные креационные теории возникновения человека. Дело здесь не только в догматическом аспекте грехопадения и первопреступления, равно как и первоубийства Каином Авеля, но также того общего факта, что человек в его привычном состоянии, сам факт его появления связан с насилием, причем, таким, которое можно считать террором в силу его значимости. Однако возвращаясь к эволюционной теории, отметим обратное, как раз неочевидность указанной связи. Тем

не менее, общим для эволюционных концепций является идея о возникновении человека в результате перехода от биологических предпосылок к социальным (два этапа эволюции: биогенный и социогенный). К последним, прежде всего, относят труд как коллективную и сознательную деятельность человека. Преобладающая дискуссия, связанная с фактором труда как критерием человечности, разворачивается вокруг возможности разделения инстинктивных форм труда от сугубо человеческих, то есть сознательных. Как отмечает В.П. Римский, не только фактологический материал этих теорий не представляется безупречным, но также они не выдерживают философской критики, поскольку ничего не могут сказать нам о сознании и речи¹.

Критика с «другой» стороны, а именно со стороны самих антропологов и этологов, приходит к таким же выводам, к идее о том, что создание и использование орудий труда не является достаточным основанием для выделения человека разумного. Так в работе В.Р. Дольника «Непослушное дитя биосферы...» мы находим целый ряд примеров использования орудий в мире животных и даже передачи таких навыков от поколения к поколению, то есть закреплению программы использования орудий, а не только случайно открытой возможности такого использования. Даже более того, жесткая связь инстинкта оказывается не столь уж жесткой, поскольку оставляет место для «творчества». Р.В. Дольник по этому поводу пишет: «Даже полностью инстинктивные программы по своему не заперты для индивидуальных открытий... инстинктивная основа поведения животного очень часто бывает настолько поддержана комбинированием, памятью, обучением, подражанием, что о слепом следовании примитивной программе говорить не приходится. В естественных условиях интеллект, сознание или разум – зовите это как хотите – не противостоит инстинкту, а сотрудничает с ним»². Как минимум, в следствие вышеизложенной критики, на которой мы подробно не останавливаемся, можно сделать вывод о недостаточности одного труда как критерия, его необходимо дополнить еще и языком, что предпринял Б.Ф. Поршнев, переосмысливший традиционные подходы к проблеме антропогенеза.

Важным элементом его системы можно назвать диалектическое притяжение – отгалкивание первобытных групп-организмов, исходных коллективностей которое характеризовались не только установлением связей, но и процессом обособления³. Подчеркнем тот момент, что речь идет именно о коллективном взаимодействии по принципу притяжения – отгалкивание. Здесь мы принимаем идеи В.П. Римского о том, что антропогенез есть социогенез, коллективный процесс: «... первоначальное социальное, общественное отношение возникло не как общение между индивидами (пусть и «трудовое») внутри первобытного стада, а как отношение коллективное – между большими группами «формирующихся» людей»⁴. «Формы общения» рода-коллектива выступают как первичное отношение между людьми (их группами) по отношению к общественным отношениям, то есть отношениям, возникающим в результате производства, во время или по его поводу. Как мы уже отмечали эти отношения не являются собственно человеческими. Именно формообразование первичных коллективностей на основе общения можно считать началом человечества и человека, а также культуры: «... мы должны были бы у истоков человеческого общества искать не преодоление «зоологического индивидуализма» и не установление связей между индивидами в процессе орудийной деятельности или охоты, а скорее преодоление «зоологического коллективизма», выделение внутри первобытных стад новообразований – групп формирующихся людей, организованных в соответствии с новыми, разумными формами деятельности и общения»⁵. Этот процесс и есть

¹ Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. – С.55-56.

² Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2009. – С.49, 52.

³ Поршнев Б.Ф. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества // Вопросы истории, 1958, №2. – С.139-156.

⁴ Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. – С.62.

⁵ Там же. С.63.

процесс рождения человека или выпадение («грехопадение») из естественного, животного состояния. В контексте современной критики классических теорий антропогенеза со стороны этологии можно говорить о том, что это переход от пусть и открытых, до определенных пределов, инстинктивных программ жизнедеятельности к открытым программам дуальной организации коллективов на основе общения. То есть сменяется сам принцип организации множеств существования, сообщества, как единственной формы жизнедеятельности и эта смена порождает насилие.

Отметим, что мы различаем насилие и агрессию как специфически человеческую реакцию и биологический феномен соответственно. Причем на ранних этапах антропогенеза следует признать возможным не только прогрессивную смену агрессии насилием, но и обратные процессы деградации. Все многообразие происходящего вписывается в более глобальные процессы формирования механизмов интердикции. Диалектика открытости и закрытости при формировании человека проявлялась в «выворачивании» открытой структуры новообразованных сообществ: «Колоссальное развитие механизма интердикции (запрета-пресечения) в одних популяциях могло породить их паразитизм за счет других. Паразитизм мог выражаться и в активной, и в пассивной форме... неминуемо вел к утере навыков орудийной деятельности..., к смене экологической ниши»⁶. Исходные, построенные на инстинктивных механизмах оппозиции (внутривидовые и межвидовые) казалось бы, воспроизводятся, но на новом уровне дуальноэтнического противостояния. С этим противостоянием мы предлагаем связывать возникновение насилия и формирование его устойчивых форм. Но также возникает «гештальт» восприятия насилия в рамках противостояния «мы» – «они», «плохое» – «хорошее» насилие.

Фиксация противостояния – насилие, равно как и других происходит в мифе, который являл собой синтез жестких суггестивных форм коммуникации и более мягких поздних форм, сочетая в себе психофизиологическое и психосимволическое. В пользу последнего говорит концепция Ю.М. Бородай, согласно которой человек определяется способностью «невротического» замещения реального объекта воображаемым, что обеспечило человеку эволюционное преимущество⁷. Собственно «речь-миф» и являлся таким коллективным фантазмом. Первобытный человек, становясь человеком, совершает диалектический скачок из психофизиологической реальности в психосимволическую с соответствующими следствиями и, прежде всего, удвоением природы культурой, символическим универсумом. Психофизическое основание человека подчиняется символическому в различных практиках. Мы можем говорить о магии как практике такого символического освоения мира природы или символической практике или деятельности. Магия открывает дверь в мир символического, оставаясь спонтанной реализацией психофизического естества человека. В.А. Шкуратов так характеризует магию: «Магия, по-видимому, единственная психокультурная система, основанная на высвобождении телесной спонтанности из-под контроля социальной нормы и сознания. Магические заклинания повелительны и непонятны, они вводят участников, в том числе и самого заклинателя, в

⁶ Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. – С.72.

⁷ «Животное, которое рискнуло бы на бунт против внешней детерминации, которое вдруг встало бы на путь произвольного воспроизведения желанных объектов «здесь» и «теперь» вопреки реальности (этот акт не может быть ничем иным, кроме комплекса псевдорцепций и неадаптированных операций), – такое сумасшедшее животное не только ничего не выиграло бы в реальной драке за существование, оно не могло бы выжить и неминуемо погибло бы при всех условиях... кроме одного! Мы сможем обосновать возможность выживания животного, рискнувшего на сумасшедший акт сознания, лишь в том случае, если нам удастся обнаружить у него биологическую потребность, произвольно-идеальное удовлетворение которой могло бы дать такой же физиологический эффект, как и реальное удовлетворение. Иными словами, нам нужно отыскать такую всеобщую биологическую потребность организма, которая могла бы быть полностью реализованной – действительно, на самом деле удовлетворенной! – путем «холостого оборота» всей своей нейрофизиологической системы. Это должна быть такая потребность, для которой адекватный внешний реальный объект и идеальный его эрзац, т. е. «невротически»-галлюцинаторное воспроизведение этого объекта, могли бы стать равноценными замещениями» – Бородай Ю.М. Эротика Смерть Табу. Трагедия человеческого сознания. М., 1996. – С.83-84.

транс. Звуки как бы сами произносятся гортанью, движения как бы сами производятся телом. Магический ритуал как бы копирует настоящее действие, но с точки зрения рас-судка это бессмысленное действие. Цель присутствует, но тут же, будто в забытьи, пере-кидывается в фазу исполнения. Движение осуществляется без привычного нам участия сознания, тело, как в гипнозе (а часто именно в нем), делает то, что ему задано, но попа-дая в «иллюзорную реальность», которую само оснащает эмоциями и образами»⁸.

Как пишет Э. Кассирер, символический универсум является единственно возмож-ной реальностью для человека, он уже изначально включен в нее как объект, то есть тело, но также как субъект, мышление о мире, преобразующее образы в символы: «По сравне-нию с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности – он живет как бы в новом *измерении* реальности. Существует несомненное различие между органическими реакциями и человеческими ответами. В первом случае на внешний сти-мул дается прямой и непосредственный ответ; во втором ответ задерживается. Он преры-вается и запаздывает из-за медленного и сложного процесса мышления. На первый взгляд такую задержку вряд ли можно считать приобретением... Однако средств против такого поворота в естественном ходе вещей нет. Человек не может избавиться от своего приобретения. Он может лишь принять условия своей собственной жизни. Человек жи-вет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме»⁹. Человек суще-ствует в единственно возможном мире фантазма, в котором сталкивается только с собой, поскольку общается с природой опосредованно, через символические «протезы».

Напомним, что универсум символического структурируется по принципу дуальности из исходного архетипа дуальноэтнического противостояния, то есть по принципу «свой – чужой». Человек все еще остается «животным созидующим символы» (Э. Касси-рер) и в той части, в которой воспроизводит гештальт внутривидовой и внешневидовой агрессии, но только на новом уровне символического универсума. При этом простая про-екция агрессивности на человека также нуждается в обсуждении, тем более в свете уже давнего высказывания К. Лоренца об отсутствии у человека инстинктивных ограничений на внутривидовую агрессию¹⁰. По причине незащитности человека, лишённости естест-венных средств борьбы за существование в виде когтей или клыков, человек лишен и «механизмов безопасности», предохраняющих от применения этого арсенала выживания к себе подобным. Но в той же работе, «Агрессия. Так называемое зло», К. Лоренц пишет об очевидном факте, заключающемся в том, что человек до сих пор жив, благодаря нали-чию морали. То есть человек изобрел действенные способы контроля агрессии, а по-скольку она, как и все остальные проявления человека, уже невозможна вне символиче-ского универсума, с полным правом может называться насильем.

Пример таких «механизмов безопасности» в древних обществах мы находим у Ж. Батая, который также утверждает, что существует фундаментальное различие между жи-вотным и человеком, которое заключается в имманентности первого окружающей среде. Имманентность в трактовке Батая раскрывается через акт поедания, то есть агрессии: «Имманентностью животного по отношению к его окружению проявляется данность в конкретной ситуации, значение которой носит фундаментальный характер. Я не стану упоминать об этой ситуации постоянно, но и упустить ее из поля зрения не в моих наме-рениях; даже заключительная часть данной работы не обойдется без того, чтобы не вер-нуться к отправной точке, а именно, к ситуации, выступающей как данность, в случае, когда одно животное поедает другое животное»¹¹. Агрессия как акт поедания имеет для Батая решающее значение в проведении границы между животным и человеком. Отно-шения «поедания» по Батаю возможны только среди «подобных» в смысле равной при-надлежности к среде, когда животные взаимодействуют по модели, предложенной А. Кожевным, в отношении противостояния людей до их разделения на раба и господина. Животные еще равны, в том числе в признании себя вне категорий подчинения и пре-

⁸ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. – С.194.

⁹ Кассирер Э. Опыт о человеке / Пер. А. Муравьева // Проблема человека в западной фило-софии. М., 1988. – С.29-30.

¹⁰ Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

¹¹ Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Мн., 2000. – С.14.

восходства. Батай описывает эту феноменологию животного мира следующим образом: «... поедаемое является подобным поедающему: именно этот смысл я вкладываю в понятие имманентности. Речь не идет о подобном, признаваемом за таковое, скорее об отсутствии превосходства животного поедающего в отношении животного поедаемого: различие между ними, конечно же, существует, но то животное, что поедает другое животное, не может противопоставить себя последнему в порядке подтверждения такого различия»¹². Человек в категориях Батая находится уже в иной ситуации, в которой как данность есть отношения подчинения. Человек воспринимает животных и самого себя как вещь, в сознании его присутствует неравенство субъекта и объекта.

Причастность человека миру реализуется в труде, то есть через посредничество орудий труда. Причастность здесь несет смысл устранения части через деятельность – труд, но также говорит о факте существования человека уже как части, отсутствии имманентности, присущей животным. Батай описывает человеческое существование, обращаясь к концепту прерывистости, «поток жизни», равный имманентности животного, дробится человеком на субъект-объектные отношения или в нашей терминологии дуальные отношения. В том числе эти отношения имеют и сакральное измерение. В любом случае вся совокупность указанных процессов и феноменов указывает на то, что антропогенез есть также культурогенез и социогенез, о чем пишет В.П. Римский, говоря об их сопряженности и тождественности¹³. Нас интересует связь этого единого процесса с насилием, которое имманентно человеку, обществу и культуре. В то же время, уже на интуитивном уровне, насилие и агрессия расходятся с ними.

Тем более такое подозрение возникает в отношении терроризма, который соотносить с культурой значит вступать на «опасную» территорию этического осуждения, по крайней мере, с позиции ценностного подхода в ее осмыслении. Вместе с тем, подход к анализу терроризма в интересующем нас аспекте уже достаточно разработан в работах В.П. Римского, который исследовал феномен тоталитаризма как антисистемное явление¹⁴, и С.Н. Борисова, определявшего терроризм как антисистемный феномен¹⁵. В общем виде возникающая дилемма в осмыслении терроризма, а также насилия как исходной формы, на наш взгляд, состоит в том, является ли он «извращенной формой», отклонением от нормы, или закономерным явлением развития культуры в широком смысле. С позиции системного подхода, как это показана в работе «Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма», указанные точки зрения вполне можно совместить.

Развитие человечества как «органической целостности», осмысливаемое прогрессивно, наряду с движением к более совершенным и сложным формам может деградировать. Подобное движение, как мы можем предположить, связано с проявлениями насилия в общем и, в том числе, с его специфическими формами. Вот, что пишет В.П. Римский об этом процессе: «... конкретно-исторический анализ всех революций, особенно классических – английской, французской, российской, немецкой – показывает, что результатом революционных изменений всегда становился хаос, упадок во всех сферах жизни общества. Система как бы соскальзывает назад в историческом развитии, начинается стихийное воспроизводство старых, отживших форм... Это общесистемная логика, характерная для всех сложных органических систем...»¹⁶. Отметим тот фон, на котором осуществляется анализ «отката системы», который составляют европейские революции, связанные с проявлениями насилия и терроризма. Возникающая здесь связь очевидным образом говорит о том, что процесс возникновения антисистемы и проявление террориз-

¹² Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Мн., 2000. – С.15.

¹³ Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003. – С.89.

¹⁴ Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород, 1998. – 126 с.

¹⁵ См. Римский В.П., Борисов С.Н. «Человек террористический» в изменяющемся мире модерна и тоталитаризма: к методологии проблемы // Личность. Культура. Общество. Т.VIII. Спец. выпуск 1 (33) 2006. С. 154-162., Борисов С.Н., Борисова О.С. Философско-культурологический анализ современного терроризма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия, социология, право». 2007. №9(40) Вып.2 – С. 89-95.

¹⁶ Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997. – С.49-50.

ма совпадают. Безусловно, антисистема включает в себя терроризм наряду с другими феноменами.

Причем происходит не просто возврат к старым отжившим формам ушедшей культурной формации, что просто невозможно. Остается матрица или архетип как исходная упрощенная форма, вокруг которой собираются атомизированные элементы разрушенной системы, образуя антисистему. Важно остановиться также на том, что антисистема может проявляться на уровне культуры, общества, человека, сохраняя свой главный признак – паразитический характер: «Антисистема носит на протяжении всей истории социального организма (для нас социальный организм включает и экономические, и политические, и духовные образования в их системной целостности) чисто паразитический характер. Такими паразитами могут выступать религиозные секты, политические партии, демографические группы маргинального типа (воры, разбойники, проститутки, мафия, контрабандисты), социальные страты в рамках исторических классов, отдельные индивиды..., отдельные этносы. Паразитические антисистемы могут достаться общественному организму в виде атавизма от предшествующих обществ, но могут и возникнуть в историческом поле данного общественно целостнообразования. Паразитическая форма бытия антисистемы – более или менее вредоносная – может длиться бесконечно долго, переживая ряд исторических эпох и формаций, стран и народов...»¹⁷. С такой позиции можно не только определять терроризм как антисистемное явление, но проследить линии преемственности антисистемных образований в рамках истории бытия культуры.

Такой макроуровень анализа терроризма не отрицает возможности феноменологического рассмотрения терроризма на уровне бытия отдельных людей. Как было отмечено, антисистема проявляется и на уровне отдельного человека как паразитическое бытие, характеризующееся упрощенными или архаическими, но также можно сказать деструктивными жизненными практиками. Невольно напрашивается параллель с идеями Э. Фромма о различии между биофилией и некрофилией. Биофилия определяется им как любовь ко всему живому, жизненная установка на бытие и созидание. Можно сказать, что это нормальный прогрессивный путь развития человека и общества. Некрофилия есть патология, отклонения от «биологической нормы» стремления ко всему живому и поддержанию жизни. Именно некрофилия рождает деструктивность и агрессию, которые на уровне системы всегда потенциально возможны как антисистема, но проявляются только в специфических ситуациях системного кризиса. Деструктивность и агрессия неразрывно связаны, о чем пишет Э. Фромм определяя деструктивность: «Деструктивность – это не параллель по отношению к биофилии, а альтернатива ей. Фундаментальная же альтернатива, перед которой оказывается любое живое существо, состоит в дихотомии: любовь к жизни или любовь к смерти. Некрофилия вырастает там и настолько, где насколько задерживается развитие биофилии. Человек от природы наделен способностью к биофилии, таков его биологический статус; но с точки зрения психологии у него есть и альтернативная возможность, т.е. он может при определенных обстоятельствах сделать выбор, в результате которого он станет некрофилом»¹⁸. Для Фромма исток деструктивной агрессии кроется в экзистенциальной ситуации, а именно «изолированности» от мира в совокупности с «витальной импотенцией» как неспособности эту ситуацию преодолеть. Некрофил не может найти адекватных и эффективных способов контакта с окружающим миром, бытием в целом. В терминологии Ж. Батая имманентность природе утрачена некрофилом в силу того, что он человек, но в отличии от нормы, направленной на восстановление связи, его патология сконцентрирована на разрушении, достижения равенства миру состоит в том, чтобы сделать его трупом. Антисистема равнозначна некрофилии. Системный анализ и экзистенциальная феноменология содержательно сходятся в типологических признаках насилия и терроризма. Общим «знаменателем» здесь будет уничтожение живого, которым может быть индивид, культура или общество, этнос как биологическая целостность. В определении деструктивности Э. Фромма также содержатся элементы системного анализа, поскольку человек в своем «скатывании» в некрофилию сталкивает-

¹⁷ Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997. – С.53.

¹⁸ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2012. – С.505.

ся с внешними и внутренними факторами. Собственная неспособность прийти к биофилии и социальные условия, препятствующие этому. Также и в анализе антисистемности, предложенном В.П. Римским, конфликт системы и антисистемы приобретает особую остроту в ситуации «сопряжения основного системного противоречия, внутреннего, с активизацией разрушительных тенденций в деятельности антисистемы»¹⁹.

Процесс ее создания можно описывать как упрощение и архаизация, но также и возвращение²⁰. Мы можем предположить, что такой матрицей или архетипом в случае терроризма является жертвоприношение. Его значимость заключается в том, что жертвоприношение сопутствует человеку с самого раннего времени или даже совпадает с его появлением. Исследователи отмечают, что уже «человек умелый» совершал действия, которые можно трактовать как жертвоприношение²¹. Человеческие жертвоприношения в ряду жертвоприношений других объектов довольно рано становятся исключительным явлением и свидетельствуют об антисистемных явлениях, откате назад в развитии обществ или ситуации системного кризиса с воспроизводством отживших структур человеческих жертвоприношений. Так О. Ивик говорит о человеческих жертвоприношениях как об отголоске неандертальской культуры: «Интересно, что формы человеческих жертвоприношений, которые мы видим в неолите (отрубание голов, сожжение и дробление костей) во многом напоминают о временах неандертальцев. А мозг неандертальца, превосходя наш по объему, организован был несколько хуже. Во всяком случае, культура неандертальцев, хотя и была, возможно, хороша для своего времени, во времена неолита уже не могла быть образцом для нравственного подражания. Земледельческие жертвы, напротив, были вызваны новыми веяниями. Но и они, при всей своей «прогрессивности», тяготели к земному»²².

В не связи с другими трактовками жертвоприношения, на которых мы еще остановимся, в своей концепции жертвоприношения Ж. Батай отмечает, что в его основе лежат субъект – объектные отношения. Их сутью является изъятие объекта посредством его разрушения из отношений потребления. Объект наделяется исключительными качествами по отношению к другим вещам, что не просто воспроизводит исходный дуализм, но также репрезентирует его или даже создает его на уровне отношений с сакральным и социальных отношений. В этом смысле теракты 11 сентября были актом жертвоприношения в точном смысле этого явления по Ж. Батаю как несущие контрмысл произнесенного после «Все мы американцы», то есть тотального тренда американизации и глобализации. Немаловажный аспект, который есть в определении Батая, состоит в том, что жертва изымается как вещь полезная, то есть включенная в отношения производства – распределения, а значит и власти, всего этого жертвователю добывается разрушением: «В основе жертвоприношения лежит принцип разрушения, однако, несмотря на то, что такое разрушение может доходить до крайней степени, (подобно тому, как это происходит, когда жертва предается огню), вовсе не уничтожение является целью, преследуемой во время жертвоприношения. Это действие направлено на то, чтобы разрушить собственно вещь, и единственно вещь, которая приносится в жертву. При жертвоприношении разрываются связи, реально определяющие подчиненное положение предмета, жертва выхватывается из предписанного ей мира полезности и причисляется к миру, в котором безраздельно властвует безотчетный каприз»²³. Целью жертвоприношения в преодолении отчужденности между человеком и миром вещей. Целью является достижение исходной имманентности окружающему миру. Устранение различия между субъектом и объектом. С поправкой на идеологию современного терроризма имманентность может носить различные «одеяния», от традиционно религиозных и политических, до этнических и экологических. В любом случае экзистенциальное основание остается тем же, что описывает Батай.

¹⁹ Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997. – С.54.

²⁰ Там же. С.51.

²¹ Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М., 2010. – С.9.

²² Там же. С.20.

²³ Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Мн., 2000. – С.43.

Тем более актуален мотив траты или изъятия объекта из системы капиталистических отношений или просто отношений потребления объекта, поскольку современные антисистемные проявления чаще всего связываются с маргинальными образованиями на окраинах капиталистической ойкумены. Паразитизм антисистемы не несущих системной нагрузки, то есть не участвующих в поддержании жизни сообщества-организма, сопрягается здесь в расточительстве как смысле жертвоприношения: «Умерщвление – это не более чем наглядное проявление некоего глубинного смысла. Главное – перешагнуть от уклада, основанного на длительности, при котором всякое потребление материальных ресурсов обусловлено заложенным в них запасом долговременности, не обставленной никакими условиями, только бы вырваться из мира реальных вещей, вся реальность которых заключается в их пригодности к использованию на длительный срок, но никак не в сию минуту, из такого мира, в котором все подчинено производству и откладыванию про запас... Жертвоприношение выступает в качестве антитезы производства, осуществляемого во имя будущего, в качестве акта потребления, весь интерес которого как раз и заключается в его сиюминутности»²⁴. Нежелание включаться в эту систему глобального капитализма в определенном смысле мотивирует терроризм. Но также по характеру самого действия он есть не что иное как мгновенное изъятие объектов в акте уничтожения, то есть батаевская трата происходящая сиюминутно, без откладывания и оправдания.

Список литературы

1. Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Мн., 2000.
2. Борисов С.Н., Борисова О.С. Философско-культурологический анализ современного терроризма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия, социология, право». 2007. №9(40) Вып.2 – С. 89-95.
3. Бородай Ю.М. Эротика Смерть Табу. Трагедия человеческого сознания. М., 1996.
4. Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2009.
5. Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М., 2010.
6. Кассирер Э. Опыт о человеке / Пер. А. Муравьева // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С.29-30.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
8. Поршнева Б.Ф. К спорам о проблеме возникновения человеческого общества // Вопросы истории, 1958, №2. – С.139-156.
9. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997.
10. Римский В.П. Миф и религия: к проблеме культурно-исторической специфики архаических религий. Белгород, 2003.
11. Римский В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород, 1998.
12. Римский В.П., Борисов С.Н. «Человек террористический» в изменяющемся мире модерна и тоталитаризма: к методологии проблемы // Личность. Культура. Общество. Т. VIII. Спец. выпуск 1 (33) 2006. – С. 154-162.,
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2012.
14. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.

RITUAL AND CULT PRACTICES OF VIOLENCE IN TRADITIONAL CULTURES

A.V. ARTUKH

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: ArtychAV@yandex.ru

The article analyses the ritual and cult practices of violence in traditional cultures in terms of the anthropogenic, culturogenic and sociogenic issues. Based on the concept of sacrifice by G. Bataille, the author considers the archetypal nature of sacrifice for the actual terrorism.

Keywords: violence, culture, terrorism, sacrifice.

²⁴ Там же. С.50.

УДК 130.2

«РЕВОЛЮЦИЯ» ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В РУССКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 30-Х ГГ. XX ВЕКА

О.С. БОРИСОВА¹⁾
С.Н. БОРИСОВ²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу символического насилия в дискурсе советского кинематографа 30-х гг. XX века. Обосновывается тезис о возможном понимании символического насилия в контексте трех концептуальных пар: насилия – дискурса, насилия – коммуникации, насилия – кода.

Ключевые слова: символическое насилие, кинематограф, репрезентация, событие, дискурс.

Большинство исследований революционной культуры начинается с 1917г., что представляется устоявшимся схематизмом. Можно предположить, что подобная традиция восходит к отечественной, то есть советской социально-гуманитарной мысли, сделавшей 1917г. своеобразной «точкой отсчета», временем обновления мира и обнуления социокультурных практик. К таким работам можно отнести труд Г.И. Поршнева «Революция и культура народа: сборник статей по внѣшкольному образованию»¹, Н.И. Бухарина «Пролетарская революция и культура»², А. Белого «Меж двух революций»³ и особенно «Революция и культура» в которой революция предстает более как событие, идея, более соотносимая с творческим порывом поэта, нежели суровой практикой⁴. И хотя они исходят из различных оснований, топика революционной культуры оказывается одна и локализуется она после 1917г. Та же идея разрыва, но с «другой стороны баррикад», проводится В.И. Ильиным в работе «Религия революции и гибель культуры», где обосновывается несовместимость культуры и самодостаточного, «автолеличного», то есть самоцельного явления революции⁵.

Вместе с тем, революционная культура и ее антропологические аспекты в том числе, возникает раньше и уже к первой русской революции 1905г. предстает оформившейся. Но сразу стоит оговориться, что до 1917г. она предстает в статусе субкультуры, культуры «подпольного человека». Рассмотрение проблемы в таком ракурсе свойственно многим авторам, к которым можно отнести М. Могильнер (Мифология подпольного человека...) и В.Л. Соскина (Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект)⁶. Так М. Могильнер утверждает, что: «литературный эпос радикализма успел приобрести законченные формы к началу XX века, именно к тому моменту, когда наряду с окончательной кристаллизацией типа профессионального революционера, организационно оформилась партийная система, определявшая политическую историю радикальной интеллигенции и страны в целом вплоть до Октября 1917года»⁷. Мифология, во-

* Статья подготовлена при поддержке гранта БГИИК ВКГ-1202-6

¹ Поршнев Г.И. Революция и культура народа: сборник статей по внѣшкольному образованию 1917.

² Бухарин Н.И. Пролетарская революция и культура М., 1923.

³ Белый А. Меж двух революций М., 1990.

⁴ Там же. С.10-12.

⁵ Ильин В.И. Религия революции и гибель культуры УМСА-Press, 1987. – С.81.

⁶ Соскин В.Л. Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект. Новосибирск, 1994.

⁷ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. – С.7.

площенная в художественном нарративе, массово освоенном революционерами, сложившаяся организационная структура и политический революционный дискурс есть бесспорное свидетельство сложившейся революционной субкультуры.

Ее истоки (революционной субкультуры) подробно описаны как ее сторонниками, так и противниками. Интеллигентская по «социальному происхождению», она проистекала из отчужденности русской интеллигенции от народа и государства, отсутствия прочных традиций и увлеченность идеями, мало соотносящимися с реальностью. Преобладание формы над реальным содержанием в идеологии «подпольного человека» диагностировалось целым рядом отечественных мыслителей, среди которых был Н.Н. Страхов. Его слова-диагноз, поставленный русской радикальной интеллигенции позже будут повторяться в «Вехах» и станут типичными в описании ситуации конца XIX начала XX веков в России. В частности, в своей рецензии на роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание. Роман в шести частях с эпилогом», он пишет: «У нас же – мы должны это помнить – тьма, глубокая тьма царит над умами; у нас нет для суждений твердых, ясных точек опоры; мы до сих пор не умеем понимать широко и тонко и потому все перетолковываем, все прикидываем на узкие мерки кой-каких понятий, нахватавшихся нами из хаоса чужих мнений»⁸. Отсутствие традиций, точек опоры для рефлексии и саморефлексии в том числе, объясняют резкое противостояние радикальной, революционной субкультуры и базовой культуры.

Свой исток революционная субкультура черпала в философии и воплощала в литературном мифотворчестве. Общей же схемой взаимодействия этой субкультуры и базовой культуры была жесткая дуальность, противостояние и неприятие, выразившееся в насильственных формах террора. Эта дуальность воспроизводилась в идеологических текстах и ментальных схемах, оказывала влияние на поведение и принятие решений. Ее следы мы можем найти в позднейшей революционной культуре, ставшей легитимной и официальной. Но, противостояние не следует понимать тотально, как полное неприятие, поскольку при этом революция и последующая легитимация революционной культуры были бы невозможны. Радикальная субкультура находила поддержку в широких кругах российского общества: «моральная санкция общества была необходимым условием существования радикальной интеллигенции – нового социального феномена, лишённого возможности найти оправдание своим действиям как в традиции, так и в общепринятой морали»⁹. Эта санкция имела символическое происхождение, поскольку формировалась посредством литературного творчества. В терминах философии события можно сказать, что традиция и онтология «подпольного человека» конструируется дискурсивно в событии-репрезентации.

Сами революционеры уравнивали слово и дело, при некотором приоритете первого. Мысль о том, что идея, слово формирует действительность не вызывала сомнения и репрезентация радикалов, их идеализированный и романтизированный образ действительно влиял на реальность: «беллетристика была манящей вывеской параллельного мира, вербовавшей все новых и новых желающих переступить его порог. В автобиографиях революционеров, вступивших на эту стезю в 1870-х годах, нечаевский процесс и художественная литература фигурируют как равноценные факторы, определившие их жизненный выбор»¹⁰. Более того, вплетенность реальности в нарратив, не только привлекала адептов в революционную субкультуру, но и в определенной мере легитимировало ее. Это действительно было противостояние реальности и фантома, базовой культуры реальных форм и виртуального мира образов и идей под названием «революция».

Ориентированность на печатное слово сохраняется и после 1917г., стесненные объективными обстоятельствами, большевики прилагают максимум усилий для увеличения публикаций. Статистические данные, приводимые Ш. Плаггенборгом в работе «Революция и культура» доказывают это: «...в 1928 г. удалось превзойти предвоенные пока-

⁸ Страхов Н. Н. Литературная критика М.: Современник, 1984. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/ (дата обращения: 22.08.2011)

⁹ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа М., 1999. – С.19.

¹⁰ Там же. С.24.

затели 1913 г. по количеству опубликованных названий. В этом году вышло 270,5 млн экземпляров книг на 68 языках...»¹¹. Естественно, большая часть литературы, издававшейся начиная с 1917 г. носила пропагандистский характер и направлялась, прежде всего, в армию и крупные города. Провинция снабжалась печатью недостаточно и с опозданием вплоть до 30-х гг. Но общая тенденция, наметившаяся еще в дореволюционный период, сохраняется. Революционная культура зарождалась как нарративная, конституировалась в формах художественного слова и легитимировалась в дискурсе и с его помощью. В рамках этого дискурса событие-репрезентация революции было апроприировано идеологией в первую очередь.

Если к 30-м годам XX века применимо утверждение о тотальности контроля применительно ко всем способам репрезентации революции, то в отношении печатного слова это произошло гораздо раньше, поскольку уже на третий день после свершения Октябрьской революции Совет народных комиссаров Декретом о печати запретил выпуск прессы меньшевистского содержания¹². Именно этим, мы можем предположить, объясняется «нечувствительность» политико-идеологического дискурса к произошедшим переменам, принципиальная нефиксируемость события-репрезентации революции в текстах самих революционеров. Они воспроизводили уже устоявшиеся модели революционной субкультуры, получившей возможность легализации, а ее носители образовали политическую элиту.

После свершения революции, манифестации события¹³, в многочисленных трудах практиков и теоретиков революции она занимает весьма скромное место. Ш. Плаггенборг так описывает этот факт: «революция была делом прошлого. Несмотря на инфляционные тенденции вследствие частого употребления этого слова современниками, а также его бесконечную эксплуатацию в лозунгах «революционной борьбы за социализм/коммунизм», после 1918 г. массы говорили о революции в прошедшем времени: «Революция победила». Наступила пора строительства. Для некоторых революция закончилась после того, как ее поместили в музей...»¹⁴. Музей в данном случае есть прямое указание на полное присвоение события идеологией, перевод его из разряда актуального события («здесь и сейчас») в культурный архив, означавший деактуализацию события, его прекращение. Так, работа Н.И. Бухарина «Железная когорта революции» (1922) начинается словами: «Пять лет стоит у власти российский пролетариат, и даже противники его видят, что крепнет эта власть, пускает прочные, мощные подземные корни, охватывает ими рыхлую российскую землю, переделывает российский народ, железной рукой великана ведет миллионы людей по тернистому, кровавому пути, через проволочные заграждения, под ураганным огнем врага, по голодной степи – к светлой победе всеединого человечества. Как совершилось это историческое чудо, на которое, разинув рот от удивления или истекая бессильным бешенством, смотрит всесветное мещанство? Конечно, здесь «виноваты» прежде всего общие исторические рамки, внутри которых шли чутунным шагом черные трудовые батальоны, свергающие ненавистный режим»¹⁵. Спустя пять лет Н.И. Бухарин оценивая событие революции пишет о ней как о вневременном явлении, естественном, обусловленном объективными факторами развития истории¹⁶.

¹¹ Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. – С.141.

¹² Там же. С.129.

¹³ Наш подход к определению революции как события более подробно мы раскрывали в статье Борисова О.С., Борисов С.Н. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.

¹⁴ Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. – С.41.

¹⁵ Бухарин, Н.И. Железная когорта революции URL : <http://revarchiv.narod.ru/bukharin/oeuvre/cogorta.html> (дата обращения: 22.08.2011)

¹⁶ И здесь личное, субъективное время подчинялось времени идеологическому уже вне темпорального «разрыва» события-революции, которое как раз и «латается» политическим временем. Подробнее о субъективном времени см. Ю.М. Мельник, В.П. Римский Экзистенциальное

Поскольку создается впечатление, что «трудовые батальоны» именно шли в «толще истории», непрерывно и безостановочно. И в этих словах нет субъективного переживания революции, уникальности события и его множественности. Есть схема исторического процесса и факторы. Собственно революции как таковой (революции «самой по себе») тоже нет, а есть *теория революции, ее идеологизированная форма*, переделывающая человека, по словам Бухарина. Антропологические изменения должны произойти сами собой, вследствие самого факта произошедшей революции, но строго в соответствии с теорией марксизма.

Можно сказать, что революция как явление объективизируется и это не требование жанра или диктат политического дискурса. Скорее это сложившееся отношение, восприятие. На уровне языка само слово «революция», которое соотносимо с субъективным переживанием и опытом, соседствует с безличным «история». История вытесняет революцию: «...история вовсе не представляет на этот счет революционному классу свободы выбора, и никем еще не было доказано, что русскому пролетариату обеспечен экономный характер революции. Во-вторых, самый вопрос о революционной «экономии» сил приходится рассматривать не в национальном, а в мировом масштабе. Инициатива революции именно в силу всего предшествовавшего развития, как мы видели выше, оказалась возложенной не на старый пролетариат с могущественными политическими и профессиональными организациями, с тяжелыми традициями парламентаризма и тредюнионизма, а на молодой пролетариат отсталой страны. История пошла по линии наименьшего сопротивления. Революционная эпоха ворвалась через наименее забаррикадированную дверь»¹⁷.

Столь же объективными позиционировались и преобразования человека, которые в первое десятилетие после революции представляли собой более схему, чем подробный план. Утрата событийного восприятия революции была восполнена в политико-идеологическом производстве символического основания революции самими ее теоретиками, что выражалось в рассуждениях о теоретической «правильности» свершившейся революции, а избыточность утраченной событийности революции превращается в недостаток, сведенную к идеологической схеме.

В письме Луначарскому 19 ноября (2 декабря) 1917г. А.А. Богданов пишет: «Надо, чтобы пролетарская культура перестала быть *вопросом*, о котором рассуждают *словом*, в котором нет ясного содержания. Надо выяснить ее принципы, установить ее критерии, оформить ее логику, чтобы всегда можно было решить: вот это – она, а это нет. Такова моя задача, ее я не брошу до конца»¹⁸. И это план «должного» революции освоенной теорией, множественности события-жизни поглощенного единичностью теории. Вместе с тем, А.А. Богданов в том же письме вынужден соотносить план идеологически выверенной схемы революции с противостоящей ему реальностью: «Ваша безудержная демагогия – необходимое приспособление к задаче собирания солдатских масс; ваше культурное принижение – необходимый результат этого общения с солдатчиной при культурной слабости пролетариата. Черные годы реакции огрубил его, затемнили его сознание... А идеал социализма? ясно, что тот, кто считает солдатское восстание началом его реализации, то с рабочим социализмом объективно порвал, тот ошибочно считает себя социалистом – он идет по пути военно-потребительского коммунизма, принимает карикатуру упадочного кризиса за идеал жизни и красоты. – Он может выполнять объективно необходимую задачу, как нынешний большевизм; но в то же время он обречен на крушение, политическое и идейное. Он отдал свою веру солдатским штыкам, – и недалек день, когда эти же штыки растерзают его веру, если не его тело. Здесь действительно трагизм»¹⁹. Трагизм для Богданова в крушении сформированной схемы революции, которая не соответствовала жизни. Революционная субкультура, создавшая идеализированный образ

время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2009. №16 (71). Вып.10. – С.24-36.

¹⁷ Троцкий Л.Д. Мысли о ходе пролетарской революции URL: <http://revarchiv.narod.ru/trotsky/oeuvre/pensieri.html> (дата обращения: 22.08.2011)

¹⁸ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. – С. 352-355.

¹⁹ Там же. С. 352-355.

революционера и революции, столкнулась с необходимостью перехода в иной статус, культуры легальной. «Выход из подполья» был осуществим только в принятии иных маргинальных субкультур и их если не полной, то частичной легализации. Борьба за власть делала необходимым поиск союзников, что было сопряжено с уступками в собственных представлениях.

Именно в этом ключе стоит рассматривать проект присвоения революционной культурой сферы музыкального творчества. Поскольку можно предположить, что революция как событие образовало столкновение образа революции, сложившегося в радикальной революционной субкультуре (план воплощения идеи профессиональными революционерами), события-репрезентации (отражение события в творчестве (прежде всего композиторов, художников, писателей и режиссеров)), а также того, что Бадью связывал с «изменой» событию, его прекращением, то, что можно связать с противоположным как идеологическому плану революции (коллективному идеальному), так и субъективному плану революции как уникального; того, что отождествимо с рассмотрением революции в соотношении с погромом, бунтом, преступлением и проч. Это своеобразное третье измерение революции, которое ей сопутствует и связано, но существует как бы параллельно. Своеобразная «изнанка» революции и революционной культуры, которая тесно соприкасалась с субкультурой преступного мира (равно как и другими субкультурами, например крестьянской и солдатской).

Переходя к вопросу кино и его апроприации идеологическим аппаратом, государства стоит начать со слов В. Розанова о невозможности прерывания революции, ее завершения: «Революция имеет два измерения – длину и ширину; но не имеет третьего – глубины. И вот по этому качеству она никогда не будет иметь *спелого, вкусного плода*; никогда не «завершится»... Она будет все расти *в раздражение*; но никогда не настанет в ней того окончательного, когда человек говорит: «Довольно! Я – счастлив! *Сегодня* так хорошо, что не надо *завтра*»... Революция всегда будет с мукою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». *Perpetuum mobile, circulus vitiosus*, и не от бесконечности – куда! – а именно от короткости. «Собака на цепи», сплетенной из своих же гнилых чувств. «Конура», «длина цепи», «возврат в конуру», тревожный коротенький сон.

В революции нет радости. *И не будет...*»²⁰.

Трактуя революцию субъективно и оценивая ее с позиции событийности негативно, В. Розанов исходил из ее принципиальной недостаточности, ненаполненности бытия революции²¹. Однако эта нехватка, говоря языком Ж. Лакана, имела возможность восполнения и была реализована символическими средствами, в том числе и средствами кино. «Тревожный коротенький сон» был продлен техническими средствами посредством кинематографа²². В этом проявилась двойная роль революционного кино, с одной стороны продолжая событие в событии-репрезентации, с другой совершая его присвоение и утилизацию в идеологии.

Анализ репрезентации революции средствами кинематографа в России должен учитывать несколько моментов, среди которых первым будет являться то, что «рождение» отечественного кино практически совпало с первой русской революцией 1905г. То есть, традиции в изображении, трактовке революции не было. Визуальные средства кинематографа в отображении этого феномена еще не были изобретены. Естественно, стоит обращать внимание на возможные заимствования и влияние традиции репрезентации революционеров революции, сложившееся в русской литературе. Однако сам план взаимоотношений литературы и кино сложен. Так, Н.А. Хренов предлагает рассматривать ки-

²⁰ Розанов В. Опавшие листья URL: http://krotov.info/libr_min/17_r/roz/anov4.htm (дата обращения: 22.08.2011)

²¹ Эту позицию можно сравнить с субъективной ситуацией непонимания или растерянности перед событием, что близко к трактовке события М. Бланшо: «Событие – это провал настоящего, время без настоящего, с которым у меня нет связи, и в направлении которого я не способен проецировать себя» Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001. – С. 783.

²² Ср. с трактовкой кино В. Михалковичем в работе «Избранные российские киносы». М., 2006.

но и литературу как две универсальные категории культуры, «показа» и «рассказа»²³. И эти категории противоположны по темпоральности (кино и родственные ему формы цирка, балагана – архаическое событийное время; литература – время линейное с четким противопоставлением в нарративе прошлого, настоящего и будущего); способу коммуникации (Н.А. Хренов рассматривает цирк как предшествующую кино культурную зрелищную форму): «Все проявления искусства того периода прочитывались сквозь призму литературных идей. Те же явления, для которых такой литературный код не годился, казались несущественными. Правда, до определенного времени. Таким «несущественным» явлением культуры XIX века оказался цирк. Действительно, в культуре того времени не было ничего более чуждого литературе, чем цирк. Ни одну литературную идею того времени цирк выразить не мог... Дело было даже не в содержании этой идеи, а в несходстве структур литературы и цирка как коммуникативных структур»²⁴.

И это было несходство сюжета (повествования) и цирковой программы (события, разворачивающегося здесь и сейчас). Конечно же, противостояние не было тотальным, и взаимопроникновение происходило, но противоположность сущностная позволяет нам утвердиться в нашем предположении о сложности заимствования литературного революционного «канона» кинематографом 20-х годов XX века.

Второе состоит в том, что кино в начале XX века рассматривалось современниками как медиум, средство отражения реальности. Этот немаловажный факт должен учитываться, как собственно и то, что «реальность кино», несмотря на ее восприятие как реальности «физической», сходной, есть реальность культурная. Само же событие революции, взятое в преломлении его кинематографом и рассматриваемое как событие-репрезентация, сочетает в себе указанные выше аспекты.

Их можно описать как несколько уровней события революции как разрыва бытия:

- 1) смена одного типа культуры другим;
- 2) смена ценностных оснований (от традиционных ценностей к ценностям культуры модерна);
3. смена «языка кино», поиск визуальных средств, адекватных событию.

Все в совокупности можно рассматривать как своеобразное «обнуление», возврат к некой исходной точке, которая, безусловно, всегда выделяется с большой долей условности. На уровне культуры в целом это проявляется в упрощении ее формообразований. На уровне ценностей в возврате к базовым ценностям и изменении ценностей периферийных²⁵. Претерпевает изменение и дискурс кинематографа, который стремясь отразить происходящие изменения, ищет новые знаково-символические формы. Интересующая нас фигура человека, центрирует указанные моменты в образе «человека естественного» или «естественного субъекта».

Это продолжение общей логики «обнуления», отката системы назад в поисках оснований и устойчивости. Человек естественный соответствует «среде» которая трактуется как естественная или физическая. Примеры мы находим в творчестве Д. Вертова, которое стоит рассматривать в данном ключе также как репрезентацию революции в попытке обращения к наиболее простейшим из возможных элементов, как своеобразную археологию кода. Просто реальность обретает здесь значение реальности революционной, о чем говорит Н.А. Хренов применительно в репрезентации культуры «перехода» от одного типа культуры к другому: «С точки зрения вызревающих ценностей нового типа культуры ее новая реальность, кажущаяся просто физической, и оказывается такой же культурной реальностью, какой она была для прежней культуры. Но очевидно, что для новой культуры та физическая реальность предстает в новом свете, закрепляя за собой отсутствующие в традиционной культуре смыслы»²⁶. Это возврат к естественности как исходному коду и есть один из аспектов символического насилия. Таким образом, Вертов это своеобразный «ноль», минимальный уровень символизации, когда событие революции репрезентирует

²³ Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. – С.121.

²⁴ Там же. – С.63-64.

²⁵ См. Шевченко С.Н. Социальное дарение в аксиологии русской культуры. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. к.филос.н. Белгород., 2010.

²⁶ Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. – С.22.

себя как «чистая» явленность естественного бытия, исходный код. Просто бытие можно приравнять и отождествить с событием разрыва в событии-репрезентации того времени, восприятия его «естественным» человеком.

С. Эйзенштейн и его работы, особенно «Броненосец Потемкин», являют собой также событие-репрезентацию революции, но несколько иное. Хотя образ «естественного человека» мы можем найти и там. Отличие мы можем усмотреть, продолжив цитату из З. Кракауэра, приведенную Н.А. Хреновым в работе «Кино: реабилитация архетипической реальности»: «Может показаться странным, – пишет он, – что мы до сих пор почти не видели улиц, человеческих лиц, вокзалов и тому подобного – то есть того, что находится перед нашими глазами. Кинематограф позволяет нам увидеть то, что мы не видели и, пожалуй, даже не могли увидеть до его изобретения. Фильмы успешно помогают нам открывать материальный мир с его психофизическими свойствами. Своими попытками постичь его через объектив кинокамеры мы буквально выводим мир из состояния небытия»²⁷. Если разделить высказывание на две части, то метафорически выражаясь, первая – это Вертов, реальность как она есть в кино. Реальность, которую мы не видели и не могли видеть ранее. Событие в его непосредственной данности. Вторая – это Эйзенштейн, в работах которого событие более событие-репрезентация или событие «переформатированное» в коммуникацию. «Мир из состояния небытия» как события революции, конструирующее новую реальность через коммуникацию. Собственно последняя становится возможной благодаря тому, что разрыв состоялся, революция произошла, а потому есть необходимый минимум, старое и новое соотносимое Эйзенштейном диалектически. Возникает еще один аспект символического насилия как «захвата» реальности, события, в коммуникации.

Революция как событие есть разрыв устоявшихся логик воспроизводства (социальных, политических, ментальных и иных) предоставляет человека «самому себе». Это прерывание традиции или откат назад на уровне системы в целом с чего начинается «обнуление» субъекта, который с полным правом отождествим с «естественностью». Начало процесса революционной субъективации связано с тем, что событие «сталкивает» субъекта с самим собой как объектом и субъектом что приводит к удвоению «естественного субъекта». То, что происходит «после революции» можно в целом обозначить как присвоение революции в дискурсе, коммуникации и коде, эти линии представляют собой триединство символического насилия.

Список литературы

1. Белый А. Меж двух революций М., 1990.
2. Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990.
3. Борисова О.С., Борисов С.Н. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.
4. Бухарин Н.И. Пролетарская революция и культура М., 1923.
5. Бухарин Н.И. Железная когорта революции URL : <http://revarchiv.narod.ru/bukharin/oeuvre/cogorta.html> (дата обращения: 22.08.2011)
6. Ильин В.И. Религия революции и гибель культуры УМСА-Press, 1987.
7. Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2009. №16 (71). Вып.10.– С.24-36.
8. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
9. Плагтенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
10. Поршнева Г.И. Революция и культура народа: сборник статей по внешкольному образованию 1917.
11. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.

²⁷ Кракауэр З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. М., 1974. С. 69 / цит.по Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006. – С.37.

12. Розанов В. Опавшие листья URL: http://krotov.info/libr_min/17_r/roz/anov4.htm (дата обращения: 22.08.2011)
13. Соскин В.Л. Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект. Новосибирск, 1994.
14. Страхов Н. Н. Литературная критика М.: Современник, 1984. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/ (дата обращения: 22.08.2011)
15. Троцкий Л.Д. Мысли о ходе пролетарской революции URL: <http://revarchiv.narod.ru/trotsky/oeuvre/pensieri.html> (дата обращения: 22.08.2011)
16. Хренов Н.А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М., 2006.
17. Шевченко С.Н. Социальное дарение в аксиологии русской культуры. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. к.филос.н. Белгород., 2010.

“REVOLUTION” AFTER REVOLUTION: SYMBOLIC VIOLENCE IN THE RUSSIAN CINEMA OF 1930S

O.S. BORISOVA¹⁾
S.N. BORISOV²⁾

*¹⁾ Belgorod State National
Research University*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²⁾ Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The article deals with the analysis of the symbolic violence in the discourse of the soviet cinema in 1930s. The authors claims the possible interpretation of the symbolic violence in the context of the three conceptual couples: violence – discourse, violence – communication, violence – code.

Keywords: symbolic violence, cinema, representation, event, discourse.

ЛИНЕЙНО-ТАБЛИЧНЫЕ ДИАГРАММЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ В АНАЛИЗЕ ЯЗЫКА НАУКИ

Н.Н. ЖАЛДАК

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
zhaldak@bsu.edu.ru*

Эта статья показывает, что метод линейно-табличных диаграмм существования как метод философии науки расширяет возможности логико-семантического анализа рассуждений на естественном языке и позволяет повысить эффективность построения и проверки самим человеком (не компьютером) обширного класса таких рассуждений.

Ключевые слова: логика естественного языка, линейно-табличные диаграммы существования, диаграммный словарь.

Представлению логических знаний на изобразительных языках диаграмм и графов посвящена обширная зарубежная литература. Проводятся международные конференции, посвященные логическим диаграммам, ведётся значительная работа по популяризации экзистенциальных графов Ч.С. Пирса и др. Всё это демонстрирует заинтересованность результатами такого рода научных исследований, особенно в зарубежной логике, в когнитивной психологии и в информатике. Данная заинтересованность связана с решением проблем развития человеческого интеллекта и создания искусственного и других. Эти проблемы близки философии как любви к мудрости.

За ряд лет автор выявил не известные ранее возможности ЛТДС как средства логико-семантического анализа естественного языка (речи). Цель статьи – уточнить место метода линейно-табличных диаграмм существования (ЛТДС) в философии науки, уточнить перечень его возможностей (функций) и конкретнее обосновать его эффективность в логическом анализе языка (речи) для обеспечения правильности научных рассуждений на естественном языке.

Приемлемость решения проблем логики науки в рамках философии науки исторически оправдано тем, что философией науки признаётся позитивизм, включая логический. В неопозитивизме, известном под названием «логического эмпиризма» философия науки понималась как логический анализ языка науки вообще и ее повседневного (естественного, обычного) языка¹. Но и диалектическая логика, которая, принимая роль методологии и метода научного познания, фактически выполняла функцию философии науки, имеет свои истоки в анализе логических средств естественного языка. Систематически представляя систему логических категорий (они же философские категории и категории мышления), Гегель в «Науке логики», а именно в «Учении о понятии» в разделе «Субъективность»², находит место логическим формам понятий, суждений и дедуктивных умозаключений. Эти формы, выраженные логическими средствами естественного языка, должны признаваться категориями уже согласно исходному пониманию слова «категория» (высказывание). Гегель же отмечает, что категории выражаются двумя видами языковых средств³, которые можно различить как служебные (союзы, частицы, предлоги, артикли, местоимения, числительные и словообразующие элементы, например: «какое», «сколько», «где», «когда» и др.) и знаменательные (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, например: «качество», «количество», «место», «время» и др.). Именно категории «какое», «сколько», «где», «когда» называет в своём перечне категорий Аристотель. Это послужило автору одним из стимулов к написанию моногра-

¹ Котенко В. П. Концепции науки в западной философии XIX-XX вв. – СПб.: ЛИТА, – 2002. – С. 97-179.

² Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – М. : Мысль, 1970. – Т. 3. – С.34-149.

³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 82.

фии «Познавательная логика вопросов и ответов»⁴, в которой категории «Науки логики» представлены в виде системы логических форм вопросов и ответов (высказываний, суждений), формулируемых насколько это было возможно служебными логическими средствами естественного языка. В таком виде эта система существенно приближена к тому, чтобы не номинально, а реально быть методом научного познания. Таким образом, тот фрагмент логики естественного языка, о котором говорится далее, нашел свое место в системе категорий философии, в существенно расширенной области осуществления логического анализа естественного языка и в более широко понимаемой философии науки. С другой стороны, насколько философские категории входят в содержание логики, которая, математизируясь, уже не сводится только к философской логике, настолько философия выступает как философия логики и вместе с тем как философия науки.

«Естественным языком» условно называют язык, созданный поколениями масс людей для их общения. Язык искусственен. Он – стержень всего искусственного, т.е. культуры как совокупности ценностей созданных трудом. Но есть интуитивное использование языка в целом и его логических средств и осознанное их использование.

Логикой естественного языка будем называть такую, символический язык которой составляют логические средства естественного языка. В её научном представлении это – логика, которая исследует то, как строить достаточно обоснованные рассуждения логическими средствами естественного языка, несмотря на многозначность, большей частью без использования искусственного языка символической логики.

Логика могла возникнуть только в качестве логики естественного языка. Аристотель и другие логики античности выясняли, как строить строгие рассуждения на естественном языке, добиваясь однозначности его логических терминов. Альтернативы такому подходу в научном представлении логики естественного языка нет. Однако существует проблема: как обеспечить, чтобы логический термин получал лишь одно точно определенное значение, понятное для всех участников общения. Можно ограничиваться символическими контекстами и их интуитивным пониманием. Но надёжнее, для логических терминов, которые несут информацию об отношениях между множествами и об операциях с этими множествами, однозначность традиционно достигается изображением значений этих терминов в таблицах или специальными логическими диаграммами. При этом осуществляется перевод с неоднозначного символического естественного языка на однозначный изобразительный.

Линейно-табличные диаграммы – сокращенная унифицированная форма записи логической информации таблиц, например, бухгалтерских⁵. Логика таблиц усваивается спонтанно в контексте объяснения на естественном языке того, как их заполнять, и используется интуитивно. В целом логика естественного языка неполно и искаженно представляется в научных системах логики. Те из этих систем, которые применяются для анализа рассуждений на естественном языке, претендуют на представление знаний логики естественного языка. Однако если такое их применение чревато парадоксами, как в применении логики высказываний, или они не открыты для использования всех логических средств естественного языка и к тому же приписывают этим средствам не свойственные естественному языку значения, то такие системы не являются истинным представлением логики естественного языка. В истинном её представлении таких парадоксов нет, она открыта для использования всех логических средств естественного языка с сохранением у них тех значений, которые придаются им массой пользователей естественного языка. Тем не менее, в науке должны соблюдаться правила однозначности обозначений, непротиворечивости и достаточности информации в основании. Соответственно в представлении логики естественного языка для науки допускается и требуется его приведение в соответствие с этими правилами. Это означает частичное нерадикальное, минимально необходимое осознанное совершенствование употребления логических средств естественного языка.

Те изобразительные языки таблиц, диаграмм, графов, на которых производится образное представление значений логических средств естественного языка, сами в этот

⁴ См.: Жалдак Н.Н. Познавательная логика вопросов и ответов. – Белгород : ЛитКараВан, 2010.

⁵ См.: Zhaldak, N.N. Practical logic for economists and all users of tables //Studia Humana. Vol. 1:1. 2012. – P. 33-43.

язык не входят и их совершенствование не делает естественные языки искусственными. Язык ЛТДС есть формализованный язык, с применением которого знания такой логики могут представляться в науке.

Прогрессивное развитие культуры научных исследований состоит в том, что их средства и методы становятся и используются эффективнее. Интерес эффективной деятельности состоит в том, чтобы каждый нужный результат достигать минимальными затратами, а совершаемыми затратами достигать максимальных результатов. Чем меньшими затратами сил субъект решает некоторую задачу и чем больше задач или (и) чем более сложные задачи он решает, используя какие-то логические средства и методы, тем более они эффективны. Их эффективность тем выше, чем с меньшими потерями и искажениями информации он использует логические средства языка, будучи способным сознательно контролировать такое использование. Уменьшение потерь информации, которая вообще может быть получена из любых посылок, какие могут быть сформулированы на естественном языке, достигается тем, что субъект приобретает способность объединять с соблюдением правил вывода больше, более многообразные и сложные послылки в дедуктивное умозаключение.

С другой стороны, чем меньше логических средств языка сам человек (не компьютер) использует для передачи заданной информации и чем большую информацию он может передавать заданными логическими средствами языка, тем, при прочих равных условиях, выше эффективность использования этих средств. Но и сами языки, естественные и в особенности искусственные, могут сравниваться между собой по этим показателям.

При прочих равных условиях, чем меньше языковых средств или (и) чем менее сложные языковые средства (чем меньше знаков и чем меньшие знаки и т.д.) используются для передачи или получения данной информации, тем эффективнее язык для передачи этой информации; чем большую информацию при равном количестве знаков, при равных долях ее потерь и искажений можно передать или получить использованием языка в целом, тем более эффективен этот язык в общем. Именно громоздкость (что означает недостаточную эффективность) таблиц истинности указывается как основание для предпочтения символического метода⁶. Такое указание существенно в качестве признания того, что для обучения логике, а значит и для формирования логической культуры целесообразен поиск большей эффективности в использовании языков. После преобразования таблиц истинности в линейные диаграммы относительно громоздкими, напротив, стали символические методы. Фреге создал свой оригинальный язык, в котором «логические отношения... изображал»⁷ и призывал строить новые лучшие языки логики⁸. Руководствуясь своей философией логики⁹, Ч. С. Пирс представил логику предикатов на оригинальном изобразительном языке, включающем экзистенциальные графы и овалы для обозначения не множеств, а отрицания¹⁰.

Искусственный сознательно внедряемый диаграммный словарь действительно нарушает естественность языка, которая, как отмечалось, всегда чисто условна, нарушает спонтанность его формирования, нечеткость, а то и противоречивость его понятий и т.д. Диаграммный словарь придает языку особенность сознательного упорядочивания и контроля над правильностью применения. Это – необходимые признаки научных средств и

⁶ Конверский А.Е. Логика традиционная и современная. Учебное пособие. – М.: Идея-Пресс, 2010. – С.173.

⁷ Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. – М.: Наука, 1987. – С.139.

⁸ Фреге Г. Логика и логическая семантика // Сборник трудов: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – С. 66-67.

⁹ См.: Zeman J. J. Peirce Philosophy of logic // Transactions of the Charles S. Peirce Society. Vol. 22. No.1. Winter, 1986. Pp. 1-22.

¹⁰ См.: Johnson-Laird P.N. Peirce, logic diagrams, and the elementary operations of reasoning // Thinking and reasoning, 2002, 8(1). С. 69–95. Peirce on Existential graphs // <http://www.existentialgraphs.com> Roberts D. D. The Existential Graphs of Charles S. Peirce. – The Hague, The Netherlands: Mouton. 1973. Zeman J. J. The graphical logic of C.S. Peirce. Ph.D. Thesis, University of Chicago, 1964. – <http://web.clas.ufl.edu/users/jzeman/graphicallogic/index.htm>

методов. Вместе с тем, это – признаки роста эффективности языка как средства передачи, накопления и обработки научной информации.

Сложность умозаключений зависит от числа посылок, терминов в посылках и в умозаключении, логических операций и кратности использования суждений как терминов более сложных суждений и др.

Для повышения эффективности владения логическими средствами естественного языка автором предложена формализованная система её представления на языке линейно-табличных диаграмм существования (ЛТДС). Метод построения таких диаграмм предоставляет следующие возможности, иначе говоря, выполняет следующие функции:

1. Информативно сложные суждения представляются на диаграммах сочетанием элементарных суждений, например:

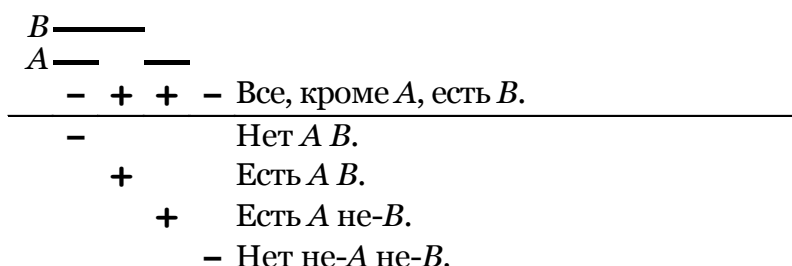

Рис. 1. Разложение информативно сложного суждения на простейшие

2. Оптимизируется сравнение форм суждений по информации. На ЛТДС оно сводится к сравнению простейших суждений, их сочетаний (см. фрагменты словаря).

3. Строятся диаграммные словари логических форм суждений: (1) о предметах, (2) о случаях, (3) о местах, (4) о временах и (5) о точках зрения. {Для суждений с 2-мя терминами каждого из пяти словарей существует 148 правильно построенных диаграмм со всеми возможными сочетаниями обозначений: «+» («есть такое»), «-» («нет такого»), одним набором знаков «•» (знак «•» означает «есть такое или иное») и/или отсутствием таких обозначений, т.е. пробелом, который означает «неопределенно есть такое или нет»¹¹. Согласно правилу вывода 12 (см. ниже) могут быть такие диаграммы форм суждений с двумя терминами, на которых два и более набора точек. Но для них бессоюзных форм суждений в русском языке не обнаружено. В форме «Помимо A есть не- A » – один термин. В словаре одной форме суждения соответствует одна диаграмма.} Фрагмент словаря суждений о предметах:

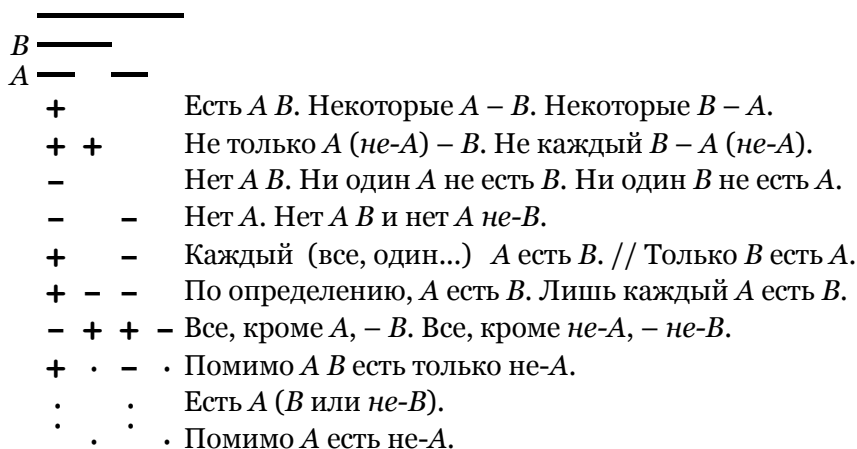

Рис. 2. Фрагмент диаграммного словаря логических форм суждений о предметах

¹¹ Жалдак Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки. – Белгород : ЛитКараВан, 2008. – с.168-173, 189-190.

В словарях о местах, временах, случаях и точках зрения терминами служат, суждения, а кванторными словами – «кое-где», «везде где», «иногда», «всегда» и т.д.

4. Строятся **диаграммные словари логических средств** разных естественных и искусственных языков **для обеспечения эквивалентности перевода** путём идентификации образа того, что обозначается переводимой логической конструкцией и её переводом.

5. Увеличением диаграммных словарей **расширяется многообразие контролируемых умозаключений, в частности «простых» силлогизмов:**

Таблица

Сравнение систем силлогистики по количеству модусов силлогизмов

Силлогистики	Диаграмм форм суждений	Форм суждений о предметах	Различаемых диаграммных модусов	Различаемых символических модусов
Традиционная	4	4	256	256
Кэрролла	28	28	21952 (283)	21952 (283)
ЛТДС (в диаграммном словаре 148 диаграмм)	148	304	3241792 (148 ³)	28094464 (304 ³)
ЛТДС с апробированным словарем	77	184	456533 (77 ³)	6229504 (184 ³)

В число диаграмм и форм суждений для диаграммной силлогистики Кэрролла¹² и силлогистики ЛТДС здесь включены диаграммы с двумя терминами и соответствующие им формы суждений не только с двумя, но и с одним термином.

В этой уточненной таблице не подсчитывается множество диаграмм с двумя и более наборами знаков «•» и соответствующих им форм суждений.

6. Правила вывода представляются на изобразительном (не символическом) языке таблиц и ЛТДС (на этих диаграммах «+» соответствует некоторому числу, отличному от нуля, а «-» соответствует нулю). В данном ниже представлении, во-первых, правила-эквивалентности, т.е. правила эквивалентных преобразований диаграмм, отличаются от прочих правил, во-вторых, устранены буквенные обозначения из диаграммного представления правил вывода. Двойная черта логического следования означает эквивалентность.

Правила переноса информации с отдельных таблиц-посылок или ЛТДС на совмещенную (общую) таблицу или ЛТДС с дополнительными признаками и дополнительным разбиением столбцов:

1. Только если (если и только если) есть A , то $A \vee B$ или $A \wedge \neg B$ есть. (Каждый набор знаков «•», производный от одного знака «+», ставится в особом уровне строки.)

$$\exists x A(x) \leftrightarrow \exists x ((A(x) \wedge B(x)) \vee (A(x) \wedge \neg B(x))) \leftrightarrow (\exists x (A(x) \wedge B(x)) \vee \exists x (A(x) \wedge \neg B(x)))$$

2. Только если нет A , то нет $A \vee B$ и нет $A \wedge \neg B$.

$$\neg \exists x A(x) \leftrightarrow (\neg \exists x (A(x) \wedge B(x)) \wedge \neg \exists x ((A(x) \wedge \neg B(x))))$$

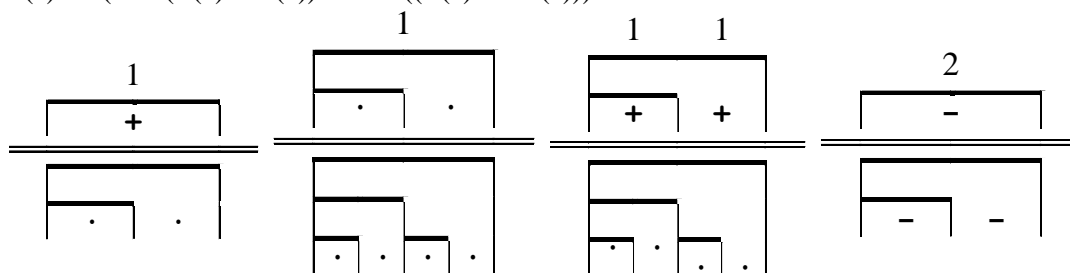

Рис. 3. Диаграммное представление правил вывода 1 и 2

¹² См.: Кэрролл Л. История с узелками. – М.: Мир, 1973. – С. 222-223.

Правила объединения на совмещенной диаграмме информации посылок в диаграмме основания:

3. Только если есть A , то A есть. $\exists x A(x) \leftrightarrow \exists x A(x)$
4. Только если есть A и есть A , то A есть. $(\exists x A(x) \wedge \exists x A(x)) \leftrightarrow \exists x A(x)$
5. Только если есть A или не- A и есть A , то A есть.
 $(\exists x (A(x) \vee \neg A(x)) \wedge \exists x A(x)) \leftrightarrow \exists x A(x)$
6. Только если есть A или не- A и нет A , то нет A и есть не- A .
 $(\exists x (A(x) \vee \neg A(x)) \wedge \neg \exists x A(x)) \leftrightarrow (\neg \exists x A(x) \wedge \exists x \neg A(x))$
7. Только если есть A, B или C , и нет A , то нет A и есть B или C .
 $(\exists x (A(x) \vee B(x) \vee C(x)) \wedge \neg \exists x A(x)) \leftrightarrow (\neg \exists x A(x) \wedge \exists x (B(x) \vee C(x)))$
8. Только если нет A , то нет A .
 $\neg \exists x A(x) \leftrightarrow \neg \exists x A(x)$
9. Только если нет A и нет A , то нет A .
 $(\neg \exists x A(x) \wedge \neg \exists x A(x)) \leftrightarrow \neg \exists x A(x)$
10. Если есть A и нет A , то есть противоречие, которое надо устранить.
 $\exists x A(x) \wedge \neg \exists x A(x) \rightarrow contradiction$ or $(\exists x A(x) \wedge \neg \exists x A(x)) \leftrightarrow contradiction$ $(\exists x A(x) \wedge \neg \exists x A(x))$
11. Если есть A или B , и нет A , и нет B , то есть противоречие.
 $\exists x (A(x) \vee B(x)) \wedge \neg \exists x A(x) \wedge \neg \exists x B(x) \rightarrow contradiction$
12. Только если есть A или B и есть B или C , то A или B есть и есть B или C .
 $\exists x (A(x) \vee B(x)) \wedge \exists x (B(x) \vee C(x)) \leftrightarrow \exists x (A(x) \vee B(x)) \wedge \exists x (B(x) \vee C(x))$

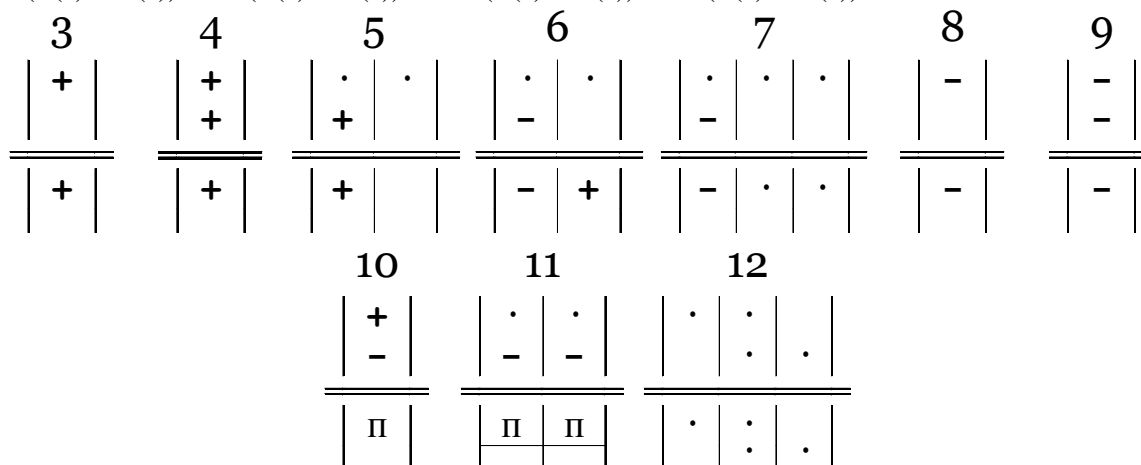

Рис. 4. Диаграммное представление правил вывода 3 и 12

Правила извлечения в следствие нужной части информации основания (на этом этапе правила 13-14 служат правилами обобщения и позволяют сокращать число читаемых букв без потерь информации):

- 13 (2). Только если нет $A B$ и нет A не- B , то A нет.
 $\neg \exists x (A(x) \wedge B(x)) \wedge \neg \exists x (A(x) \wedge \neg B(x)) \leftrightarrow \neg \exists x A(x)$
- 14 (1). Только если есть $A B$ или A не- B , то A есть.
 $\exists x ((A(x) \wedge B(x)) \vee (A(x) \wedge \neg B(x))) \leftrightarrow \exists x A(x)$
15. Если есть $A B$, то A есть.
 $\exists x (A(x) \wedge B(x)) \rightarrow \exists x A(x)$
16. Если есть $A B$, то $A B$ или A не- B есть.
 $\exists x (A(x) \wedge B(x)) \rightarrow \exists x ((A(x) \wedge B(x)) \vee (A(x) \wedge \neg B(x)))$
17. Если нет A , то $A B$ нет.
 $\neg \exists x A(x) \rightarrow \neg \exists x (A(x) \wedge B(x))$
18. Если при отбрасывании линии «+» и «•» попадают в один столбец, то действует правило 5:
 $(\exists x (A(x) \vee \neg A(x)) \wedge \exists x A(x)) \leftrightarrow \exists x A(x)$

На диаграммах 19 на рис. 6 показано одновременное действие правил 16 и 17.

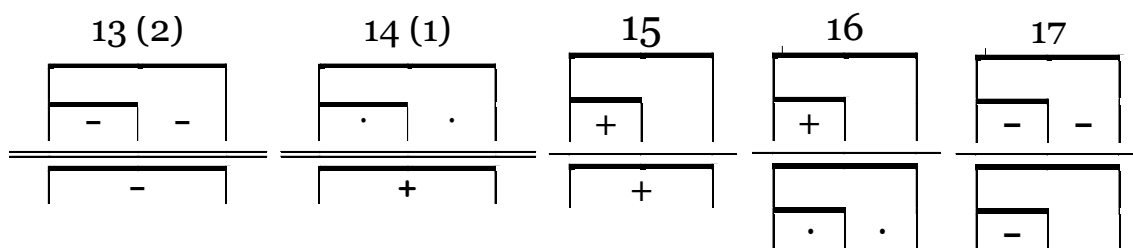

Рис. 5. Диаграммное представление правил вывода 13 и 17

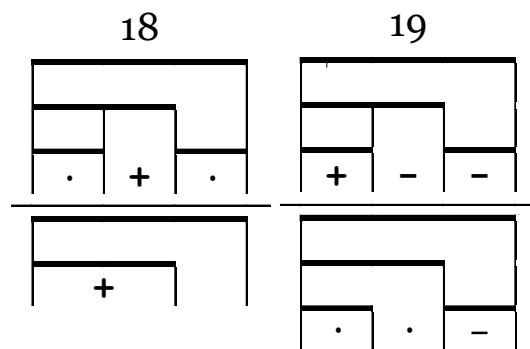

Рис. 6. Диаграммное представление правила вывода 18 и действия правил 16 и 17

Правила-эквивалентности обеспечивают вывод без потерь информации и возможность заключения равнозначного основанию. По прочим правилам извлекаются заключения с частью информации основания.

7. Делается очевидным (как, например, и на диаграммах Кэрролла, но для более широкого класса рассуждений) что объединение информации посылок по правилам вывода даёт *новую* информацию, а, следовательно, **дедукция служит методом теоретического познания** (если посылок более одной и они с разными терминами, то обычно полная информация, которая содержится на диаграмме основания, не содержится ни в какой-то отдельной посылке, ни в их совокупности без применения правил вывода).

8. Как правило, **эффективнее** (быстрее, чем другими методами) проверяются и строятся **более сложные формы** рассуждений: до 5-7-ми простых терминов в рассуждении и в отдельном суждении и до 5-7 посылок с простыми и сложными терминами (число модусов таких умозаключений не определено).

9. Выводится **полное заключение**, равнозначное основанию.

10. Выбирается подходящая логическая форма суждения для прочтения диаграммы. В принципе, предоставляется возможность передать информацию диаграммы всеми возможными, при заданном диаграммном словаре, логическими формами суждений с минимумом и максимумом союзов.

11. Можно предельно **сокращать** запись **исходной формы**. Принципы сокращения: 1) в переводе диаграммы полноинформативного заключения на естественный символический язык должны употребляться предельно общие термины – наименования столбцов с каждым набором знаков точка и столбцов со знаками минус, 2) для передачи всей информации должен использоваться достаточный минимум терминов и 3) наиболее информативные логические формы суждений.

12. В принципе, при заданном диаграммном словаре, можно **получить все возможные следствия** из данных посылок.

Пояснение: После того как получена диаграмма основания, остаётся прочитывать $2^n - 1$ сочетаний знаков «+», «-» и наборы знаков «•», содержащихся в ней, всеми формами суждений, которые даны для таких сочетаний в словаре, например:

	B —			
	A —		—	
	+	+	-	Не только каждый $A - B$.
1	+	+	-	Лишь не всякий $B - A$.
2	+	+		Не только $A - B$. Не всякий $B - A$
3	+		-	Каждый $A - B$. Только $B - A$
4	+			Есть $A B$. Некий(ие) A есть B
5		+	-	Есть не- $A B$, но нет B не- A
6		+		Есть не- $A B$
7			-	Нет B не- A

Рис. 7. Пример перебора заключений в непосредственном умозаключении

13. Выясняется, следует ли заданное суждение из данного основания. Это – обычная задача: если в диаграмме данного суждения содержится хотя бы один знак «+», «-» и набор знаков «•», которого нет в диаграмме основания или который не следует из её знаков, то данное суждение не следует из этого основания);

14. Можно подбирать для заданного тезиса, заключения **подходящие формы аргументов, посылок**, а, в принципе, при заданном диаграммном словаре, рассмотреть все возможные варианты таких форм.

15. Выделяются все противоречия в посылках для последующего устранения противоречий путем отрицания ложного или путём конкретизации. Например, умозаключение с полным заключением по следующей диаграмме.

Всякий A , кроме тех, которые B или $^1 C$, есть $^2 D$.

Есть только 3 не- $A B$.

Все не- $A - B$; нет $A D$, которые B или C ; нет не- A не- B не- C . Противоречия: 1) есть и нет те A не- D , которые B или C ; 2) есть и нет A не- B не- $C D$. Неопределенно, какие именно не- $A B$ есть.

D																			
C																			
B																			
A																			
1																			
2	-	•	-	•	-	•	+	-											
3	-	-	-	-	-	-	-	-	•	•	•	•	-	-	-	-			
4	-	Π	-	Π	-	Π	Π	-	•	•	•	•	-	-	-	-			

Рис. 8. Выявление противоречий в посылках

(Информация о противоречии двух суждений – больше, чем отсутствие информации: из A и не- A следует A или не- A , т.е. следует отсутствие информации как ограничения исходных возможностей непротиворечивыми обозначениями, но из « A или не- A » не следует « A и не- A ». Знание о том, какие именно суждения противоречивы, может быть в науке весьма значимым, как, например, знание о том, отрицанием какого именно постулата геометрии Евклида отличаются неевклидовы геометрии.)

16. Отделяется вся непротиворечивая информация от противоречивой для последующих выводов.

17. Выявляется, какой именно информации для заданного заключения в основании недостает, соответственно (при тех же терминах), какие знаки «+», «-»

или набора знаков «•» диаграммы заключения отсутствуют в диаграмме основания или какие из этих знаков в посылках противоречивы.

18. Выявляется, какая именно информация основания не вошла в следствие, соответственно (при тех же терминах), какие именно знаки «+», «-» или наборы знаков «•» содержатся в диаграмме основания, но не содержатся в диаграмме заключения.

19. Выясняется, о существовании или несуществовании элементов с какими сочетаниями обсуждаемых признаков в основании нет информации. Соответственно надо отметить: «Неопределенно, есть или нет...», где вместо многоточия дать наименование тех столбцов диаграммы основания, в которых нет знаков «+», «-» и «•» и «неопределенно какие именно есть элементы множеств, отмеченных набором знаков «•»».

20. Наглядно извлекается в следствие только та информация, которая содержится в основании (соблюдается правило релевантного следования).

21. Можно без искусственных ограничений извлекать из основания в следствие любую нужную информацию (например, без обязательного отбрасывания «среднего» термина или др.).

22. Можно полностью владеть имеющейся информацией о существовании для 2^n подмножеств универсума при n обсуждаемых признаков. Принятые правила вывода предусматривают возможность полностью избежать потерь и искажения информации при построении диаграммы основания и при выводе заключения. (Этот пункт обобщение ряда предшествующих.) **Логика ЛТДС и экзистенциальных таблиц – это логика полного владения обсуждаемой информацией.**

Иллюстрация эффективности метода ЛТДС

Он позволяет минут за 10-15 доказать, что при заданной диаграммным словарём интерпретации форм суждений и при уточнении, что союзами между терминами образуются именно сложные термины, а не сложные суждения, основание и заключение в следующем умозаключении в примере А равнозначны:

Пример А.

Только $C^1 B$ суть A^3 ни A^2 , ни не- D .

Все D , кроме C или B^4 , суть $A^6 E^5$.

Только $D^7 E$ таковы,⁹ что им несовместимо быть D и B^8 .

Ни один, который A или C^{10} , не D^{12} есть E^{11} не- E .

Помимо не- $A B C D E$ есть только A не- B не- $C D E$.¹³

				D								
1				4				7			10	
2				5				8			11	
3	+	-		6	-	+	+	-	9	+	-	

Рис. 9. Отдельные диаграммы логических форм посылок умозаключения в примере А

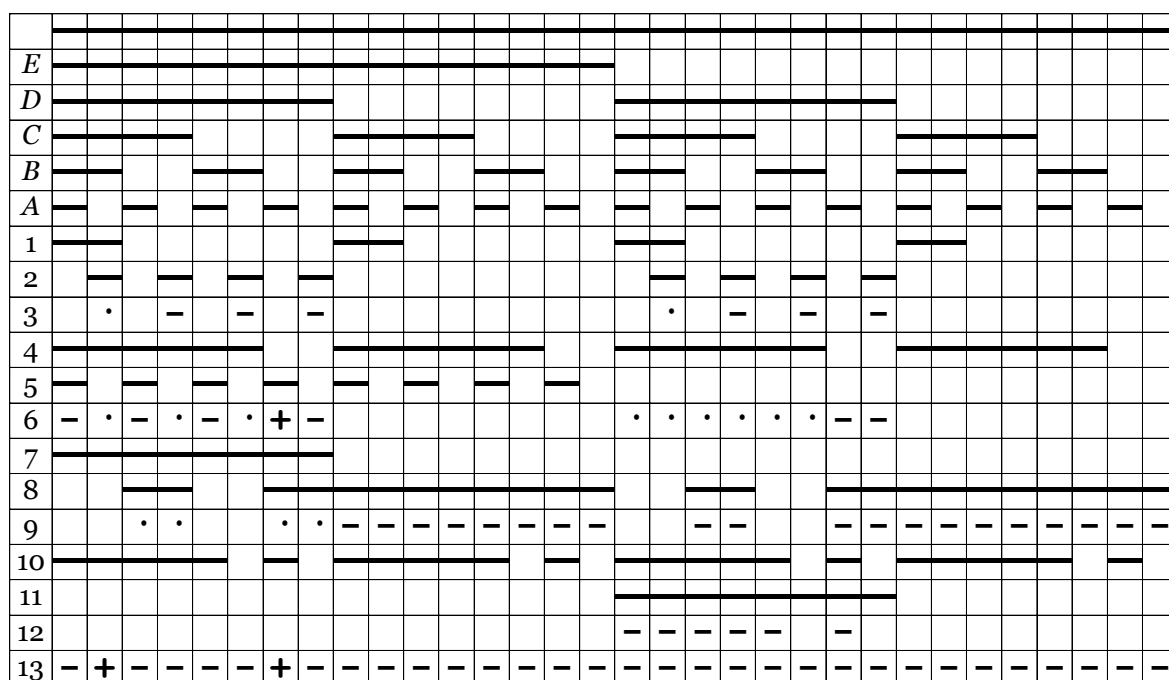

Рис. 10. Диаграмма умозаключения в примере А

Для того, кто уже освоил метод ЛТДС, достаточно записи умозаключения и этой совмещенной диаграммы посылок, основания и полного заключения.

Полностью ЛТДС для такого умозаключения на поле, разлинованном в клетку (в тетради или на экране компьютера), без вычерчивания отдельных диаграмм посылок вычерчивается примерно за 10-15 минут и позволяет найти полное заключение, равнозначное основанию по информации. 1, 2, 3... – номера операций. В строке 13 – связочная (выходная) часть диаграммы основания и полного заключения.

Метод ЛТДС облегчает работу и позволяет человеку самостоятельно решать больше задач или более сложные задачи, чем это позволяют другие методы. Отдельные диаграммы посылок обязательно надо держать в уме, но можно не вычерчивать. Необходимое количество знаков совмещенной диаграммы (отрезков линий, точек, черточек, крестиков, букв и цифр), которые должны быть нанесены на поле, разлинованное в клетку (например, в обычной студенческой тетради для конспектов), чтобы составить представленную диаграмму – 178, а знаков составляющих отдельные «двухбуквенные» диаграммы операций посылок – 102.

В записи логической формы этого умозаключения на языке логики предикатов (без доказательства правильности этой формы) – 409 знаков:

$$\begin{aligned} & \exists x ((C(x) \wedge B(x)) \wedge (A(x) \downarrow \neg D(x))) \wedge \neg \exists x (\neg(C(x) \wedge B(x)) \wedge (A(x) \downarrow \neg D(x))) \wedge \neg \exists x (D(x) \wedge \\ & (C(x) \vee B(x)) \wedge (A(x) \wedge E(x))) \wedge \exists x (D(x) \wedge (C(x) \vee B(x)) \wedge \neg(A(x) \wedge E(x))) \wedge \exists x (D(x) \wedge \\ & \neg(C(x) \vee B(x)) \wedge (A(x) \wedge E(x))) \wedge \neg \exists x (D(x) \wedge \neg(C(x) \vee B(x)) \wedge \neg(A(x) \wedge E(x))) \wedge \exists x ((D(x) \wedge \\ & E(x)) \wedge (D(x) / B(x))) \wedge \neg \exists x (\neg(D(x) \wedge E(x)) \wedge (D(x) / B(x))) \wedge \neg \exists x ((A(x) \vee C(x)) \wedge (D(x) \wedge \\ & \neg E(x))) \leftrightarrow \exists x (\neg A(x) \wedge B(x) \wedge C(x) \wedge D(x) \wedge E(x)) \wedge \exists x (A(x) \wedge \neg B(x) \wedge \neg C(x) \wedge D(x) \wedge E(x)) \\ & \wedge \neg \exists x \neg((\neg A(x) \wedge B(x) \wedge C(x) \wedge D(x) \wedge E(x)) \vee (A(x) \wedge \neg B(x) \wedge \neg C(x) \wedge D(x) \wedge E(x))) \end{aligned}$$

Те, кого принятая мной интерпретация логических конструкций умозаключений не устраивает, могут непосредственно на этой записи языком логики предикатов опровергнуть свой метод доказательства или опровержения правильности умозаключений такой сложности.

Осуществлять даже просто проверку такого умозаключения-эквиваленции, например, одним из методов аналитических таблиц, обзор которых делает О.А. Антонова¹³, в поиске именно более эффективных методов, – заведомо менее эффективно, чем методом ЛТДС, так как запись доказательства так или иначе будет добавлять знаки к исходным 409. Это добавление делает менее эффективными и более лаконичные символические записи. Методы аналитических таблиц, как и довольно лаконичный метод сокращенных таблиц истинности, предназначены для выполнения лишь одной из перечисленных функций – для выяснения, следует ли некоторое высказывание из основания. Построение же такого умозаключения-эквиваленции человеком этими методами – невозможно, ввиду их функциональной ограниченности.

Представительная подборка задач на построение методом ЛТДС умозаключений, содержащих пять простых терминов и несколько посылков со сложными терминами, дана мною в книге «Задачи по практической логике»¹⁴. В ней показано, как можно повысить культуру владения такими логическими средствами естественного языка, которые имеют первоочередное значение и весьма ограничено рассматриваются в учебниках в разделах, посвященных силлогистике и логике высказываний.

Более эффективный и более многофункциональный метод решения этой и подобной ей задач, пока неизвестен. Диаграммный метод автора и метод Ч.С.Пирса относятся так: не всё, что можно одним методом, то можно другим. Того непосредственного соответствия, которое есть между ЛТДС и таблицами, у диаграмм Пирса нет, поэтому, пока люди используют таблицы, ЛТДС сохранят область своего предпочтительного применения.

Выводы: метод ЛТДС расширяет возможности анализа научных рассуждений о свойствах на естественном языке. Этот метод более многофункционален и эффективен для построения и проверки человеком таких рассуждений, чем известные альтернативные методы. Поскольку в научных текстах необходимы таблицы, постольку целесообразно и использование ЛТДС как формы сокращённой унифицированной записи информации таблиц.

Список литературы

1. Котенко В. П. Концепции науки в западной философии XIX-XX вв. – СПб.: ЛИТА, – 2002.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1.
4. Жалдак Н.Н. Познавательная логика вопросов и ответов. – Белгород : ЛитКараВан, 2010.
5. Zhaldak N.N. Practical logic for economists and all users of tables // *Studia Humana*. Vol. 1:1. 2012. – Pp. 33 – 43.
6. Конверский А.Е. Логика традиционная и современная. Учебное пособие. – М.: Идея-Пресс, 2010.
7. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. – М.: Наука, 1987.
8. Фреге Г. Логика и логическая семантика // Сборник трудов: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2000.
9. Zeman J. Jay Peirce Philosophy of logic // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. Vol. 22. No.1. Winter, 1986. – Pp. 1-22.
10. Johnson-Laird P.N. Peirce, logic diagrams, and the elementary operations of reasoning // *Thinking and reasoning*, 2002, 8(1). С. 69–95.
11. Peirce on Existential graphs // <http://www.existentialgraphs.com>
12. Roberts D. D. The Existential Graphs of Charles S. Peirce. – The Hague, The Netherlands: Mouton. 1973.
13. Zeman J. J. The graphical logic of C.S. Peirce. – Ph.D. Thesis, University of Chicago, 1964 // <http://web.clas.ufl.edu/users/jzeman/graphicallogic/index.htm>
14. Жалдак Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки. – Белгород: ЛитКараВан, 2008.
15. Кэрролл Л. История с узелками. – М.: Мир, 1973.

¹³ См.: Антонова О.А. Табличные методы в логике. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.

¹⁴ Жалдак Н.Н. Задачи по практической логике. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – С.43-49, 68-71.

-
16. Антонова О.А. Табличные методы в логике. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.
17. Жалдак Н.Н. Задачи по практической логике. – Белгород : ЛитКараВан, 2010.

EXISTENTIAL LINEAR-TABULAR DIAGRAMS IN LOGICAL ANALYSIS OF THE LANGUAGE OF SCIENCE

N.N. ZHALDAK

*Belgorod State National
Research University*

*e-mail:
zhaldak@bsu.edu.ru*

This article shows that the method of existential linear-tabular diagrams as a method of philosophy of science expands possibilities of the logic analysis of reasoning's in a natural language and allows raising efficiency of construction and checking by the person (not the computer) an extensive class of such reasoning's.

Keywords: logic of natural language, existential linear-tabular diagram, diagrammatic dictionary.

УДК 159.922.27

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ, ИМЕЮЩЕЙ РЕБЕНКА С ЗАДЕРЖКОЙ ВНУТРИУТРОБНОГО РАЗВИТИЯ

М.А. НАБЕРЕЖНЕВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

В данной статье рассмотрена проблема задержки внутриутробного развития плода с психологической точки зрения. Сделан акцент на недоношенных детях. Показана роль необходимости организации специальной социально-психологической работы с будущими родителями таких детей. На основе проведенного анализа актуальности данного вопроса автором предлагается программа помощи семьям еще на этапе постановки диагноза ЗВУР с учетом развития рефлексивности.

Ключевые слова. Задержка внутриутробного развития плода (ЗВУР), недоношенный ребенок, «стереотип недоношенного», социально-психологическая помощь, рефлексивность.

В последнее десятилетие у детей наблюдается рост соматических и нервно-психических заболеваний, истоки которых в 70% случаев кроются в патологии антенатального развития и раннего неонатального периода жизни^{1,2,3}. Наиболее высока частота неблагоприятных последствий у детей, имеющих задержку внутриутробного развития⁴. Известно, что у них значительно затруднен процесс постнатальной адаптации, нарушено становление функций нервной, сердечно-сосудистой и других функциональных систем организма⁵.

В нашей стране популяционная частота ЗВУР оценена в немногих исследованиях, и из-за отсутствия единых подходов к диагностике данные, представленные в них, существенно различаются⁶. По данным отечественных авторов, частота ЗВУР плода в России колеблется в широких пределах и составляет 3,5%-17,5%.

У 50 % детей, родившихся с признаками ЗВУР, в дальнейшем регистрируются тяжелые острые и хронические заболевания⁷. Среди детей с ЗВУР велик процент недоношенных детей, рожденных до 37 недели беременности: частота рождения таких детей в разных странах колеблется от 4 до 16%⁸. И согласно мировой статистике, с каждым годом процент таких детей увеличивается⁹.

Анализ литературы по проблеме недоношенности показывает, что в отечественных исследованиях она представлена исключительно с медицинских позиций. Рождение недоношенного ребенка, процесс его раннего выхаживания и оздоровления – серьезная

¹ Барашнев Ю.И. Перинатальная неврология. – М.: Триада-Х, 2001. – 640 с.

² Евсюкова И.И. Недоношенные дети со ЗВУР (проблемы развития, лечение) // Невынашивание беременности и недоношенный ребенок. Материалы научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2002. – С. 45-46.

³ Пальчик А.Б., Шабалов Н.П. Гипоксически-ишемическая энцефалопатия новорожденных. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: МЕДпресс-информ, 2006.

⁴ Вельтищев Ю.Е. Проблемы охраны здоровья детей России // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2000. – №1. – С.5-9.

⁵ Евсюкова И.И. Патогенез перинатальной патологии у новорожденных детей, развившихся в условиях хронической гипоксии при плацентарной недостаточности // Ж. акуш. жен. болезн. – 2004. – т.53, №2. – С.26-29.

⁶ Алиева А.А. Медико-социальные аспекты инвалидности и медицинской реабилитации детей с последствиями перинатальной ишемии мозга и задержкой внутриутробного развития. Диссертация на соискание степени кандидата медицинских наук. – Москва, 2008. – 127 с.

⁷ Задержка внутриутробного развития плода. Учебно-методическое пособие. – 4-е издание переработанное и дополненное. – Смоленск: СГМА, 2005. – 88 с.

⁸ Доджов Д.С. Механизмы задержки внутриутробного развития ребенка при хронической плацентарной недостаточности: Автореферат дисс... д.мед.н. – Душанбе, 2009.

⁹ Бурдукова Ю.А. Особенности развития произвольного поведения у глубоко недоношенных детей второго года жизни: Автореферат дисс... к.психол.н. – М., 2008.

проблема, интенсивно изучаемая в медицинской практике такими учеными как Ю.И. Барашнев, Е.П. Бомбардинова, С.Я. Волгина, Р.К. Игнатъева, Ю.Б. Коваленко, Л. З. Кунькина, В.Е.Ладыгина, Н.М. Логинова, Ю.Е. Лукоянов, Е.Ч. Новикова, Т.Я. Сафонова, З. А. Соломонова, М. Я. Студеникин, А.И. Хазанов и др.¹⁰. Вместе с тем, преждевременное, досрочное рождение малыша и его раннее развитие – исключительно важная проблема с психологической точки зрения.

Специальные психологические исследования в данной области стали широко проводиться лишь в последние 15 – 20 лет¹¹.

Признав важность и специфичность воздействия на психическое развитие таких детей психосоциальных факторов, исследователи смогли полно и адекватно представить себе многие проблемы, которые ранее просто не возникали или разрешались неверными способами. В нашей стране положение о непрямом воздействии дефекта биологической природы на психический онтогенез и о роли психосоциального опосредования связано с именами Л. С. Выготского и Б. В. Зейгарник¹². Позднее в работах А. В. Запорожца, М. И. Лисиной и сотрудников была описана роль активного взаимодействия ребенка с близкими взрослыми¹³.

В настоящее время исследовательские и коррекционные психологические программы реализуются во многих странах и психическое развитие недоношенных стало рассматриваться как полидетерминированное и совершенно специфическое в ряду разных видов дизонтогенеза.

Зарубежные исследователи обращают внимание на следующие специфические черты поведения недоношенных детей: напряжение при взятии на руки, тенденцию к отстранению от взрослого, к избеганию зрительного контакта, отсутствие постуральной адаптации (Й. Раншбург, Т. Brazelton, Р. Trad и др.)¹⁴.

Эта патология оказывает существенное влияние и на последующее развитие ребенка. У части таких детей наблюдаются серьезные психоневрологические патологии, такие как нарушения моторного развития с формированием тяжелых форм детского церебрального паралича, отставание в психическом и речевом развитии, слабоумие, эпилепсия.

Основные навыки и возрастные умения (удержание головы, ползание, сидение, стояние и другие) у большинства детей с ЗВУР появляются в более поздние сроки. Они позже начинают сосредоточиваться на зрительные и слуховые раздражители, позже удерживают голову, позже начинают гулить, улыбаться, узнавать окружающие лица, смеяться, переворачиваться, сидеть, стоять, ходить, целенаправленно двигать руками, говорить. Отставание в психомоторном развитии зависит и от того, насколько недоношен кроха. При сроке после 32 недель, навыки малыша будут формироваться позже примерно на 1-1,5 месяца, при рождении ранее 30-31 недели все они будут замедляться примерно на 3-4 месяца¹⁵.

Сами же по себе физические последствия недоношенности при наличии благоприятной психосоциальной обстановки корригируются к 6 – 10 годам, разумеется, если речь не идет о грубых нарушениях работы ЦНС¹⁶. По данным L. S. Siegel et al.¹⁷, когнитив-

¹⁰ Ворошнина О.Р. Психологическая коррекция депривированного материнства. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – М., 1998. – 202 с.

¹¹ Куфтяк Е. В. Преждевременные роды и женщина: социально-психологические аспекты // Перинатальная психология и психология родительства. – 2005. – № 2. – С. 81–91.

¹² Психическое развитие воспитанников детского дома / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. – М.: Педагогика, 1990.

¹³ Запорожец А.В. Условия и движущие причины психического развития ребенка // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946 – 1980 гг. – М.: Изд-во МГУ, 1981.

¹⁴ Ворошнина О.Р. Психологическая коррекция депривированного материнства. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – М., 1998. – 202 с.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Луковцева З.В., Баз Л.Л. Психическое развитие недоношенного младенца // Вопросы психологии. – 1999. – №6. – С. 29.

¹⁷ Siegel L. S. et al. Predictors of development in preterm and full-term infants: a model for detecting at risk child // Journal of Pediatric Psychology. – 1982. – Vol. 7. – № 2. – P. 135–148.

ное, речевое и моторное развитие даже глубоко незрелых младенцев зависит преимущественно от социально-экономического статуса семьи и образовательного уровня родителей, и лишь во вторую очередь — от акушерско-гинекологического анамнеза матери и соматоневрологических последствий преждевременного рождения.

Роль эмоционально теплых, "безопасных" отношений с близким взрослым в дальнейшем благополучном развитии ребенка в особых терминах описана приверженцами отологической теории привязанности^{18,19}.

Преждевременно родившиеся дети нуждаются в особенных отношениях с близкими взрослыми. И то, насколько успешно будут скомпенсированы имеющиеся трудности, зависит не только от усилий специалистов, но и, конечно же, самих родителей. Но далеко не все родители психологически готовы к появлению на свет и взаимодействию с ребенком с таким диагнозом, как ЗВУР.

Значительный период изоляции и сепарации возникающий в силу объективных обстоятельств после рождения такого ребенка существенно нарушает и даже искажает функционирование складывающейся системы "мать-дитя". На некоторое время женщина оказывается лишенной возможности полноценного контакта с новорожденным именно в тот момент, когда "запускаются" многие поведенческие паттерны реального материнства (T.Brazelton, Haith et al, M.Main and D.Weston, Papoushek and Papoushek, F.Pedersen, P. Trad, L.Vedeler и др.)²⁰.

Срабатывает характерный как для родителей, так и для посторонних «стереотип недоношенного», который представляет собой совокупность особых когнитивных, аффективных и поведенческих паттернов отношения родителей и посторонних взрослых к ребенку, родившемуся раньше срока²¹. Такой подход не имеет ничего общего с заботой и вниманием, необходимыми ослабленному малышу и вред его в том, что недооценка способностей ребенка приводит к неоправданному занижению требований, а это может ограничить активность и замедлить развитие ребенка. Показательно, что устойчивость «стереотипа недоношенного» зависит не от реальной зрелости ребенка, а от уровня осведомленности взрослых об особенностях его развития.

В то же время согласно исследованиям, около половины матерей недоношенных младенцев не знают диагнозов своих детей, еще 20% не могут разобраться в медицинских терминах и не просят у врача необходимых разъяснений²².

Для борьбы с подобными явлениями за рубежом создается целый ряд программ, оптимизирующих взаимодействие "недоношенный – родители", например: 1. Организация визитов родителей в палаты интенсивной терапии. 2. Повышение уровня информированности родителей в отношении особенностей развития и ухода за их детьми. 3. Укрепление эмоциональных связей в диаде "мать – недоношенный" и т.д.²³.

В нашей же стране, где такие дети с момента рождения находятся преимущественно в поле зрения клиницистов, а на психологическое обследование зачастую попадают в среднем и старшем дошкольном возрасте, при проявлении очевидной психической дезадаптации, проблема социально-психологической помощи семьям с недоношенными детьми остается нерешенной.

На наш взгляд решение данной проблемы должно начинаться еще раньше: с того момента, когда у женщины диагностируется задержка внутриутробного развития плода. Оказание психологической помощи в этот период наряду с подготовкой супружеской пары к принятию и адекватному взаимодействию с ребенком с подобным диагно-

¹⁸ Ainsworth M. D. S. Patterns of infant-mother attachment as related to maternal care: their early history and their contribution to continuity // Human development and interactional perspective. — N. Y., 1983.

¹⁹ Bowlby J. Attachment and loss. — N.Y., 1969.

²⁰ Воробьева О.Р. Психологическая коррекция депривированного материнства. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. — М., 1998. — 202 с.

²¹ Иванова Н. Б., Проблемы развития недоношенных детей, воспитывающихся в условиях семьи и дома ребенка // Специальное образование. — 2010. — №1. — С.36-45.

²² Луковцева З.В. Недоношенные дети: мифы и реальность // «9 месяцев». — 2001. — №11. — С. 6-8.

²³ Набережная М.А. Психологические условия развития рефлексивной культуры практического психолога образования. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. — Белгород, 2004. — 219 с.

зом. Поскольку процент отказников среди детей с ЗВУР, в особенности недоношенных, довольно высок.

Психологическая работа может проводиться с будущей мамой в двух следующих направлениях: трансперсональная направленность на рождение ребенка и личностно-ориентированная поддержка беременной женщины²⁴. Необходима целостная психологическая программа, позволяющая адекватно отражать систему преобразования Я конкретной беременной женщины, через мониторинговый контроль (диагностика, оценка и прогнозирование) трансформации ее характерологических особенностей и социально-психологических установок.

Такая программа взаимодействия психолога с супружеской парой должна быть разработана с учетом развития самосознания и рефлексивности будущих родителей.

По данным исследования Е.С. Григорьевой беременные женщины с низким уровнем рефлексивности менее всего осознают собственную эмоциональную неустойчивость²⁵. При этом наиболее актуальной для них является проблема взаимодействия с будущим ребенком.

Т.е. такие женщины из-за недостатка осознанности и внимания к своим внутренним переживаниям и страха взаимодействия с ребенком, потенциально находятся в группе риска в случае рождения у них детей с той или иной патологией.

Программа развития рефлексивности супружеской пары, готовящейся стать родителями, на наш взгляд, должна основываться на следующих положениях²⁶.

1. Развитие осознанного отношения к себе (аутопсихологическая рефлексия), партнеру и будущему ребенку (предметно-психологическая рефлексия), а также развитие рефлексии, направленной на отношения, процесс взаимодействия супругов (социально-психологическая рефлексия).

Содержание аутопсихологической рефлексии представляет собой самопознание, саморефлектирование в отношении своих возможностей и резервов для общения с будущим ребенком.

Предметно-психологическая рефлексия заключается в осознании не только внутреннего мира супруга или супруги, но и будущего малыша. Будущей маме необходимо предоставить информацию о возможных эмоциональных и поведенческих особенностях такого ребенка.

Прояснение актуальных желаний и ожиданий в отношении своей жизни и жизни будущего ребенка в виде построения прогнозного сценария всеми членами семьи, рассмотрение ситуаций, складывающихся при взаимодействии с близкими значимыми людьми (обязательна проработка диадических отношений "Я и моя мама" как материал для построения собственного жизненного сценария и "Я и отец будущего ребенка") в предожидании ребенка с таким диагнозом – важный аспект психологической работы.

2. Развитие осознанного отношения беременной женщины в отношении своих мыслей, эмоций и поведения.

Соотнесение своего материнского начала с представлениями и знаниями о себе, своей личности, принимаемыми социальными ролями, имиджем для последующей ассимиляции этих представлений в результате предыдущего опыта (психокоррекционная работа по преобразованию статуса "женщина-дочь" в статус – "женщина-мать").

Отработка умений принимать решения (написание открытого письма акушеру-гинекологу, присутствия отца будущего ребенка, первых минут общения с малышом, грудного вскармливания и т. п.). Нахождение творческих способов адаптации к состоянию беременности и рождению ребенка, принятие ответственности за их реализацию.

Помощь в осознании своих чувств и внутриличностных конфликтов (возвращение

²⁴ Боровикова, Н.В., Посохова, С.Т. Психологическая помощь беременным. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.

²⁵ Григорьева Е.С. Проблемы, актуальные для беременных женщин с разным уровнем рефлексивности // Материалы V Съезда Российского психологического общества. – М., 2012 // <http://www.syktsu.ru/laboratoriya-metakognitivnyx-i-integrativnyx-psixicheskix-processov>

²⁶ Набережнева М.А. Психологические условия развития рефлексивной культуры практического психолога образования. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – Белгород, 2004. – 219 с.

к состоянию Я-ребенок как источнику материнской интуиции; научение заботе о себе). Развитие осознанного отношения беременной женщины не только к своим эмоциям, а так же к чувствам и переживаниям партнера. Развитие эмоциональной рефлексии, на наш взгляд, является базовым в работе с данной категорией беременных. Взаимодействие с недоношенным младенцем базируется, в первую очередь, на эмоционально насыщенных контактах (по типу "опоры на сохранное звено"). Современные этологи свидетельствуют о том, что все дети, родившиеся раньше срока, изначально способны к установлению эмоционально насыщенных объектных отношений²⁷.

Методически эта работа может, строится на следующих приемах: экспрессивное изображение в танце, терапия тенью, ведение пиктографического дневника (зарисовывание эмоциональных переживаний), направляемое воображение, работа со снами, другие формы фантазирования, концентрации, медитации и работы с полярностями.

Осознание, контроль, саморегуляция собственных со-действий (совместных действий) супругов в отношении ребенка.

3. Исходя из вышесказанного, необходимо делать акцент не только на развитии ретроспективной (рефлексия прошлого опыта), актуальной (рефлексия настоящего опыта), но и перспективной (рефлексия будущего опыта) рефлексии беременной женщины и ее супруга.

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что изменения, происходящие в личности и всей жизни беременной женщины, а также будущие предполагаемые трудности в связи с рождением ребенка с ЗВУР необходимо должны осознаваться и прорабатываться ею. Присвоение нового опыта, рост личностной зрелости, формирование нового Я женщины становятся возможными благодаря развитой рефлексивности.

Оказание социально-психологической помощи семьям должна проводиться своевременно с момента постановки диагноза ЗВУР и организовываться не только на местах, но и путем создания специальной телефонной службы доверия для беременных, что позволило бы разрешить достаточно большое число психологических вопросов, возникающих у будущих матерей на этапе принятия решения сохранения беременности и в случаях осложнений течения беременности.

Список литературы

1. Алиева А.А. Медико-социальные аспекты инвалидности и медицинской реабилитации детей с последствиями перинатальной ишемии мозга и задержкой внутриутробного развития. Диссертация на соискание степени кандидата медицинских наук. – Москва, 2008. – 127 с.
2. Барашнев Ю.И. Перинатальная неврология. – М.: Триада-Х, 2001. – 640 с.
3. Боровикова, Н.В., Посохова, С.Т. Психологическая помощь беременным. – СПб.: Питер, 2006. – 256 с.
4. Бурдукова Ю.А. особенности развития произвольного контроля поведения у глубоко недоношенных детей второго года жизни: Автореферат дисс... к.психол.н. – М., 2008.
5. Вельтищев Ю.Е. Проблемы охраны здоровья детей России // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2000. – №1. – С.5-9.
6. Ворошнина О.Р. Психологическая коррекция депривированного материнства. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – М., 1998. – 202 с.
7. Григорьева Е.С. Проблемы, актуальные для беременных женщин с разным уровнем рефлексивности // Материалы V Съезда Российского психологического общества. – М., 2012 // <http://www.syktso.ru/laboratoriya-metakognitivnyx-i-integrativnyx-psixicheskix-processov>
8. Додхоев Д.С. Механизмы задержки внутриутробного развития ребенка при хронической плацентарной недостаточности: Автореферат дисс... д.мед.н. – Душанбе, 2009.
9. Евсюкова И.И. Недоношенные дети со ЗВУР (проблемы развития, лечение) // Невынашивание беременности и недоношенный ребенок. Материалы научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2002. – С. 45-46.
10. Евсюкова И.И. Патогенез перинатальной патологии у новорожденных детей, развившихся в условиях хронической гипоксии при плацентарной недостаточности // Ж. акуш. жен. болзн. – 2004. – т.53, №2. – С.26-29.

²⁷ЛуковцеваЗ.В.Особенности психического развития глубоко недоношенных детей первого года жизни диссертация. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – М., 2002. – 123 с.

11. Задержка внутриутробного развития плода. Учебно-методическое пособие. – 4-е издание переработанное и дополненное. – Смоленск: СГМА, 2005. – 88 с.
12. Запорожец А.В. Условия и движущие причины психического развития ребенка // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии. Работы советских психологов периода 1946 – 1980 гг. – М.: Изд-во МГУ, 1981.
13. Иванова Н. Б., Проблемы развития недоношенных детей, воспитывающихся в условиях семьи и дома ребенка // Специальное образование. – 2010. – №1. – С.36-45.
14. Куфтяк Е. В. Преждевременные роды и женщина : социально-психологические аспекты // Перинатальная психология и психология родительства. – 2005. – № 2. – С. 81–91.
15. Луковцева З.В. Недоношенные дети: мифы и реальность // «9 месяцев». – 2001. – №11. – С. 6-8.
16. Луковцева З.В. Особенности психического развития глубоко недоношенных детей первого года жизни диссертация. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – М., 2002. – 123 с.
17. Луковцева З.В., Баз Л.Л. Психическое развитие недоношенного младенца // Вопросы психологии. – 1999. – №6. – С. 29.
18. Набережнева М.А. Психологические условия развития рефлексивной культуры практического психолога образования. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. – Белгород, 2004. – 219 с.
19. Пальчик А.Б., Шабалов Н.П. Гипоксически-ишемическая энцефалопатия новорожденных. – Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: МЕДпресс-информ, 2006.
20. Психическое развитие воспитанников детского дома / Под ред. И.В. Дубровиной, А.Г. Рузской. – М.: Педагогика, 1990.
21. Смирнова Е. О . Становление межличностных отношений в раннем онтогенезе // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 5 – 15.
22. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. – 1995. – № 3. – С. 139 – 149.
23. Ainsworth M. D. S. Patterns of infant-mother attachment as related to maternal care: their early history and their contribution to continuity // Human development and interactional perspective. – N. Y., 1983.
24. Bozynski M. et al. Cranial sonography and neurological examination of extremely preterm infants // Developmental Medicine and Child Neurology. –1990. –№ 32. – P. 575–581.
25. Bowlby J. Attachment and loss. – N.Y., 1969.
26. Siegel L. S. et al. Predictors of development in preterm and full-term infants: a model for detecting at risk child // Journal of Pediatric Psychology. – 1982. – Vol. 7. – № 2. – P. 135–148.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE FOR THE FAMILY WITH THE CHILD WITH INTRAUTERINE GROWTH RETARDATION

М.А. НАБЕРЕЖНЕВА

*Belgorod State
National Research University*

*e-mail:
Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru*

The article discusses the problem of the intrauterine growth retardation from the psychological point of view. It considers premature children. The role of the organization of special social and psychological assistance to the future parents of such children is shown in the paper. On the basis of the analysis of an urgency of the matter the author offers the program of the help to families at a stage of statement of the diagnosis of IGR taking into account reflexivity development.

Keywords: intrauterine growth retardation (IGR), premature child, “stereotype of premature”, social psychological assistance, reflexivity.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ ВНУТРИ ХРИСТИАНСКОЙ ОЙКУМЕНЫ

Я.М. ОСЫКА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Osyka@mail.ru

В статье анализируется движение экуменизма в контексте религиозного диалога. Развивается идея С. Жижек о двух возможностях для религии в современном мире, критической и терапевтической. Делается вывод, что экуменизм можно рассматривать как одну из форм религиозного диалога в условиях современности и как попытку поиска новых институциональных форм для присвоения современной религиозности.

Ключевые слова: религия, диалог, экуменизм, С. Жижек, постсекулярность.

Римляне, а за ними современные романские языки вселенную называют «универсум» – от холодного арифметического «унум» – «один». А русское слово «вселенная» абсолютно равноценно греческому «экумена (ойкумена)» – ведь и у греков название вселенной происходит от слова «селиться». «Экумена» – это не просто мир, но мир, в котором обитает человек. Если бы в космос не были вселены люди, он не был бы вселенной. Вселенная – большое село. Поселения, конечно, бывают разные, но одно их объединяет: человек селится там, где мир. Поэтому уже в древности «вселенной» называли Средиземноморье, точнее – Римскую империю. Внутри ее границ был мир, была вселенная – на границе была непрестанная война с варварами, а, следовательно, вселенная кончалась»¹.

«Экуменической», «вселенской» называли в первые века после Рождества Христова и Церковь, границы которой почти совпадали с границами Империи. А затем произошло неизбежное: «Церковь перешагнула фронты, добралась до Индии, Китая, Японии, и весь мир стал ее вселенной – а вот Империя разрушилась, раскромсанная тысячей границ. Но, умирая, старая политическая вселенная попыталась свести в могилу и единую вселенскую Церковь. Разделились царства, разделились и церкви – на западную и восточную в XI веке»². Это раскол, когда Римская Церковь противопоставила себя Вселенской Церкви и вышла из ее состава. Произошел разрыв одной поместной церкви со всей Вселенской Церковью. Затем в самом лоне РКЦ произошло не менее тяжелое, но закономерное потрясение, которое почти половину католиков отделило от нее – речь идет о Реформации XVI века. Сама же Реформация оказалась только началом еще большего дробления христиан: «Начиная с 16 века и по сей день происходит непрерывное дробление протестантизма. Причем если первоначально это дробление шло в лоне только христианских начал и ценностей, т. е. на основе Священного Писания и основных догматических истин, то уже позднее и особенно в настоящее время это дробление приобретает иной характер»³. В XX веке мы видим все большее воздействие нехристианских начал на формирование новых образований, которые лучше всего и назвать уже не христианскими церквями, а синкретическими явлениями, и настолько там много нехристианских элементов, что их даже трудно определить как явления протестантские. Это дробление в целом и породило «многообразие христианских церквей»⁴. Религиозные объединения, которые говорят о себе, что они принадлежат религии Любви, религии Единства, религии, которые казалось бы, стоят на одном и том же Священном

¹ Серафим (Алексиев), архимандрит. Почему православному христианину нельзя быть экуменистом / Серафим (Алексиев), архим. – СПб.: Сатисъ, 1992. – С.295-296.

² Дьяченко С., свящ. Настольная книга для священно – церковно-служителей / С. Дьяченко, свящ. – Х.: ОСЛН, 1993. – С.322-323.

³ Карташев А.В. Воссоединение Церквей в свете христианской истории // Православие и экуменизм / А.В. Карташев. – М.: Республика, 1999. – С.121-123.

⁴ Кураев, А., диакон. Вызов экуменизма / Андрей Кураев, диакон. – М.: Издательство Православного Свято – Тихоновского гуманитарного университета, 1997. – С.65-67.

Писании, в то же время оказались между собой не только отделенными, но, как мы знаем из истории, зачастую враждующими.

Конечно, всегда оставались христиане, которые понимали, что их междоусобицы противоречат вселенскости, всеохватности и мирности Церкви. «Слабым утешением была вера в то, что вселенскость Церкви сохраняется, несмотря на все внутрицерковные склоки благодаря Христу, Главе Церкви и ее Телу, которое наши распри ранят, заставляют кровоточить, но не могут убить или разделить. Но лишь XX век – век двух мировых войн – увидел, как христиане не только тоскуют о единстве, но пытаются явить его миру»⁵.

Произошло это не случайно. Именно в нашем веке религия стала, прежде всего, частным делом личности, ответственностью не организации, а лица. Церковные администрации с момента раскола церквей тысячу лет назад не переставали искать единства, созывали соборы, устраивали богословские прения – все бесполезно. Такую веру эпохи постсекулярности словенский философ С. Жижек назвал «подвешенной» верой⁶. Верой, которая больше не опирается в значительной мере на социальные институты церкви тесно связанные с властными институтами. Вере, христианству, по его мнению, в настоящее время остаются две альтернативы или роли: «терапевтическая» – помощь в адаптации людей к существующему миропорядку, то есть во многом традиционная роль для христианства; а также «критическая» – религия как пространство выражения мнения несогласных, когда сама религия принимает форму ереси⁷. По Жижеку эти два момента сосуществуют в Христианстве, а в плане диалога возникающая дилемма может быть представлена как противоречие между институциональным уровнем и личностным, между коммуникацией и верой. Причем это диалектическое противоречие сохраняется на каждом из уровней, поскольку институциональный план анализа должен учитывать не только собственно религиозный диалог как диалог внутри церкви и религиозными институтами (религиями, конфессиями, церквями), но также религии и политики, религии и экономики, общекультурные процессы глобализации. С этой позиции экуменическое движение можно рассматривать как часть такого многопланового диалога, прежде всего в его «терапевтическом» измерении по Жижеку.

Исходя из сказанного, можно отметить, что несмотря на длительный период секуляризации, в настоящее время Христианство как религия остается господствующей как во всей Европе, так и в Америке. Более того: «Среди христиан появилось много людей обладающих огромным политическим и экономическим влиянием, которые осознают, что для достижения их политических целей требуется не только военная и финансовая мощь, но еще и идеологическое влияние. Это прекрасно понимают те, кто охвачен подобного рода идеями»⁸. Постепенно появляется направление, охватывающее все больший и больший, и, причем элитарный круг людей, осознающих, что христианство представляет собой огромную идейную силу, привлечение которой на свою сторону даст возможность использовать ее в своих идеологических целях. В результате такого направления возникает и само движение, «которое ставит перед собой, казалось бы, очень простую и благородную задачу – восстановление христианского единства, как это было изначально в Единой Церкви»⁹. Но реально осуществить эту идею, как впоследствии оказалось, почти невозможно. На это было ряд причин.

Не надо думать, что экуменическое движение возникло только в результате скорби и недоумения, что мы разделены и теперь нам надо объединяться. Если бы это было только по этой причине, то такое положение вещей породило бы попытку посмотреть на себя со стороны, а именно: «с точки зрения тех бесспорных, присущих Древней неразделенной Церкви ценностей, которые давали Ей силу сохранять внут-

⁵ Лазарь, архимандрит. Пасха без креста или еще раз об экуменизме / Лазарь, архимандрит. – М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. – С.34-37.

⁶ Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009.

⁷ Там же. С.6-7.

⁸ Хомяков А.С. Церковь одна. – Сочинения Т.2 / А.С. Хомяков. – М.: Просветитель, 1994. – С.112-113.

⁹ Там же. С.115-116.

реннее и внешнее единство»¹⁰. На самом деле причин, породивших экуменическое движение, гораздо больше. И религиозная причина является одной из них. Причем у многих тех, кто явился пионерами этого движения, его лидерами, предводителями или, просто активными деятелями очень часто преобладали другие причины. И здесь необходимо немного коснуться истории: «Участниками этого движения являлись люди недостаточно высокого уровня в плане их социально-политического, и отчасти и интеллектуального положения. Сюда входили люди часто увлеченные, много идеалистов, были люди, которые, действительно искренне хотели христианского единства, понимая, что вражда – это грех»¹¹. Но наряду с этим присутствуют и другие факторы, без рассмотрения которых мы никогда не поймем, что такое экуменическое движение. В XX веке для крупнейших политических деятелей, охваченных жадой власти, становится совершенно ясно, что без осуществления религиозно-идейного единства трудно достичь идеи власти в мире. Это их подвигает на употребление определенных усилий, способствующих развитию экуменического движения. Вот из всех этих посылок, а не только из одной религиозной и возникает то, что мы сейчас именуем экуменическое движение, годом рождения которого считается 1910 год.

Первым шагом в становлении экуменического движения считается Всемирная миссионерская конференция, состоявшаяся в 1910г. в Эдинбурге и очевидные причины ее созыва носят религиозный характер: «Причина того, что именно с миссионерством связаны первые попытки христианского единения ясны, ибо его отсутствие остается самым очевидным соблазном для тех, кто обращается ко Христу»¹². Конференция в Эдинбурге была призвана разрешить противоречия, неизбежно возникавшие между различными протестантскими миссионерами в колониальных странах, когда их взаимная критика ослабляла успех миссии. Одновременно с Эдинбургской конференцией, в которой приняли участие многие будущие видные деятели экуменического движения, например, Д. Мотт, У. Темпл, стремление к объединению всех христиан проявилось в Соединенных Штатах. В том же 1910г. в Американской епископальной церкви была создана комиссия по подготовке Всемирной конференции по вопросам веры и устройства Церкви.

Дальнейшему развитию экуменизма помешала Первая мировая война, но ее потрясения послужили стимулом к дальнейшим попыткам объединить христиан. Так в 20-е годы XX века возникают организации «Вера и устройство Церкви», а также «Жизнь и деятельность», которые до сегодняшнего дня определяют развитие экуменического движения¹³. Стоит отметить, что эти организации по разному определяют направление развития движения, а также разделены по принципу содержательному. Так, например, специфику деятельности первой организации можно определить следующим образом: «Движение «Вера и устройство Церкви» считало подлинной и высшей целью экуменического движения единство веры всех христиан, на основе которого можно преодолеть все остальные разногласия»¹⁴. Если мы говорим о православном участии в становлении экуменического движения, то это участие было более всего сосредоточено вокруг «Веры и устройства Церкви». И наоборот, «движение «Жизнь и деятельность» исходило в своей идеологии из невозможности скорого достижения единства в вере и поэтому стремилось к объединению усилий всех христиан в их практической деятельности, которая будет способствовать преодолению вероисповедных разногласий. Как гласил лозунг «Жизни и деятельности»: «Вера разъединяет, дела объединяют»¹⁵. Иными словами, «Вера и уст-

¹⁰ Боровой В. протопресв., Буевский А.С. Русская Православная Церковь и экуменическое движение / В. Боровой, протопресв., А.С. Буевский. – М.: Ковчег, 1998. – С.437-438.

¹¹ Васильев Н.В., Смирнов С.М., Федоров И.Г. Наша вера: Православие и мировые религии; По благословению Преосвященного Ипполита, епископа Тульчинского и Брацлавского / Н.В. Васильев, С.М. Смирнов, И.Г.Федоров. – М.: Ковчег, 2003. – С.237-239.

¹² Войтенко С.М. Второй Ватиканский собор / С.М. Войтенко. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета 1992. – С.124-125.

¹³ Кураев, А., диакон. Вызов экуменизма / Андрей Кураев, диакон. – М.: Издательство Православного Свято – Тихоновского гуманитарного университета, 1997. – С.112-113.

¹⁴ Куксова А.В. Участие Русской Православной Церкви в современном экуменическом движении / А.В. Куксова. – М.: Республика, 2001. – С.121-122.

¹⁵ Там же.

роение» было более богословским движением, а «Жизнь и деятельность» — практическим, и поиски согласия между этими направлениями продолжались в течение двух межвоенных десятилетий.

К началу столетия относятся и первые попытки принципиального расширения экуменического движения, превращения его из межпротестантского в общехристианское. В 1919 г. группа экуменически настроенных представителей американских протестантских церквей посетила Ватикан, но их визит закончился безрезультатно. Общее отношение Римо-католической Церкви оставалось в лучшем случае настороженно-выжидательным, и в 1928г. оно было закреплено энцикликой Пия XI «Души смертных», которая гласила: «Католики ни в коем случае не могут одобрить этих попыток, основанных на ложной теории, что все религии более или менее хороши и здравы ... Церковь изменила бы своему назначению, приняв участие в панхристианских мероприятиях. Ни под каким видом католикам не дозволяется вступать в подобные предприятия или же им способствовать»¹⁶.

Отношение православного мира к экуменизму с самого начала отличали, наверное, две основные черты: с одной стороны, в нем явно ощущалась искреннее стремление содействовать всеми силами единению христиан и надежда, может быть, наивная, просветить светом православной веры мир протестантский. С другой стороны, православное отношение к экуменическому движению слишком часто оказывалось противоречивым, и эта непоследовательность пагубно сказывалась как на общехристианском авторитете, так и на внутри — православных отношениях. Примером такой противоречивости может служить известное окружное послание Константинопольского Патриархата от 1920 г. «Отношение Православия к инославному миру всегда было догматически обусловленным, оно исходило из первостепенного значения вероучительного согласия в любом взаимообщении с инославием»¹⁷. (В этом отношении ближе всего к православной точке зрения стоит идеология «Веры и церковного устройства»). К сожалению, окружное послание 1920г. являет пример, как минимум, двусмысленного отношения к этому правилу, неукоснительно соблюдавшемуся в течение столетий. В тексте послания мы читаем, что «имеющиеся между различными христианскими Церквами догматические различия не исключают их сближения и взаимного общения и что таковое сближение ... необходимо и даже полезно для ... каждой Поместной Церкви и всей христианской Полноты, а также для подготовки и более легкого проведения ... благословенного соединения»¹⁸. И далее: «Ибо, если даже и возникнут на почве старых предубеждений, привычек и претензий возможные затруднения, многократно в прошлом срывавшие дело союза ... они не могут и не должны служить непреодолимым препятствием»¹⁹. Этот документ оставляет весьма двойственное чувство и не может идти ни в какое сравнение с догматическими посланиями Восточных патриархов XIX в. Следует также сказать, что он излагает только мнение Константинопольской Церкви и не имеет полноты авторитета всего православного Востока. Через несколько лет основы возможного православного участия в экуменическом движении были с гораздо большей последовательностью изложены в заявлении православных участников конференции «Вера и церковное устройство», состоявшейся в 1927г. в Лозанне. Оно было подписано представителями почти всех Поместных Церквей и в нем, в частности определялось, что «в вопросах веры и религиозного сознания в Православной Церкви неуместен никакой компромисс», и «где нет общности веры, не может быть общения в таинствах»²⁰.

Потрясения революции не позволили Русской Церкви оказать должное влияние на отношение православного мира к экуменическому движению: «Единственной возможностью такого влияния было участие русской церковной эмиграции в экуменической деятельности, и русские богословы зарубежья в 20-е-30-е годы принимают участие во мно-

¹⁶ Перепелкина Л. В. Экуменизм / Л.В. Перепелкина. — СПб.: Новая книга, 1992. — С.354-356.

¹⁷ Кочур Т.Г. Что такое экуменизм / Т.Г. Кочур. — Пермь: Лествица, 1999. — С.34-35.

¹⁸ Православие и экуменизм. Документы и материалы, 1902-1998 гг. — М.: Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата, 1999. — С.386.

¹⁹ Там же. С.387-388.

²⁰ Кураев, А., диакон. Вызов экуменизма / Андрей Кураев, диакон. — М.: Издательство Православного Свято — Тихоновского гуманитарного университета, 1997. — С.237-239.

гих экуменических встречах, пытаясь привлечь внимание Запада к трагедии Русской Церкви»²¹. Многие из них вдохновлялись вполне искренними надеждами на успех православного свидетельства инословному миру, который тогда еще сохранял основы христианского образа жизни.

Своеобразный итог, к которому пришло движение экуменизма, понимаемая нами как одна из форм религиозного диалога в условиях современности, отражает названное нами выше исходное противоречие между «терапевтической» и «критической» ролями христианства. Опасностью для будущего экуменического движения в настоящее время является тенденция к расширению экуменизма, вбирающего в себя все новые и новые течения и направления многочисленных межхристианских, межрелигиозных, а также общественных движений и групп с их общечеловеческими интересами и с их специфическими вопросами и программами, что может привести к отклонению ВСЦ от его основного призвания – быть Советом Церквей – и превратить его в параллельную с ООН международную христианскую организацию, где приоритетами станут вопросы социальной справедливости, идеалы общечеловеческого единства, построение нового общества на основе справедливости, мира и целостности творения, а вопросы достижения единства в вере невольно могут отойти в тень и быть отодвинуты в сторону: «Диалог с людьми других религий необходим для достижения мирного сосуществования религий и для совместного сотрудничества в области прав человека, справедливости, мира, примирения, сохранения целостности творения и по многим другим общечеловеческим вопросам, но нельзя превращать эти диалоги и сотрудничество во вторую «экумену», заслоняющую собой исторически и доктринально христианское экуменическое движение, возникшее с целью восстановления единства христиан в вере и основах церковного устройства»²². В таком случае это будет победой «терапевтической» функции или стремления института апроприировать веру, сублимировать живую энергию религиозного чувства в еще одном или многих организационных формах. То, что Жижек называет «подвешенной» верой довольно трудно присваивается институтом на фоне кризиса последних.

Экуменизм можно рассматривать и как попытку поиска новых институциональных форм для «поимки» такой религиозности. В том числе и межконфессиональной по своей сути, что также можно рассматривать как опасность для экуменического движения в смысле диалога (в узком смысле) внутри христианства. Такой опасностью является стремление некоторых участников превратить экуменическое движение христианских церквей, стремящихся к восстановлению христианского единства, в межрелигиозное движение христиан, иудеев, мусульман, буддистов и других нехристианских религий для достижения религиозного взаимопонимания и разрешения общечеловеческих глобальных вопросов и задач во всем мире. Это может быть чревато опасностью синкретизма, эклектизма и размывания собственной христианской исключительности Божественного откровения и исключительности спасения в Церкви и через Церковь Иисуса Христа.

Список литературы

1. Боровой В. протопресв., Буевский А.С. Русская Православная Церковь и экуменическое движение. – М.: Ковчег, 1998. – 671 с.
2. Войтенко С.М. Второй Ватиканский собор. – М.: Издательство Православного Свято – Тихоновского гуманитарного университета 1992. – 395 с.
3. Дьяченко С., священник. Настольная книга для священно – церковно-служителей. – Х.: ОСЛН, 1993. – 543 с.
4. Карташев А.В. Воссоединение Церквей в свете христианской истории // Православие и экуменизм. – М.: Республика, 1999. – 221 с.
5. Кочур Т.Г. Что такое экуменизм. – Пермь.: Лествица, 1999. – 122 с.
6. Куксова А.В. Участие Русской Православной Церкви в современном экуменическом движении. – М.: Республика, 2001. – 347 с.

²¹ Осипов А. И. О некоторых принципах православного экуменизма / А.И. Осипов // Богословские труды. – 1996. – №18. – С. 2-3.

²² Цапаева С.А. Глобализация. Новый мировой порядок / С.А. Цапаева. – М.: Новая книга, 2003. – С.93.

7. Кураев А., диакон. Вызов экуменизма. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 1997. – 275 с.
8. Лазарь, архимандрит. Пасха без креста или еще раз об экуменизме. – М.: Изд-во Московского Подворья Свято – Троицкой Сергиевой Лавры, 1998. – 475 с.
9. Осипов А. И. О некоторых принципах православного экуменизма. // Богословские труды. – 1996. – №18. – С. 2-4.
10. Перепелкина Л. В. Экуменизм. – СПб.: Новая книга, 1992. – 365 с.
11. Православие и экуменизм. Документы и материалы, 1902- 1998 гг. – М.: Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата, 1999. – 502 с.
12. Серафим (Алексиев), архимандрит. Почему православному христианину нельзя быть экуменистом. – СПб.: Сатисъ, 1992. – 304 с.
13. Хомяков А.С. Церковь одна. – Сочинения Т.2. – М.: Просветитель, 1994. – 642 с.
14. Цапаева С.А. Глобализация. Новый мировой порядок. – М.: Новая книга, 2003. – 374 с.
15. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. – М.: Издательство «Европа», 2009. – 336с.

RELIGIOUS DIALOGUE IN THE CHRISTIAN OECUMENE

Y.M. OSYKA

*Belgorod State
National Research University*

e-mail: Osyka@mail.ru

The article discusses the oecumene movement in terms of the religious dialogue. The author develops S. Zizek's concept of two possibilities for the religion in the contemporary world – a critical and a therapeutical ones. It is concluded that the oecumene can be observed both as a form of the religious dialogue in the modernity context and an attempt of the search for institutional forms for modern religiosity interiorisation.

Keywords: religion, dilogue, aecumene, S.Zizek, postsecularity.

УДК 130.2

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

О.В. ПАВЛОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Pavlova179@mail.ru*

В данной статье рассматриваются парадигмы и подходы к интерпретации феномена власти в философско-культурологической мысли. Автор предпринял попытку обосновать способы философско-культурологической рефлексии над феноменом власти посредством обращения к их социально-историческим контекстам.

Ключевые слова: власть, феномен власти, политическая власть, господство, подчинение.

Феномен власти относится к числу таких неизменных, общечеловеческих и основополагающих универсалий как человек, род, жизнь, смерть, любовь и многие другие, которые в совокупности дают целостное представление человека о себе и об окружающей его действительности.

«Тайна власти, тайна подчинения людей носителям власти, – писал Н.А. Бердяев, – до сих пор не вполне разгадана. Почему огромное количество людей, на стороне которых есть преобладание физической силы, согласны подчиняться одному человеку или небольшой кучке людей, если они – носители власти? Государственная власть может очень рационально править народом, но само начало власти совершенно иррационально»²³.

Толковый словарь русского языка термин «власть» определяет как право и возможность распоряжаться кем-то, чем-то, подчинять своей воле; политическое господство, государственное управление и его органы; лица, облечённые правительственными, административными полномочиями²⁴.

Понятие власти очень широкое, сложное и противоречивое: мы говорим о власти родителей над детьми, сил природы над человеком, государства над гражданином, власти чувств, религии и т. п. Проблема власти всегда привлекала к себе пристальное внимание представителей политической, социальной и философской и общественно-политической мысли. Существует множество подходов, классификаций понятия «власть». В зависимости от подхода, акцентирование внимания на той или иной стороне проявления власти уже само по себе говорит о многоаспектности этого феномена.

Известный философ В.В. Мшверниерадзе заметил: «Понятие власти, впрочем, как и смежные с ним понятия авторитета, господства, влияния, силы и т.п. относится к числу тех многомерных категорий социального знания – философии, политологии, социологии, психологии, политической экономии, этики, права, – которые по мере углубления в их изучение порождают значительно больше вопросов, чем позволяют дать на них однозначные ответы»²⁵.

Социология, например, акцентирует внимание на социальной функции власти, суть которой заключается в обеспечении целостности и упорядочении разнообразных интересов и отношений между людьми, которые могут достигаться различными способами, что и определяет социальное содержание власти. Социологический подход характеризует власть как отношение, взаимодействие двух сторон. В основе властных взаимо-

²³ Бердяев Н.А. Судьба России: Книга статей. – М.: Эксмо, 2007. – С. 298.

²⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – С.86.

²⁵ Власть: Очерки современной политической философии Запада / Отв. ред. В.В. Мшвениерадзе. М., 1989. – С. 10 – 11.

действий лежат отношения господства и подчинения, складывающиеся между субъектом и объектом власти.

Центральной темой политологии является политическая власть: ее сущность, принципы, формы, основания (источники), ресурсы, проблемы легитимности, политические институты, проблемы разделения властей и т. д. Понятие «власть» дает ключ к пониманию самой политики и государства. При этом неразделимость власти и политики признается во всех политических теориях прошлого и настоящего.

Философский подход к понятию «власть» характеризуется стремлением к осмыслению её природы и закономерностей её бытия независимо от её конкретных форм, типов или аспектов. Власть, с точки зрения данного подхода, есть способность и возможность субъекта (личности, партии, класса, государства и т. д.) осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на деятельность людей с помощью авторитета, права, насилия и других средств. В рамках философского подхода наиболее полно раскрываются и основные методы осуществления власти: организация, убеждение, воспитание, контроль и принуждение²⁶. По мнению А.А. Тихонова, «философский дискурс власти как социального феномена позволяет уйти от социологической и политологической конкретики, увидеть те всеобщие, сущностные изменения «власти вообще», которые, видоизменяясь и частично преобразуясь, тем не менее, сохраняются в реальном процессе ее актуализации»²⁷.

Таким образом, можно говорить о дифференциации подходов к исследованию власти в зависимости от дисциплинарной трактовки понятия власти.

Попытки понять и интерпретировать природу власти привели к появлению системного и реляционистского подходов. Об этом в своей работе «Власть: концептуальный анализ» говорит отечественный исследователь власти В.Г. Ледаев. Эти подходы признаются большинством исследователей и условно могут быть названы, как «власть над» и «власть для»²⁸.

Е.В. Осипова в своей статье «Власть: отношение или элемент системы?» также обращает внимание на существовании двух подходов западных исследователей к определению власти: реляционистских и системных концепций власти.

В рамках традиции «власть над» или реляционистские концепции власти определяют ее как межличностные отношения, позволяющее одному индивиду изменять поведение другого, «властные отношения интерпретируются в них, прежде всего как отношения двух партнеров, воздействующих друг на друга в процессе интеракции»²⁹. Отношения субъекта и объекта власти могут быть разными: подавление сопротивления объекта, неравное распределение ресурсов между участниками властных отношений, раздел зон влияния и т.д.

В дальнейшем этот аспект проявления феномена власти нашел выражение в концепциях «власть для» – в исследовании власти как средства коммуникации. Системная концепция (американские политологи Т. Парсонс, Т. Кларк и др.) или концепция «власти для» исходит не из отношений между индивидуумами, а из существующей в обществе социальной системы. Власть – это способность системы обеспечивать использование принятых обязательств, направленных на реализацию общественных целей. Таким образом, власть есть безличное свойство политической системы, а не характеристика индивида и его действий. Неоднородное распределение привилегий внутри этой системы влияет на расположение социальных субъектов относительно друг друга – их субординацию и наделение их большими или меньшими полномочиями – властью.

По мнению Х. Арэнд власть возникает среди людей, но ею никто не обладает. Власть может возникнуть, лишь когда индивиды действуют вместе, и пропадает, когда

²⁶ Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1995.— С.127.

²⁷ Тихонов А.А. Власть в контексте социального взаимодействия (философский анализ), кандидатская диссертация, Волгоград, 2006.

²⁸ Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

²⁹ Осипова Е.В. Власть: отношение или элемент системы? (реляционистские и системные концепции власти в немарксистской политологии) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. — С.66.

эти отношения прекращаются. Отдельные индивиды не имеют власти и не осуществляют власть: они обладают только силой. Делая акцент на различии власти и насилия, Х.Арендт предупреждает о недопустимости их отождествления. Насилие в отличие от власти проявляет себя в способности навязать свою волю другому; власть же «возникает, когда равные собираются вместе», она «означает способность человека не столько действовать самому, сколько взаимодействовать с другими людьми»³⁰. Насилие способно лишь разрушить власть, но не занять ее место. Соединением безвластия и насилия является такая государственная форма правления, как тирания. Эта «государственная форма основана на тех человеческих свойствах и способностях, которые, как бы легитимны они не были, прямо противоположны политическому существу человека, его плюрализму и человеческому бытию—друг—с—другом; она, таким образом, по своей сути не политична»³¹. Кроме того, «тирания активно мешает возникновению власти..., через присущую ей изолирующую силу она порождает безвластие так же естественно, как другие государственные формы разнообразными путями порождают власть»³².

Итак, мы можем выделить две группы подходов к изучению власти: первый, исходящий из дисциплинарных трактовок понятия «власть», и второй, объясняющий власть в зависимости от интерпретации ее природы. Необходимо отметить, что в рамках философско-культурологической рефлексии над феноменом власти некоторые способы ее понимания выходят за рамки, очерченные данными подходами.

К таким подходам можно отнести марксизм. В работах классиков марксизма происходит смещение акцентов на исследование политической власти, основанной на классовых антагонизмах и определяемой материально-производственными отношениями.

Суть марксистской точки зрения на власть выражается в следующих формулировках: «Политическая власть является лишь порождением экономической власти» и «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого»³³

При этом власть рассматривается как инструмент для достижения других более важных целей. К.Маркс утверждает, что тайна политических отношений укрыта в сфере экономики и прежде всего в отношениях собственности. Через институт государства класс, господствующий в экономике, всегда господствует и в политике, навязывая свою волю другим классам.

В «Немецкой идеологии» утверждается, что «...каждый стремящийся к господству класс... должен, прежде всего, завоевать себе политическую власть, для того, чтобы этот класс, в свою очередь, мог представить свой интерес как всеобщий»³⁴. Ф. Энгельс полагал, что «во всякой борьбе против класса ближайшей целью борьбы является политическая власть; господствующий класс защищает свое политическое верховенство, иначе говоря, свое обеспеченное большинство сначала за долю этой власти, а затем и за всю власть, чтобы получить возможность изменить существующие законы соответственно своим собственным интересам и нуждам»³⁵. То же, примерно, встречаем у В.И. Ленина: «Государство – это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»³⁶.

Марксистский подход к изучению государства и власти представляет собой анализ явлений политической и правовой жизни как составных частей классовой общественно-исторической формации. Таким образом, у Маркса вопрос о власти еще не ставится напрямую, а растворяется в социально-экономической борьбе различных классов общества и отражается в сменяющихся друг друга общественно-экономических формациях.

Власть возникает и утверждается только в обществе. Она присутствует тогда, когда есть соприкосновение и противодействие двух (и более) волей, одна из которых подчиняет другую. Согласно Марксу, власть распределена в обществе неравномерно. Ее потенциал

³⁰Арендт Х. Vitaactive, или О деятельной жизни. – СПб., 2000. – С. 266.

³¹ Там же. – С. 268.

³² Там же.

³³ Маркс К. Энгельс Ф. Соч.Т.4 – С. 447.

³⁴ Там же. Т3. – С.32.

³⁵ Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 19. – С. 266.

³⁶ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.39. – С.73.

определяется объемом властных ресурсов (деньги, собственность, должностные полномочия и т.д.), которым обладает тот или иной индивид. Власть выражается в форме господства одних социальных групп, слоев, классов над другими и является показателем социального неравенства. Это господство основывается на властном волевом принуждении. Институциональным органом такого принуждения выступает государство, имеющее право на физическое насилие.

Выделяя общественную природу власти, Маркс по сути деперсонифицирует ее. Субъектами власти, согласно Марксу, являются не конкретные индивиды, а абстрактные классы. Власть, таким образом, сводится к политике, борьбе классов за господство в обществе. По Марксу, власть является исторически преходящим феноменом, порождением социально-экономического расслоения, частной собственности. И как религия, она обречена на исчезновение.

Другой немецкий ученый М. Вебер оказал влияние как на реляционистские концепции власти, выделяющие командно-подчиненный аспект ее проявлений, так и на развитие системных концепций власти, рассматривающих ее как свойство или функцию социальной системы. Здесь речь идет об эволюции взглядов самого исследователя.

В рамках реляционистского исследования власти М. Вебер утверждал: «Власть означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана»³⁷. Тем самым М. Вебер определяет власть как способность индивида осуществлять свою волю вопреки сопротивлению. Акцент в определении власти Вебер делает на волевом воздействии, которое оказывают одни индивиды или группы на другие. По определению М. Вебера подчеркиваются следующие основные черты власти:

- власть не есть принадлежность индивидов, а существует в отношениях между ними;
- власть должна определяться в терминах вероятности, возможности;
- основу власти могут составлять любые вещи, свойства или отношения;
- власть всегда против кого-то, она предполагает конфликт и действия вопреки одним интересам людей в пользу других.

Схожим образом он препарировал понятие «господство» как вероятность того, что тот или иной приказ встретит повиновение у группы людей. Это определение имеет следующие особенности: 1) власть осуществляется индивидуумами и, вследствие этого, предполагает выбор, деятельность и намерение; 2) оно связано с представлением об опосредующей деятельности, то есть о достижении индивидом желаемых целей; 3) власть осуществляется по отношению к другим индивидам и может быть связана с сопротивлением и конфликтами; 4) власть подразумевает наличие различий в интересах между теми, кто обладает ею, и теми, кто ее лишен; 5) власть негативна, она приводит к депривации и ограничению деятельности подчиненных³⁸.

По мнению М. Вебера власть приобретает качества авторитета тогда, когда ее осуществление полагается народом как легитимное, оправданное традициями, законами, харизмой лидера. Таким образом, власть трактуется как отношение конфликтного характера, где один из субъектов воздействует на другого, не обращая внимание на нежелание последнего повиноваться.

Однако М. Вебер осознавал ограниченность такого подхода к определению власти. Данный подход искажает природу властных отношений, так как концентрирует внимание только на моменте силового давления одного участника социальных отношений на другого в целях осуществления своей воли и игнорирование при этом готовности подчиниться последнего. Преодолевая это искажение М. Вебер в дальнейшем, в работе «Экономика и общество», заменяет «социологически аморфное» понятие «власть» понятием «господство». Господство понимается как отношение между двумя агентами и предполагает в каждом из них наличие согласия, заинтересованности и участия в нем.

Феномен власти в трактовке М. Вебера выявляет следующее противоречие. В зависимости от ситуации мы говорим о власти того или иного конкретного агента – о вла-

³⁷ Weber M. *Economy and Society*. N.Y., 1968. Vol. 1. - С. 53.

³⁸ См.: Вебер . *Политика как призвание и профессия // Избранные произведения*. – М., 1990. – С. 644 – 706.

сти отца над детьми, власти начальника над подчиненными, т.е. мы говорим о власти, которая проявляется в возможности распоряжаться, отдавать команды и т.д. лицу, которое не может в силу каких-то причин не подчиниться (при этом зачастую не желает, сопротивляется и т.д.).

Однако фактически такой власти не существует. Повиновение власти обусловлено не только возможностями самого властвующего, сколько принятием и признанием необходимости подчинения со стороны подвластного. Таким образом, существуют предпосылки, которые делают подчинение власти неизбежным, а сама власть является некой расстановкой сил в обществе и представляет собой вектор, задающий направление взаимовыгодного сотрудничества в достижении поставленных целей.

Руководствуясь теорией социального действия, Вебер трактует власть, прежде всего, как неравный тип отношений, где один действующий субъект способен навязать свою волю другому. «Власть, – пишет он, – означает любую возможность проводить внутри данных социальных отношений собственную волю даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основана».

Для самого М. Вебера наиболее предпочтительным направлением исследования власти было второе, «системное». В пользу этой зрения говорит то, что М. Вебер особое внимание уделял исследованию основных видов признания власти – исторических типов господства – «традиционного», «харизматического» и «рационального».

Типология М. Вебера представляет идею, согласно которой подчинение всегда мотивировано. Оно является результатом выбора субъекта и воспринимается им как необходимое и желаемое в соответствии реализации поставленных им целей. «Господство» возможно там, где есть «господин».

Неклассический подход при анализе властных отношений отходит от критерия «господство-подчинение» и рассматривает их в более широком смысле, показывая их «вездесущность». Источник такого подхода связывают с творчеством Ф. Ницше («Воля к власти»), поскольку он исследует генеалогию власти («жизнь есть воля к власти»), что стимулировало появление ряда новых концепций – М. Фуко («Порядок дискурса»), Э. Канетти («Масса и власть»), А. Тоффлера («Метаморфозы власти»), П. Бурдьё («Социология политики») и др.

М. Фуко вводит новое понятие «власть-знание» обозначающее знание, которое предопределено целями и задачами власти, формирующей свои объекты. Власть уже выходит за рамки дисциплинарных институтов (тюрьмы, казармы, колледжи и т.п.) и охватывает собой все общество, любые отношения между людьми вплоть до интимных. Она симметрично располагается на всех уровнях функционирования социального тела и видит свою легитимность в эффективном управлении его жизнью.

Начиная с работ Фуко, в философии и науке происходит расширение границ политического: политическое теперь видят не только в идеологии и институтах власти, но и в отношениях «врач – пациент», «учитель – ученик», в пенитенциарных институтах и пр. Движение мысли Фуко и его последователей состояло в том, чтобы увидеть политическое там, где его раньше не видели. Этот обыденный опыт показывает, что власть в повседневности рассматривается, преимущественно, как нечто внешнее самой человеческой жизни, как то, что мы должны это как-то учитывать, чему мы должны в той или иной мере подчиняться. Но вместе с этими явными проявлениями власти («я – гражданин», т.е. моральный, правовой, экономический субъект) есть не вполне очевидный, но чрезвычайно важный пласт как будто бы «невидимой» власти, которая влияет на нашу жизнь, организуя ее.

Концепция власти, предложенная М. Фуко, интересна своей нетрадиционностью, новым (неклассическим) подходом к анализу феномена власти.

В работе «Воля к истине» происхождение власти содержит ряд положений, категорически отличающихся от классической концепции власти, которая трактует власть в границах отношения «закон-подчинение». Он говорит, что мы не должны ставить закон в качестве первоначального анализа власти. «Властью я называю не «Власть» как совокупность институтов и аппаратов, которые гарантировали бы подчинение граждан в ка-

ком-то государстве. Под властью я также не подразумеваю такой способ подчинения, который в противоположность насилию имел бы форму правила»³⁹

По Фуко, власть разделила общество, и она борется ради сохранения одной части общества в ущерб другой. Пределов этот процесс эволюции власти достигает в практике правых и левых тоталитарных режимов. Сам французский мыслитель отвергал концентрацию власти в одних руках. Вообще вопрос о принадлежности власти для него не очень актуален; власть осуществляется и нельзя ее искать в определенном месте, поскольку она диаграмматична. Власть понижает общество во всех сферах (в тюрьмах, школах, казармах и пр.) и определяется Фуко как соотношение сил. Субъект, однако, наделен силами противодействовать власти (действие и противодействие – это два элемента сконцентрированных в субъекте).

Концепция М. Фуко направлена на создание адекватного, приемлемого человеческого общезнания. Отказ от персонификации власти дает ему повод говорить, что с тех пор как Монтескье предлагал разделить государственную власть на исполнительную, законодательную и судебную, произошел прорыв демократических преобразований во многих странах мира. Власть, по Фуко, должна циркулировать и не быть сконцентрированной в одном месте и в одних руках, потому что она должна создавать истину. В этом смысле понятен призыв Фуко к политикам и интеллектуалам стремиться к власти не ради самой власти, а ради создания прочного фундамента общества. В этом заключается ангажированность интеллигенции.

М. Фуко занимается не анализом политической власти как таковой, поскольку власть невозможно сконцентрировать в одном месте или в одних руках. В фокусе его исследовательского интереса находится феномен власти в социуме. Поэтому все социальные отношения являются властными.

Власть растворена в обществе, ибо она вездесуща и непрерывна. Власть находится не вне государственных институтов, экономических или юридически-правовых систем, а внутри них. Поэтому анализ властных отношений Фуко вписывает в предельно широкий социально-исторический и культурный контекст. Государство и его институты – лишь порождение, или воплощение, власти как первичного социально-исторического феномена.

Итак, очевидно, что ряд авторских концепций власти (К. Маркс, М. Вебер, М. Фуко) не могут быть очевидным образом отнесены к какому-либо подходу по общепринятым классификациям направлений научного исследования власти. Вместе с тем, эти подходы радикальным образом повлияли на образы и модели власти не только в концептосфере науки, но и общественной жизни. Иными словами, подходы к философскому анализу власти, которые существенно всего определили представление о ней в обществе, «выпадают» из общепринятых классификаций. Мы считаем, что рассмотрение понятия власти в социально-историческом контексте и, исходя из исторических вызовов эпох, в которые они сформировались, даст возможность расширить границы трактовки власти и позволит лучше его понять на уровне философско-культурологической рефлексии.

Если проследить традицию трактовки власти в европейской философии, то можно сделать вывод о том, что на протяжении длительного периода, начиная с античности и до конца XIX века, власть представлялась как второстепенный феномен, рассматриваемый лишь как часть более существенной государственно-правовой проблематики. В ходе философских споров о божественном происхождении власти и улучшении государственного устройства власть как онтологический феномен оставалась в тени.

Изменения в общественном сознании европейцев, связанные с всеобщим кризисом прежних духовных, религиозных и политических ценностей повлекли за собой усиление внимания философии к власти. Обоснование онтологического статуса власти было призвано изменить картину общественного бытия и видение других социальных феноменов. Ослабление культурно-политического влияния аристократии, усиление парламентаризма через расширение избирательных прав граждан заново ставили проблему легитимации власти.

Тотальный кризис прежних ценностей культуры вызвал необходимость философского переосмысления этого кризиса и поисков путей выхода из него. В этой ситуации

³⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996(b) – С.190.

наиболее яркими и радикальными попытками переосмысления вопроса о власти стали философское учение Карла Маркса.

Формирование социально-политических воззрений теоретической позиции Макса Вебера во многом определялось общественно-политической ситуацией в Германии последней четверти XIX в., а также состоянием науки того времени, прежде всего политической экономики, истории и социальной философии. Для общественно-политической ситуации в Германии конца прошлого века характерна борьба двух социальных сил: сходящего с исторической сцены немецкого юнкерства, связанного с крупным землевладением, и крепнущей буржуазии, стремящейся к политической самостоятельности. Формирование самосознания немецкой буржуазии происходило в эпоху, когда на исторической арене появился новый класс – пролетариат. Это определило двойственный характер немецкой буржуазии, ее политическую нерешительность и противоречивость позиции ее теоретиков. К последним принадлежал и Макс Вебер. По своей политической ориентации Вебер был буржуазным либералом, и его взгляды имели характерный для немецкого либерализма националистический оттенок.

Динамика и направленность развития политических идей тесно взаимосвязаны с развитием самого общества, всех его сфер. Расширение и углубление политических знаний, в свою очередь, способствуют качественному движению общества. Самую политическую власть нельзя рассматривать вне широкого, социального, общекультурного, исторического контекста. Состояние института власти напрямую зависит от состояния общественных, общечеловеческих отношений на данном этапе развития цивилизации. Это диктует необходимость прояснения понятия власти во всей ее многомерности и неоднозначности. Власть – одна из тех категорий, которые отражают существенные и закономерные связи и отношения, как реального политического процесса, так и знания о нем. Ее невозможно полностью, исчерпывающе раскрыть лишь с точки зрения права, политики, морали или экономики, которые представляют собой только отдельные проявления, или аспекты, этого многогранного, многослойного и целостного феномена, каковым является общественный институт власти.

Концепция Фуко удовлетворяет тем соображениям, что были высказаны выше, и, прежде всего – своей нетрадиционностью, новым (неклассическим) подходом к анализу феномена власти.

«Тайна власти» порождает небывалое многообразие подходов и теорий, пытающихся ответить на вопрос о генезисе, сущности, формах властных отношений в обществе. Концепции власти простираются от проблем рассмотрения этого феномена в рамках коллективного социального действия до акцентирования отдельных сторон «неравного обмена» санкциями и ресурсами в условиях классического двухстороннего взаимодействия между двумя индивидами в обществе.

Современный мир актуализировал необходимость пересмотра или корректировки классического понимания власти. Отхода от жесткого противопоставления субъекта объекту. В современной философии чаще рассматривается в духе реляционных концепций – как межперсональный атрибут. При этом актуализируется идея власти как отношения равных сторон, а последняя приобретает субъект-субъектный характер.

Анализ современного философского дискурса показывает, что произошло смещение трактовок феномена власти в сферу политологических, социологических и культурологических концептов. При рассмотрении власти как философско-культурологической категории анализируется и становление данной категории в истории мысли ее теоретическая наполненность и всеобщность для областей наук, исследующих социальную реальность.

Итак, власть является центральной категорией социально-философского и философско-культурологического знания в целом и политической науки в частности. Однако власть не может рассматриваться вне социально-исторического и социально-политического контекста эпохи.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России: Книга статей. – М.: Эксмо, 2007.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999.

3. Власть: Очерки современной политической философии Запада / Отв. ред. В.В. Мшвениеридзе. М., 1989.
4. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии: Учеб. пособие,— М.: Высш. шк., 1995.
5. Тихонов А.А. Власть в контексте социального взаимодействия: Философский анализ: диссертация
6. Ледаев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
7. Осипова Е.В. Власть: отношение или элемент системы? (реляционистские и системные концепции власти в немарксистской политологии) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М., 1989. с.66
8. Арндт Х. Vitaactive, или О деятельной жизни. — СПб., 2000.
9. Маркс К. Энгельс Ф. Соч.Т.4.
10. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 19.
11. Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.39.
12. Weber M. Economy and Society.N.Y., 1968.Vol. 1.
13. См.: Вебер. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. — М., 1990.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. — М., 1996(b).

PHENOMENON OF POWER IN TERMS OF PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL REFLECTION

O.V. PAVLOVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Pavlova179@mail.ru

This article discusses the paradigms and approaches to the interpretation of the phenomenon of power in the philosophical-cultural thought. The author considers the ways of philosophical-cultural reflection on the phenomenon of power by appealing to their social and historical contexts.

Keywords: power, phenomenon of power, political power, supremacy, submission.

УДК 140.8:21

ПАНТЕИЗМ КАК ПАРАДИГМА РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

С.А. АН
В.В. ПАСЕЧНИК

*Алтайская государственная
педагогическая академия*

e-mail: Skiper31@yandex.ru

В статье затронут вопрос определения парадигмы русской религиозной философии. В данной связи авторами рассматривается явление пантеизма, его история, связь с доктриной пантеизма и неоплатоническими концепциями, оказавшими серьезное влияние на религиозных мыслителей рубежа XIX – XX веков.

Ключевые слова: онтология, кризис, Мировая Душа, пантеизм, панентеизм, Всеединство, гностицизм, неоплатонизм, имманентное, трансцендентное, парадигма, софиология.

Многие проблемы, рассматриваемые русской религиозной философией, сегодня еще более обострились. Причем они не только обнаружили ряд важных, ключевых вопросов отечественной духовной мысли, но также во многом предвосхитили решение важнейших задач дальнейшего развития человечества, опираясь при этом на предшествующую историко-философскую мысль. Они соединили все философское наследие и в объединили в своих теориях мир в единое целое. Творческое наследие русской религиозной философии, особенно второй половины XIX века, в свете того морального опыта, который приобрело человечество в XX – начале XXI вв. и за который оно заплатило непомерно высокую цену, является высочайшим нравственным ориентиром, освещающим нам путь к созданию общества, каким мы хотим его видеть. Важнейшими онтологическими задачами религиозной философии, на наш взгляд являются поиск первичной субстанции и включение материального мира в сферу трансцендентного, соотношение природного и сверхприродного.

Обозначенные в древности античным философом Плотиним, эти задачи определяли развитие религиозно-философского мировоззрения на протяжении многих веков. Они получили свое развитие в гностицизме, схоластике, в ранних гуманистических учениях, а впоследствии и в трудах русских религиозных философов. По мнению современных исследователей, важнейшим критерием приемлемости неоплатонических идей была их вовлеченность в строго научный и автономный процесс исследования природного универсума¹. Определению природного абсолюта посвящена ключевая доктрина русской религиозной философии – учение о Всеединстве, разработанное Владимиром Соловьевым. О роли неоплатонизма в становлении этой философской школы С.Л. Франк говорит в предисловии к своей книге «Предмет знания»: «Если нужно непременно приписаться к определенной философской «секте», то мы признаем себя принадлежащими к старой, но еще не устаревшей секте платоников»².

Связь с неоплатонизмом обнаруживает и В. Соловьев, описывая единство мирового бытия, божественного и тварного начал: «Я называю истинным или положительным всеединством такое, в котором единое существует не на счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается таким образом пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия»³.

¹Толстенко А. М. Эриугена и Кузанский: метафизическое истолкование Божественного. // Альманах VERBUM выпуск 13 Принцип "Совпадения противоположностей" в истории европейской мысли. Настор-история Спб. 2011. – С. 38 – 48, 41.

²Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 803.

³Соловьев В. С. Первый шаг к положительной эстетике / Собрание сочинений В.С. Соловьева, Т 7. М. 1892-1897. – С. 74.

На наш взгляд, весь свой талант мыслителя Вл. Соловьев направил на реализацию поистине глобальной задачи – реорганизации существующего мира. Сначала он вырабатывает метод, который бы помог понять возможность такой организации, затем в рамках данного метода исследует человека и социальные формы его бытия, и последнее, как нам кажется, самое сложное – обращается к качеству общества, его нравственности, следовательно идеалам Добра и красоты, мечтает об осуществлении идеала такого общества на Земле.

Свой метод организации мира Вл. Соловьев выстраивает в таких работах как «Философские начала цельного знания»(1877), «Критика отвлеченных начал»(1888), «Кризис западной философии»(1874). Уже во введении к книге «Кризис западной философии» мыслитель отстаивает свое убеждение по поводу того, что философия есть дело личного разума, и поэтому «...философское познание есть заведомо действие личного разума или отдельного лица во всей ясности его индивидуального сознания, субъект философии есть по существу единоличное Я как познающее... Поэтому философия в смысле мировоззрения есть мировоззрение отдельных лиц»⁴.

Эти рассуждения можно принять за преамбулу ко всей философии Вл. Соловьева, здесь право и на ошибку, и на оригинальность творческого субъекта. Отстаивая метафизику от нападок позитивистов, философ утверждает право существования и таких метафизических проблем философии, как проблемы Богочеловечества и Всеединства. Становлению метода Вл. Соловьева в философии в какой-то мере посвящена работа В. А. Акулинина «Философия Всеединства», но этот труд носит более исторический, нежели философский характер и не вскрывает влияние метода на все последующие философские воззрения Вл. Соловьева. Анализ метода рассуждений Вл. Соловьева необходим для того, чтобы выяснить сходство и различие данной концепции с похожими идеалистическими системами Запада, начиная с античной философии.

Так, в учении об идеях Вл. Соловьев следует Платону. Он полагает, что основные существа, составляющие содержание безусловного начала, во-первых, не суть только неделимые единицы – атомы, во вторых, они не суть только живые действующие силы, или монады, они суть определенные безусловным качеством существа, или идеи. Каждый субъект, являясь содержанием безусловного начала, составляя целое, должен иметь свое определенное содержание, т.е. он не может быть заменен или смешан с чем-нибудь другим, он сам есть вечная идея⁵. По Соловьеву, целостное Всеединство не есть нечто безликое серое, оно вбирает в себя яркую индивидуальность каждой конкретной истины, отсюда богатство и значимость идеального общества – Богочеловечества. Таким образом, человек может быть свободен и в Боге, иначе не было бы его самостоятельности и индивидуальности.

Вл. Соловьев подчеркивает неразрывную связь человека с природой, но, говоря о сознании субъекта, он считает, что только личность способна воспринимать Божественную идею и осуществлять ее в мире. Благодаря этому, человек является проводником «всеединого» Божественного начала в стихийную множественность – устройтеlem и организатором Вселенной. Отсюда определена роль человека в космической концепции Богочеловечества Соловьева, а от него – в антропологизме философии русского космизма. В идеальном плане в качестве организатора Вселенной Соловьев подразумевает Мировую Душу, далее эта роль принадлежит человеку, именно личность осуществляет порядок природы. Для Соловьева Мировая Душа есть и вечное человечество.

Подробно представление о Мировой Душе в учении Вл. Соловьева исследует В. В. Зеньковский. Это понятие введено в философию Платоном, затем оно проявляется в христианской метафизике и космологии. И хотя Зеньковский в этом анализе избегает говорить о неоплатонизме, нам представляется, что его понятие Мировой Души наиболее близко учению Вл. Соловьева. Учению Плотина, в свою очередь, свойственна интеллектуальная четкость платоновского объективного идеализма.

⁴ Соловьев Вл. Кризис западной философии / Собрание сочинений В.С. Соловьева, Т 2 М. 1988. – С.6.

⁵ Ан. С.А. Историсофия Владимира Соловьева в аспекте Богочеловечества// Русская философия: историко-философские дескрипты: – Екатеринбург: Издат. дом «Ажур», 2010. – С. 301.

Кратко изложим интересующие нас вопросы из философии Плотина. Духовное начало у него имеет иерархический ряд, который представляет собой сумму эманаций – «умалений» божественной сущности. Если у Платона высшее начало – идея Блага, а у Аристотеля – «форма форм», то главное начало у Плотина – Единое, неразличимое, предшествующее Уму и любому возможному субъективному эмпирическому опыту, предшествующему самосознанию. Ум – лишь первая ступень умаления Единого. В осознании этой эманации проявляется целостное, интуитивное восприятие, умственное созерцание, субъект и объект мышления тождественны. Следующая эманация – Душа, понимаемая как Мировая Душа. На этой ступени объект мысли расходится с субъектом, здесь ключевую роль играет синтез неделимости и делимости. Мировая Душа объемлет своим единством множественные души звезд и планет, душу Земли, одушевляющую растения и животных, души демонов и людей. Здесь очевидно сходство между христианской Троицей и Тριάдой Плотина.

Но в данном случае нас интересует связь учения о мировой Душе Соловьева и Плотина. В «Чтениях» Вл. Соловьев указывает, что Божественный мир состоит из трех главных сфер: сферы чистых духов, сферы умов и сферы душ. Все эти сферы находятся в тесной и неразрывной связи между собою, представляют полное внутреннее единство или солидарность между собою, так как каждая из них дополняет другую, необходима другой, утверждается другой. Мы полагаем, что схема Сфер Соловьева соответствует иерархической эманации Единого у Плотина. Итак, природный мир находится в тесной связи с Божественным миром, человек принадлежит к обоим мирам. Ближе всего к Божественному миру своим положительным общением с образами Славы и Красоты стоят личность с поэтическим творчеством, как считает Вл. Соловьев.

Почему важно для нас разобраться в учении Вл. Соловьева о Мировой Душе? Потому, что именно здесь имеет место целостное Всеединство, то есть человечество соединяется с Божеством. В восьмом и девятом «Чтениях» Вл. Соловьев в символах христианства, Божества, Иисуса Христа, Софии, показывает механизмы как поднятия низшего к высшему так и отпадения низшего от высшего.

Нам представляется необходимым подчеркнуть: пристальное внимание к духовности, к духовной жизни личности и народа пронизывает все поиски русской мысли, в какой бы форме она ни выражала себя – в форме ли богословско-философских сочинений (как это часто было у П. А. Флоренского, Г. В. Флоровского, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова и других) или же в литературно-художественных жанрах. Духовно-нравственные искания высшего назначения человека, постижение абсолютных координат человеческого бытия – эти задачи русской религиозной философии, определившиеся историческими особенностями ее культуры, становятся все более востребованными в современном мире, поскольку разрастающийся утилитаризм, кризис идеальных оснований национальных культур побуждают искать путь сохранения духовности.

Всеединство как Абсолют описывает апологет Вл. Соловьева – Лев Карсавин: «Существо, совершеннее коего нет ничего и помыслить нельзя, все в себе заключает. Оно Всеединство. Рядом с ним я – ничто, я нечто лишь в Нем и Им, – иначе Оно не совершенство, не Всеединство»⁶.

Такое истолкование Абсолюта-Всеединства приближает его к классическому пантеизму. Однако и сам Соловьев и его последователи четко разводили понятия Всеединства и пантеизма. Об этом пишет В.В. Зеньковский: «Карсавин – мы увидим то же и у других поклонников метафизики Всеединства – хорошо понимает, что он приближается к пантеизму и, конечно, тщательно хочет сбросить с себя этого рокового спутника метафизики Всеединства – хотя пантеизм, как «горе злосчастью» в русской сказке, так прилепляется к «Всеединству», что совсем сбросить его становится невозможным»⁷. В своем сочинении «Глубины Сатанинские», Л. П. Карсавин критикует доктрину пантеизма, или «имманентного» универсализма, на примере учения офитов: «Понятно, что превознесение единства потенциальности неизбежно ведет не к превозношению множества во Всеедин-

⁶ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 795.

⁷ Там же. С. 796.

стве, – писал он, – а к отрицанию множества (ибо нет даже идеи Всеединства, подменяемой идеей неразличного единства), т.е., к отрицанию всякой разъединенности и материальности. И офиты усматривают первоначальность материи только для того, чтобы материю отвергнуть⁸.

Таким образом, определение Всеединства, как пантеистической системы представляет собой серьезную онтологическую проблему. С одной стороны. Всеединство и пантеизм определенно имеют общие корни. Идея пантеизма возникла как умозрительная модель неоплатонизма и получила значительное развитие в космологии гностицизма. Гностицизм предлагает новое, более сложное видение неоплатонических идей в русле новой, монистической теософии. Отдельные исследователи, такие, как В.В. Зеньковский или Н.М. Бахтин, усматривают в доктрине Всеединства определенное родство с гностической космологией. Современный исследователь трудов Вл. Соловьева А.П. Козырев усматривает в софиологии сильное влияние александрийского гностицизма, отмечая при этом, что Соловьев-идеалист обычно затмевал истинного Соловьева-гностика⁹. Эти гипотезы имеют под собой обширную доказательную базу: в своих сочинениях представители русской религиозной философии неоднократно обращаются к гностической мифопоэтике, как это можно видеть в «Песни офитов» Вл. Соловьева или в «Софии Земной и Горней» Л. Карсавина. Также, критикуя учение Василида, Л. Карсавин восхищается созданной им «гениальной» умозрительной системой иерархии эманаций и умаления Божественного¹⁰. Рассматривая космогоническую систему Василида, Л. Карсавин не признает ее безусловно пантеистической: по его мнению, пантеизм возникает в уже системе Валентина как решение противоречий александрийского гностицизма. Поэтому, отдавая свои симпатии гностикам, Вл. Соловьев и его сторонники в большей степени обращаются к наследию таких мыслителей, как Эуригена, Николай Кузанский и Джордано Бруно, столь непохожих на классических католических богословов.

Именно идеи Кузанского представляют собой важное «гуманистическое» звено в преемственности неоплатонических идей. А.Ф. Лосев так писал о Николае Кузанском: «Безусловно, неоплатоник, в самом строгом и подлинном смысле слова»¹¹. Бог Н. Кузанского, как отмечает А.Ф. Лосев – не что иное, как абсолютный интеграл, и абсолютный же дифференциал, предел суммы всех его бесконечных становлений. «Эта непрерывная активная возможность пронизывает собою всю божественную стихию бытия, а божественное бытие и есть для него не что иное, как *possest*, т.е. как *posse est*, как то, что есть одновременно и бытие, и активная возможность бытия¹²». Говоря о системе Н. Кузанского, С.Л. Франк подчеркивает: «Мы лично обратились к этим забытым мыслителям, лишь когда уже сложившееся в нас философское мировоззрение заставило нас внимательно отнестись к их системам»¹³. Гуманист Н. Кузанский сам описывает природный универсум следующим образом: «... во всем присутствует божественное бытие, которое есть абсолютная сущность, дающая всему такое бытие, каким оно обладает. Но так как все стремится к благу и, так как нет ничего притягательнее самого бытия, которое абсолютная сущность заставляет истекать из своей поистине наипрекраснейшей сокровищницы, мы называем Бога, который именуется сущностью, единственным благом...»¹⁴

Но исчерпывается ли система Н. Кузанского определением пантеизма? Однозначного ответа на этот вопрос историко-философская наука не дает, однако в настоящее время сложилось авторитетное мнение. Это мнение озвучил в своей статье «*Coincidentia oppositorum* в проповедях Николая из Кузы» американский исследователь Джаспер Хопкинс: «Хотя Кузанец говорит о мире как об определенном отражении, отражение Господа

⁸ http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Gnost/index.php (дата обращения: 18.9.12). – С. 235.

⁹ Козырев А. П. Соловьев и гностики: научное издание. М.: Изд. Савин С.А., 2007. – С. 7.

¹⁰ http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Gnost/index.php (дата обращения: 18.9.12). – С. 242.

¹¹ Лосев А. Ф. Эстетика возрождения. М.: Мысль. – С. 291.

¹² Лосев А. Ф. Эстетика возрождения. М.: Мысль, 1978. – С. 291.

¹³ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 803.

¹⁴ Джаспер Х. *Coincidentia oppositorum* в проповедях Николая из Кузы. // Альманах VERBUM выпуск 13 Принцип "Совпадения противоположностей" в истории европейской мысли. СПб.: Настор-история, 2011. – С. 84.

не есть Он – ничуть не более, чем зеркальный образ человека, является человеком. В противоположность трактовке Венка, Николай не склонен к пантеизму¹⁵».

Таким образом, на заре гуманизма возникла космологическая модель, принципиально отличая от той, что предлагал «александрийский» гностицизм. В своих трудах Н. Кузанский предложил такую религиозную систему, при которой Бог не только имманентен, «соотносим» с миром, но и трансцендентен по отношению к нему. Определенно, эта система близка доктрине пантеизма, но в то же время имеет ряд существенных особенностей. Идея соотношения трансцендентного имманентному в известной степени разрешает основной парадокс пантеизма, сформулированный Л. Карсавиным. По мнению Л. Карсавина, пантеизм не может удовлетворять основным положениям Всеединства, так как отвергает абсолютную реальность христианского триединства, и тем самым заключает в себе скрытое отрицание абсолютности Первоначала, как двуединства потенции и акта¹⁶. Л. Карсавин использует термин «панентеизм», определяя его как метафизику Всеединства. Панентеизм предлагает систему, в которой Абсолютное «соотносительно», и при этом немыслимо без мира. «Учение об Абсолюте в христианстве, – пишет Л. Карсавин, – превышает различие между Творцом и тварью... христианство завершает пантеизм и теизм¹⁷».

Этим термином также активно пользуется С.Л. Франк. Отталкиваясь от понятия панентеизма, он описывает Абсолют следующим образом: «Бог, [...] как абсолютное первооснование или первоначало, есть Всеединство, вне которого вообще ничто не мыслимо. Если мир по сравнению с Богом есть нечто «совсем иное», то сама эта инаковость и проистекает из Бога и обоснована в Боге¹⁸».

Нами замечено, что с термином панентеизма в истории философии связан онтологический казус: начиная с середины двадцатого века, он практически выходит из употребления. Последний раз термин встречается в трудах В. В. Зеньковского, где он приводит его со ссылкой на труды последователей Вл. Соловьева.

Использование в философских трудах термина панентеизма поможет разрешить ряд онтологических противоречий в изучении феномена Всеединства. Определение панентеизма, как ведущей духовной идеи, данное в работах Л. П. Карсавина и С. Л. Франка, соответствует одной из важнейших задач религиозной философии – задачи переосмысления духовного наследия неоплатоников. Поэтому философская система Всеединства схожа одновременно и с космологией Василида, и с теогонической моделью Н. Кузанского, гармонично объединяя эти две неоплатонические системы и вместе с тем, разрешая их противоречия. Это сочетание наилучшим образом демонстрирует синкретический характер доктрины Всеединства.

Таким образом, онтологический, гносеологический и социально-нравственный аспекты панентеизма выводят его в статус парадигмы русской религиозной философии. Также панентеизм обладает рядом качеств сугубо национального характера: соединение метафизического и личностного, единичного и всеобщего.

Список литературы

1. Толстенко А. М. Эриугена и Кузанский: метафизическое истолкование Божественного. // Альманах VERBUM выпуск 13 Принцип "Совпадения противоположностей" в истории европейской мысли. Настор-история Спб. 2011, – С. 38 – 48.
2. Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
3. Соловьев В. С. Первый шаг к положительной эстетике / Собрание сочинений В.С. Соловьева, Т 7 М. 1892-1897. – 889 с.

¹⁵ Джаспер Х. *Coincidentia oppositorum* в проповедях Николая из Кузы. // Альманах VERBUM выпуск 13 Принцип "Совпадения противоположностей" в истории европейской мысли. СПб.: Настор-история, 2011. – С. 32.

¹⁶ http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Gnost/index.php (дата обращения: 18.9.12) – С. 233-235.

¹⁷ Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 796.

¹⁸ Там же.

4. Соловьев Вл. Кризис западной философии. / В.С. Соловьев. Собрание сочинений В.С. Соловьева, Т 2 М. 1988.
5. Ан. С.А. Историософия Владимира Соловьева в аспекте Богочеловечества. / Русская философия: историко-философские дескрипты: – Екатеринбург: Издат. дом «Ажур», 2010. – 464 с. (с.292-310).
6. Карсавин Л. П. Глубины Сатанинские. / Гностики или о "лжеименном знании" [Электронный ресурс] – URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Gnost/index.php (дата обращения: 18.9.12)
7. Козырев А. П. Соловьев и гностики: научное издание. М. : Изд. Савин С.А., 2007. – 544 с.
8. Лосев А. Ф. Эстетика возрождения. М.: Мысль, 1978. – 630 с.
9. Джаспер Х. Coincidentia oppositorum в проповедях Николая из Кузы. // Альманах VERBUM выпуск 13 Принцип "Совпадения противоположностей" в истории европейской мысли. СПб.: Настор-история, 2011. – С.80-94.

PANENTHEISM AS A PARADIGME OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

S. A. AN
V. V. PASECHNIK

Altai State Pedagogical Academy

e-mail: Skiper31@yandex.ru

This article touches upon the definition of the paradigm of the Russian religious philosophy. Thus, the authors view the notion of Panentheism, its history, its connection with the doctrine of Panentheism and Neoplatonic concepts that had a strong influence on religious notionals of the turn of the XXth century.

Key words: ontology, crisis, the World Soul, pantheism, panentheism, the Unity, gnosticism, Neoplatonism, immanent, transcendent, paradigm, sophiology.

УДК 340.134:352.07 (477)

ВИДЫ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Г.И. САЛИВОН

*Национальный университет
«Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»*

e-mail: lion-46@yandex.ru

Статья посвящена анализу системы муниципально-правовых санкций в Украине. В статье рассматриваются виды муниципально-правовых санкций, предусмотренные законодательством Украины, некоторые аспекты их реализации, подчеркиваются недостатки правовой основы их реализации, указываются возможные пути решения существующих проблем. В статье поддерживается идея создания в будущем Муниципального кодекса Украины, который должен ликвидировать существующие коллизии и пробелы отечественного законодательства. Указывается на необходимость и важность реального существования таких санкций не только для организации и функционирования местного самоуправления, но и для государства в целом.

Ключевые слова: санкции, муниципально-правовые санкции, ответственность, юридическая ответственность, юридическая ответственность в местном самоуправлении, юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления, муниципально-правовая ответственность, муниципальное право, местное самоуправление.

Санкция занимает центральное место в правовом институте юридической ответственности. Ее исследованию всегда уделялось достаточно внимания как со стороны теоретиков права, таких как С.С. Алексеев, В.В. Копейчиков, О.Э. Лейст, С.Н. Олейников, А.В. Петришин, П.Н. Рабинович, М.В. Соболев, М.В. Цвик и других, так и со стороны ученых, которые занимаются проблемами конкретных разновидностей юридической ответственности.

Исследованием проблематики санкций и юридической ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления занимались такие украинские ученые как М.А. Баймуратов, А.В. Батанов, В.В. Кравченко, П.Н. Любченко, А.Ю. Лялюк, Е.Г. Остапенко, М.В. Питтик, В.Ф. Погорилко, В.Л. Федоренко, О.Ф. Фрицкий и другие. В работах этих ученых проводится анализ сущности указанных вопросов в целом, исследуются некоторые виды муниципально-правовых санкций, а также фрагментарно рассматриваются аспекты их реализации. Но следует отметить, что комплексное исследование этих вопросов не проводилось.

Ценность для науки муниципального права Украины имеет также опыт некоторых стран мира по вопросам исследования муниципально-правовых санкций. Так, например, в российской правовой науке проблематика муниципально-правовых санкций нашла отражение в работах И.А. Алексеева, М.С. Долгополовой, А.А. Кондрашева, О.Е. Кутафина, Н.Н. Черногора, Е.С. Шугриной и других. Вышеуказанные ученые создали мощную теоретическую базу реализации мер муниципально-правовой ответственности, которая может быть использована в процессе научного осмысления и разработки предложений относительно оптимизации правовой регламентации принципов организации и функционирования местного самоуправления в Украине.

Целью данной статьи является освещение результатов исследования системы муниципально-правовых санкций, которые содержатся в украинском законодательстве, а также анализа некоторых их особенностей и путей дальнейшего усовершенствования правовой базы их реализации.

Одной из муниципально-правовых санкций является досрочное прекращение полномочий органа или должностного лица местного самоуправления. В литературе та-

кую санкцию еще называют – досрочное лишение (изменение) конституционного статуса органа местного самоуправления, его должностных лиц¹.

Закон Украины «О местном самоуправлении в Украине»² к такой муниципально-правовой санкции относит: досрочное прекращение полномочий сельского, поселкового, городского, районного в городе совета (ст. 78), сельского, поселкового, городского головы (ст. 79), а также органа самоорганизации населения (ст. 80).

Право применить такую санкцию, согласно Закону Украины «О местном самоуправлении в Украине»³, имеет территориальная громада или ее часть (например, в случае досрочного прекращения полномочий органа самоорганизации населения), а относительно муниципально-правовой ответственности сельского, поселкового, городского головы, то такое право также принадлежит и представительскому органу территориальной громады, т. е. соответствующему местному совету. Реализовать это право территориальная громада может с помощью форм непосредственной демократии – местного референдума, общих собраний граждан (в случае досрочного прекращения полномочий органа самоорганизации населения).

Основаниями применения такой санкции являются нарушения Конституции или законов Украины, нарушение или ограничение прав и свобод граждан, отсутствие обеспечения осуществления предоставленных им законом полномочий. Статья 80 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине»⁴ дополнительно устанавливает, что полномочия органа самоорганизации населения могут прекращаться досрочно в случае невыполнения решений сельского, поселкового, городского, районного в городе совета, ее исполнительного комитета, общих сборов граждан или невыполнения своих полномочий. Примером основания ответственности местного совета может быть принятие им решения с нарушением Конституции Украины, или не проведение сессии в установленные сроки без уважительных причин.

Устранения нарушений норм муниципального права, в частности признание незаконными актов органов или должностных лиц местного самоуправления в целом или их отдельных положений, приостановление действия этих актов также могут быть справедливо признаны муниципально-правовыми санкциями. Так, согласно п. 4 ст. 59 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине»⁵ решение сельского, поселкового, городского совета в пятидневный срок с момента его принятия может быть приостановлено сельским, поселковым, городским головой и вынесено на повторное рассмотрение соответствующего совета с обоснованием замечаний; согласно п. 7 этой статьи, в случае несогласия сельского, поселкового, городского головы (головой районного в городе совета) с решением исполнительного комитета местного совета он может приостановить действие этого решения своим распоряжением и вынести этот вопрос на рассмотрение соответствующего совета; согласно п. 9 решения исполнительного комитета совета по вопросам, отнесенным к собственной компетенции исполнительных органов совета, могут быть отменены соответствующим советом; согласно п. 10 этой статьи акты органов и должностных лиц местного самоуправления по мотивам их несоответствия Конституции или законам Украины признаются незаконными в судебном порядке.

В ч. 3 ст. 20 Закона Украины «Об органах самоорганизации населения»⁶ установлено, что решения органа самоорганизации населения, которые не отвечают действующим

¹ Погорілко В.Ф. Конституційне право України [Електронний ресурс] : підручник. 2-ге видання, перероблене та доопрацьоване / В.Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К. : Правова єдність, 2010 – 428 с. // Бібліотека українських підручників (pidruchniki.website) – 2010 – 2012 – Режим доступу : http://pidruchniki.ws/17280924/pravo/sanktsiyi_munitsipalno-pravovoyi_vidpovidalnosti#601.

² Про місцеве самоврядування в Україні [Текст] : Закон України від 21.05.1997 р. № 280/97-ВР (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1997. – № 24. – Ст. 170.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Про органи самоорганізації населення [Текст] : Закон України від 11.07.2001 р. № 2625-III (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2001. – № 48. – Ст. 254.

щему законодательству или принятые по вопросам, не отнесенным к его полномочиям, приостанавливаются соответствующим сельским, поселковым, городским, районным в городе советом с одновременным обращением в суд об отмене такого решения.

В юридической литературе приостановление и отмена актов рассматривались преимущественно как мера конституционной ответственности⁷, или как самостоятельный вид ответственности⁸. Мы считаем, что поскольку речь в данном случае идет об отмене или приостановлении актов органов и должностных лиц местного самоуправления, и отменяются они субъектами местного самоуправления или по их требованию, то можно утверждать, что это муниципально-правовая санкция.

Основанием применения такой санкции является издание незаконного акта, т. е. нарушающего положение Конституции или законов Украины, в том числе нарушающего нормативное предписание о незаблестности прав человека, или издание акта по вопросам, которые не входят в их компетенцию. По нашему мнению, это как раз и является проявлением нарушения норм муниципального права, то есть муниципальным правонарушением, за которое применяется указанная санкция. Мы согласны с мнением М.Д. Шиндяпиной, которая считает издание незаконных актов и решений разновидностью правонарушений⁹.

Анализируя санкцию приостановления и отмены актов как меру государственно-правовой ответственности, Л.П. Красовская отмечает, что неблагоприятные последствия в данном случае состоят в понижении авторитета органа (должностного лица), который принял акт¹⁰.

Некоторые ученые считают, что данная мера представляет собой лишь устранение из правового пространства акта, который в этом пространстве существовать не может, и при этом никто никого не наказывает. Само по себе признание правового акта частично или полностью незаконным, или даже неконституционным, утверждает Д.Т. Шон, не влечет за собой никаких ограничений или лишений правового или материального характера для тех, кто их издал. Отмена акта не освобождает от ответственности ее авторов¹¹.

Мы считаем, что наряду с восстановлением правового порядка деятельности органов местного самоуправления Украины, данная муниципально-правовая санкция влечет такие последствия как отмена или приостановление актов или их отдельных частей, т. е. определенное ограничение права субъектов местного самоуправления самостоятельно решать вопросы местного значения, для чего они собственно создавались и формировались, а также правомерное блокирование их деятельности. Это является одновременно юридическим ограничением и правовым влиянием на нарушителей норм муниципального права.

Отмечая спорность этого вопроса, ученые В.Ф. Погорилко и В.Л. Федоренко, приходят к выводу, что все же можно признать приостановление действия и отмену незаконных актов одной из санкций муниципально-правовой ответственности. Они считают, что в данном случае присутствует негативная публично-правовая оценка как деятельности тех, кто издал незаконный акт, так и неблагоприятных последствий для них. При этом они указывают, что систематическая отмена актов того или иного органа либо должностного лица местного самоуправления позволяет поставить вопрос о ненадлежащем выполнении ими своих обязанностей. Именно эти два признака (негативная оценка действия и неблагоприятные последствия для субъекта), по их мнению, должны стать основ-

⁷ Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву / Зражевская Т.Д.; Науч. ред.: Основин В.С. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – С. 84; Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Н.М. Колосова // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 90.

⁸ Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству / Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 212-213.

⁹ Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: Учеб. пособие / Юридический институт МВД России. – учеб. изд. – М.: Книжный мир, 1998. – С. 86.

¹⁰ См. Сивицкий В.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности: обзор научной конференции / В.А. Сивицкий // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 116.

¹¹ Шон Д.Т. Конституционная ответственность / Д.Т. Шон // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 41.

ными критериями для отнесения той или иной меры ответственности к категории санкций, в том числе конституционно-правовой и муниципально-правовой ответственности. Причем неблагоприятные последствия в данном случае имеют широкое толкование. Отмена акта предусматривает жесткий, категоричный императив и лишает акт всех его юридических потенций, в том числе ретроспективно. Отмена может ликвидировать все правовые последствия действия такого акта с момента его принятия¹².

Что касается приостановления действия актов органов и должностных лиц местного самоуправления, то В.Ф. Погорилко, М.А. Баймуратов, Ю.Ю. Бальций и другие отмечают, что «приостановление и отмена – близкие, но не тождественные меры ответственности. Приостановление – это также отмена, но ограниченная во времени, т.е. такая, что не решает окончательно судьбу акта и не аннулирует его действие в предыдущем периоде»¹³.

Следует обратить внимание, что издание актов с нарушением Конституции или законов Украины является довольно негативным для государства и общества явлением, ведь порождает мысли, что можно не выполнять нормы наивысших нормативно-правовых актов Украины – законов. Если попустительствовать и не реагировать на такие правонарушения, то это вполне логично вызывает негодование в обществе, способствует отрыву органов местного самоуправления от первичного и основного субъекта местного самоуправления – территориальной громады. А одной из первоочередных целей существования и функционирования муниципально-правовых санкций является преодоление этого отрыва, восстановление связи и зависимости деятельности представителей территориальной громады от воли жителей соответствующего населенного пункта.

Издание незаконных актов местного самоуправления, безусловно, является правонарушением, поскольку это факт противоправного поведения. Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции Украины органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании, в рамках полномочий и таким образом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины¹⁴. К тому же акты органов и должностных лиц местного самоуправления, выданные в пределах полномочий, определенных законом, являются обязательными к выполнению на соответствующей территории (ч. 1 ст. 144 Конституции Украины) до тех пор, пока они не будут приостановлены или отменены, несмотря на то, что они нарушают Конституцию и законы Украины.

Учитывая вышесказанное, мы считаем, что должны существовать эффективные механизмы предотвращения возникновения таких актов, например, такая муниципально-правовая санкция как их отмена или приостановление. При этом отмена акта означает возвращение в состояние, которое было до его издания. А на субъекта, который его издал, возлагаются дополнительные обязанности возместить вред, причиненный таким актом, а также все расходы, которые были связаны с изданием такого акта и реализацией его положений. Следует отметить, что это довольно суровые последствия такого противоправного поведения, если они будут применяться каждый раз, когда выявлено такое правонарушение. И это впредь поможет сделать невозможным издание незаконных актов на уровне местного самоуправления.

Еще одной законодательно закрепленной муниципально-правовой санкцией является отзыв депутата местного совета избирателями. В юридической литературе такая мера ответственности уже длительное время признается как санкция¹⁵. Для этого есть все основания. Отзыв депутата местного совета является мерой влияния, которая применяется к нему как к субъекту муниципально-правовых отношений. Эта мера воздействия вы-

¹² Погорілко В.Ф. Конституційне право України [Електронний ресурс] : підручник. 2-ге видання, перероблене та доопрацьоване / В.Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К. : Правова єдність, 2010 – 428 с. // Бібліотека українських підручників (pidruchniki.website) – 2010 – 2012 – Режим доступу : http://pidruchniki.ws/17280924/pravo/sanktsiyi_munitsipalno-pravovoyi_vidpovidalnosti#601.

¹³ Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – С. 595.

¹⁴ Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.

¹⁵ Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – С. 597.

полняет организующую и превентивную роли одновременно, т. е. депутат обязан определенным образом исполнять свои обязанности, а иначе его могут отозвать.

Отзыв – несомненно негативная оценка поведения депутата местного совета со стороны граждан, которые его избрали. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 5 Закона Украины «О статусе депутатов местных советов»¹⁶, полномочия депутата местного совета прекращаются досрочно в случае отзыва депутата избирателями в установленном Законом Украины «О статусе депутатов местных советов» порядке без принятия решения соответствующего совета.

Существование этой муниципально-правовой санкции непосредственно связано с наличием мажоритарной избирательной системы на выборах депутатов местных советов. Согласно ст. 2 Закона Украины «О выборах депутатов Верховной Рады Автономной Республики Крым, местных советов и сельских, поселковых, городских голов»¹⁷ выборы депутатов сельских, поселковых советов проводятся по мажоритарной системе относительного большинства в одномандатных избирательных округах, а выборы депутатов областных, районных, городских, районных в городах советов, согласно ст. 3 этого же закона, проводятся по смешанной (мажоритарно-пропорциональной) системе, по которой половина от количества депутатов (общего состава) соответствующего совета избирается по мажоритарной системе относительного большинства в одномандатных избирательных округах, а другая половина – по избирательным списками кандидатов в депутаты от местных организаций политических партий в многомандатном избирательном округе.

Закрепление этой санкции в законодательстве Украины обусловлено, в первую очередь, осознанием того, что в своей деятельности депутат является представителем воли его избирателей, и несет ответственность, прежде всего, перед ними. Он обязан поддерживать постоянную связь с ними, выполнять их поручения, изучать общественное мнение, изучать нужды территориальной громады, информировать о них совет и его органы, принимать непосредственное участие в их решении, систематически, не реже одного раза в месяц, вести личный прием граждан, отчитываться (не реже одного раза в полугодие) о своей работе перед территориальной громадой на собраниях избирателей по месту их трудовой деятельности или проживания. Мы уверены, что за один прием в месяц невозможно достоверно изучить мнение избирателей по поводу решения вопросов местного значения, и, как следствие, точно выразить их волю в совете, защищать интересы соответствующей территориальной громады и ее членов, реагировать на общественно-политические изменения, которые происходят в собственном избирательном округе и т.п., поэтому депутат местного совета должен чаще проводить личный прием граждан в избирательном округе.

Муниципально-правовой санкцией также является досрочное прекращение полномочий депутата по решению представительского органа, то есть по решению соответствующего местного совета, в состав которого он входит.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 5 Закона Украины «О статусе депутатов местных советов»¹⁸ эта санкция муниципально-правовой ответственности может применяться в связи со вступлением в законную силу обвинительным приговором, по которому депутату назначено наказание, не связанное с лишением свободы.

Как отмечают В.Ф. Погорилко, М.А. Баймуратов, Ю.Ю. Бальций и другие «лишение полномочий по решению представительского органа местного самоуправления не означает, что такое решение принимается только потому, что в связи с приговором суда депутат лишается фактической возможности исполнять свои обязанности. Главное в этом случае то, что, совершив преступление, депутат теряет право продолжать осуществление

¹⁶ Про статус депутатів місцевих рад [Текст] : Закон України від 11.07.2002 р. № 93-IV (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2002. – № 40. – Ст. 290.

¹⁷ Про вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів [Текст] : Закон України від 10.07.2010 р. № 2487-VI (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2010. – № 35-36. – Ст. 491.

¹⁸ Про статус депутатів місцевих рад [Текст] : Закон України від 11.07.2002 р. № 93-IV (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2002. – № 40. – Ст. 290.

депутатских полномочий»¹⁹. Следует согласиться с мыслью этих ученых, так как такое поведение представителя территориальной громады является несовместимым с его деятельностью. Он должен быть примером поведения для других.

«Депутат нарушает одновременно нормы уголовного и муниципального права, например, ту, которая обязывает депутата руководствоваться в своей деятельности Конституцией Украины и действующим законодательством. Поэтому в таких случаях депутат несет двойную ответственность – и как депутат (лишение мандата), и как физический лицо (уголовное наказание)»²⁰. По поводу последнего следует сказать, что такой правонарушитель поддается воздействию разных видов санкций: за нарушение уголовного закона – наказание по приговору суда, за нарушения муниципального права – муниципально-правовая санкция в виде досрочного прекращения полномочий депутата по решению представительского органа. И даже если фактически противоправное действие лица было одно, нарушено было одновременно несколько норм разных отраслей права – уголовного и муниципального, поэтому санкций будет несколько.

Особенностью реализации муниципально-правовых санкций в Украине является возможность привлечения к муниципально-правовой ответственности местных органов государственной власти. Это обусловлено спецификой муниципальной системы нашего государства на региональном и районном уровне. Существует возможность применения санкций к местным государственным администрациям за невыполнение делегированных им полномочий органов местного самоуправления. В данной ситуации могут быть такие негативные последствия, как лишение делегированных полномочий, выражение недоверия главе местной государственной администрации соответствующим советом и возмещение вреда, связанного с ненадлежащей деятельностью государственных администраций, который причинен соответствующим местным бюджетам. Применять такие санкции имеет право областной или районный совет (в городах Киеве и Севастополе городские и районные в городе советы к городским и районным в городе государственным администрациям).

В законодательстве Украины предусмотрена специальная процедура выражения недоверия главе местной государственной администрации. Согласно абзаца 9 ст. 118 Конституции Украины областной или районный совет может выразить недоверие главе соответствующей местной государственной администрации, на основании чего Президент Украины принимает решение и дает обоснованный ответ. В случае выражения недоверия ему двумя третьими депутатов от состава совета Президент Украины принимает решение про отставку главы местной государственной администрации, гласит абзац 10 ст. 118 Конституции Украины.

Лишение местных государственных администраций делегированных полномочий, а также возмещение вреда в связи с этим сопровождается регрессом всех средств, которые переданы из местного бюджета этим органам, а также возвращением коммунальной собственности и возмещением всех расходов, в том числе амортизационных и связанных с межбюджетными трансфертами.

Мы считаем, что возмещение вреда более тяготеет к санкциям гражданско-правовой ответственности. Лишение же местных государственных администраций делегированных полномочий и выражение недоверия главе местной государственной администрации справедливо можно отнести к муниципально-правовым санкциям. Хотя фактически нарушителем здесь является орган государственной власти (именно он ненадлежащим образом исполнял полномочия по решению вопросов местного значения, которые были делегированы ему органами местного самоуправления), однако в указанных правоотношениях этот орган приобрел права и обязанности, присущие органам местного самоуправления. Похожей является ситуация, в которой органы и должностные лица местного самоуправления привлекаются к конституционно-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение делегированных полномочий органов государственной власти.

В системе муниципально-правовых санкций можно выделить группу так называемых «дисциплинарных» санкций. По характеру негативных последствий, призыванию,

¹⁹ Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – С. 598.

²⁰ Там же.

функциям, которые выполняют эти санкции, их можно отнести к дисциплинарным. Однако, они обеспечивают не трудовую дисциплину работников органа местного самоуправления и его аппарата, должностных лиц местного самоуправления, а призваны обеспечить дисциплину во время осуществления организационных форм работы этих субъектов. Среди них можно выделить такие: предупреждение о лишении слова, лишение слова по обсуждаемому вопросу, удаление из зала заседания, постановка вопроса об отзыве и т.п.

В украинской юридической литературе в системе муниципально-правовых санкций выделяются также и «процессуальные санкции»²¹. Они содержатся в регламентах местных советов и применяются в случае нарушения процессуальных норм регламента.

По мнению М.А. Баймуратова, М.М. Баймуратова, Ю.Ю. Бальция, А.В. Батанова, Ю.А. Волошина, Н.К. Исаева, М.И. Корниенко, П. Н. Любченко, Б.А. Пережняка, В.Ф. Погорилко, Х.В. Приходько, М.В. Савчина, В.Л. Федоренко²² и других ученых разновидностью муниципально-правовых санкций являются «имущественные санкции». Согласно ст. 77 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине»²³, вред, причиненный юридическим и физическим лицам в результате неправомερных решений, действий или бездействия органов местного самоуправления, возмещается за счет средств местного бюджета, а в результате неправомερных решений, действий или бездействия должностных лиц местного самоуправления – за счет их собственных средств в порядке, установленном законом.

Мы считаем, что такие санкции не являются муниципально-правовыми. Это меры гражданско-правовой ответственности, которые применяются к органам и должностным лицам местного самоуправления.

В.Ф. Погорилко и В.Л. Федоренко к муниципально-правовым санкциям предлагают относить еще ограничение (лишение) или приостановление специального или общего статуса физического лица – члена территориальной громады. Эта санкция является временным ограничением некоторых правомочий граждан Украины со стороны государства.

Такие санкции могут применяться, например, в связи с определенными противоправными действиями граждан для влияния на правонарушителей, или для предупреждения правонарушений. Так, согласно ст. 64 Конституции Украины, в условиях военного или чрезвычайного положения могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием срока действия этих ограничений. Аналогичную норму содержит ст. 21 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине»²⁴, которая предполагает возможность ограничения прав местного самоуправления лишь в условиях чрезвычайного или военного положения.

Мы убеждены, что такие правовые ограничения не являются муниципально-правовыми санкциями. Это или необходимые предупредительные меры, или санкции другого вида юридической ответственности, или то и другое одновременно.

В юридической литературе высказываются также идеи относительно санкций в механизме ответственности территориальных громад²⁵. Ученые указывают, что «небла-

²¹ См.: Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – С. 599; Погорілко В.Ф. Конституційне право України [Електронний ресурс] : підручник. 2-ге видання, перероблене та доопрацьоване / В.Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К. : Правова єдність, 2010 – 428 с. // Бібліотека українських підручників (pidruchniki.website) – 2010 – 2012 – Режим доступу : http://pidruchniki.ws/17280924/pravo/sanktsiyi_munitsipalno-pravovoyi_vidpovidalnosti#601; Любченко П.М. Муніципальне право України [Текст]: навч. посіб. / П.М. Любченко, – Харків: Видавництво «ФІНН», 2012. – С. 341.

²² Там же.

²³ Про місцеве самоврядування в Україні [Текст] : Закон України від 21.05.1997 р. № 280/97-ВР (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1997. – № 24. – Ст. 170.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – С. 598; Погорілко В.Ф. Конституційне право України [Електронний ресурс] : підручник. 2-ге видання, перероблене та доопрацьоване / В.Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К. : Правова єдність, 2010 – 428 с. // Бібліотека українських підручни-

гоприятные последствия некомпетентности, пассивности граждан как раз и выступают в виде низкого уровня социальных благ (на уровне гарантированного государством минимального уровня социальных услуг на душу населения в пределах всей территории Украины)²⁶. На сегодняшний день эта проблема остается абсолютно не решенной ни в теории муниципального права Украины, ни в украинском законодательстве.

В.Ф. Погорилко и В.Л. Федоренко предлагают отнести к муниципально-правовым санкциям также и «признание недействительным юридически значимого результата (аннулирование юридических результатов тех или других муниципально-правовых действий)», и указывают, что «данная санкция встречается в сфере правоотношений по выборам депутатов или выборных должностных лиц местного самоуправления: отмена результатов голосования, признание выборов недействительными, кассация полномочий депутатов и т.п.»²⁷. Мы не можем полностью согласиться с отнесением указанных случаев к видам муниципально-правовых санкций, поскольку в такой ситуации при нарушении норм муниципального права нарушителем не выступает орган (член органа) или должностное лицо местного самоуправления. Не кандидата в депутаты местного совета или на должность сельского, поселкового, городского головы еще не возложены обязанности представителя территориальной громады. Действительно, правоотношения по поводу организации и проведения выборов в органы местного самоуправления являются муниципальными, и лица, участвующие в этом процессе, могут быть признаны их субъектами. Но такие вопросы: «кто привлекает к ответственности правонарушителя?», «кто имеет право применять эту санкцию?», «к кому эта санкция применяется?», «нормами какой отрасли права регламентируется процесс применения этой санкции?», а также другие – не дают нам оснований отнести эту санкцию к муниципально-правовой. Нарушителем в данной ситуации может быть или субъект, участвующий в избирательном процессе (гражданин, официальный наблюдатель и т.п.), или орган, который организывает проведение избирательного процесса (избирательная комиссия), или предоставляет в этом помощь (например, работник органов внутренних дел). Каждый несет ответственность за собственные действия согласно законодательству.

Можно согласиться с мнением С.А. Авакьяна, который, обратив внимание на своеобразный характер данной меры ответственности, указал, что «нарушение закона о выборах депутата влечет за собой отмену выборов. Оно может рассматриваться как мера государственно-правовой ответственности тех участников государственно-правовых отношений, которые не обеспечили (хотя обязаны были обеспечить) надлежащее проведение выборов. Аннулирование результатов государственно-правовых действий может быть дополнено другими мерами, в частности обновлением состава органа (например, той же избирательной комиссии)»²⁸.

Кроме того, к органам местного самоуправления могут применяться финансовые санкции по результатам финансового контроля над их деятельностью. Такой контроль может осуществляться в формах:

- «(а) государственного контроля (реализуется органами государственной власти);
- (б) контроля органами местного самоуправления за собственными финансовыми ресурсами, разновидностями которого являются: общий контроль (осуществляется местными советами или по их поручению постоянными комиссиями), ведомственный (осуществляется специальными исполнительными органами местных советов) и внутренний (осуществляется руководителями органов и их структурных подразделений);
- (в) контроля территориальной громады;

ків (pidruchniki.website) – 2010 – 2012 – Режим доступу : http://pidruchniki.ws/17280924/pravo/sanktsiyi_munitsipalno-pravovoyi_vidpovidalnosti#601.

²⁶ Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – С. 599.

²⁷ Погорілко В.Ф. Конституційне право України [Електронний ресурс] : підручник. 2-ге видання, перероблене та доопрацьоване / В.Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К. : Правова єдність, 2010 – 428 с. // Бібліотека українських підручників (pidruchniki.website) – 2010 – 2012 – Режим доступу : http://pidruchniki.ws/17280924/pravo/sanktsiyi_munitsipalno-pravovoyi_vidpovidalnosti#601.

²⁸ Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность / С.А. Авакьян // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 21.

(г) общественного контроля»²⁹.

Как отмечает П.Н. Любченко, «в сфере местного самоуправления более или менее действенным является лишь контроль за соблюдением бюджетного законодательства, все другие виды финансового контроля находятся в зачаточном состоянии или нуждаются в существенном усовершенствовании»³⁰. Это объясняется тем, что на сегодняшний день лишь контроль за соблюдением бюджетного законодательства более или менее качественно и детально урегулирован нормами права.

В рамках исследования проблемы муниципально-правовых санкций интерес представляет применение финансовых санкций по результатам контроля органами местного самоуправления за собственными финансовыми ресурсами (общего, ведомственного, внутреннего), контроля территориальной громады, а также общественного контроля. Именно такие санкции мы можем признать муниципально-правовыми, поскольку в данных случаях происходит контроль за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления: территориальной громадой за всеми органами и должностными лицами местного самоуправления; местными советами за исполнительными органами советов и должностными лицами местного самоуправления и т.п.. При этом также осуществляется оценка их деятельности.

Вся эта система вышеприведенных мер муниципально-правовой ответственности имеет довольно важное значение для организации и функционирования местного самоуправления в Украине, обеспечения правомерного поведения органов и должностных лиц местного самоуправления, поскольку призвана обеспечивать пресечение существующих и предупреждение в будущем возможных нарушений муниципально-правовых и других норм права, а также надлежащее исполнение своих должностных обязанностей относительно защиты, охраны и обеспечения прав, свобод и законных интересов территориальной громады, стимулирование муниципальных служащих к высококачественной и эффективной служебно-трудовой деятельности.

На сегодняшний день законодательная регламентация этих мер муниципально-правовой ответственности в Украине имеет ряд недостатков, которые можно и нужно ликвидировать, в первую очередь на законодательном уровне. Одним из путей усовершенствования правовой основы существования муниципально-правовых санкций может стать принятие в Украине Муниципального кодекса, который должен не только отобразить всю систему муниципально-правовых санкций, но и детально урегулировать все процедурные моменты применения этих мер ответственности. Утверждение четкой и понятной системы муниципально-правовых санкций станет одним из элементов фундамента для построения в Украине действительно демократического, социального и правового государства.

Список литературы

1. Погорілко В.Ф. Конституційне право України [Електронний ресурс] : підручник. 2-ге видання, перероблене та доопрацьоване / В.Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К. : Правова єдність, 2010 – 428 с. // Бібліотека українських підручників (pidruchniki.website) – 2010 – 2012 – Режим доступу : http://pidruchniki.ws/17280924/pravo/sanktsiyi_munitsipalno-pravovoyi_vidpovidalnosti#601.
2. Про місцеве самоврядування в Україні [Текст] : Закон України від 21.05.1997 р. № 280/97-ВР (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1997. – № 24. – Ст. 170.
3. Про органи самоорганізації населення [Текст] : Закон України від 11.07.2001 р. № 2625-III (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2001. – № 48. – Ст. 254.
4. Зражевская Т.Д. Ответственность по советскому государственному праву / Зражевская Т.Д.; Науч. ред.: Основин В.С. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 159 с.
5. Колосова Н.М. Конституционная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности / Н.М. Колосова // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 86-91.

²⁹ Любченко П.М. Муниципальное право Украины [Текст]: навч. посіб. / П.М. Любченко, – Харків: Видавництво «ФІНН», 2012. – С. 446.

³⁰ Там же – С. 450.

6. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству / Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. – М.: Юрид. лит., 1971. – 240 с.
7. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности: Учеб. пособие / Юридический институт МВД России. – учеб. изд. – М.: Книжный мир, 1998. – 168 с.
8. Сивицкий В.А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности: обзор научной конференции / В.А. Сивицкий // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 114-121.
9. Шон Д.Т. Конституционная ответственность / Д.Т. Шон // Государство и право. – 1995. – № 7. – С. 35-43.
10. Муніципальне право України [Текст]: підручник / В.Ф. Погорілко [та ін.]; за ред. М.О. Баймуратова. – 2-ге вид., доп. – К.: Правова єдність, 2009. – 720 с.
11. Конституція України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1996. – № 30. – Ст. 141.
12. Про статус депутатів місцевих рад [Текст] : Закон України від 11.07.2002 р. № 93-IV (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2002. – № 40. – Ст. 290.
13. Про вибори депутатів Верховної Ради Автономної Республіки Крим, місцевих рад та сільських, селищних, міських голів [Текст] : Закон України від 10.07.2010 р. № 2487-VI (зі змінами та доповненнями станом на 8.12.2012) // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2010. – № 35-36. – Ст. 491.
14. Любченко П.М. Муніципальне право України [Текст]: навч. посіб. / П.М. Любченко, – Харків: Видавництво «ФІНН», 2012. – 496 с.
15. Авакьян С.А. Государственно-правовая ответственность/ С.А. Авакьян // Советское государство и право. – 1975. – № 10. – С. 16-24.

KINDS OF MUNICIPAL SANCTIONS IN ACCORDING TO UKRAINIAN LEGISLATION

G.I. SALIVON

National university «Law academy of Ukraine named after Yaroslav the Wise»

e-mail: lion-46@yandex.ru

The article analyzes of system of municipal sanctions in Ukraine. The author considers different kinds of municipal sanctions provided for by Ukrainian legislation, some aspects of its realization, it's underlined defects of legal base for its realization, and possible ways of deciding of existing problems. The article discusses the idea of creating of Municipal code of Ukraine, which will liquidate existed impacts and gaps of native legislation. The author claims the necessity and importance of practicable existing of such sanctions not only for organizations and activity of local self-government, but for state as a whole.

Keywords: sanctions, , liability, liability in local self-government, liability of local self-government bodies and officials, liability of local self-government subjects, municipal liability, municipal law, local self-government.

УДК 141.132+165.63

ФАНАТИЗМ КАК ЦЕННОСТНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ*

О.К. ТОКТОМАТОВ*Байкальский государственный
университет экономики
и права**e-mail: ormon86@mail.ru*

Феномен фанатизма рассматривается и определяется в контексте деформации сознания человека. В статье обосновывается положение, согласно которому базовой предпосылкой возникновения и развития фанатизма у человека является рационализм, а не вера. Исследуются различные проявления фанатизма как на уровне отдельного человека, так и на уровне общества в целом.

Ключевые слова: фанатизм, вера, рационализм, толерантность, национализм, максимализм, героизм.

Введение

В связи с терроризмом и массовым проявлением нетерпимости к представителям другой нации или конфессии фанатизм в настоящее время стал поистине глобальной проблемой. Частые проявления фанатизма говорят об актуальности и необходимости его изучения как на уровне личности, так и на уровне общества. Личность фанатика изучена недостаточно полно, а основная часть исследований приходится на долю психологов, которые считают фанатизм психическим расстройством, не учитывая при его изучении социальные факторы, влияющие на его формирование. В философии фанатизм понимается неоднозначно; связано это с тем, что отдельно изучались политический или религиозный аспекты фанатизма в отрыве от других его видов. Но самой главной проблемой при изучении фанатизма является определение его природы, которая по-разному понимается различными учеными. Предлагаемый нами подход основан на экзистенциальной и социальной философии. Работа будет состоять из двух частей: в первой будут рассмотрены самые распространенные определения фанатизма, а во второй мы попытаемся выявить причину возникновения и развития фанатичного типа сознания, рассматривая различные его проявления.

К истории вопроса

Для начала необходимо уяснить этимологическое значение понятия фанатизм. Принято считать, что данный термин определяется историко-культурным контекстом и берет свое начало в Древнем Риме. В большинстве философских и энциклопедических источников отмечается, что он происходит от латинского «fanum», что означает «жертвенник», «храм». По мнению А. Н. Фойгеля, исследователя религиозного фанатизма, слово фанатик также происходит от латинского слова «fanum» и означает «посвященный»¹. До XVII века слово «фанатизм» употреблялось только в религиозном контексте. В широкое обращение термин «фанатизм» вошел во время Великой французской революции, но вскоре после этого был забыт. И лишь с конца XIX века в связи с начавшимися в России террористическими актами, направленными против существующей власти, появляется своего рода мода на слово «фанатизм», отождествляемое с «терроризмом». Рассмотрим различные определения и признаки фанатизма.

Одной из первых, кто выявил нерелигиозный тип фанатизма, стала Жермен де Сталь, исследовавшая политический аспект этого феномена. При анализе причин, развития и последствий Великой французской революции она первой заострила внимание на психологической основе фанатизма². По ее мнению, чистый фанатизм заставляет придерживаться крайностей во всех идеях. Другими словами, фанатикам присущ радика-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»).

¹ Фойгель А. М. Социальная природа религиозного фанатизма. Автореферат дисс. ...канд. философских наук. Л., 1973. – С. 4.

² Вольперт Л. И. «...Бесмысленный и беспощадный» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) // <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal5txt.htm> (дата обращения 4.02.2011).

лизм. По нашему мнению, рассмотрение фанатизма в одной плоскости (политической или религиозной) не дает полного представления о нем, поэтому необходимо изучить его и в других аспектах.

Понятие фанатизма

«Крайность», как признак фанатизма, выделяется также Н. А. Калюжной. Она дает следующее определение фанатизму: это «крайняя приверженность человека каким-либо верованиям или идеям, вызывающая неприятие иных убеждений, верований, обычаев и ценностей»³. Из приведенного понятия можно заключить, что радикализм человека, придерживающегося какого-либо верования или идеи, заставляет его испытывать неприязнь к другим, которые, как правило, ему непонятны. По мнению Н. А. Бердяева, радикализм есть национальная черта русского человека⁴. Но можно ли сказать, что все русские люди фанатики? Человек с радикальными убеждениями может и не быть фанатиком, но фанатик всегда радикален. Отсюда, фанатизм более широкое понятие, чем радикализм. Далее Н. А. Бердяев пишет, что «хотя радикализм и явился причиной многих бед, но он же может стать источником величайшего добра»⁵. Скорее всего, крайность должна быть со знаком плюс, чтобы принести пользу как самой личности, так и обществу. Остается только определить, какой крайности нужно придерживаться?

В работе «Этика нигилизма» С. Л. Франк, рассуждая о фанатизме, затрагивает некоторые его аспекты, проявляющиеся в обществе, и дает свое определение данному явлению. По его мнению, под фанатизмом следует понимать «страстную преданность излюбленной идее, граничащую с *idée fixe* (лат. навязчивая идея) и доводящую человека, с одной стороны, до самопожертвования и величайших подвигов, а, с другой стороны, до уродливого искажения всей жизненной перспективы и нетерпимого истребления всего несогласного с заданной идеей»⁶. Его определение считается одним из наиболее полных, так как в нем затрагиваются не только эмоциональные, идеологические и негативные аспекты фанатизма, но также и позитивные. Именно страстная преданность идее является залогом успеха для достижения поставленной цели. Но если идея становится «навязчивой», то, с одной стороны, появляется своего рода неадекватность по отношению к другим личностям, с другой стороны, искажается правильное восприятие других идей.

Исследователь фанатизма Т. Н. Санаева определяет его как «превратившуюся в страсть беспредельную преданность кого-либо какой-либо идее (и ее реализации)»⁷, а также как «беспредельную самоидентификацию и такое же беспредельное самоутверждение человека в одной какой-то идее человека и в ее конкретизациях, с подчинением и использованием всех остальных идей и их реализации всего лишь как средств»⁸. Настораживает словосочетание «беспредельная преданность». Оценивать степень преданности, чести, верности, на наш взгляд, невозможно. Эти качества либо присутствуют, либо же их вовсе нет. Скорее всего, Т. Н. Санаева имеет в виду те случаи, когда человек переходит границу дозволенного ему общественными нормами. Вот, например, Г. Марсель в своей работе «Быть и иметь»⁹ излагает вполне обоснованную мысль, что человек предает самого себя и других еще на уровне «я», когда не дает себе ответа на вопрос «что есть я?». Когда идентификация собственного «я» происходит неосознанно, не приходится говорить о преданности какой-либо идее. И чаще всего «я» отождествляется с переживанием жизни, которая вне переживаемого мгновения мыслится как несуществующая. Структура нашего «я» такова, что в нем возможно отчаяние, и именно здесь раскрывается роковое значение смерти. Отчаяние, рожденное осознанием человеком своей смертности, является поводом для предательства во всех его проявлениях. Беспредельная самоидентификация и беспредельное самоутверждение личности, с одной стороны, объясняются отсут-

³ Калюжная Н. А. Фанатизм: личностные и групповые черты // Философские науки. 2007. №9. – С. 79.

⁴ Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // <http://ugo.narod.ru/bibliotheca/Berdiaev.htm> (дата обращения 24.01.2011). – С. 91.

⁵ Там же.

⁶ Вехи: Сборник: статей о русской интеллигенции. 4-е изд. Москва, 1909. – С. 170.

⁷ Санаева Т. Н. Социальный фанатизм. Н. Новгород, 2001. – С. 29.

⁸ Там же. С. 39.

⁹ Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. – С. 94.

вием ответа на вопрос «что есть я?», с другой, присутствием у человека сильного эгоизма в мотивационной части сознания. Однако именно через идею человек пытается самоутвердиться и заполнить внутреннюю пустоту. Таким образом, определение фанатизма Т. Н. Санаевой позволяет отнести к числу фанатиков всех тех, кто стремится самореализоваться и упорно двигается в этом направлении. Исследователь видит причину происходящих в обществе социальных изменений в фанатичном типе сознания его членов. Здесь, конечно, можно вспомнить Отто фон Бисмарка, который говорил, что именно фанатики воплощают идеи в жизнь. Но тогда получается, что все реформаторы, которые старались хоть как-то улучшить жизнь людей, есть фанатики. В целом же Т. Н. Санаева в термине «фанатизм» видит лишь позитивные моменты, не учитывая негативные последствия проявления социального фанатизма.

В статье «Героизм и подвижничество» С. Н. Булгаков явно отождествляет понятия «героизм» и «фанатизм». По его мнению, героизм есть общественное явление со знаком минус, несмотря на то, что является предметом общественного восхищения. Раскрывается эта мысль через понятие «максимализм», который является неотъемлемой чертой героизма, так как герой стремится добиться максимума в своей деятельности. Максимализм имеет признаки идейной одержимости, самогипноза, он сковывает мысль и вырабатывает фанатизм, глухой к голосу жизни¹⁰. Именно из-за героического максимализма молодых людей государство либо религиозные авторитеты начинают использовать их в качестве двигателей идеи. Фанатизму предшествует особое чувство избранности: «кто, если не я?». Просыпаются ложные героические чувства. В дальнейшем происходит кратковременный процесс усвоения некоторых догматов религии или квазинаучной «программы» какой-либо партии¹¹. Это окончательно формирует фанатичную личность, готовую на все ради идеи. Неопытность, отсутствие разума и юношеский максимализм, по мнению С. Н. Булгакова, являются хорошей почвой для фанатизма.

Конечно же, при определении понятия «фанатизм» исследователи в первую очередь обращают внимание на религиозный аспект фанатизма. Именно в рамках религии на протяжении многих столетий воспроизводился такой феномен как фанатичная вера. Поэтому понимание фанатизма невозможно без знания о том, как вера влияет на формирование фанатичной установки сознания, и каково это влияние. В зависимости от того, насколько сильна вера человека, можно утверждать, достигнет ли он своей цели или нет. Вера дает человеку цель в жизни, но «слепая вера», вера без знания приводит лишь к катастрофическим последствиям, которые сказываются в первую очередь на самом человеке. В. В. Ким, изучающая влияние веры на сознание человека, определяет фанатизм как психосоциальный феномен, основанный на существовании в сознании человека особой веры, направленной на определенный объект¹². Веру рассматривают как причину фанатизма и элемент фанатичного типа сознания. Фанатизм же часто определяют как особую разновидность веры, характеризующуюся иступленностью и иррациональностью¹³. Но так ли это на самом деле? Во второй части работы мы попытаемся доказать, что причиной фанатизма является деформация рационального сознания, то есть попытаемся обосновать фанатизм с точки зрения его рациональности.

Основание фанатизма

Перемены, происшедшие в российском обществе за каких-то двадцать лет, дали о себе знать в виде изменения отношения человека ко всему, что его окружает. Данное изменение, прежде всего, проявляет себя в массовой рационализации общественного сознания: рационализм утвердился в производстве, в науке, в политике, в частной жизни и культуре¹⁴. Следуя данной логике, можно также утверждать, что рационализм постепенно проникает и в религию. Теперь индивид, приверженный рациональности, старается ис-

¹⁰ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. – С. 40.

¹¹ Там же.

¹² Ким В. В. Некоторые аспекты формирования фанатизма на примере религий // Международный сборник научных трудов. Вып. 10. Волгоград: ВолГТУ, 2006. – С. 29.

¹³ Вехи: Сборник: статей о русской интеллигенции. 4-е изд. Москва, 1909. – С. 47.

¹⁴ Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 188.

ключить из своей жизни любое проявление случайности, подводя веские основания под все, что он делает и о чем думает. Для него все предметы становятся одинаково священными или, наоборот, одинаково мирскими, так что снимаются любые ограничения на выбор методов и средств, определяемых предписаниями или запретами сакрального характера¹⁵. Любой выбор делается из соображений пользы и эффективности. Поэтому, на наш взгляд, именно рациональность сознания является главной причиной все большего распространения фанатичного типа поведения в современном обществе. Необходимо отметить, что многие русские философы выступали как раз против всеобщего распространения рационализма. Убежденным борцом с рационализмом был Л. И. Шестов. В частности, он отмечал, что «люди покорились разуму и живут в мире необходимости, сила которой принудительная, безличная и безграничная. Необходимость основана на рационализме, она дарует людям уверенность в завтрашнем дне, но за это получает право калечить, уродовать, унижать человека»¹⁶. Из этих слов становится очевидна пагубность увлечения рационализмом.

Индивид с рациональным сознанием как мировоззренческой установкой, пытается втиснуться в те сферы человеческого бытия, которые нельзя понять, не обладая верой. Разве можно понять, что такое духовный опыт или патриотизм, не пережив это внутренне? Человек с деформированным сознанием, в качестве которого и выступает фанатик, со своими корыстными целями стремится любым способом поработить все, что его окружает (в том числе и религию), то есть использовать все в своих корыстных интересах. Так, например, Н. А. Бердяев утверждает, что рациональная теология устанавливает ложное учение о Промысле Божьем в мире¹⁷. Фанатики видят в инквизиции и пытках волю Бога, снимая ответственность с исполнителей убийств. Кроме того, рациональность препятствует установлению адекватных отношений с Другим, вследствие чего формируется совершенно неадекватное представление об окружающей действительности. Все окружающее рационалист воспринимает как механизм достижения каких-то частных целей, и минимум внимания уделяет вопросам духовного характера¹⁸. Другой человек воспринимается им как средство для достижения его целей.

Итак, рационалиста можно узнать не столько по развитому интеллекту, сколько по корыстным целям, к достижению которых этот интеллект используется. Это позволяет заключить, что такой тип интеллекта находится во власти эгоизма, а именно эгоизм, по мнению Н. А. Бердяева, является причиной развития фанатизма. Теперь в своем развитии человек опирается на эгоцентризм, который выступая в качестве крайней формы эгоизма, окончательно разрушает личность¹⁹. Личность должна выходить из себя к Другому, и, не имея этого, она начинает задыхаться из-за отсутствия воздуха, чем для нее является общение с другим. Эгоцентрик предпочитает абстракции и не любит живых конкретных людей. В экзистенциальной философии данное явление называется «объективацией сознания». По мнению Н. А. Бердяева, объективация сознания служит благодатной почвой для того, чтобы произошла деформация сознания в виде фанатизма: теперь другие люди рассматриваются как объекты, отсутствует личностное отношение, исчезают барьеры между дозволенным и недозволенным. Здесь вступает в свои законные права рациональное сознание, с помощью которого можно достичь поставленных целей.

К. Ясперс описывал схожие признаки отклонения, происходящие в общественном сознании. Он заметил, что «просвещенный человек отделился от истины. Он мог маскироваться притязаниями на истину, тогда как на деле боролся за свои интересы наличного бытия и мог в качестве беспомощного невротика безумствовать, патетически провозглашая истину»²⁰. Такое отклонение он называл фанатизмом. Человек с таким сознанием

¹⁵ Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 187.

¹⁶ Шестов Л. Соч. в 2 т. Т.1. М.: Наука, 1993. – С. 58.

¹⁷ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. – С. 102.

¹⁸ Щеглов Б.С. Фактор рациональности в постнеклассическом дискурсе. Ростов на Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2004. – С. 44.

¹⁹ Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – С. 192.

²⁰ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. – С. 493.

обладает настолько сильным энтузиазмом, что готов ради истины пойти на любой риск. Но данный энтузиазм чаще всего находит подпитку в корыстных мотивах. Возникает чувство превосходства над теми, кто лишен «света истины». К этому чувству присоединяется чувство власти, движимое волей к истине, а «вскоре возникает стремление к борьбе, разрушению, мучительству»²¹. Стремление к истине становится прикрытием ненависти, происходит эксплуатация истины. Такой индивид не может быть толерантным, но он будет «претерпевать» то, что ему не нравится для достижения намеченных целей.

Деформация сознания

Из-за происшедшей деформации сознания для фанатика веротерпимость перестает быть имманентным свойством религии, что опять же есть следствие его эгоизма, от которого он, вступая на путь обретения духовности, должен был отказаться в начале пути.

По мнению Н. А. Бердяева, нетерпимость к представителям других наций или словий, является следствием сильного религиозного верования. Причиной же этого перехода в нетерпимость социального характера является страстное религиозное верование. Терпимыми считались люди, «лишенные страсти», «тепло-прохладные», что представляется нам поверхностным суждением. По большому счету, происходит своего рода дискредитация верующих людей. Частные случаи отклонения с признаками фанатизма бросают тень на всех представителей религии, к которой относится фанатик. Причины фанатизма начали искать в религии (крестовые походы, «исламский терроризм»), что, конечно, формально верно, ведь именно представители тех или иных конфессий совершают социальные негативные действия. Веру считают основанием фанатизма, что на наш взгляд, не совсем верно. Фанатизм появляется в среде верующих или людей, придерживающихся какой-либо идеологии. Однако фанатик не верующий, он не понимает или не хочет правильно понимать суть своей религии, принимая лишь форму. Об этом говорил П. А. Флоренский: по его мнению, рациональность сознания мешает человеку познавать реальность симпатическим проникновением, а начинает чрез враждебное реальности утверждение себя самого²². Так человек с рациональным деформированным сознанием при соприкосновении с другой религией не видит и не хочет видеть внутреннего смысла, внутренней закономерности и собственной формы, которой она обладает. И точно с таким же настроением отгороженности и отторжения он изучает собственную религию или идеологию. Он в самом начале пути движим нечистыми мотивами, что в дальнейшем служит развитию фанатичного типа сознания.

Деформированный тип сознания рождает такое явление, как национализм в худшем смысле этого слова. Фанатики разделяют людей на «своих» и «чужих». Это деление связано с тем, что человеку близки и понятны «свои» достижения или не удаchi, сильные и слабые стороны национального менталитета. И бывает так, что он начинает одобрять негативные действия представителей своей нации. Фанатику не хватает беспристрастности, чтобы правильно оценить свои или чужие поступки. Если приходится быть объективным, то и свое начинает казаться таким же противным, как чужое²³. Из этого следует, что необходимо откинуть предвзятое мнение и начать относиться к «чужим» по-человечески – также, как и к «своим». Чаще всего при фанатизме национального характера причиной отклонения служит страх. Такой человек оказался подвергнут издевательствам или унижению со стороны представителя другой национальности, и, чтобы как-то скрыть свой страх и совершить долгожданное возмездие, начинает искать таких же, как он. При национализме фанатизм имеет черты группового характера. Стоит заметить, что автор не рассматривает национализм как орудие государства, а лишь только как деформацию сознания на уровне мотивации поведения отдельного человека. К числу явных признаков фанатичного типа сознания в национализме относятся нетерпимость, расчетливость, экстремизм, и, конечно же, идеология, которая будет лишь средством для достижения намеченной цели. Объединение националистов в группы порождает необходимость создания идеологии, которая удовлетворяла бы ее членов. Так, фанатизм чаще все-

²¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. – С. 493.

²² Флоренский П. А. Сочинение. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. – С. 539.

²³ Шестов Л. Соч. в 2 т. Т.1. М.: Наука, 1993. – С. 651.

го становится питательной почвой для развития идей о расовом и национальном превосходстве.

Выводы

Подведем итоги проделанной работы. У нас сложилось собственное мнение насчет понятия «фанатизм». Рассмотрение рационального сознания как причины возникновения фанатизма дало новое определение, не похожее на те, которые звучали раньше. Фанатизм – это рациональная установка сознания с радикальными и максималистскими чертами характера, имеющая своим основанием ложное самоотождествление и ярко выраженный эгоизм, приводящая к появлению нетерпимости к другому и страху перед «чужим». Таким образом, фанатизм есть следствие произошедшей деформации рационального сознания, а потому основанием фанатизма является рациональное сознание, а не вера.

Список литературы

1. Фойгель А. М. Социальная природа религиозного фанатизма. Автореферат дисс. ...канд. философских наук. Л., 1973.
2. Вольперт Л. И. «...Бесмысленный и беспощадный» (Пушкин и Жермен де Сталь о фанатизме) // <http://www.ruthenia.ru/volpert/articles/stal5txt.htm> (дата обращения 4.02.2011).
3. Каложная Н. А. Фанатизм: личностные и групповые черты // Философские науки. 2007. №9. С. 66-81.
4. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине // <http://uto.narod.ru/bibliotheca/Berdiaev.htm> (дата обращения 24.01.2011).
5. Вехи: Сборник: статей о русской интеллигенции. 4-е изд. Москва, 1909. 217 с.
6. Санаева Т. Н. Социальный фанатизм. Н. Новгород, 2001. 195 с.
7. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.
8. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. 528 с.
9. Ким В. В. Некоторые аспекты формирования фанатизма на примере религий // Международный сборник научных трудов. Вып. 10. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 29-35.
10. Геллиер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 252 с.
11. Шестов Л. Соч. в 2 т. Т.1. М.: Наука, 1993. 667 с.
12. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ; Астрель; Полиграфиздат, 2010. 316 с.
13. Щеглов Б.С. Фактор рациональности в постнеклассическом дискурсе. Ростов на Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2004.
14. Бердяев Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. 312 с.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
16. Флоренский П. А. Сочинение. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. 877 с.

FANATICISM AS A VALUE DISTORTION OF CONSCIOUSNESS

O.K. TOKTOMATOV

*Baikal State University
of Economics and Law*

e-mail: ormon86@mail.ru

The author examines fanaticism as a consequence of deformation of the human consciousness. As a result of this review the author gives his own definition of this phenomenon. The article substantiates the assertion under which the basic prerequisite for the emergence and development of human fanaticism is rationalism, but not faith. In addition to it, the article explores the various manifestations of this phenomenon at individual and social levels.

Keywords: fanaticism, faith, rationality, tolerance, nationalism, maximalism, heroism.

ГЛАВЫ ИЗ МОНОГРАФИИ

УДК 130.2

ГОЛОСА ТРОИЦЫ, ЗВУЧАЩИЕ В КЛАССИКЕ

П.И. СИМУШ

Институт философии РАН

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

От редакции

В этом номере мы начинаем новую рубрику нашего журнала «Главы из монографии» публикацией материала книги известного отечественного философа П.И. Симуша, автора книг, посвященных реконструкции философского содержания творчества С.А. Есенина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. П.И. Симуш представляет интеграл-версию этой проблематики в новой работе «Голоса Троицы, звучащие в классике», которая отражает мировоззрение автора, его политические позиции и философско-онтологические идеи, провоцирующие определенный дискуссионный фон.

Автор утверждает, что Россия объединена с Западом традициями революции и прогресса. История распорядилась так, что судьбы европейцев, американцев и россиян – людей разного жизненного опыта и миропонимания – переплелись довольно тесно. По-видимому, в этом проявляется какой-то таинственный замысел Провидения. Оно испытывает народы войнами и революциями, и россияне выдержали эти страшные испытания.

П.И. Симуш исходит из собственного интегрально-интернационального понимания русской национальной идеи, которая является триединым культурным синтезом российского бытия – онтологическим единством духовности, государственности и гражданственности. История, отражённая в судьбе одного человека, зачастую изоморфна истории нации и всего человечества. Это вполне было осознано русскими классиками, гениями, объединёнными, по словам Пушкина, в единое «созвездие». Реконструкция философских глубин творчества русских классиков приводит автора к пониманию мистической связи между сущностью российского исторического бытия и онтологическим триединством Бога – Отца, Сына и Святого Духа. На рубеже XX и XXI веков перед россиянами востановилась вечная новизна Богоявления. Можно ли это осмыслить, понять и принять?

Мы рассчитываем на читателя, который отзовется не только вдумчивым чтением, но и заинтересованным критическим или интерпретационным откликом.

Пролог. Что главное в жизни?

«Я есть Путь, Истина и Жизнь», – возвестил Иисус Христос. Личностью Богочеловека интересовались люди всегда. Я выработал своё представление о том, кем Он был и

что значит для меня. Иисус сказал: путь к спасению открыт «каждому, кто проявляет в него веру» (Ин 3:16). Приглашение постигнуть мир, веру, любовь и меру я получил в мудрости Сергея Есенина, которой посвятил книгу «Поэтическая мудрость С.А. Есенина» (2008 г.). Любили и «искали» Христа Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, о чём рассказано мною в монографиях «Навигатор ноосферы Л.Н. Толстой» (2010 г.), «Россия и Чехов: стяжание правды» (2011 г.) В предлагаемой книге я часто обращаюсь к Библии, которая есть Слово Божие и в ней содержится истина о Христе (2 Тим 3:16). Эту истину постигала русская классика, проявляя веру в Него. В классической поэзии я слышу голос Бога. Поэт Вячеслав Сысоев, ищущий простые истины, заявил: «Дано нам место на Земле, /Чтоб жить в добре, а не во зле». И в начале пути – сомнение.

Потребность познания истины заявлена не только в Св. Писании, но и в философских трудах. Философы играют важнейшую роль в развитии человечества, защищая его от двойной опасности – мракобесия и экстремизма. Уместно напомнить также о фундаментальной роли философии в содействии установлению принципов терпимости и мира. Классики литературы формируют общественное мнение, которое основано на моральных и философских понятиях. Цели их известны – укрепить принципы уважения человеческой личности, солидарности и приверженности идеалам культуры и мира. Великим Гегелем заявлено: «Самая серьёзная потребность есть потребность познания истины».

Начала и концы Всея Руси

«Всея Русь», «Росс», «Россия» – это биография моих предков, членов моей семьи, покинувших землю, и судьба «Я». Закавыченные слова являются одновременно и всеобщими, всероссийскими и эгоцентрическими, личными. «Всея Русь» – Родина моего рода, отпрыски которого назывались русскими, белорусами и украинцами. Они не могли знать, что на исходе XX века на карте мира появятся три суверенных государства – Россия, Белоруссия и Украина. И я также не мог предвидеть чудовищного разделения единого русского пространства, ибо хорошо помню слова В.О. Ключевского о том, что «появление государства вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле» (В.О. Ключевский. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 325). И всё-таки государство, принявшее меры против злоупотреблений личной свободой, утвердилось на Русской земле, хотя догосударственные общественные союзы (кровные, общинные и религиозные) могли ограничивать произвол людей во имя их лучших побуждений. Но в реальности в среде людей есть Каины и Авели, а между ними – делающие выбор между добром и злом. Ибо на первом месте у многих превалирует жадность.

Однако без согласия народа и церкви государство бы не возникло. Русские патриоты Н. Фёдоров, К. Леонтьев считали, что сам народ создал самодержавие государей. Славянофилы же утверждали, что создание всевластного государства в России было, главным образом, делом церковников. Но как бы там ни было, две энергии – русского народа и церкви – создают и Киевскую, и Новгородскую, и Московскую Русь. На рубеже XVII-XVIII вв. реальным самодержцем Всея Руси стал Пётр Великий. Именно он дал имя Российской империи, ибо был слугою государства, исполнителем всенародного долга и движителем общественного прогресса. После первого русского императора наследники Петра I злоупотребляли властью и развивали самодержавный произвол. Конец этому смог увидеть юный Мишель Лермонтов («Предвидение», 1830 г.). Между тем несомненно, что государство было «плодом очень насущных потребностей общества» (В. Ключевский). Это понял также мыслитель и поэт М.А. Волошин – автор выдающейся поэмы «Россия» (1924 г.).

Пребывая в первой трети XX в. в крымском Коктебеле, Максимилиан Александрович чувствовал, что его душу охватило «мучительно-бесформенное чувство – безмерное и смутное: Россия...» У него сформировался свой образ «Всея Руси», с пониманием того, что народ знает свой удел в строительстве империи, а его господа «клыками рвут российское наследство». Мрачные фигуры правителей в форменных мундирах вставали над Русью. Они позволяли течь «разладице правлений» из рода в род. В России царила «неумеренность во власти: мы ни в чём не знаем меры да середины». М. Волошин приходит к выводу: «Мы углубили рознь противоречий /За двести лет, что прожили с Петра. /При

добродушии русского народа, /При сказочном терпенье мужика, – /Никто не делал более кровавой /И страшной революции, чем мы».

В мае 2012 г. я побывал в Коктебеле, в доме Волошина. Хотя минуло много лет, но душу глубоко волнуют заключительные слова волошинской поэмы «Россия»: «Я вижу изневоленную Русь... /Просвеченную заревом лампад – /Страданиями горящих о России... /И чувствую безмерную вину /Всея Руси – пред всеми и пред каждым». Встаёт мучительный вопрос: «Как можно в XXI веке загладить эту вину?»

Понятие «бытие»

Оно находится в центре философии, которая издревле ставит вопрос о том, что такое сущее. Сущее есть реальность, которая существует объективно, вне и независимо от сознания людей. У древних греков это понятие называлось «генезисом», то есть творением. «Бытие» – так названа первая книга из Пятикнижия Моисея и первая книга Библии вообще. Она описывает возникновение мира, народа и человечества. Мы узнаём об изначальной истории, о грехопадении человека, об убийстве Каином своего брата Авеля. От потомков Ноя следует таблица народов; наше воображение поражает судьба Вавилонской башни.

Нас, россиян, очень интересует, естественно, историческое бытие Всея Руси. Оно представляет собой целостный многосторонний организм, особую цивилизацию и самобытную культуру. Культурно-цивилизационное развитие России, Белоруссии и Украины определяют три языка и три национальные культуры. Они создали свои ценности, знаковые системы, обычаи и нормы поведения людей.

Одна из частей Всея Руси (России) называлась Белой Россией (Белоруссией). Это название появилось с 1653 года (времени царя Алексея Михайловича) в титуле русских государей; оно было просто географическим термином. В 1772 г. при Екатерине II произошёл первый раздел Польши, и Белоруссия была присоединена к России. Тогда мои белорусские предки стали россиянами, а отцу Иосифу Ивановичу пришлось стать участником Гражданской войны в 1918-1921 гг.

Частью Европейской России считалась и Малороссия, населённая малоросским племенем. Малорусы, ведомые Богданом Хмельницким, совершили военные действия против поляков в 1648-1654 гг. Они завершились переходом Малороссии под начало России, которой правил царь Алексей Михайлович. В составе России оказалась и Левобережная Украина, получившая свою автономию. Правобережная Украина была очищена от турков во второй половине XVIII века; она вошла в состав России. Среди донских казаков было много малорусов (28%). Малорусы играли также важную роль в приволжских губерниях, среди жителей Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Мой дед Ляшенко Степан являлся казаком Терского войска. В названии Малороссии сохранялся термин Украина, который означал всякое порубежье, предельную область на краю Российского государства. Установление Советской власти на рубеже 1917-1918 гг. привело к образованию УССР, появлению Украинской народной республики (1917-1920 гг.) С 1922 г. УССР находится в составе СССР. В 1991 г. был провозглашён Акт независимости Украины. Новое государство вошло в СНГ, провозгласив своим официальным языком украинский язык.

Исключительная близость белорусского и русского народов часто мешает нам признавать между ними этнические различия. В 1991 г. Республика Беларусь обрела государственную независимость; она имеет два официальных языка: белорусский и русский. В менталитете жителей Белоруссии существенную роль играет героическое прошлое (здесь в годы войны (1941-1944 гг.) погибло более 2,2 млн. человек). Белорусы сумели сохранить многое из советского наследия и избежали двадцати «убийственных лет», пережитых россиянами. Нам приходится с огромными усилиями выбираться из трясины, куда загнали страну радикал-реформаторы. В отличие от белоруссов, совершающих осторожные шаги, российский народ в огромной претензии к господствующему классу, который пока не понимает простого народа.

Россияне говорят: «живы будем – не помрём». Верующие удовлетворены тем, что православная Церковь Всея Руси радуется за духовное, моральное и физическое благополучие населения. Бытие человека, по естеству своему, существенно причастно его плоти, душе и духу.

Естественное Начало Родины

Прямая обязанность философа – искание смыслов, смелость мысли. Именно мысли люди боятся больше всего на свете. Ибо мысль есть истина, путь и жизнь. Она не только созидательна, но и разрушительна, фиксирует эволюцию и революцию, бывает ужасной и губительной. Бертран Рассел заметил, что мысль беспощадна к привилегиям, установленным институтам и обычаям; она анархична и незаконна, безразлична к авторитету. Мысль посягает на мудрость, проверенную веками.

И всё-таки человек жаждет мысли, которая не боится заглянуть в бездну ада. Ибо ему необходимо действие с учётом вещей, которые существуют ныне или были удалены от людей во времени и пространстве. «Мысль величественна, быстра и свободна; она – свет мира и важнейший источник красоты человека» (Б. Рассел. Словарь разума, математики, морали. 1996. С. 159).

Публичное выражение мыслям дают язык, слова. Они – социальные, позволяют мыслям не оставаться сугубо личными. «Я» не только говорю сам, но и узнаю то, что рассказывают другие. Они сообщают о том, что сейчас не присутствует, но зато существует в памяти, что было в прошлом. Именно в минувшем рождается и созревает грядущее. Тысячелетняя история России – это история родов, народностей, народов, всероссийской нации, в общем – Всея Руси.

Жизненный трагизм истории разделил пространство Всея Руси на три государства: Россию, Белоруссию и Украину. Но этот же трагизм сохранил в целостности духовно-религиозную сферу, которая представлена Русской Православной Церковью. Названные государства имеют свои политические институты, а РПЦ возглавляет Патриарх Московский и Всея Руси. Он возвращает к определённости со-стояния человеческого существа, идеи христианства и реальности языков – русского, украинского и белорусского. Им приходится сосуществовать с «национальными комплексами неполноценности», которые возникли на основе излишней доверчивости трёх народов к властям. Правители же имеют склонность пренебрегать проверенной мудростью Всея Руси. А мудрая мысль способна заглянуть в глубины истории и обнаружить там ничтожную пылинку, окружённую пучиной безмолвия. Пылинка эта – человек.

Люди первого века нашей эры слышали проповеди Андрея Первозванного, святого апостола Христа. Он трижды посетил земли Всея Руси. От Него получила древнейшая Русь и религиозную духовность, и подлинную человеческую душевность. Составляя одно целое, они становятся основанием русской ментальности, в изменениях языка выражены чувства, мысли и воля русского человека.

Познание человеческой души (чувств, мыслей и воли) неотделимо от постижения духа – интуиции, совести и общения.

Естество – есть первое начало, есть «то, что есть, природа, натура и порядки или законы его, существо, сущность по своему происхождению» (В. Даль). Человек – это единство тела, души и духа. Божественной Троицей ему дано познание триады, представленной сочетанием вещей, идей и слов.

Вещество, вещи, слова

Мы включаем в их определение материальные группы, предметы и явления, которые существуют по законам физики, химии, информатики. Физическое тело состоит из вещества. Оно трактуется как качественная сущность материи. Её существование выражается в эмпирических фактах. Посещая музейные жилища классиков, мы интересуемся их подлинными вещами. СМИ предлагает мнения о недвижимости и налогах на неё, рассматривает понятие о роскоши и её разумных пределах. Почему надо увеличивать налоговую нагрузку на сверхпотребление? Дело в том, что в наши дни вещевое богатство стало едва ли не единственным российским идеалом.

В советские времена действительно самыми важными были партия и государство, которые рассматривались как нечто божественное. Компартию называли даже «советью», имеющую своё собственное благо. Исторически сложившаяся ситуация, не при-

нимавшая в расчёт частную собственность и вещное богатство, сменилась на господство вещей и денег.

Однако немало людей не подчиняются этому господству. Реалисты считают: идеи реальны так же, как реальны и вещи; более того, идеи предшествуют вещам, поскольку последние создаются согласно идеям. Идя от слов, реалисты утверждают равноценность вещи и идеи. Мы можем сказать, что слово способно воплощать некую идею тогда, когда его воздействие соответствует индивиду и в то же время оно является одинаковым для многих других индивидов.

Платон называл «идеей» чистую сущность, не человека, а некую универсальную человечность. Последняя не появляется с рождением отдельного человека и не исчезает с его смертью; «человечность» – вечная категория, она есть идея, не будучи отдельным предметом. Идею трактуют и в духе Платона, и в духе Беркли, Юма и Локка. Эти философы называли «идеями» всё, что известно людям непосредственно из их ощущений.

В наши дни россияне сталкиваются с идеей неравенства, вызванную к жизни вопиющими экономическими несоответствиями. Особенности современного общества были точно предсказаны Библией около двух тысяч лет назад. Там говорится: «В последние дни наступят необычайно трудные времена. Люди будут самолюбивыми, любящими деньги... неблагодарными, неверными, лишёнными родственных чувств, несговорчивыми... не любящими добродетельность, предателями, своенравными, гордецами, любящими удовольствия, но не любящими Бога» (2 Тим 3:1-4).

Вряд ли можно отрицать, что в обществе всё больше стали проявляться такие отрицательные качества. Люди как люди: повсеместно распространены жадность, предубеждения, антиобщественные настроения, коррупция. И всё-таки есть надежда, что идеи свободы, равенства и братства живут.

Думая о справедливости, вспоминаю библейские изречения: «Не полагайтесь на знатных, на сына человеческого, в котором нет спасения» (Пс 146:3); «Не может идущий направлять свои шаги» (Иер 10:23). Прислушиваясь к этим мудрым словам, мы не будем разочарованы из-за того, что попытки россиян реализовать идею справедливости не увенчались успехом.

В этой связи можно вспомнить А.П. Чехова, который постоянно спрашивал себя: «Как быть более справедливым по отношению к другим людям? В чём именно я могу улучшиться?» И он бескорыстно помогал людям. Другой классик – М.А. Волошин устроил в крымском Коктебеле Дом поэта, в котором за его счёт проживало ежегодно множество приезжих (500-600 человек).

Идеи отличаются от просто воспоминаний и впечатлений. Мы можем осознавать значение «народа», «солидарности», «свободы» как идей. В высшей степени это удаётся современному классическому писателю Валентину Распутину. О своих убеждениях он поведал в книге диалогов «Эти 20 убийственных лет» (М., 2012). По мнению Распутина, «народ силён подъёмным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью».

«Смерть и жизнь во власти языка»

Это – библейское изречение (Притч 18:21). Оно предупреждает нас: не спешите со словами, лучше подумайте. Ведь словоупотребление способно как созидать, так и разрушать. Есть слова любви и слова ненависти. Наша речь может содействовать добру и взаимопониманию, но она также способна порождать зло и конфликты. Поэтому надо учиться с помощью языка понимать друг друга, стараться понять чувства и беспокойства другого. Трудности взаимобщения разрешает «золотое правило», о котором сказано устами Христа: «Во всём поступайте с людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами» (Мф 7:12).

Язык и слово заключают в себе особенности русской ментальности. Этот аспект замечательно раскрыт в фундаментальном труде В.В. Колесова «Русская ментальность в языке и тексте» (СПб., 2007). Рассматривая языковые факты, автор показал, как они воплощают в себе свойства русского ума, чувств и национального характера. Центральное место в спектре особенностей русского языка занимает глагол.

Так, например, решительность характера есть ни что иное, как умение *указать* воле правильное направление действий. С глаголами умно оперировал В.О. Ключевский. В его «Тетради с афоризмами» указано: «Добро, сделанное врагом, также трудно забыть, как трудно запомнить добро, сделанное другим. За добро мы платим добром только врагу; за зло мстим и врагу, и другу». Космическая информация, принятая пророком Сергеем Есениным, содержит четыре глагола: постигать, верить, любить и мерить. Посланником Провидения был также Борис Пастернак: «Я послан богом мучить /Себя, родных и тех, /Которых мучить грех». Марина Цветаева предвидела, что «настанет черёд» её «стихам, написанным так рано». Трагическая поэтесса просила дать ей «покой и радость»: «дайте мне быть счастливой». Двумя глаголами выразил своё существо писатель Валентин Распутин: «Живу и помню...» И мы тоже: живы будем – не помрём, ибо склоняемся к добру, а не ко злу.

Главное в жизни – витальный выбор один за другим. Во власти человека всегда слышатся голоса жизни, звучащие в нём. К сожалению, в своё время я не услышал голос о необходимости иметь много детей. Классики голос Провидения исполнили. И теперь мы слышим и их потомков, и читаем классические произведения.

Русские гении – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Л. Толстой, Чехов, Блок, Есенин – были одарены ещё и пророческим даром, харизмой пророков. Пророчества были высказаны также Тютчевым, Ахматовой, Пастернаком, Волошиным, Солженицыным. Что же превращает писателя в пророка? По мнению Н. Струве, это «прежде всего соотнесённость его слова высшей Ценности, понятой как безусловное нравственное веление» (Струве Н. Православие и культура. М., Русский путь. 2000. С. 525).

Классики-пророки достигли высшей ступени познания мира. Мы имеем таких Учителей, пример которых позволяет витязям интеллекта подняться на более высокую ступень постижения жизни. Она сочетает в себе Истину, Добро и Красоту. В представлении древних греков эта Триада обозначалась как Бог. Это – правильное представление о Господе Боге.

ГЛАВА 1. ПОТРЕБНОСТЬ ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Где же тайник «обновления ума»

Пишущий эти строки полагает, что пришла пора точнее уяснить смысл триады – тело, душа, дух. Для этого следует взглянуть на творческое наследие Державина, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Л. Толстого, Чехова, на идеи классиков Серебряного века и нынешних ценителей народной речи. Незабываемо «Напутное слово» В.И. Даля в Обществе русской словесности (21.04.1862). Он составил знаменитый Словарь, который является нашим путеводителем. В нём даются толкования слов: тело, душа, дух; они живы в сокровищнице меткого народного слова. Российский народ связал своё понимание указанной триады со священными Писаниями – Библией, Торой, Кораном и буддизма.

Православный подход к триаде был принят княгиней Ольгой и князем Владимиром Святым. Спустя 1000-летие в посткоммунистической России произошло Второе крещение. Религиозная история – довольно длинная и поучительная. Изучая её, я до последнего времени понимал религию как совокупность убеждений, принятых в качестве догматики; она существенно влияет на жизнь людей, внушая им веру эмоциональными или авторитарными методами. Моя же нынешняя вера в религию – интеллектуальная в сочетании с чувствами. *В свете её я предлагаю понимание тела, души и духа в контексте лучистой энергии* (аргументация – далее). Тот читатель, которого заинтересуют мои идеи, может поверить в то, что свободный интеллект и свободная вера в Провидение являются главными двигателями человеческого прогресса и основными противниками атеизма и тоталитаризма. Но я не советую читателю быть непримиримыми противниками Ленина, Сталина, Горбачёва и Ельцина.

В наши дни происходит удивительная интеграция всех форм общественного сознания – религии, философии, науки и искусства. Поэтому предлагаемая книга – это интеграл-версия. Религия смогла приспособиться к научной теории эволюции и даже извлечь из неё новые доводы. Учёные становятся также более реалистичными в подходе к

оценке религии. Она говорит образованному обществу, что единый концептуальный замысел простирается сквозь века и российская национальная идея имеется в Божественном разуме. Трудно сегодня сказать, почему Провидение предпочло путь страдания именно для России, чтобы страна осуществляла своё предназначение.

Самыми важными как для России, так и для всего человечества я считаю вопросы культуры. Меня восхищает осетинский мыслитель Коста Хетагуров, который считал, что подлинная культура состоит в том, чтобы быть гражданином Вселенной. Преданно служа любимой России, я мог бы быть гражданином Германии или Венгрии, Кубы или Монголии, то есть любого земного фрагмента пространства-времени, не исключая ни США, ни Израиля. Однако во мне сильно сожаление по поводу того, что в России и других странах в большинстве своём люди практичные, для которых деньги и власть – самые достойные цели для человека и нации. Но я надеюсь на то, что будущая всероссийская нация рано или поздно выдвинет власть, которая создаёт не только элитарную, а подлинную народную культуру. Для неё главное – мудрость, предлагающая людям нравственно-интеллектуальные линии жизни.

О жизни тела лучше А.П. Чехова не скажешь: вспомним первый монолог героини пьесы «Чайка». Она назвала все предметы в пространстве, заполненные материей и веществом; упомянула также организм человека. В древности русские говорили просто «тѣль»; они имели в виду тело, вещество, материю, всё доступное плотским чувствам, всю материальную массу. Сегодня человек обладает объёмом плоти и образует одно цельное существо. Живые ткани обладают уникальным свойством свечения. Я свечусь, следовательно, существую. Научное изучение всего спектра излучения убеждает в том, что полный биоанализ тела позволит в перспективе получать точный диагноз и лечить болезни, которые сегодня считаются смертельными. О здоровье и недугах тела читатель наверняка осведомлён лучше, чем я, поскольку своим правилом я сделал не предупреждение о том, что «Кто не мил телом, тот не мил и делом», а признание – «первым делом – самолёты...» Они, точнее – творчество, позволяют телу человека подниматься ввысь вместе с материей.

Тело оживляется душою. Не только евреи словом «душа» обычно передают выражение, которое, собственно, означает «дыхание жизни» или просто «дыхание». Русские думают также, считая, что душа всегда связана с дуновением жизни в теле. Поэтому мы по-библейски употребляем слово «душа» в связи с жизнью тела. Приведу цитату из Библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею» (Быт. 2:7). И эта божественная жизненная сила существует лишь в связи с телом индивида и делает его живым существом. Другими словами, человек и душа – взаимодополняемые понятия о конкретной жизни существа.

Слово «душа» довольно часто употребляется классиками. Лермонтов, например, употребил его 830 раз. Даль разъяснил слово «душа» как бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею; она означает также человека без плоти, бестелесное, по смерти своей. Чаще всего, упоминая душу, мы имеем в виду такие душевные качества, как ум, чувства и волю. И часто можно слышать: в этом человеке много души, а в этом или другом сочинении много ума и чувства, то есть много души. В живой беседе выделяется главный двигатель человек – душа. В тревоге и беде говорится: «у меня душа не на месте», а при желании отдохнуть и отвлечься мы «отводим душу» на чём-то приятном. Религиозный человек просит «отпустить душу на покаяние», не погубить её напрасно и дать возможность пожить.

Итак, словом «душа» мы передаём выражения «дыхания жизни», деятельности интеллекта, проявления своих чувств и воли; в общем, душа – человек с телом и психикой; она обитает в вещественном, телесном. Мне дано было увидеть свою душу в виде полуметрового луча – подобия стрелы, возвратившейся после клинической смерти. От академика Н.П. Бехтерева я слышал: каждая десятая роженица зримо, душою наблюдает, как появляется на свет новое существо.

Обитель невестственного и существенного мира. Так В.И. Даль определил дух, бестелесное существо, высшую искру Божества, человеческое стремление к небесному. В русском языке утвердился не только добрый дух (ангел, свет, чистота, красота), но и дух

злой (дьявол, демон, тьма, нечистота). Из Библии вошёл в обиход Святой Дух, третье Лицо Св. Троицы. Русский язык не обходится без слов: Дух Божий, благодать, откровение, вдохновение, сила духа, крепость, решимость, бодрость, самостоятельность.

Поэзия поддерживает дух христианской веры и раскрывает огромное многообразие духовной жизни. Например, Лермонтов употребил слово «дух» 175 раз, «совесть» – 66 раз.

Говоря обобщённо, дух, подобно душе, «трёхчастен», включает в себя свою триаду: совесть, общение и интуицию. Человек обладает способностью самооценки, различения добра и зла. Он ищет сопричастности, дружбы, ведёт диалог с окружением. В процессе общения формируется жизненный опыт. Своею интуицией думающий ищет смысла вещей.

Понять Россию нельзя без герменевтики. Её создали античные мудрецы, которые разъясняли значение слов и событий. Разрабатывая проблемы россиеведения, я постоянно обращаюсь к словнику Библии и убеждаюсь в том, что немало современных высказываний являются ложными. Ибо проблема значения слов связана с проблемой значения образов и символов. Так, художник мечтает «сказаться душой без слова» (слова Фета). Поэту Блоку было известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлечёнными. Брюсов просил: «Пойми – весь мир, все тайны в нас, /В нас Сумрак и Рассвет». Сологуб осмелился заявить: «Я – бог таинственного мира, /Весь мир в одних моих мечтах». Символисты считали себя обладателями тайного знания.

Так, например, поэты в своих исканиях смогли оценить по существу русскую революцию, её причины получили свою высшую санкцию: отряд красногвардейцев возглавляет... «В белом венчике из роз – /Впереди – Иисус Христос» (поэма Блока «Двенадцать»). Эта подлинно интеллектуальная санкция есть противовес решению вульгарных законодателей, выбросивших из красных дат календаря понятие «революция». Классика противопоставляет думцам другое суждение: в 1917 году произошла великая демократическая революция, которая продолжалась 10 месяцев. В феврале, октябре и ноябре 17-го Россия предстала, по Блоку, «в лучах новой гражданственности» и народная революция «оказалась нашей собственной душой» («О символизме». СПб. 1921. С. 18-19). Гениальное прочтение отечественной истории, включая российские революции, мы находим в «Путиях России» Максимилиана Волошина.

Наиболее существенная функция словаря классики состоит в том, что он через свою связь с образами открывает нам доступ к тому, что отдалено во времени и пространстве. В будущее устремлена гоголевская Тройка. Анну Ахматову, по её словам, «как реку, суровая эпоха повернула»; она стала своего рода мостом, проложенным от классики XIX века к классике Модерна. «Чистого слога слуга» был Владимир Высоцкий. После его смерти живут созданные им песни и кинообразы; он продолжает дарить людям душевно-духовную силу и надежду, мужество и волю: «Перейдём на более высокую ступень развития!»

Жизнь в разуме

Российская жизнь – это существование в стремлении к познанию и знанию. Оно движется от чистого детского любопытства до величайших усилий мысли. Оно рождает мудрость, то есть правильное понимание человеком жизненных целей. И такая мудрость присуща русским классикам в литературе, науке и искусстве. Это нечто такое, что само по себе эти формы познания не обеспечивает.

Говоря о М.В. Ломоносове, А.С. Пушкин писал: «Историк, Ритор, Механик, Химик, Минералог, Художник и Стихотворец – он всё испытал и всё проник». Академик сделал такие замечательные открытия в науке, которые опередили своё время более чем на столетие. Вместе с этим Ломоносов обогатил русскую культуру, укрепил её национальную самостоятельность. Он стал исходным рубежом новой эпохи русской поэзии, которая достигла, по его выражению, своей «высокости и великолепия». Ломоносовские оды пропагандировали просвещение и науку, славили русский народ. Сейчас пред моими глазами селение Холмогоры, где родился гений. Мне представляется, что четыре десятилетия назад я видел исток ненасытной жажды познания мира.

В моём воображении ломоносовский исток продолжил себя в крымском Коктебеле, где жил и работал М.А. Волошин – поэт, художник, критик, исследователь, учёный. Для него характерна ненасытная жажда познания мира: «Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить, /Все формы, все цвета вобрать в себя глазами, /Пройти по всей земле горящими ступнями, /Всё воспринять и снова воплотить». Эти строки вспоминаются на вершине горы, откуда, как и из волошинского дома, виден простор древнейшей Киммерии. Эта земля у Чёрного моря явилась наследницей многих культур – скифской, эллинской, римской, готской, византийской и русской.

Думая о русской культуре, я вспоминаю встречи с академиком Б.А. Рыбаковым. Он вдохновенно говорил о великом значении усадьбы крестьян. Из его выдающихся работ «Язычество древних славян» (1981г.) и «Язычество Древней Руси» (1988г.) можно получить богатое представление об обрядности славян, наших древнейших предков. Мне хочется верить в то, что по своей линии родства исток моего бытия уходит к той далёкой эпохе, когда славяне-земледельцы включили в свой рацион зерно. Видимо, это произошло 15 тысяч лет назад. По словам Н.М. Карамзина, древнейшее хлебопашество «было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и, наконец, самую любовь к отечеству» (Предания веков. М., 1988. С. 51).

Три десятилетия назад, перелистывая «Повести временных лет», я остановил взгляд на эпизоде под 1093 годом. Летописец датировал картину страданий русских людей, угоняемых в плен половцами. Пленники бредут печальные, измученные, голые и босые; они скованы стужей, почернели телом... Печальная толпа на чужой земле ведёт такой разговор: «Аз бех сего города» (я был из этого города); «аз сея вси» (я – из села). Для пленников уже всё в прошлом: «был», а не «есть». Так из глубины веков доносится до нас заветная мысль об исключительной ценности для человека его корней.

Мои корни в Пятигорске, у горы Машук, рядом с которой вижу Бештау и далеко вдали – белоснежные главы Эльбруса. Я рос вблизи памятника Лермонтову, с которым связываю своё детское любопытство. Оно – тот первичный импульс, которое питает жаждущего познавать жизнь. Мою память постоянно волнует мысль Ф.М. Достоевского, высказанная в «Зимних заметках о летних впечатлениях». Писатель серьёзно задавался вопросом: «Неужели ж и в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землёй, что оторваться от неё ни за что нельзя, и хоть и оторвёшься, так всё-таки назад воротиться».

Эта привязанность к родной земле, любовь к России особенно сильно волновала русских литераторов. В моей памяти возникает множество стихотворений, посвящённых родной природе, селу или городу... «Вчера я приехал в Пятигорск...» – эта лермонтовская фраза – моя подлинная память. У всех людей подлинная память заключается в знаниях о прошедших событиях.

Суждение о том, что история древняя кончилась богочеловеком, Пушкин оценил как справедливое. Он подчеркнул: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство... История новейшая есть история христианства» (А.С. Пушкин. ПСС. Т. XI, М., 1996. С. 127). Ибо в центре этого учения находится человек как каждый из людей, высшее из земных созданий.

Посланник Провидения

Временем начала распространения учения Христа на земле вполне оправданы путешествия св. апостола Андрея Первозванного. Этот человек был одарён высоким разумом, сильной волей и убедительной словесной речью.

В числе двенадцати учеников Христа – Андрей Первозванный. Иисус назвал их «апостолами» (Лк 6:13). Они были направлены Им как посланники в мир для того, чтобы свидетельствовать о деяниях Христа по Его воскресении. Апостолы возвещали спасительное послание Богочеловека и исполняли божественные задачи: «Но вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями... даже до края земли» (Деян 1:8).

На «край земли», населённой праотцами россиян, трижды приходил апостол Андрей. Он и его брат Симон были сначала рыбаками, а позже стали учениками Иисуса. Они были призваны Христом стать Его последователями: «Идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк 1:17). Согласно легенде, Андрей (греч. мужественный) предстал пред скифами проповедником. Его можно считать первым просветителем древнейшей Руси, так как он начал христианские проповеди на просторах будущей российской державы.

Язычество, которое бытовало на русской прародине, разрешало человеческие жертвоприношения. Возможно, что наши далёкие прародители в случае особой беды приносили в жертву собственных сыновей. Здесь уместно напомнить об истории Авраама, который должен был по велению Бога принести в жертву сына своего Исаака (Бытие. 22). Эта трагедия даёт ясно понять, что Господь против принесения в жертву детей.

Можно предположить, что Андрей, первоначальный ученик Иисуса, напомнил нашим древнейшим предкам об этом запрете Бога. Они приобщились к проповедничеству. В «Православной энциклопедии» (т. II, С. 372-373) рассказывается о почитании Андрея Первозванного на Руси. Здесь прозвучало «Слово» о том, что «Руския земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь». «Повесть временных лет» освещает переход Андрея Первозванного из Херсона (Корсуни) к местам, где в будущем предстояло возникнуть Киеву и Новгороду, и благословил эти места (Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т.).

С XI в. растёт почитание Андрея Первозванного на Руси, создаются храмы его имени, во всех русских календарях и месяцесловах Евангелия упоминается его имя. Спустя столетие активно развивалась традиция сказаний о первоначальном Иисуса и о христианском учении. В последующие века в русское самосознание входят апостольские проповеди. Со времён царя Ивана Грозного слова Андрея Первозванного вспоминались в тех случаях, когда требовалось защитить самостоятельность России в делах церкви. Священнослужители подчёркивали апостольскую преемственность Русской Православной Церкви. С именем Андрея Первозванного связана богатая традиция раскрытия идей учения Христова.

При императоре Петре I, считавшем Андрея Первозванного своим покровителем, имя «крестителя земли Русской» получил главный орден Российской империи, а Андреевский крест, имевший форму буквы X, стал изображаться на флагах Российского флота. В конце XVII в. царь Пётр I, учреждая высший орден государства, указал в его проекте на роль св. ап. Андрея Первозванного: «Крещением первоначально пределы Наши просветившего». До 1917г. орден Андрея Первозванного был высшим орденом Российской империи.

Этот орден был восстановлен как высшая награда России (1998г.). Первыми кавалерами ордена стали академик Д.С. Лихачёв, конструктор стрелкового оружия М.Т. Калашников, Святейший патриарх Алексей II.

Святейший синод РПЦ учредил высший орден Святого апостола Русской Православной Церкви – орден Святого апостола Андрея Первозванного.

Можно вспомнить, как в 1644 г. в дар царю Михаилу Фёдоровичу преподнесли десницу Андрея Первозванного, которая в настоящее время хранится в Богоявленском соборе в Москве. С именем святого апостола связана введённая в России её первая формула «Святая Русь». Для неё центральным путём является религиозное единение. Самое замечательное в современной жизни России является её поворот к религиозной культуре.

Призыв апостола Павла к «обновлению ума»

Предлагаю читателю *воображаемое послание св. ап. Павла россиянам.*

Те люди, которые не желают видеть нашу цивилизацию превращённой в руины, призваны выполнить трудный и важный долг – защитить свой разум от эгоизма и национализма. Я имею в виду непредубеждённый разум. Он нуждается в применении и защите, поскольку человечество весьма склонно к предвзятым мнениям, к крайностям в суждениях. В XX веке люди стали проявлять склонность к партийным предубеждениям и слепо верить партиям. Нередким проявлением были коллективные истерии. Человечество пережило две мировые войны, бездумно приняв ложную пропаганду. Отсутствие под-

линных знаний было одной из главных причин тех ужасающих потерь и опасностей, которыми в эпоху модерна окружены люди.

Поэтому так важно сегодня воссоздать то, что мы называем «интеллектом». Разум в своей высшей степени проявил ученик Христа Павел. В его посланиях мы видим след совокупностей событий, которые происходили в конкретных областях пространства и времени. Именно эти области склонны формировать человеческие привычки, и чем больше эти склонности, тем более сложным становится разум. Он приобретает свою специфическую организацию и предубежденность. Следует признать, что в настоящее время правит бал разум партийный, односторонний и предубежденный. Главе государства приходится с огромными усилиями управлять рулём державного корабля.

И всё-таки граждане могут ориентироваться на непредубежденный ум, который выбирает предпочтительный образ мыслей и действий в конкретной ситуации. Разум способен непредубежденно подумать, рассмотреть альтернативы, взвесить все «за» и «против». И затем может приходиться к решению, действовать и не пересматривать его до тех пор, пока какое-либо новое важное обстоятельство не изменит ситуацию. Чтобы лучше объяснить реалии, правильнее действовать и полнее понимать мир, я всегда обращаюсь за советом к апостолу Павлу. Мысли его мудры, поскольку верно понимают цели в жизни. Я выражаю свою признательность апостолу за идеи, способствующие познанию России, которая преодолевает свой жизненный трагизм. По мнению Павла, у нас «нынешние временные страдания» (Рим 8:18). Россияне могут вынести свои страдания, для чего нужно главное: человеколюбие, согласие людей и мудрость строителя страны (1 Кор 3:10).

Эти качества были остро необходимы и в I веке, когда родился и жил Павел. Юноша имел другое имя: Савл. Он принимал участие в преследованиях членов первых христианских общин. На пути из Иерусалима в Дамаск, где он должен был включиться в гонения на христиан, ему явился воскресший Христос, свершилось его обращение в христианскую веру (Деян 9:1-19). Павел стал приверженцем этой веры и проповедником учения Христа среди язычников. Много путешествуя, ап. Павел обращается к разным народам с посланиями. Судьба его оказалась трагической: взятие под стражу, римское заточение, суд императора, принятие мученической смерти (между 64 и 67г.).

Для россиян исключительно важны доказательства Павла того, что спасение людям явлено Иисусом в истории раз и навсегда (Рим 6:10). Христос сошёл в мир для спасения всех людей без различия, ибо они «едино стадо и один пастырь». Павел особо настаивает на том, что в христианстве «несть эллин, ни иудей». Наше воображение подсказывает, что не только у колоссян, но и в христианском союзе в России, «Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос» (Кол 3:11). Такой веротерпимой должна быть общероссийская нация. Как гражданский и духовно-религиозный союз, нация соединяет множество этносов и их вероисповеданий, всех граждан, которые выстрадали единую судьбу поколений в Российском государстве. Над нацией властвует Абсолютное начало.

Вот что нам говорит Павел: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13:1); «Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых» (Рим 13:3); «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим 13:5). Христианское отношение к государству являлось духовным основанием России в течение девяти веков.

В XX веке на россиян обрушились страшные испытания – войны и революции. Царизм втянул Империю во всемирное побоище. Страшные годы войны... «Десять миллионов мобилизованных. Нет ни снарядов, ни ружей: а пушечного мяса сколько угодно. Через год сменяют министров» (М. Волошин). Война явилась более серьёзным и роковым вопросом, чем когда-либо. Царь Николай II и его окружение хотели разрешить проблемы, однако разрешали их совершенно неверным путём.

Мстителями за преступную войну и поддержку её церковью выступили большевики. Они аннулировали итоги выборов Учредительного собрания и стали устанавливать безбожный режим. На Русскую церковь были ниспосланы невиданные ещё в истории испытания и гонения. Об этом исключительно смело заявил Патриарх Московский и всея Руси Тихон, почивший в 1925 году. Он часто ссылался на св. ап. Павла, призывавшего уклониться от «распри и раздоры» (Рим. 16:17). Враги церкви, по Тихону, «стремятся к то-

му, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани». Патриарх напомнил завет св. ап. Павла: «Согрешающих же пред всеми обличай, да и прочие страх имут» (1 Тим 5:20). Изречения Павла входят в призывы Патриарха Тихона защитить Церковь, противопоставить её врагам силу веры, а если нужно будет и пострадать за дело Христово. «Кто разлучит от любви Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч» (Рим. 8:35). Исполнилось слово св. ап. Павла: «Вам дано не только веровать во Христа, но и пострадать за него». Вновь и вновь звучало апостольское слово о Христе, слово истины и любви, призыв прекратить взаимные распри и междоусобную брань. Наипаче же «мир Божий да водворится в сердцах ваших» (Кол 3:15).

Православная вера оказалась очень крепкой, гораздо более прочной, чем атеизм. Русский народ не утратил веру во Христа и расстаётся с верой в коммунизм. Глубоко прав оказался святитель Тихон: «Пока будет вера, будет стоять и государство». Ради возрождения веры государство изменяет своё содержание и форму, отказывается от атеистической системы, которая потерпела поражение. В Москве восстановлен величественный Храм Христа Спасителя, взорванный большевиками. Во всех уголках России воскрешены храмы, восстанавливаются церкви и мечети; официально отмечаются религиозные праздники.

Воображаемое Послание св. ап. Павла россиянам можно заключить следующими словами. Вы, россияне, допустили поругание Бога, отказались от учения Христа в пользу коммунистического мифа. Вам надо раскаяние, российское возрождение – в покаянии. Россияне, помните, что государства и народы испытали падения из-за смертности их человеческой природы: старения и умирания. Но жизнь никогда не останавливается. Только не впадайте в уныние и отчаяние; ваши нынешние страдания – временные (Рим. 8:18). Россияне, подготовьте для себя «мудрого строителя» страны (1 Кор 3:10). Помните, что Россия называлась «Святой Русью». Повторю то, что сказано уже в Послании к Колоссянам: В «сынах противления» вы некогда обращались (Кол 3:6-7). «А теперь вы отложите всё: гнев, ярость, злобу, злоречение, сквернословие уст ваших; Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его. И облечись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его (Кол 3:8-10).

Инстинкты (побудки животного) часто заменяют у людей их высший дар – разум и свободную волю, которые разрозненны и вечно спорят между собой. «Это – сердце и думка» (В.И. Даль). Апостол Павел проповедовал волю и ум к вере. Соглашаясь с ним, мне хочется, в свою очередь, выступить в защиту «воли к сомнению». Вне сомнения существует истина Иисуса Христа, ибо богочеловек выстрадал её всей своей жизнью. Многие другие убеждения не являются совершенно истинными, поскольку на них лежит печать неопределённости и возможного заблуждения. В центре всего познания следует поставить слова ап. Павла об «обновлении ума» (Рим 12:2). Обновление как процесс имеет свои ступени, поскольку «внутренний человек» со дня на день обновляется (2 Кор 5:17). Речь идёт, видимо, о постепенном восхождении к высшей жизни. Особенное значение здесь принадлежит именно «обновлению ума». Ап. Павел в Послании к Колоссянам пишет: «Новый человек обновляется в познании» (Кол 3:10). К правде-истине о России ведёт нас религиозная классика. В её свете «безрелигиозно понятая история есть просто бессмысленный поток» (В.В. Зеньковский). Отказываясь от безбожия, можно выковать в себе духовный стержень, памятуя поэтические слова: «Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые». Именно тогда, по апостолу Павлу, можно «Обновиться духом ума и облечься в нового человека» (Еф 4:23). Ибо «мы имеем ум Христов» (1 Кор 2:16). К нам, россиянам, относится упрёк апостола по поводу того, что язычники не имели Бога в познании, не поставили познание Бога в основу всякого познания и потому «осутились в своих умствованиях» (Рим 1:21). Известно, что атеистическая суэта в СССР достигла высшего предела, да и в наши дни она ещё не иссякла.

Россия добилась того, что Русская Церковь стала духовной властью и включена в демократическое пространство жизни, многое делает для смягчения нравов в нашем обществе, которое страдает множеством недугов. Главные из них – несправедливость, насилие и бескультурие.

Какую же истину постигли и осуществляли классики? Истину жизнелюбия и своего бессмертия. У Пушкина, например, было много женщин, любимая жена, семья и дети; он много работал и путешествовал, любил свободу и сочинял свобододолюбивые стихи. Он прославил мудрых государей, которые шли впереди народа.

ГЛАВА 2. «ВОССТАНЬ, ПРОРОК, И ВИЖДЬ, И ВНЕМЛИ...»

«Исполнишь волею моей...»

Пушкинское стихотворение так прекрасно, что невольно хочется заучить его. Оно напоминает озарение, описанное св. ап. Павлом испытание на пути из Иерусалима в Дамаск. Библейские пророки описали бывшие с ними моменты озарения (иначе и кратко). Приоткрытие ими космического разума вызывает восхищение. Поэт-пророк А.С. Пушкин описал момент глобального прозрения прекрасным и совершенным образом; нас удивляют пережитые им метаморфозы, которые происходят в его душе, когда «шестикрылый серафим» касался центров пушкинского сознания.

«Куда ж нам плыть?» Вопрос поставлен в стихотворении «Осень». Эта пора, «очей очарованье» приятна поэту своей «прощальной красотой», приливом здоровья, кипением желаний: «Я снова жизни полн – таков мой организм». В поэтическом воображении возникает образ корабля, и эта «громада двинулась и рассекает волны. /Плывёт. Куда ж нам плыть?» Пушкин помнил о том, что Пётр Великий представлял Россию как символ громаднейшего корабля. И вот уже почти три века петровский государственный корабль совершает очень опасное плавание в мировом океане. А русская поэзия исполняет роль «Пророка», обходя «моря и земли». Участь поэта – «глаголом» жечь «сердца людей».

Многолетнее изучение творений А.С. Пушкина привело меня к выводу об их истинности. Истину можно отождествить с предложениями, которые содержат переменные, правильные в силу не только наблюдаемых фактов, но и фактов ненаблюдаемых. О последних Пушкин говорил обобщённо, а не с ожидаемой конкретностью. Так из одного неоконченного стихотворения мы узнаём, что некие права, свободы и привилегии есть лишь «слова, слова, слова». Поэту же нужны «иные, лучшие... права», ему «потребна» лучшая свобода. Поэт добивается соответствия между убеждениями и фактами, первые истинны тогда, когда указывают на свой объект (См.: «Из Пиндемонти»).

«Громкие права» зафиксировала Конституция РФ, «от коих не одна кружится голова». Россияне несильно ропщат «о том, что отказали боги» им «в сладкой участи оспаривать налоги». Теперешняя налоговая система в своём плоском, а не прогрессивном, виде довольно несправедлива. Спрашивается, когда же мы вслед за Пушкиным скажем: «Вот счастье! Вот права...»? Мне представляется очень важным соответствие высказывания реальному явлению. То, что делает убеждение истинным или ложным, есть факт. Так, многие представители гражданского общества сочли парламентские выборы в декабре 2011 г. сфальсифицированными. Пушкин предлагает нам восстановить *истинную функцию власти*, ей надлежит идти «стезёю правды», а не лжи. Однако посткоммунистическая Россия по примеру Советского Союза продолжает культивировать неправду и иллюзии.

Поставлю вопрос о том, каков *modus vivendi Пушкина*? В переводе с латинского *modus vivendi* означает «образ жизни» и условия, позволяющие устанавливать правильные отношения между двумя противными сторонами. Такие отношения пытаются наладить наиболее разумные люди, составляющие народ, или нацию (по латыни). Он, или она, нуждаются для этого в философии, религии, искусстве и науке. Единство этих форм познания и освоения мира было задано античной цивилизацией. «Любомудрие» Платона выражает не только мудрость диалогов и любовь к мифу, но и стяжание духа, духовную практику. В парадигме Аристотеля родилась «эписистема» как бескорыстное знание. Античная классика сочеталась с народной мудростью, мифологией и религией. От народов Востока, Греции и Рима человечество получило возможность выработать национальные культуры, которые отличаются своей самобытностью.

Платонизм явился «подлинной, родной сферой русского философствования». Так считал философ и священник Сергей Булгаков. Российское самосознание включает в себя и Аристотеля, и римское право, и западноевропейскую философию.

Пушкин нёс в себе также ген африканской культуры, а Лермонтов считал своей второй Родиной Шотландию. Потомки арапа Петра Великого и поэта-прорицателя XIII в. Лермонта отбрасывают провокационный призыв «Россия для этнических русских». Разве есть биологически чистая русская нация? Умозрительно её можно представить, если исключить из неё всех знаменитых деятелей. Русскую принадлежность не станет доказывать полуполяк-полуукраинец Гоголь или Достоевский, имеющий белорусско-литовские корни. Карамзин и Тургенев явились от татар. «Чистокровными русачками» не были Некрасов, поляк по матери, и Бердяев, у которого бабушка француженка. Выдающиеся российские философы Франк, Шестов и Гершензон были евреями, как и художник Левитан, и композитор Рубинштейн. Военные деятели России также отвергают мысль о создании чистой в этническом отношении «русской национальной республики». Кутузов был немецкой кровей, Багратион – от грузин, Нахимов – от евреев; мать Деникина – полька, у Корнилова – казашка, Врангель по крови датчанин. Русское национальное самосознание развивали Пётр Струве и Иван Ильин – немцы по родителям.

Я регулярно посещаю Троице-Сергиеву Лавру, в которой философ и священник Павел Флоренский видел энтелехию и воплощение эллинского духа. Мною почитаемы философия немца Лейбница, у которого славянская кровь, и еврея Спинозы.

Я очарован свободолюбием Пушкина. Пушкинское «наше всё» воспело свободу вослед Радищеву. И диалектика заключается в том, что очарование свободы, как цветок, раскрывается на твёрдой российской почве. Пушкин учит нас постоянному сопротивлению господству чиновников, чтобы мы постоянно сознавали то, что свобода ума есть самое ценное из всех благ. Стремясь к свободе, Пушкин страдал подобно Овидию, сосланному из Рима в Молдавию. Пушкинский «Памятник» является подражанием римскому певцу Горацию. Европейская школа свободы для России нисколько не умаляет российское национальное величие. Из свободы пушкинских мыслей вырос целый мир искусства и философии, а также видение красоты.

Русская «российскость» основана на свободе личности, которой нужны свободы ума, мнения и слова. Свободный человек хочет изучать и анализировать, знать и создавать нечто в своей короткой жизни. Даже в условиях тирании свобода интеллекта принадлежала Пушкину одному, и в этом было его преимущество перед жестокими силами, управляющими внешней жизнью. Сегодня русский и нерусский россиянин совершает своё освобождение путём созерцания Рока, путём подчинения своих желаний нравственному кодексу, из которого вырастает добродетель смирения. В своё время это вынужден был делать Пушкин. Ему был совершенно чужд национализм как развитие стадного инстинкта, он был лишён чувства сходства и принадлежности к одной какой-то группе, или стаду.

Истинный российский патриот Пушкин защищал свой разум от «русского патриотизма». Ибо для него превыше всего была широта морального долга, стремящегося к истине. Она утверждает, что любой национализм живёт с ложными представлениями. Пушкин научился служить истине, быть искренним и правдивым в своих мыслях; он избегал приятных мифов и был всеотзывчивым. А пушкинская любовь к человечеству не допускает ни чрезмерного патриотизма, ни чрезмерной русскости. Ибо они, нося характер опьянения, опасны не только для своего Отечества, но и для всего мира. Стало очевидным, что русскость по крови уже не ведёт к росту национального самосознания, а напротив, может возбуждать инстинкты стада и агрессии. Никак не допуская этой крайности, Пушкин был одержим стремлением понять свою полиэтническую страну. И на пути к пониманию появляются объяснения-стихотворения: «Свободы сеятель пустынный...»; «Поэт и толпа»; «Бесы»; «Мадонна» и многие другие. Между двумя мирами всегда Спаситель и Богородица; «чувства добрые», призывы милости к падшим, Веления Божии...

Характерно пушкинское приветствие в адрес молодого поколения, приходящего на смену отживающему: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое». Этим обращением Пушкин выразил ощущение самой болевой точки России: запоздалость прихода на вершину государственной пирамиды свежих, молодых и компетентных правителей. Речь идёт не только об индивидуальных перспективах лучших и сильных россиян. Речь идёт о самом существовании российской государственности, которая должна развиваться посредством своевременной смены поколений всех управленцев, в первую очередь, тех, кто входит в правящий класс. Сам дух пушкинской философии ориентирован на незнакомое и моло-

дое. В этой социальной ориентации политики – основное противоядие старению российского общественно-политического «организма».

Почему злободневно «уважение к минувшему»?

История всегда интересовала меня; она интересует многих. Мы принимаем какую-то общую схему исторического развития. Что касается меня, то я долгое время придерживался формационной теории Маркса. Она названа «пятичленкой»: первобытнообщинный строй, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации. Я перестал быть ортодоксальным марксистом-ленинцем. Теперь я не считаю, что все человеческие феномены происходят главным образом из материальных и экономических условий. Не думаю я также, что главным двигателем истории является классовая борьба. А что же тогда?

Пушкин обращает внимание на историю цивилизации и на появление христианства. Он признаёт прежде всего мировую историю, а после национальную. В черновом тексте Записки «О народном воспитании» Пушкин говорит об историческом творении Н.М. Карамзина, как об «алтаре спасения, воздвигнутого русскому народу». Он оценивает этот труд и как «вечный памятник». Мы вопрошаем всемирную и российскую историю. Тайну этого вопрошания раскрыл прот. Георгий Флоровский в книге «Пути русского богословия», где говорится о «завете прошлого: это «наша ответственность за прошлое, наше обязательство пред ним...». Если же мы бросим взгляд на наш «алтарь спасения», то напутствием могут быть слова автора: «Подлинно исторический синтез не только в истолковании прошлого, сколько в творческом исполнении будущего».

Так, Н.М. Карамзин, автор «Истории Государства Российского», предлагает теоретическое воззрение на Россию в консервативном контексте, его выводы из исторического анализа консервативны. Но тут же возникает вопрос: «А какими могли быть прогрессивные взгляды по поводу древней русской истории?» На этот вопрос мы не имеем истинного ответа по сей день. Мы можем вслед за Карамзиным характеризовать самодержавие как хранителя («палладиум») и гаранта российского единства и благополучия народа, ибо оно было несомненным фактором целостности страны, воплощением «совести в сердце монарха».

Карамзин видел в самодержавии отеческое правление, которое призвано поддерживать общественное спокойствие, порядок и стабильность. Можно спорить о том, какой по преимуществу должна быть единоличная власть – консервативной, охраняющей или же творческой, новаторской. Карамзиным приоритет отдавался «более мудрости охранительной, нежели творческой».

Пушкин же подчеркнул особо значение имперского творчества Петра I. Оно осуществлялось не только русскими, а россиянами. Русские как раз и ожили, возродились в молодом теле Империи; они примкнули к мощному преобразованию, превратившись в россиян вместе с другими народностями, вошедшими в её состав. Из душевного тела Московии стало расти душевно-духовное тело России. Поэтом сказано: «Прорезываться начал дух, /Как зуб из-под припухших дёсен». Чудотворный строитель Пётр Великий явился проводником воли Провидения. Подобно грозе он принёс стране очищение. Перед Полтавской битвой Пётр, как проводник небесного предначертания, выходит из шатра... «...Его глаза /Сияют. Лик его ужасен. /Движения быстры. Он прекрасен. /Он весь, как Божия гроза».

Исторический процесс есть прежде всего борьба между разрушающим и творческим началами жизни. Само же творческое начало, считал С.Л. Франк, «не ограничивается творением новых, высших, лучших форм, оно действует уже и в *сохранении достигнутого*, то есть в ограждении его от гибели». Правдоподобно суждение о том, что прогрессивная и консервативная тенденции являются двумя взаимосвязанными сторонами развития, двумя полюсами единого жизненного творчества, его стационарности, когда в старом состоянии пребывает итог непрерывных творческих усилий.

Пушкин, вдохновлённый духом философии, высоко оценил акцент Карамзина на добродетели терпимости и искренности. В отличие от обществоведов, одержимых идеологической нетерпимостью, воинствующим атеизмом, они терпимо относились к разным

религиозным, политическим и философским взглядам. Мне представляется ценным взгляд Карамзина, открывшего, подобно Колумбу, древнюю Россию (мысль Пушкина), поскольку наша современность воспроизводит некоторые исходные начала, то есть совершается некое обратное движение к древности.

Обратное интеллектуальное движение к прошлому очень ценно в познавательном отношении. Об этом говорил Пушкин: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости...» (А.С. Пушкин. ПСС. Т. 11. М., 1996. С. 184).

Возврат к этой дикости происходит вновь и вновь. Евразийцы восторженно восприняли уничтожение петровско-пушкинской цивилизации. Большевики с ещё большим восторгом уничтожали памятники дореволюционной культуры. Радикал-реформаторы обрушились, словно варвары, на советскую цивилизацию. И здесь уместно напомнить о споре *Чаадаева и Пушкина*, о совместном обсуждении ими проблемы российской цивилизации, её истории и значения. Для философии П.Я. Чаадаева (1794-1856гг.) основной темой была историческая судьба России. Эта же тема занимала внимание и А.С. Пушкина. Они находились под влиянием двух исторических событий: победы России в войне с Наполеоном в 1812г. и поражения восстания декабристов в 1825г. Друзей искренне волновало также довольно грустное состояние общественной жизни. Оно, по словам Пушкина, поистине могло привести в отчаяние. И об этом Чаадаев сказал громко и открыто. Самодержавие охарактеризовало это как сумасшествие.

Чаадаевские «Философические письма» сыграли огромную роль в развитии политической мысли России, по образному выражению А.И. Герцена «разбившие лёд после 14 декабря». Чаадаев в 1828-1831 гг. работал над главным своим произведением, в котором историческая судьба России понималась как соединение прошлого, настоящего и будущего. Чаадаев писал: «Мы живём одним настоящим... без прошедшего и будущего». Он строил идеальную модель Запада. Она воплощала собой тройственное единство: религии, культуры, нравственности; она приобрела правильную форму цивилизации и достигла общественных идеалов. Россия же, приняв христианство от Византии, «презираемой всеми народами», оказалась словно в промежуточном положении, будто бы серединой магнита, который не есть ни минус, ни плюс. России было нужно, по мнению Чаадаева, в ускоренном темпе, но вполне сознательно повторить все этапы, пройденные Западной Европой.

Чаадаев считается первым видным русским западником. Находясь в Западной Европе, он воспринял западный либерализм и стремился водворить в России начала европейского просвещения. Но обстоятельства привели его к разочарованию и осуждению России: «Мы ничего не восприняли из преемственных идей рода человеческого», поэтому страна сильно отстала от Запада.

В спор с Чаадаевым вступил его друг Пушкин. 19 декабря 1836 г. он пишет знаменитое «Письмо П.Я. Чаадаеву». В нём признаётся самобытность русской истории и то, что она требует для её понимания «другой философии, чем история христианского Запада». Согласно пушкинскому подходу, русская христианская история может представляться «нечистой» лишь с догматической католической точки зрения. Ввиду единства человечества не должно быть деления на «чистую» и «нечистую» историю. Аргументация Пушкина очень убедительна, ибо доказывается фактами служения России общим европейским интересам (например, в периоды монгольского и наполеоновского нашествий).

Однако в XIX в. Россия поистине задыхалась в душливой атмосфере самодержавного режима, преследовавшего даже Пушкина. Тем не менее, он заявляет: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог её дал». Какой это глубочайший вывод. В пику ему многие часто третируют историю, то древнюю, то царскую, то советскую, считая их или ошибками, или тупиками. Но такие оценки под силу делать не человеку, а Высшему разуму. Для человека же истинное или ложное то, что соотносится с фактами, а не с убеждениями. Истина о России должна соответствовать реальностям самой страны, а не представлениям о ней.

Интересно, что в сороковых годах XIX в. в чаадаевских оценках России и смысла её бытия происходит существенная перемена. Недостатки могут послужить залогом будущего величия России, «если только она правильно уразумеет своё призвание» и возьмёт на себя «инициативу проведения своих великодушных мыслей». Истинное в споре

двух друзей было то, что соответствовало реальной истории через обращение к событиям и фактам.

Историософский взгляд Пушкина имеет продолжение в важном сближении. Каким же?

Как сочетать органичность с прогрессивностью?

Чутко чувствовали российскую судьбу А.С. Пушкин и А.И. Герцен. Они отождествляли её с раздвоенностью по разным направлениям, включая западное и восточное, а также российскую идентичность и её сокровенную самобытность. Зов исторического «кода» подсказал думающим людям в первой половине XIX в. назвать родившиеся направления русской общественной мысли словами «славянофильство» и «западничество». Если второе обозначение кажется всё-таки оправданным, то первое более чем неудачно. Г. Флоровский отметил, что имена «славянофильство» и «западничество» – очень неточные, только подающие повод к недоразумениям и ложным толкованиям.

Почему же? Во-первых, потому что генетическая «русскость» не есть масштаб «славянства». Во-вторых, славянские страны постоянно утверждают свою самостоятельность, обосновывают свои особые духовно-идеологические устремления и геополитические ориентиры; и это оправдывается отличиями между славянскими народами. В-третьих, со времён ветхозаветных «братские отношения» выступают в качестве противоречивого социодуховного феномена. В Ветхом Завете первое убийство – это братоубийство, Каин не смог вынести рядом с собой брата Авеля, возревновал его к Богу. Комплекс ревности, притяжения и отталкивания непреодолим; замечено, что гражданские и религиозные войны по личному ожесточению превосходят войны между государствами.

Пусть остаётся неудачное понятие «славянофильство» для Клио, нам же для научного анализа потребно понятие вроде русизма, русистской органичности. Они вбирают в себя главное начало России, её самобытность. Огромную работу над русским языком проделал М.В. Ломоносов. Литературную реформу языка произведёт Н.М. Карамзин. Но суммарно представить «русское начало» сумел Пушкин, стоящий на вершине всей европейской культуры.

Так называемые «славянофилы» и «западники» в личном плане по-своему высоко оценивали Россию. Но для одних была особенно дорогой первая её сторона – органичность и самобытность, а для других – способность России соответствовать умственному прогрессу или даже «стоять впереди» его. В наши дни весьма актуально напомнить и о тех «западниках», вроде поэта Алмазова и философа Печорина, у которых ненависть к России вела к отрицанию всех положительных начал. Стоит напомнить о признании Алмазова в том, «как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтоженья». У этого поэта и у ненавистника Печорина окажется к концу XX века много единомышленников. В отношении западников к России часто примешивается ненависть к отрицательным моментам русского быта и к народному невежеству. Эта неприязнь выразится в удручающем духе Смердякова: «Я всю Россию ненавижу-с».

Впервые В.Ф. Одоевский сформулирует мысль о русской идее, как о синтетическом примирении всех идей. Позже эту мысль станет отстаивать страстно Ф.М. Достоевский. Идея о целостности духа окажется в центре славянофильской философии. А.С. Хомяков сформулирует свою излюбленную мысль: в познании отдельный человек, в отрыве от совокупности мышлений людей, объединённых единой любовью, рассыпается в противоречиях и неизбежно вступает на путь вражды. Целостная истина доступна человеку постольку, поскольку он *причастен* Церкви, вне Церкви он способен усваивать лишь *частные* истины с маленькой буквы, а вместе с «церковным разумом» индивид познаёт всецелую истину, а не «полуправду», легко обращающуюся в «неправду». Отсюда вытекает понятие «соборности».

Соборность придаёт стройность мысли о братстве, солидарности и смирении как главных чертах русского духовного характера. Русистская самобытность возводит начало соборности в степень общего метафизического принципа бытия. Поэтому оно не тождественно с «коллективизмом», безликим и однотонным. Если последний можно перевести на другие языки словом «коммунитарность», то синтетическая «соборность» неперево-

дима на другие языки, так как является образцом для общества, свободного и органического единства множества культурных личностей. Для них главное свобода – духовная, гражданская и политическая. Но «без денег и свободы нет» (Пушкин). Всю остроту этого парадокса суждено переживать России в начале XXI века.

А что на Западе? Здесь большинство людей составляет средний класс. Он больше занят хлебом насущным и личными интересами, чем высокими предметами, с которыми имеют дело историки и философы. Западное гражданское общество подсказывает правительствам, как могут быть достигнуты некоторые наиболее важные цели, такие, например, как благосостояние и общественное согласие.

Искание золотой середины

Пушкин разрабатывал «философию своего Отечества»; он один из основателей отечественного мирозерцания. Говоря его словами, он создан был действовать очень сильно на просвещение своего Отечества, быть прекрасным украшением его поэзии и его философии «среднего». Одарённый исключительным чувствованием и размышлением, Пушкин не пошёл по пути абстрактного философствования по примеру Канта и Гегеля. В истории философии мы находим скорее истории исследовательской мысли, которая решает проблемы самого мышления или лучшего использования нашей власти над силами природы. Философствование означает само по себе «любовь к мудрости» и желание избавить людей от катастроф.

Философия Пушкина – особого рода, далёкая от общих рассуждений и универсальных категорий. Она – мировоззрение его Отечества, вобравшее в себя глубину чувств и разума относительно России. Он страстно стремился воплотить то, что представало вначале в виде неясных чувств и мыслей. Как и других людей, Пушкина влекла неуловимая красота бытия; он уходил прочь от стабильности к мукам творчества, от желания выгоды к мыслям о России. Поэтому философию Пушкина можно отнести к типу художественной философии. Она – поразительно дифференцирована (идеи касательно политики, культуры и воспитания). Достаточно сослаться на его суждение о необходимости постепенных изменений в России; эта научная гипотеза стала истиной лишь к началу XXI века, получившего страшные уроки революционных потрясений и насильственных перемен. Весьма актуальна пушкинская трактовка научной проблемы народного воспитания.

С учётом всего пережитого нашей страной за последние два века, мы имеем возможность характеризовать Пушкина как создателя философского россиеведения. Ему принадлежит первенство в осмыслении российской целостности. Пушкин, в частности, думая о княгине Ольге, увидел её взгляд на будущую Русь как становление «целого». Пушкинское философствование стремилось понять весь мир и место Отечества в нём. Место это – срединное.

Известны слова Александра Блока: «Пушкин!.. Дай нам руку в непогоду, помоги в немой борьбе!». Это обращение прозвучало тогда, когда Россия переживала вторую антинациональную смуту (1917-1922 гг.). В народной памяти встала первая смута на рубеже XVI-XVII вв., отображённая в пушкинской трагедии «Борис Годунов». Явно вопреки предупреждениям Пушкина Россия пыталась решить свои проблемы посредством революции. В 90-е годы XX в. – новое историческое распутье. Россия загромождена нерешёнными проблемами, ни к чему существенному внутренне не готовая.

В сознании и в обиходе россиян продолжает жить Пушкин. С ним мы сравниваем свои чувства, мысли и действия, ибо он гениально угадал начала и судьбы нашего Отечества. Одна пушкинская строка как нельзя лучше подходит к современности. Вот эти горькие слова: «Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, к справедливости и правде, это циничное презрение к мысли и к человеческому достоинству действительно приводят в отчаяние».

С именем Пушкина русские мыслители связывали особую спасительную традицию. И.А. Ильин скажет так: «Что пребывает в ней, то ко благу России, что не вмещается в ней, то соблазн и опасность». Суть этого спасения в том, что в духовно-жизненном пути Пушкина просматривается духовный путь России. Знаменательны его рождение в День

Вознесения Господня и венчание в храме «Большое Вознесение». То, что вело Пушкина в жизни, была его слитность с Высшим началом, с Россией – её историей, народной стихией и драмой власти. В зрелом возрасте, по его словам, «сердце заговорило с умом словами небесного откровения»...

В Пушкине признали пророка его современники – Е.А. Баратынский, Н.В. Гоголь, А. Мицкевич, который назвал пушкинское стихотворение «Пророк» автобиографическим произведением. В 1880 г. Ф.М. Достоевский разъяснит России и миру Пушкина как явление потрясающего религиозного смысла и национального предназначения.

Пушкин – пророческое явление. Такая оценка, конечно же, удивила общественность, и она сказала: «Нет пророка в своём Отечестве». Вот был Маркс – это да. В России одержат верх ложные идеи и злой дух революции. Столь неблагоприятный исход для своих мыслей Пушкин предвидел: «...постигнутый неумолимым роком /В своём отечестве престал ты быть пророком». В революционной России действительно возобладали антипушкинские идеология. Гениальный поэт ещё не признан в качестве пророка.

Воскрешение пушкинского духа, тождественного духу российскому, неизбежно. Пушкин даже уверен в этом: «Быть судиёю, наблюдателем и пророком веков и народов казалось мне высшею степенью, доступной для писателя». К этой высшей ступени ведут и ум, и сердце, и вера. «Ум, – пишет Пушкин, – не пророк, а угадчик». Разум способен видеть общий ход вещей и делать из него глубокие предположения. Пушкин создаёт философию сердца, принимает живую веру.

Однако что такое пророк? «Библейская энциклопедия» считает: к пророкам принадлежат, «во-первых, люди, предсказывающие будущее; во-вторых, лица, возвещающие людям слово назидания, увещания и утешения, по особому внушению Св. Духа». К Пушкину это имеет прямое отношение. Недаром в его «Пророке» исповедь ведётся от первого лица: речь идёт об опыте внезапного преображения, о его признаках. Хотя пушкинское признание совершенно лично, но оно обладает универсальностью.

Нам, россиянам, особенно близко то, что Пушкин сам пережил, и то, что преображения свершаются во все века и, видимо, со многими людьми. Нас воодушевляет пушкинская целостность и гармония, которая особенно актуальна в свете наступившей новой эпохи. Человечество пытается выработать такую модель своего бытия, которая предполагала бы целостность и гармонизацию разнонаправленных императивов мирового развития. Россия же ищет свою середину.

Дремавшие идеи Пушкина, подобно дремлющим генам, пробуждаются, когда их среда, то есть ноосфера (мировая информационная система), становится благоприятной для их прорастания и роста. В теперешней России пробудился и развивается «ген» веры, надежды на преображение. Он присутствует во всём его творчестве, которое представляет собой *золотую середину России*.

Будучи по своей сути медианной, *пушкинская философия является противоядием страданиям, тревогам и страху*. Вот стихотворение «Анчар». Оно имеет глубокий смысл. Размышляя о нём, позволим себе ввести в интеллектуальный оборот два понятия: «социальный яд» и «социальное противоядие». Б. Расселом было высказано мнение о том, что философия, расширяя мышление, создаёт «противоядие тревогам и страданиям нашего времени и делает возможным то приближение к спокойствию, на которое способен чуткий разум в нашем измученном и неуверенном мире». Трудно сказать, особенно нам, россиянам, что мы приблизились к спокойствию. Напротив, наша страна вступила в войну с международным терроризмом, она пока безуспешно борется с коррупцией.

Главная причина нарастания у нас жизненного трагизма в XX-м и в начале XXI-го века – это полное забвение власти имущими пушкинских предупреждений и советов. Правители то и дело склонялись не к добру, а ко злу; они предпочитали обман не во благо людей, а во зло. «Социальный яд» накапливается – и по этой причине, и по конкретным поводам возбуждения ненависти к внешним врагам. А внутренний враг сильнее внешнего.

Пушкин считал: «...Одна любовь даёт нам полное разумение». Ненависть, очевидно, умножает несправедливости и ведёт к унынию. Понятно, что любовь нельзя осуществлять как обязанность, но зато можно для её появления вызывать добрые чувства и дела. Пушкинская любовь сродни христианскому пониманию милосердия. С их помощью воз-

можно культивировать моральное поведение и созидательную деятельность. Пушкин искал золотую середину России и, видимо, догадался, что он сам есть и останется российским медиумом.

Импульсы против односторонности

Первый импульс морали: «С надеждой, верою не унывай». В пушкинские раздумья постоянно подключался вопрос: что даёт силы России выдерживать безмерные испытания? Поиск поэта, историка, мыслителя возвращает его к христианским и мусульманским традициям народа России. Вера, надежда и любовь есть триединая сила жизни, в них удивительно простое, доступное всем людям содержание. И надо же было «додуматься» создать в стране оковы, опугивающие веру, разум, свободу выражения чувств, инициативу и совесть людей. Уродовали нравственность казённая идеология, воинствующий атеизм и классовая ненависть. Ныне уродует мораль всевластие денег, осуществляемое бюрократией и плутократией.

Ответ на вопрос: «Что делать?» можно получить, попытавшись объяснить, что именно произошло с Россией. Пушкинские мысли подводят нас к картине проявления фундаментальных законов Духа – Страдания и Радости, Возмездия и Покаяния. Сам поэт глубоко переживает эти начала бытия.

Вслед за Пушкиным следует безусловно признать неумолимые факты действия указанных законов. И если только один факт – гибель десятков миллионов россиян – «взорвётся» в нашем сознании, только тогда мы получим веру и право на надежду. Пушкин напутствует россиян словами: «С надеждой, верою весёлой /Иди на всё, не унывай». Его вера не нуждается ни в иллюзиях (мы же по сей день предаемся им), ни в уходе в сторону от суровой действительности (многие же спешат укрыться от грозного вида жизни). Нас может поддержать мудрость и мужество Пушкина, с какими он принимал трагизм существования.

Тайна открыта в «Пире во время чумы»: «Всё, всё, что гибелью грозит, /Для сердца смертного таит /Неизъяснимы наслажденья – /Бессмертья, может быть, залог!» В этих словах – призыв к мужеству, к борьбе и надежде именно в той ситуации, когда в бессилии и отчаянии опускаются руки. А это оттого, что люди не разгадывают тайну жизни. Пушкин всем своим творчеством утверждает вечную надежду: стучащемуся – откроется и ищущий – найдёт.

Второй этический импульс: «Оживи дух любви и смирения». Поразительно разнообразен у Пушкина смысловой спектр слов «любовь» и «любить». Любовь к женщине, к семье неотделима у него от любви к родной земле, Отечеству. В этом – исходная точка, в которой сосредоточена суть человека. Воспевая любовь во всех ипостасях, русский гений указывает своему народу верный путь к духовности.

В образе «родного пепелища» видится периодически восстанавливаемая Россия; оно есть также, по В.И. Далю, наследование дома, жилище, родной очаг, земля. В толковании «родного пепелища» в контексте любви сохранён дух Св. Писания, где слово «дом» встречается чаще всего – 862 раза. Для сравнения – слово «небо» упоминается около 200 раз. Библейская мудрость домашнего устройства дивно близка россиянам.

Хранители любви к своим предкам суть живые образы Отечества. Достаточно напомнить об «оживлении» образов Александра Невского, Суворова, Кутузова в Великую Отечественную войну. Пушкин ставил своей задачей обновление и прояснение заветов Петра Великого в сознании россиян. Иначе – легко занять такую неумную позицию по отношению к Российской империи, какую заняли большевики и радикальные реформаторы. Нравственная философия Пушкина требовала отозваться о петровских указах, которые «...кажется, писаны кнутом».

В самой глубине пушкинских мыслей о философии любви скрыта тайна понимания им дилеммы: «Отечество или Свобода». Поэт мучительно решал вопрос: что лучше – Родина или свобода? Россию он не покинул, а благожелательное покровительство самого императора («буду твоим цензором») не означало ни обретения свободы творчества, ни охранения личной жизни. В какие-то тяжкие моменты Пушкин произносит слова о печальной участи «родиться в России с душой и талантом», но нельзя было порвать родство

своё со всем народонаселением. Его умиляет молитва: «И дух смирения, терпения, любви /И целомудрия – мне в сердце оживи».

Третий этический импульс: «Стезёю правды следуй». Этим изречением Пушкин угадал истину российской устойчивости. Без решения вопроса: «Что есть правда?» страна не способна устраиваться. И власть тогда прочна, когда она следует за правдой, признанной народом. Если пропадает национальное сознание по этому поводу, то государственное дело запутывается. Где истоки огромного зла, которое называют Смутным временем? В трагедии «Борис Годунов» освещён конфликт между правдой и неправдой. С одной стороны, царь Борис, несправедливая власть, а с другой – народ, не принимающий «царя-Ирода», носителя несправедливости. К мести и массовым убийствам призывает Самозванец. В народной массе просыпается страшное зло. Пушкин отверг целесообразность жестокого насилия как со стороны власти, так и со стороны черни. Последовало грозное предостережение: Россия не смирится с несправедливой властью. Хаос наступает после угасания в умах людей идеи крепкой власти и желания правды.

Ничто не было так ненавистно Пушкину, как обман. Лишь один пример. От первого свидания с Николаем I зависела вся дальнейшая судьба певца свободы. Он мужественно признался царю, что если бы он был в Петербурге, он не мог бы отречься от своих друзей и принял бы участие в восстании декабристов. Русские мыслители пояснят, что надлежит понимать под «правдой». Значение этого русского слова непереводаемо на другие языки в полной мере. Оно означает одновременно «истину», «моральное и естественное право» и «справедливость». Для Пушкина «правда» – это соответствие мысли и поступка действительности, это, прежде всего, порядок, основанный на праве, законе, справедливости.

Власть, обдуманная глубоко, сочетается с законом, но и закон может быть несостоятельным и вредным. Не будет страдания там, «Где крепко с Вольностью святой /Законов мощных сочетанье».

Когда гибнет дворянство, столь ценимое Пушкиным сословие? Когда оно предаётся привилегиям, забывая свой долг перед Отечеством. По этой же причине номенклатура ответственна за крушение коммунистического режима. В узле правды и неправды раздела собственности затаилась огромная беда для обновляемой России. Избавиться от смертельной опасности можно, если наш путь определяют пушкинские напутствия: «...чистой душою /Правду блюсти...»; «...презираю обман, /Стезёю правды бодро следуй...»

Четвёртый импульс: «Односторонность есть пагуба». Пагуба – страшное слово, означает гибель или то, что ведёт к гибели. После поражения декабристов Пушкин заметит: «Односторонность есть пагуба мысли». Качество пушкинского образа мыслей – вполне конкретно-реалистическое, не связанное какими-либо партийно-политическими догматами. Его гением угадана, пожалуй, великая разница между истинным свободолюбием и смертоносным радикализмом, между государственным консерватизмом и партийной реакционностью. Сегодня для нас очень актуален опыт Пушкина, *синтезирующий либерализм и консерватизм, западничество и почвенничество*. Да и всё человечество учится драматической гармонизации противоположных императивов – неолиберализма и традиционализма.

«Да, человек должен быть свободен», – утверждает Пушкин. И тут же добавляет: «в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом». Убедителен у него и консерватизм. Как принцип он есть «историческая почва», российская «почвенность». Конкретнее – это сознательное почитание родословной, Отечества, Родины, дома. Именно пенаты учат всех «науке первой: чтить самого себя». В таком толковании традиции духовной идентичности неотделимы от вольности, свободы, а новизна сочетается с сохранением национальной и христианской культуры.

Пушкин угадал грядущий раскол здоровой синтетической идеи России. Он усмотрел в нём смертельную опасность для Отечества. Оступившийся в 1917г. народ заплатил тяжелейшим историческим испытанием, которое продолжается в иной форме и в наши дни. Казалось бы, плюрализм и многопартийность – выстраданное дело. Однако партийные споры и ссоры обнаруживаются и в структурах власти. А всё «левое» и «правое», всё одностороннее в мыслях несёт в себе несостоятельность для государственности.

Удастся ли на этот раз России пережить смертоносные крайности? Пожалуй, да, если здравомыслящие интеллектуалы сумеют прояснить завет Пушкина: «односторонность есть пагуба мысли» в сознании публики.

Пятый импульс: «Быть человеком благоволения». Пушкин понимал: не всё измеряется в понятиях политики, права и закона. Существенный элемент жизни – нравственное сознание, улучшение нравов людей. Но «выше нравственности», считал он, «поэзия или по крайней мере совсем иное дело». Для пробуждения в народе «чувств добрых» Пушкин отстаивал триаду, которую можно сформулировать как истина, добро и красота.

Пушкинские персонажи спорят. Бертольд: «Золота мне не нужно, я ищу одной истины». Мартын: «По мне чёрт ли в истине, мне нужно золото». Поэт: «Я говорил пред хладною толпой /Языком Истины свободной, /Но для толпы ничтожной и глухой /Смешон глас сердца благородный».

Ничем так существенно не определяется достоинство человека, как добрым отношением к другим людям. Пушкин оставил нам формулу добра, призвал быть «человеком благоволения», незлобивым. Нет смысла искать каких-то воплощённых носителей зла. Злые помыслы гнездятся в сердцах людей, и нет ничего более сложного и более важного, чем исцеление человеческого сердца. Пушкин говорит нам: можно быть идеалистом и верить в правду и добро, но надо оставаться и реалистом, глядеть жизни прямо в глаза. Тогда откроются те элементы, которые примиряют невидимые идеалы с видимой действительностью – беспощадной и жестокой.

От этики шестой импульс: «Без денег и свободы нет». Весь драматизм «свободы творчества» ощущал на себе первый поэт России, каждодневно чувствуя беспощадную власть денег. Денежный гнёт вызывает в Пушкине скорбные мысли о зле этой власти. Знаковая фигура Германа из «Пиковой дамы» является предвестием нашего времени, когда добро заменяется злым расчётом, игровой риск уступает место повальному мошенничеству, а волевое начало – надежде на чудо.

Всё же творческими, позитивными импульсами можно ослаблять желания и импульсы, связанные со стремлением к обладанию богатством. Поэтому «всё должно творить в этой России». Именно творческая личность есть гуманизм в высоком пушкинском понимании. Не человек, как страдающий индивид, который нуждается в спасении религией или коммунизмом, не человек, преследующий только свои интересы, каким его видит буржуазное общество, а человек, создающий материальные и духовные блага. Но они имеют и денежный эквивалент. Многозначимы слова «книгопродавца», с которыми Пушкин солидарен: «Внемлите истине полезной: /Наш век – торгаш; в сей век железный /Без денег и свободы нет».

Невероятную ценность приобрели в наши дни рукописи Пушкина: 13 их листочков на аукционе в Лондоне стоили 1 млн. долларов. В Пушкинском доме хранится таких листочков 12,5 тысяч. Но даже эквивалентная стоимость солидного банка ниже духовного сокровища Пушкина.

От этики идёт седьмой импульс: «Любите самого себя». Пушкину была особенно дорога идея о достоинстве человеческой личности. Но он далёк от какой-либо идеализации природы человеческой. Им поддержана мысль Н. Макиавелли о том, что «Человек по природе своей склонен более к осуждению, чем к похвале». С горечью он также отмечал: «Давно девиз всякого русского есть чем хуже, тем лучше»; «Мы в сношениях с иностранцами не имеем ни гордости, ни стыда» (из писем П.А. Вяземскому.)

Все мрачные стороны человеческого бытия приковывали внимание Пушкина. Но вглядываясь в ужасы действительности, он видел: побеждает часто не грубая эгоистическая сила, не бессердечие и жестокость, а глубокая и скрытая вера в человеческое достоинство вообще и в достоинство каждого человека. Примечательно также пушкинское отношение к знаменитому Вольтеру: во всё течение долгой своей жизни он никогда не умел сохранить своего собственного достоинства.

Пожалуй, не без иронии нам слышится призыв: «Любите самого себя, /Достопочтенный мой читатель! /Предмет достойный: ничего /Любезней, верно, нет его». Очевидно, без иронически-любовного отношения к себе обойтись нельзя. «Незави-

симось и самоуважение одни, – заметил Пушкин, – могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

Восьмой этический импульс: «Исполнить свой долг». У Пушкина надо учиться самому главному: исполнению долга. Перед Высшим разумом. Перед Отечеством. Перед предками. Перед семьёй, детьми. В своей жизни Пушкин достойно исполнил свой долг писателя, гражданина, патриота, отца семейства, друга, порядочного человека. В пушкинском творчестве мощно звучит тема «служения», «долга», «исполнения обязанностей».

Пимен: «Исполнен долг, завещанный от бога /Мне, грешному... Отец – Бог наказал меня за то, что слабо /Я выполнил отцовский долг».

Упоминал Пушкин и о долге писателя, и о службе («Но службы долг зовёт меня»), и о том, что «деньги надлежит выплатить», и, в конце концов, придётся заплатить последний долг природе (умереть).

В контексте служения и долга подключено чаемое Пушкиным соединение государства и вольности. «Певцом империи и свободы» назвал его философ Георгий Федотов. В парижском издании (1937г.) он писал: «Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой». Так и случилось: Советский Союз, будучи многонациональной империей, не одухотворился пушкинской свободой. Быть может, это удастся обновлённой России? Задача синтеза державы и свободы, поставленная нашим пророком, теперь ещё более актуальна, чем когда-либо.

Девятый импульс: «Улучшая нравы без потрясений». Особенности пушкинского пророческого гения – это предупреждения о грозящих опасностях. Ныне они на слуху: о «русском бунте», «не должно торопить времени», надо избегать «насильственных потрясений политических, страшных для человечества». Неразрешённым остаётся вопрос из «Медного всадника»: «Куда ты скачешь, гордый конь, /И где опустишь ты копыта?» В программе размышлений «О дворянстве» сделана запись: «Устойчивость – первое условие общественного блага. Как согласовать её с бесконечным совершенствованием?». С огромным напряжением шло это согласование в XIX в. А в XX в. революционная Россия отбросила указания пушкинского разума. Он говорит: «Всё внезапное вредно. Глаз, привыкший к темноте, надо постепенно приучать к свету. Природного раба надо постепенно обучать разумному пользованию свободой».

Российские властители не принимали пушкинскую мысль: творить добро людям, которыми правишь, а не изменять насильственно образ жизни огромной страны. Именно от поспешности и насильственных потрясений Пушкин нас предостерегал. Необходима забота о мирной непрерывности культурного и политического развития. Во-вторых, нужно знание меры всему: распространение просвещения, выработка в себе чувства меры. В-третьих, нужна личная независимость, свобода и нестеснённость духовной жизни и творчества.

Нам надо по Пушкину учиться видеть Россию, постигать её сущность и её судьбы. Как никогда современны его суждения: «Дух века требует важных перемен». «Без законной власти, блюдушей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития». «В такой стране, как Россия, ...массы требуют мощного направляющего воздействия, – в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей...»

Десятый импульс идёт от народного воспитания. Ему посвящена Записка, адресованная императору Николаю I. Над ней поэт много работал, о чём говорят отдельные наброски и черновые тексты. Если бы не дата написания (1826г.), то можно было подумать, что многие строки написаны сегодня. Вот, например, начало Записки: «Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлёк многих молодых людей в преступные заблуждения». Актуально звучит также мысль о том, что «влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества». Достаточно напомнить о реализации в 90-е годы XX в. учения Чикагской школы экономистов. Более показательного примера идеологизма трудно найти.

Как во времена Пушкина, так и в XXI веке, существует необходимость «преобразовать воспитание юношества» в духе гражданственности, противодействуя влиянию «чужеземного идеологизма». Печально, что «политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением (но у нас ещё не

требуемые ни духом народа, ни общим мнением, ни самой силой вещей), вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий». Главное в воспитании Пушкин усматривает в получении понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Разве эти понятия не составляют золотое сечение морали? Ответ нам ясен. Эта ясность раскрывает перспективу восстановления вместо торгашеской социальной психологии нормального нравственного состояния.

Пушкин – российский выбор

«Нет, весь я не умру...» – написал Пушкин. Действительно, пушкинская «душа в заветной лире» пережила прах и избежала тленья. Жизненность его духа бесспорна. Ибо Пушкин любезен российскому народу, своей лирой он пробуждал «чувства добрые» и восславил Свободу в жестокий век крепостничества. Оно было отменено имп. Александром II лишь в 1861 году. Пушкинский факел Свободы продолжал светить. Он освещал творческий путь Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Чехова, поэтов Серебряного века. «Мой Пушкин» – признавались в этом Блок, Цветаева, Есенин, Ахматова.

Поэзия Пушкина была востребована российским Модерном, который начался чуть позже западного и до сих пор, наверно, длится. Она столь современна, что россияне ощущают её живое присутствие; Пушкин будто всегда рядом. Настолько совершенно и актуально его слово, что кажется, будто стихотворения рождаются сейчас и здесь же. В этом тайна и пушкинской поэзии, и теоретического осмысления.

Столетний юбилей памяти Пушкина, который чествовала в 1937 г. первая русская эмиграция, преодолевал её отчуждённость от Родины. Через поэта-пророка эмигранты обретали единство, смысл своего вынужденного существования и недостающую волю к жизни. «Дни русской культуры» в 1937г. свидетельствовали о витальности подлинной России, которая жила в составе СССР.

Нет загадки в том, что Пушкин удивительно русский поэт, в нём заключена полнота русскости.

Общепризнан Пушкин и как всероссийский поэт. Слух о нём действительно проходит «по всей Руси великой», и все российские этносы почитают его творчество.

Бесспорно и всемирно-историческое значение пушкинского творчества, оно есть вселенское явление.

Из пушкинских творений человечество черпает духовную энергию, представление о России, русских и россиянах. Пушкин всегда со своей Родиной – Землёй обетованной. Его корни не только во Всея Руси, но и в Африке, и в Германии.

Нет тайны в том, что Пушкин воплотил в себе две российские парадигмы – интеллектуальной деятельности и нравственного подвига. Эти парадигмы, по определению В.О. Ключевского, суть движители России. Пушкин отвечает также на вопрос о декабристской традиции в русской культуре, – традиции, в которой по мысли Ю.М. Лотмана, есть и «человеческий» аспект – традиция определённого типа социальной психологии. В Пушкине проявлена также непосредственно человеческая преемственность, гуманистическое преемство. Мысли и чувства гения были постоянно привлечены ко всем людям, которые были для него близкими и родными. Пушкин дышал свободой и желал того, чтобы все люди, подобно Рылееву, переместили свободу из области мечты и идей в практическое «дыхание».

В этой практической сути свободы заключена тайна общественной гражданственности в России. До сего дня она находится под прессом государственного режима и российская гражданская нация никак не может встать на ноги. Этого не желает господствующий класс бюрократии. Поэтому российский Модерн как эпоха освобождения всех россиян всё ещё продолжается. Пушкинская свобода продолжает жечь «глаголом сердца людей», будто спрашивая: «Когда же вы, граждане-россияне, осмелитесь быть суверенными перед властью чиновничества?»

Таинственность российского бытия приоткрыл Пушкин. Он признал коварство в формуле «Понимание России». В этих двух словах выражен бесконечный процесс, требующий для понимания множества объяснений и практических актов. Понимать – это путь в бескрайнем пространстве. Догадываясь о том, что человеку не дано исчерпывающе

понять Россию, её прошлое и настоящее, Пушкин стремился осознать свою неотделимость от судьбы своего Отечества. Он сливался с его жизненным трагизмом и последовал державинскому кредо: «Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю».

Я должен признаться в том, что для меня пушкинские повеления превыше всего. И плыть нам, россиянам, надо к Святой Троице, которой служил Пушкин. Троицей определено «высокое предназначение России» (А.С. Пушкин. ПСС. Т. 11. С. 268).

Editorial note

The volume starts the new column of the journal "Chapters of books" with the fragment of the monograph of the well-known Russian philosopher P.I. Simush, the author of books on reconstruction of the philosophical content of works by S.A. Esenin, L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov. Simush presents the integral version of the issue in his new work "Voices of Trinity sounding in classics" which reflects the worldview of the author, his political positions and philosophical ontological ideas under the definite discussion. The author claims that Russia is united with the West by the traditions of revolution and progress. The history turned it out to bind tightly the fortunes of Europeans, Americans and Russians - people of different lifestyles and worldviews. It could probably be the Providence. It tries peoples with wars and revolutions, and Russians withstood these tests. P.I. Simush backgrounds on his own integral and international understanding of the Russian national idea which is regarded as a trinity cultural synthesis of the Russian being, an ontological unity of spirituality, statism and civism. The history reflected in the personal fortune is often isomorphic to the history of nation and the humankind. This concept was clearly perceived by the Russian classic writers, genius pulled into one constellation, according to Pushkin. Reconstruction of philosophical depths of the works of Russian classic writers lets the author consider the mystical relation between the essence of the Russian historical life and ontological God Trinity - Father, Son and Holy Spirit. At the edge of centuries the Russians are facing the eternal Theofany. Is it possible to realize, understand and accept it? We count on the reader who would be both ponderate and critically interpretative.

TRINITY VOICES SOUNDING IN THE CLASSICS (CH.1-2)

P.I. SIMUSH

*Institute of philosophy,
Russian Academy of Science*

e-mail:

Ved2_Philosophy@bsu.edu.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ ШЕВЧУКА В.М. «ТАКТИЧНІ ОПЕРАЦІЇ У КРИМІНАЛІСТИЦІ: ТЕОРЕТИЧНІ ЗАСАДИ ФОРМУВАННЯ ТА ПРАКТИКА РЕАЛІЗАЦІЇ» ХАРКІВ, ВИД. АГЕНЦІЯ "АПОСТІЛЬ", 2013. – 440 С.

**Е.Е. ТОНКОВ
И.М. КОМАРОВ**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Современный этап развития криминалистики характеризуется активным и целенаправленным поиском перспективных направлений оптимизации досудебного расследования и судебного производства, возможностей повышения эффективности и рационализации следственной и судебной практики. В этой связи одной из наиболее важных тенденций развития теории криминалистики и практики уголовного судопроизводства является комплексное использование следственных действий, оперативно-розыскных, организационно-технических и иных мероприятий, направленных на решение тактических задач.

Данное направление обуславливает необходимость разработки и применения тактических операций как эффективных средств решения тактических задач уголовного судопроизводства применительно к определенному виду преступления, этапности их расследования и судебного рассмотрения, следственной (судебной) ситуации и иных факторов, детерминирующих специфику формирования и реализации этих тактических средств в следственной и судебной деятельности.

Все это свидетельствует о важности и своевременности теоретического обоснования и широкого внедрения тактических операций в практическую деятельность по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел.

В этой связи огромное теоретическое и прикладное значения имеет монография кандидата юридических наук, доцента Виктора Михайловича Шевчука «Тактичні операції у криміналістиці: теоретичні засади формування та практика реалізації»¹.

Ее актуальность состоит прежде всего в том, что результатом предполагается формирование современной научной концепции тактических операций.

¹Див.: Шевчук В. М. Тактичні операції у криміналістиці: теоретичні засади формування та практика реалізації: монографія / В. М. Шевчук. – Х.: Вид. агенція "Апостіль", 2013. – 440 с.

Монография отличается достаточной новизной рассматриваемой проблематики. Впервые в криминалистике предложено рассматривать тактические операции как в процессе досудебного производства, так и в судебном разбирательстве. Рецензируемая работа характеризуется широким использованием результатов эмпирических исследований, а также примеров судебно-следственной практики.

Структура монографии состоит из 4 разделов и 17 подразделов. Такая архитектура определена целью и задачами исследования и позволила в логической последовательности изложить рассматриваемую проблематику.

Заслуживает внимания исследование автором в первом разделе научных предпосылок формирования тактических операций, в частности, рассматриваются такие вопросы как генезис и современное состояние научных представлений о тактических операциях, системно-структурный и технологический подходы к построению тактических операций, тактические операции в системе криминалистической тактики. Обосновывается, что исследование генезиса тактических операций целесообразно осуществлять относительно двух взаимосвязанных аспектов – теоретического и практического. В первом случае тактические операции рассматриваются как научная категория криминалистики, во втором как средство практической деятельности следственных и судебных органов по оптимизации процесса досудебного производства и судебного разбирательства.

Во втором разделе рассматриваются тактические операции как объект криминалистического исследования. В частности, освещаются такие вопросы как понятия и признаки тактических операций, их функции, виды и основания их классификации, структура тактических операций, место тактических операций в системе криминалистики и процессе досудебного производства и судебного разбирательства.

Положительным в работе является то, что в третьем разделе исследуются проблемы формирования тактических операций, в частности, принципы формирования тактических операций, факторы-детерминанты построения тактических операций, обусловленность тактических операций видом преступления, этапностью уголовного производства, следственной (судебной) ситуацией и тактическими задачами. Эти вопросы напрямую влияют на разработку этих тактических средств и их реализацию в практической деятельности следственных органов. Построение системы типовых тактических операций в теории криминалистики должно происходить применительно к определенному виду преступления, этапу их расследования, следственной ситуации и вытекающих из нее тактических задач. При этом следует учитывать, что каждый из указанных факторов имеет свою степень влияния на процедуру построения этих операций. Так, фактором, непосредственно определяющим характер и специфику тактической операции, выступает тактическая задача, на решение которой направлена эта операция, тогда как базовым, отправным можно считать вид преступления. Неоднозначность детерминации обуславливает потребность детального исследования рассмотрения каждого из названных факторов с учетом специфики его влияния на построение такой операции.

В четвертом разделе освещаются проблемы реализации тактических операций. Предлагается рассматривать тактические операции как средство формализации процесса расследования и судебного рассмотрения. Исследуются вопросы организации и планирования тактических операций, проблемы применения типовых тактических операций в расследовании отдельных видов преступлений и судебном производстве. Обосновывается, что планирование тактических операций основывается на психологических механизмах умственной (мыслительной) деятельности человека, предусматривает выделение отдельных ее этапов, отражающих хронологическое развитие осуществления этого мыслительного процесса. По мнению автора, методологические основы планирования тактических операций должны учитывать также возможности рефлексивного мышления и управления. Представляют научный и практический интерес предложения по созданию модуля «тактические операции» в структуре автоматизированного рабочего места следователя.

Анализ содержания монографии свидетельствует о том, что рецензируемое исследование содержит теоретические и практические рекомендации, которые могут быть использованы в практической деятельности следователей, прокуроров, сотрудников оперативных подразделений при расследовании отдельных видов преступлений, судьями в процессе судебного рассмотрения уголовных дел. Сформулированные в ней положения

могут быть рекомендованы для использования в учебном процессе юридических вузов. Монография представляет собой новый шаг в развитии теоретических основ формирования тактических операций в криминалистике и оптимизации практики их реализации в уголовном производстве.

REVIEW ON THE BOOK OF V.M. SHEVCHUK «TACTICAL OPERATIONS IN CRIMINALISTICS: THEORETICAL BASIS AND PRACTICE OF ENACTEMENT» KHARKIV, "Apostil", 2013. – 440 p.

**E.E. TONKOV
I.M. KOMAROV**

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Амрахов Н.И.** – кандидат юридических наук, проректор по научной работе и инновационным технологиям Воронежского института экономики и права
- Ан С.А.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии Алтайской государственной педагогической академии
- Артюх А.В.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бабинцев В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Борисов С.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Борисова О.С.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Жалдак Н.Н.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Калинина Г.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Комаров И.М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Коцюмбас С.М.** – судья Белгородского областного суда
- Кутومانов С.А.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Майданский А.Д.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Манохин Д. К.** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Миронюк И.В.** – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Набережная М.А.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Носков В.А.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Осыка Я.М.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Павлова О.В.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета

-
- Пасечник В.В.** – аспирант Алтайской государственной педагогической академии
- Пожарова Л.А.** – аспирантка кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Саливон Г.И.** – аспирант кафедры государственного строительства Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»
- Серкина Я.И.** – аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Симуш П.И.** – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- Тарасов А.Г.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тарасов П.Г.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тарасова А.А.** – старший преподаватель кафедры философии Курского государственного университета
- Токтолатов О.К.** – аспирант кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Цуканова О.А.** – преподаватель Воронежского государственного университета
- Цурлуй О.Ю.** – ассистент кафедры уголовного права и процесса Белгородского университета кооперации, экономики и права

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Vabintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи. 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков). 3. Ключевые слова. 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы). 5. Библиографический список. 6. Ссылки. 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов). 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны). 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц) 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц). 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).	<table border="0"> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском и английском языках</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 3em;">}</td> <td style="vertical-align: middle;">на русском языке</td> </tr> </table>	}	на русском и английском языках	}	на русском языке
}	на русском и английском языках				
}	на русском языке				

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах

УДК 130.2

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ**

А. В. ИВАНОВ¹
Л. Н. ПЕТРОВ²

¹ *Департамент
экономического развития
Белгородской области*

e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

² *Белгородский
государственный
университет*

e-mail: petrov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES**

A. V. IVANOV¹
L. N. PETROV²

¹ *Department of economic
development of the Belgorod area*
e-mail: ivanov@bsu.edu.ru

² *Belgorod state university*
e-mail: petrov@bsu.edu.ru

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А.В.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

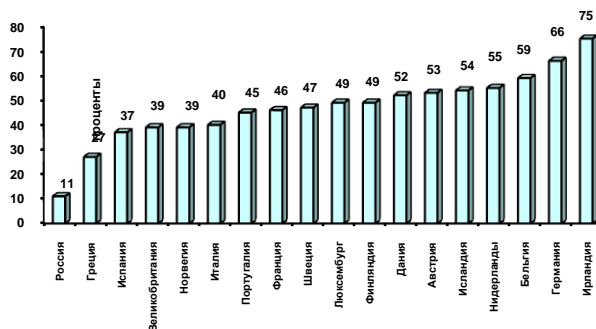

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

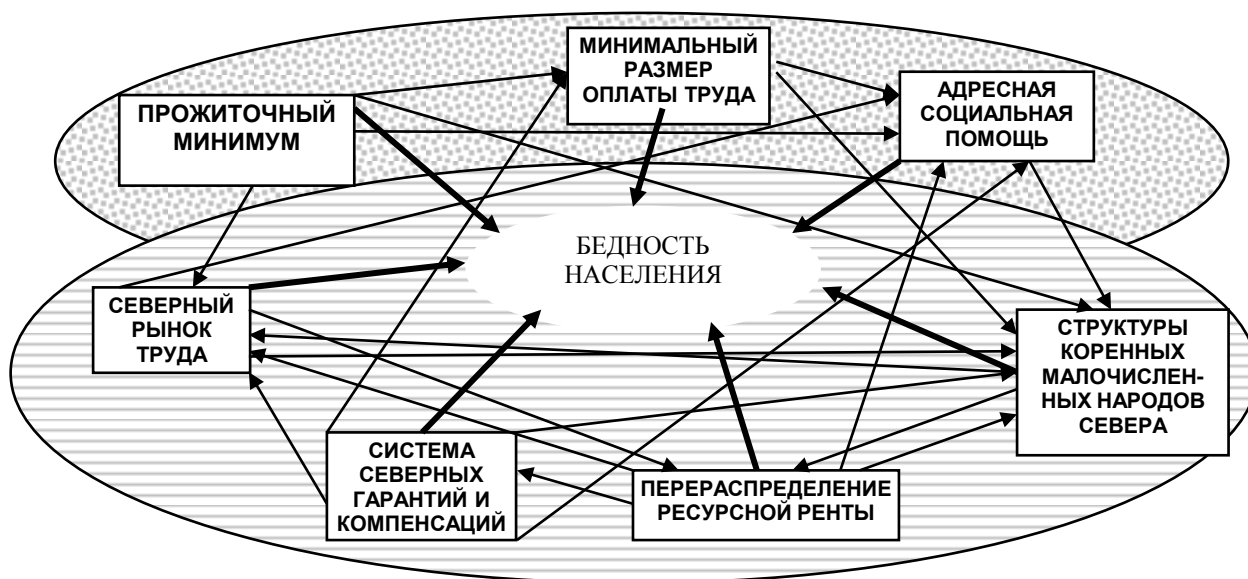

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.